

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2015

№ 6 (38)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.

Журнал входит в "Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук", Высшей аттестационной комиссии

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) – зам.
главного редактора
Ю.М. Ершов (Томск, Россия) – зам.
главного редактора
Д.А. Катунин (Томск, Россия) – отв.
секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)

*Editorial Board of the
Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Editor-
in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) – Deputy Edi-
tor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Tomsk, Russia) – Deputy
Editor-in-Chief
D.A. Katunin (Tomsk, Russia) – Executive
Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) – Deputy
Executive Editor
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)

М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)
А.С. Янушкевич (Томск, Россия)

*Editorial Council of the
Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, United States)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Sheffield, United King-
dom)
M.N. Lipovetsky (Boulder, United States)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, United States)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)
A.S. Yanushkevch (Tomsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Дронов П.С., Полян А.Л. Пространственная концептуализация ментального и эмоционального воздействия: модель экспериенцер как поверхность во фразеологии	5
Казарина В.И. К вопросу о проблематической модальности достоверности в русском языке (на материале романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»)	19
Колмогорова А.В. Прототипическая языковая картина мира и семантика слова «по умолчанию»: опыт экспериментального исследования	29
Колышкина Т.Б., Шустина И.В. Восприятие концепта «красота» различными группами участников рекламной коммуникации	43
Молодыхенко Е.Н. Аксиология дискурса консюмеризма: о роли языковой оценки в жанре лайфстайл	55
Пушкарева И.А. Ценностное осмысление темы «Достоевский в Кузнецке» в городской газете «Кузнецкий рабочий» конца XX в.: семантико-стилистический анализ	67
Солнышкина С.И., Кисельников А.С. Сложность текста: этапы изучения в отечественном прикладном языкознании	86
Уткина Т.И., Костарева Е.В. Функционирование дискурсивных маркеров в академическом письме на английском языке студентов-экономистов	100

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р. Бернса русской литературой второй половины 1850–1870-х гг.	116
Пичугина В.С., Поплавская И.А. Творчество Д.Р. Киплинга в рецепции русских писателей и критиков первой половины XX в.	136
Прохорова Т.Г., Фаттахова Р.Р. Экфрастичность как способ выявления мировидения героя-художника в романе Дины Рубиной «Белая голубка Кордовы»	147

ЖУРНАЛИСТИКА

Кунильский Д.А. Диалог «положительного» и «отрицательного» направлений в русской журналистике 1860-х гг.	159
Макарова Е.А. Литературные альманахи Сибири накануне революционных потрясений (1914–1917)	169
Мезенцева А.В. Провокационный дискурс как альтернатива социальному диалогу в формировании общественного согласия	183

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Жирков Г.В. Новое пособие по региональной журналистике. Рецензия на книгу: Жиликова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В. Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания: в 2 т. Т. 1: учеб. пособие, 2015	198
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	201

CONTENTS

LINGUISTICS

Dronov P.S., Polyan A.L. Spatial conceptualization of mental and emotional impact: experiencer as a surface model in phraseology	5
Kazarina V.I. On the problematic modality of evidentiality in the Russian language (on the material of I.A. Bunin's novel <i>The Life of Arseniev</i>)	19
Kolmogorova A.V. Prototypical linguistic worldview and word semantics <i>tacito consensus</i> : experimental studies	29
Kolyshkina T.B., Shustina I.V. The perception of the concept "beauty" in different groups of advertising communication participants	43
Molodychenko E.N. Axiological dimension in the discourse of consumerism: the role of evaluative language in the lifestyle genre	55
Pushkareva I.A. Value conceptualization of the topic "Dostoevsky in Kuznetsk" in the city newspaper <i>Kuznetsky rabochy</i> of the late 20th century: semantic and stylistic analysis ..	67
Solnyshkina M.I., Kiselnikov A.S. Text complexity: study phases in Russian linguistics ...	86
Utkina T.I., Kostareva E.V. Discourse markers functioning (sphere of economics, students' written texts in English)	100

LITERATURE STUDIES

Zhatkin D.N. The development of the oeuvre of R. Burns in Russian literature of the second half of the 1850s – 1870s.	116
Pichugina V.S., Poplavskaya I.A. Works of J.R. Kipling in the reception of Russian writers and critics of the first half of the 20th century	136
Prokhorova T.G., Fattakhova R.R. Ekphrasis as a reflection of the world outlook of the hero-artist in the novel <i>The White Dove of Cordoba</i> by Dina Rubina	147

JOURNALISM

Kunil'skiy D.A. The dialogue of the "positive" and "negative" directions in Russian journalism in the 1860s	159
Makarova Ye.A. Siberian literary almanacs on the eve of the revolutionary upheavals (1914–1917)	169
Mezentseva A.V. Provocative discourse as an alternative to social dialogue in the formation of public consent	183

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Zhirkov G.V. Regional journalism textbook of a new type. Book Review: Zhilyakova, N.V., Shevtsov, V.V. & Evdokimova, E.V. (2015) <i>Periodicheskaja pechat' Tomskoj gubernii (1857-1916): stanovlenie zhurnalistiki i formirovanie regional'nogo samosoznaniya</i> [Periodicals of Tomsk Province (1857–1916): Development of Journalism and Formation of Regional Identity]. Vol. 1.	198
---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	201
--	-----

ЛИНГВИСТИКА

УДК: 81'373.72'374.822=111.
DOI: 10.17223/19986645/38/1

П.С. Дронов, А.Л. Полян

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МЕНТАЛЬНОГО И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: МОДЕЛЬ ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК ПОВЕРХНОСТЬ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ¹

В статье рассматривается модель ЭКСПЕРИЕНЦЕР/ИСПЫТЫВАЮЩИЙ ЭМОЦИИ КАК ПОВЕРХНОСТЬ во фразеологии русского и английского языков с параллелями в немецком, идиш, ирландском и иврите. Анализируются идиомы и отдельные коллокации; в их модификациях обнаруживается тенденция к изменению метафоры, лежащей в их основе: экспериенцер может быть переосмыслен как контейнер (ср. быть на нервах / в нервах).

Ключевые слова: фразеология, метафоры, идиомы, коллокации, модификации идиом.

Введение

В данной работе рассматривается модель ЭКСПЕРИЕНЦЕР/ ИСПЫТЫВАЮЩИЙ ЭМОЦИИ КАК ПОВЕРХНОСТЬ во фразеологии русского и английского языков с параллелями в немецком, идиш, ирландском и иврите. Анализируются идиомы (прежде всего, кинетические, а также фразеологические единицы с компонентами-соматизмами) и отдельные коллокации (в частности, характерная для ирландского языка модель *tá X ar Y [an domhain]*, букв. «есть X на Y» с интенсификатором «мира», ср.: *tá brón orm* «мне грустно» [«есть грусть на мне»], *bhí aiféala orthu* «они сожалели, им было совестно» [«было сожаление на них»], *tá uafás uirthi* «она боится» [«есть ужас на ней»]). Исследуемые нами концепты можно было бы отнести к ориентационным метафорам по Дж. Лакоффу и М. Джонсону [1. С. 35], таким как СОЗНАТЕЛЬНОЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ, БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ ОРИЕНТИРОВАНО ВНИЗ (CONSCIOUS IS UP, UNCONSCIOUS IS DOWN), ср. англ. *to fall in love* «влюбиться» («упасть в любовь»), *to sink into a coma* «погрузиться в кому», рус. *впасть/погрузиться в тоску/депрессию*, иврит *lishqoa' be-tuga/be-dikaon* (с тем же значением). Однако есть заметное отличие: в ориентационных метафорах Лакоффа и Джонсона экспериенцер не имеет постоянной принадлежности к верху или низу, но движется в этом направлении. В нашем же случае, наоборот, экспериенцер неподвижен, а эмоции движутся к нему. По этой причине мы, скорее, можем отнести их одновременно к онтологическим и структурным метафорам. См. также схемы образов (*image schemas*) в [2]; следует отметить, что М. Джонсон описывает метафору вместилища/контейнера², но лишь упоминает метафору поверхности.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-34-01215а2.

² О метафоре КОНТЕЙНЕР в семантике см. также [3–5].

Сразу следует оговорить, что не существует четкого определения термина *эмоция*, однако в «Философском энциклопедическом словаре» она определяется как ‘реакция человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, имеющая ярко выраженную субъективную окраску и охватывающая все виды чувствительности и переживаний’ [6]. Американский психолог К. Изард выделяет 10 основных эмоций: интерес, радость, удивление, страдание (горе), гнев, отвращение, презрение, стыд, страх, вину [7]. Кроме фразеологизмов, связанных с эмоциями, в данной работе рассматриваются фразеологизмы ментального воздействия, такие как *врезаться в память*.

Определенные закономерности функционирования идиом, связанных с эмоциями, вскрываются с помощью «Я-Ты-Он-грамматики» [8]: часть этих фразеологизмов может употребляться лишь по отношению к третьему лицу, часть – в первом, часть – во втором лице.. Ср.: «В “Я-грамматике” <...> ко-референтны говорящий и субъект высказывания, выраженный местоимением я в роли подлежащего или дополнением, выраженным косвенными формами этого личного местоимения, – *мне, меня* и т.п.: *Я – тупица/олух царя небесного; Я не боюсь ничего/Меня ничего не боится* и *Мне море по колено* и т.п. В “Ты-грамматике” <...> высказывание строится в режиме диалога, где субъект-адресат выражается местоимением *ты* или косвенным падежом этого местоимения: *Ты – бездельник* и *Ты бьешь баклуши; Ты живешь как у Христа за пазухой* и *Тебе живется как у Христа за пазухой* и т.д. В “Он-грамматике” речь идет о “третьем лице”, которое выражается в именительном или косвенных падежах местоимения *он*: *Он – лишний в этом деле* и *Он – пятое колесо в телеге; Он имеет обыкновение болтать лишнее* и *У него длинный язык* и т.д.» [9. С. 212]. «Эмотивным номинативом», т.е. инвариантом идиом, отражающих эмоции, в «Я-Ты-Он-грамматике» является форма третьего лица; о втором лице В.Н. Телия пишет: «В “Ты”-употреблении диалог идет “открытым забралом”, но говорить приятное – почему-то считается лезть, а неприятное – грубостью (и того и другого стараются избежать), поэтому усиленное образностью восприятие эмотивности идиом оборачивается либо тем, либо другим: ¹*Ты – кровь с молоком* (одобрение с оттенком лести); *Ты – пугало огородное* (уничтожение с оттенком бранного выражения)...» [Там же]. Здесь речь идет об эмотивах, идиомах с определенной коннотацией, эмоциональной и экспрессивной окраской. В тех случаях, когда эмоции испытываются (и могут и не быть выражены, высказаны, продемонстрированы), «Он-грамматика» может сближаться с «Я-грамматикой». Эмоции – это то, что испытываю «я», а там, где речь идет о «нем», «я» домысливаю за «него» (догадка, проекция чужих эмоций на себя). В повествовании от третьего лица «Он-грамматика» сливается с «Я-грамматикой»: автор знает об эмоциональном состоянии героя все, и прямая речь (*Не знаю, что на меня нашло*) может по своей сути не отличаться от авторского текста (*Он не знал, что на него нашло*). Этим объясняется и то, что отражение эмоций в метафоре (и, конечно, фразеологии) оказывается тесно связано с отражением их внешних проявлений.

Наименьшее количество метафор употребляется в «Ты-грамматике»: скажем, трудно представить себе выражение **тебе врезалось в память*, **ты*

испытываешь презрение. Адресат «Ты» малопроницаем для эмоциональной интроспекции (ср. ирландскую речевую формулу *mo sheacht mbeannacht ort* ‘ты молодец’, букв. «мои семь благословений на тебя»; хотя адресат здесь явно «Ты», по сути она относится к «Я-грамматике»: это «Я» посылаю «Тебе» семь благословений).

Во втором лице широко употребляются лишь выражения, связанные с последующей интеллектуализацией эмоционального или ментального воздействия: *позор на твою голову* (ср. *shame on you*), *на тебе лежит ответственность*.

Большинство подобных метафор употребляются в «Я- и Он-грамматике». Рассмотрим варианты концептуализации подобных метафор.

Модель ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК ПОВЕРХНОСТЬ и ее разновидности

В рамках модели ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК ПОВЕРХНОСТЬ можно выделить несколько «подмоделей» (или, если воспользоваться терминологией лексикографа, составляющего тезаурус, подтаксонов). Во-первых, это ЭМОЦИЯ КАК ДВИЖЕНИЕ ЧЕГО-Л. К ЭКСПЕРИЕНЦЕРУ.

Подобную метафору мы обнаруживаем в рус. *находить на кого-л.*: [*затмение...*] *находит/нашло на кого-л.* Некое эмоциональное состояние движется в направлении экспериенцера (1a–d)¹.

1. **а.** Прямо *какое-то вдохновение на него нашло*, открылась истина: «силовая» верхушка — гнилушка [Жанна Касьяненко. Перевертыши -- оборотни (2003) // «Советская Россия», 2003.08.15; НКРЯ]. **б.** В первый раз *это нашло на меня в Крыму* [Андрей Битов. Русский устный и русский письменный // «Звезда», 2003; НКРЯ]. **с.** Это потом после спарринга он будет смущенно пожимать плечами: «Не знаю, *что на меня нашло?*» [Дмитрий Медведев. Модели боя, или Ради чего мы хлопочем (2003) // «Боевое искусство планеты», 2003.12.08; НКРЯ]. **д.** Так и тела не нашли. Только туфли лаковые на мосту остались. Так это, может, и здешняя. *Что-то дурацкое, дурное нашло вдруг на Неймана*, и он ляпнул: Я страдала, страданула, С моста в речку сиганула [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978); НКРЯ].

Эта метафора встречается в различных языках и обнаруживается за пределами фразеологии: см. предложную валентность ирл. *tar* ‘приходить’ (*Cad é a tháinig orm?* ‘Что со мной?’, букв. «Что пришло на меня?», аналог рус. *Что на меня нашло?*), нем. *anwandeln* (*Was wandelt dich an?*), употребление нем. *umfassen*, англ. *encompass* ‘охватывать’ применительно к чувствам, иврит *nafal* (*Ma nafal ‘alekha?*, букв. «Что упало на тебя?») – о катастрофе, дреме, сонливости).

В русском языке конструкция *находить/наваливаться на кого-л.* сочетается со следующими субъектами: что, что-то (это), затмение, смирение, равнодушие, оцепенение, чувство, помрачение, раздумье, спокойствие, размышление, слабость, отчаяние, дурь, напасть, ностальгия, робость, тишь, покой, столбняк, прилив страсти, страх, ужас, сон.

¹ Здесь и далее примеры из корпусов текстов (Национальный корпус русского языка / НКРЯ [10]; Corpus of Contemporary American English / COCA [11]; Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache / DWDS [12]) сопровождаются соответствующими пометами.

В случае с *напасть на кого-л.* – страх, ужас, режé – испуг, тоска, грусть, лень, самоуверенность, решительность, беспокойство, смущение, любопытство, забытьё.

Вторая конструкция в данной подмодели – *позор на (чьё-л.) [седую...] голову*, англ. *shame on sb.* Русская речевая формула *позор на (чьё-л.) [седую...] голову* может быть истолкована как ‘выражение уверенности в том, что адресат должен испытывать стыд из-за своих действий или сложившихся обстоятельств (при этом говорящий и адресат могут совпадать)’. Именной компонент *позор* имеет значение ‘постыдное положение’, т.е. описывает позднюю стадию переживания эмоций – их осмысление (постыдное положение как ситуация, которая осмысливается как вызвавшая чувство стыда). Идиома может употребляться иронически (например, в первом и втором лице: «я призываю ситуацию, вызывающую стыд, на себя / на тебя»). Можно сказать, что «позор» – это «стыд» с точки зрения «Он-грамматики». На это в целом указывает и то, что в функционально эквивалентных идиомах других языков используется слово со значением ‘стыд’.

У данной идиомы возможны лексико-синтаксические модификации (прежде всего, ввод адъективного или генитивного употребления).

2. **a.** *Позор на мою никак не седую голову* [Александр Архангельский. 1962. Послание к Тимофею (2006); НКРЯ]. **b.** Несколько секунд я была счастливой мальчишкой, и никаким последующим позором на старую голову это нельзя было изменить [Галина Щербакова. Моление о Еве (2000); НКРЯ].

Помимо вполне стандартных случаев варьирования формы, таких как (2a, b), в состав идиомы может вводиться глагол. Глагольная группа в таких ситуациях чаще всего оказывается связана с падением или движением к какой-либо плоскости, а также нахождением на ней: *положить вечный позор на свою голову, (не) принимать позор на свою голову, жить с позором на голове*. Таким образом, возможна конверсия по образцу «движение к поверхности» – «нахождение на поверхности» (*позор на чью-л. голову* vs. *жить с позором на голове*). Ср. также (3).

3. **a.** Не горюй, товарищ, умереть как твой друг – это счастье. Это лучше, чем жить *с позором на голове* [В.К. Кетлинская. Мужество (1934–1938); НКРЯ]. **b.** Это значит положить вечный позор на свою голову! [А.Ф. Писемский. Люди сороковых годов (1869); НКРЯ]. **c.** Такого позора на свою голову мы не примем [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977); НКРЯ]. **d.** Они не напечатали, конечно, ни одной вещи того, кто нес собой Возрождение Русской Литературы. *Позор и стыд на их головы!*.. Время шло... [коллективный. Пощечина общественному вкусу [Листовка] (1913); НКРЯ].

При работе с английским материалом мы обнаруживаем близкие явления. В определенной степени аналогом является устойчивое словосочетание *shame on/upon sb.*, представляющее собой «призыв» чувства стыда в отношении экспериенцера (т.е. по направлению к нему). Ср. также *to feel shame over sth.* – испытывать стыд по поводу чего-л. (Стыд покрывает предмет, скрывая его).

4. **a.** Victor's face burnt with shame. It was difficult for a man of culture and dignity to deal with rabble. Personally, he *felt no shame over it*, but he had begun

to imagine how his sons might have felt had they witnessed the mockery of these orangutans. 'Лицо Виктора горело от стыда. Достойному и культурному человеку тяжело иметь дело с быдлом. Лично он не испытывал по этому поводу стыда, но ему представилось, что бы испытали его сыновья, если бы стали свидетелями насмешек этих орангутанов' [1998; FIC; LiteraryRev; COCA]. **b.** It was not that *she felt shame over it*; rather, she'd opened up that need that now, once again, would have to go unfulfilled. 'Нельзя сказать, что она этого стыдилась. Она, скорее, обнаружила потребность, и эта потребность сейчас опять не будет удовлетворена' [1996; FIC; GoodHousekeeping; COCA].

Кроме того, экспериенцер осмысляется как поверхность в конструкциях типа *X falls on/upon Y*, *X befalls Y* (ср. рус. *выпадать на [долю] кого-л.*; в данном случае эмоции, как правило, негативные, наподобие за редкими исключениями типа *sweet joy befall thee* 'пусть вам будет радостно').

В отношении данной модели можно сделать два вывода:

1) она используется для описания либо эмоций (страх и стыд), либо состояния, характеризующегося отсутствием эмоций;

2) эмоции, описываемые этой моделью, чаще оцениваются негативно.

Даже в тех случаях, когда описываемое состояние можно оценить положительно (*на него нашло вдохновение*), присутствует семантический компонент 'утеря контроля над собой', что может концептуализироваться как нежелательное состояние.

Интересно, что в английском языке на экспериенцера «падают» не только эмоции, но и нежелательные обстоятельства и события, а также слова как средство их выражения, ср.:

5. **a.** Loomis's words *fall on him like a death sentence*. 'Слова Лумиса падают на него, словно смертный приговор' [1995; FIC; Mov:Halloween6; COCA]. **b.** She felt a *heaviness descend upon her* as she bent over to pick up a blue sweat-shirt. 'Нагибаясь, чтобы поднять синюю трикотажную рубашку, она почувствовала, как на нее опускается тьма' [2005; FIC; GoodHousekeeping; COCA]. **c.** Do other families talk so much? Do they partake in so much self-examination? Was it only my Jewish family? My neurotic Jewish family? *Words descend upon us like a biblical deluge*. 'Неужели в других семьях говорят так же много? Неужели там так же много занимаются самоанализом? Или только в моей еврейской семье? В моей семье евреев-невротиков? Слова опускаются на нас, как библейский потоп' [2000; FIC; LiteraryRev; COCA]. **d.** You know, I grew up in a place where – I don't know how to describe it exactly. Faith wasn't something that you practiced. It was just there in the air, you know, so that if *some tragedy befell people*, everyone around you would be thinking about it in what now I would call religious terms in that they would think about it. 'Знаете, я вырос там, где... не знаю, как точно описать. У нас вера – это не то, что ты практикуешь. Она, понимаете ли, просто висела в воздухе, поэтому если с людьми случается (букв. «на людей падала») какая-нибудь трагедия, ты думаешь об этом с религиозной точки зрения, как я это теперь называю' [2001; SPOK; NPR_FreshAir; COCA].

Как известно, по-русски слова тоже могут осмысляться как нечто, способное упасть (рус. *ронять слова, ни проронить ни слова*). Вспомним также, что изменение нежелательного состояния в лучшую сторону воспринимается

как его снятие или поднятие с поверхности (ср. *снять проклятие*, *lift the curse*).

Вторая подмодель, не столь однозначная с точки зрения оценки описываемых эмоций, – ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ИЛИ МЕНТАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК ПРИКОСНОВЕНИЕ К ЭКСПЕРИЕНЦЕРУ-ПОВЕРХНОСТИ.

Рассмотрим английскую идиому *to get/work on sb's nerves* – как и в случае с рус. *действовать на нервы*, основной является метафора физического воздействия, хотя широкое значение глагола *get* позволяет предположить, что в образной составляющей представлена и модель ИСПЫТЫВАЮЩИЙ ЭМОЦИИ КАК ПОВЕРХНОСТЬ (воздействие, осмысляемое как движение в сторону некой поверхности).

6. **a.** His phony British accent *got on my nerves*. 'Его деланный британский выговор действовал мне на нервы' [1995; FIC; ParisRev; COCA]. **b.** The sickly background music is *working on my nerves* for real. It's that whiny instrument-a pheromone? Theremin? 'Эта стремная фоновая музыка реально действует мне на нервы. Как называется этот ноющий инструмент – феромон? Терменвокс?' [2004; FIC; Analog; COCA].

Помимо этой идиомы, в корпусах встречается *to grate/rasp on sb's nerves* (букв. «скрежетать по нервам, тереть по нервам теркой»), *to fray on sb's nerves* («перетирать, изнашивать нервы»).

Параллели обнаруживаются также в немецком языке, где аналогом можно считать *auf die Nerven gehen*, букв. «идти на нервы» (7):

7. **a.** Seine westdeutsche Arroganz *ist mir auf die Nerven gegangen*. 'Его западногерманская заносчивость действовала мне на нервы' [1994, Jentzsch, Kerstin, Seit die Götter ratlos sind, Berlin: Verl. Das Neue Berlin 1994, S. 249; DWDS]. **b.** Sie *war ihnen auf die Nerven gegangen*. Wie sie jetzt *ihm auf die Nerven ging*. 'Она действовала им на нервы, как она действует ему на нервы сейчас' [1980, Wellershoff, Dieter, Die Sirene, Köln: Kiepenheuer & Witsch 1980, S. 16; DWDS].

Еще один характерный образ – СТОЛКНОВЕНИЕ С ЭКСПЕРИЕНЦЕРОМ-ПОВЕРХНОСТЬЮ, ср.: *врезаться в память / запечатлеться в памяти / в душе*.

В Национальном корпусе русского языка представлены 445 контекстов употребления *врезаться в память*. Интересно, что в 69 контекстах встречается *врезаться в память*, являющееся, по-видимому, контаминацией *врезаться в память* и *запечатлеться в памяти*. Морфологическая модификация (изменение падежа и валентности) приводит к незначительному изменению образной составляющей: *врезаться в памяти* можно понять как оставление отпечатка на поверхности. В 39 контекстах обнаруживается не вполне стандартное *врезаться в душу*, а в пяти – явно нестандартное *врезаться в голову* (кому-л.).

8. **a.** Аргументация: "Многим *врезалась в память* неудача сборной Франции на чемпионате мира, но этот турнир длится только 4 недели, а год состоит из 52 [Дмитрий Навоша. Дьявольское везение. «МЮ» выигрывает в Ливерпуле и ждет в гости «Арсенал» (2002) // «Известия», 2002.12.02; НКРЯ]. **b.** Всё это навсегда *врезалось мне в память*, и никогда не забыть мне этой ужасной ночи, тёмной избушки с тихо набравшимся в неё народом и этого протяжного гула снаружи [В.Г. Короленко. Мороз (1900–1901); НКРЯ]. **c.** Но

я мало помню его, зато крепко *врезалось в мою память свидание с бабушкой Елизаветой Ивановной*, в тихом сумасшествии доживавшей свой век у старшего сына [П.И. Мельников-Печерский. Начало неоконченной автобиографии (1863); НКРЯ]¹. **d.** Возможно. Ранние впечатления *врезаются в душу*. Крепче их не бывает на свете [И. Грекова. Фазан (1984); НКРЯ]. **e.** Это четверостишие (в особенности две его последние строки) прямо-таки поразило меня красотой, удивительной певучестью и *врезалось в душу* [Константин Ваншенкин. Писательский клуб (1998); НКРЯ]. **f.** По отношению к каждому человеку, к судьбе всей земли человеческий грех, человеческая злоба, неправда, жестокость всегда *врезаются в плоть и в душу невинного* [Митрополит Антоний (Блум). Крестный путь Христов (1992); НКРЯ]. **g.** Эти два слова так сильно врезались в его душу, что несколько дней спустя, когда он говорил с самим собою, то не мог удержаться, чтоб не сказать: друг мой... [М.Ю. Лермонтов. Вадим (1833–1834); НКРЯ]. **h.** И сейчас, перечитывая все это, я вдруг понял их слепую веру и увлеченность марксистской философией и идеологией, которая *врезалась в их светлые головы и души*... [Владлен Давыдов. Театр моей мечты (2004); НКРЯ]. **i.** Ты извини, но как-то *врезалось в голову*, и совершенно нельзя отвязаться [Еремей Парнов. Александрийская гемма (1990); НКРЯ]. **j.** Да и сказать правду, я думаю, меня не скоро бы они добились только такими мелочами... хуже всего, этого были последние слова князя; они *врезались в голову, в сердце*; я не знаю, как вам сказать, антонов огонь сделался сконто них [А.И. Герцен. Сорока-воровка (1846); НКРЯ].

В модификациях *врезаться в голову/сердце* образ получает дальнейшее развитие: мысль сталкивается с поверхностью части тела, ответственной за мышление, эмоция – с поверхностью органа, которому в наивной картине мира приписывается контроль над эмоциями. Использование компонентосоматизмов в подобных идиомах распространено и в других языках, в частности в западногерманских: идиш *arayn in noz* ‘запоминаться’ (букв. «врезаться в нос»), *aynbakn zikh (emetsn) in hartsn* ‘привязаться к кому-л.’ (букв. «припечься к кому-л. в сердце»), нем. *sich ins Gedächtnis einprägen* ‘запомниться’ (букв. «запечься в памяти»).

К подмодели СТОЛКНОВЕНИЕ С ЭКСПЕРИЕНЦЕРОМ-ПОВЕРХНОСТЬЮ относятся и идиомы наподобие *бальзам на душу, бальзам на сердце*.

Бальзам на (чью-л.) [израненную] душу – сообщение или событие, снижающее чей-л. психологический дискомфорт в связи с чем-л. для него важным, *уподобляемое целительному средству, снижающему боль поврежденного воображаемого внутреннего органа субъекта, являющегося вместилищем чувств*. Иногда в форме *[про]лить бальзам на (чью-л.) душу* [10]. Ср. аналогичные словарные статьи для *бальзам на (чье-л.) сердце, бальзам на (чьи-л.) раны* (с операторами внутренней формы *уподобляется целительному средству, применяемому к внутреннему органу субъекта, являющемуся, согласно традиционным представлениям, вместилищем чувств и уподобляемому целительному средству, снижающему боль в поврежденном месте на поверхности тела*).

¹ Интересно, что у того же автора мы встречаем и инвариант: *имена Сюлли и Петра Великого врезались в мою память*.

Интересно, что данная идиома может подвергаться морфологическим модификациям, меняющим лежащую в ее основе метафору: вместо концепта ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК ПОВЕРХНОСТЬ мы получаем уподобление его ВМЕСТИЛИЩУ или КОНТЕЙНЕРУ.

9. **а.** Быть убеждену, что если один народ коснеет в варварстве, если другой отброшен в невежество, зато десять других идут вперед по пути просвещения и что масса благоденствия растет с каждым днем, *льет бальзам в рас-терзанную душу частного человека*, утешает гражданина, обиженного обществом [А.А. Бестужев-Марлинский. Письма (1830–1837); НКРЯ]. **б.** Оно *влило бальзам в мою душу*, даже неприятная беседа с Даукинсом не испортила моего настроения [И. Каподистрия. Письма (1829); НКРЯ].

Подобные модификации встречаются всего в пяти контекстах из девятнадцати, обнаруживаемых в Национальном корпусе русского языка. Все они относятся к XIX в.

То же самое обнаруживается в случае с идиомой *бальзам на сердце* (5 контекстов из тридцати одного).

10. **а.** *Какого рода бальзам проливал в твоё уязвленное сердце?* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Наша общественная жизнь (1863–1864); НКРЯ]. **б.** На днях я зашел в курятную лавку и в одну минуту самым простым способом всем тамошним «молодцам» *бальзам доверия в сердца пролил* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Письма к тетеньке (1881–1882); НКРЯ]. **с.** Мир, который проливает одна душа другой, – это тот клей, который стягивает раны раздражения, прикладывает согревающий компресс к синякам бушующих страстей и *льет бальзам в огорченное сердце собеседника* [Конкордия Антарова. Наука радости (2002) // «Семейный доктор», 2002.01.15; НКРЯ].

В приведенных примерах мы видим сразу несколько модификаций, как лексико-синтаксических (ввод адъективного или генитивного определения), так и морфологических (изменение числа у именного компонента). Очевидно, что в целом подобные примеры употребления являются нестандартными, однако важно обратить внимание на характер этой нестандартности. В модификациях идиомы *бальзам на сердце* эмоция и орган, ответственный за них в наивной языковой картине мира, концептуализируются как поверхность (реже, как было сказано выше, как контейнер), а эмоциональное воздействие как прикосновение (10).

11. Хождение в церковь утром, когда остальные спали, было *бальзамом по сердцу*, *маслом по морю*, *надеждою*, *плавником дельфиним*, *выталкиванием из воды* [Лариса Ванеева. Горькое врачество // «Октябрь», 2002; НКРЯ].

У идиомы *бальзам на раны* подобных модификаций (**бальзам в раны*) не обнаружено.

Выше в модификации (9) было обнаружено развитие образа *бальзам на сердце* в сторону метафоры тактильного (мануального) воздействия. Она обнаруживается в целом ряде идиом и композитов, таких как рус. *братъ за сердце*, *братъ за душу*, композиты типа рус. *душещипательный*, англ. *heart-throbbing*, *heart-rending* (ср. в «Аде» Набокова: *Madame Shchemyashchikh-Zvukov* ‘Heart rending-Sounds’). По сути, это частный случай ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК ПОВЕРХНОСТЬ. Следует различать тактильное воздействие на индивида (столкновение типа ирл. *bualadh* ‘столкновение; знакомство’, польск. *spotykać*

sie ‘сталкиваться, встречаться’, идиш *wos hot mit mir getrofn* ‘что со мной случилось’, букв. «что со мной встретилось/столкнулось»; ср. также этимологическую близость рус. *случиться, лучить* ‘соединить’ [*случить, разлучить* – ср. укр. *лучити* ‘соединять’, сербск. *лучити/ličiti* ‘отделять’] и *лукасть* ‘бросать’) и тактильное воздействие на его часть (отдельные органы – рус. *брать за сердце*, иврит *nogea le-lev*, букв. «прикасающийся к сердцу»). Возможно, метафора столкновения далее превращается в обобщенную метафору воздействия типа *get on sb's nerves*, *действовать на нервы* (с возможностью дальнейшего изменения образа в основе фразеологизма и появления модификаций типа *gnaw/bite at sb's nerves*, в которых место прикосновения занимают более интенсивные методы воздействия, такие как укус). Заметим, что здесь происходит в определенном смысле интериоризация, перемещение с поверхности в контейнер (с поверхности тела внутрь тела).

Интересна образная составляющая английской идиомы *to rub salt in sb's wounds* ‘постоянно напоминать кому-л. о его ошибках или прегрешениях’ (букв. «втирать соль в чьи-л. раны»). В отличие от рус. *сыпать соль на раны*, образ в основе идиомы нельзя отнести однозначно к метафоре поверхности или к метафоре контейнера; скорее, ее можно понимать и как то, и как другое. При этом в небольшом числе контекстов корпуса [11] происходит как очевидная экстериоризация – явное определение экспириенцера как поверхности (например, *The dismal Christmas season was like pouring salt on the wounds of the already beleaguered retail industry* ‘этот мрачный сезон рождественских каникул был подобен насыпанию соли на раны розничной торговли, которая и так окружена проблемами’ [1992; SPOK; ABC_Business; COCA]), так и контейнера (*pouring salt in one's wounds*). Ср. единственный случай интериоризации в модификации русской идиомы *сыпать соль на раны*:

12. – Стыдно, стыдно, господин подполковник! – вставила Елена Федоровна, *подсыпая соли в рану Муси* [М.А. Алданов. Пещера (1932); НКРЯ].

К модели ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК ПОВЕРХНОСТЬ примыкает ряд других. Как поверхность может осмысляться не только испытывающий эмоцию, но и сама эмоция (ср. *быть на кураже*) – и отнюдь не только эмоция. Рассмотрим близкие модели.

Стыда на ком-л. нет. Эта последняя фразеологическая единица допускает довольно широкое варьирование компонентов, ср. (13).

13. Нет, уж как им угодно, а *этакого стыда я на себе не допущу* [В.А. Соллогуб. Большой свет (1840); НКРЯ].

В контекстах XIX в. обнаруживаются явно нестандартные (по крайней мере, с точки зрения современного носителя языка) модификации типа *стыда у кого-л. на что-л. нет* (14a), *кидать стыд на человечество* с интенсификатором *величайший* (14b).

14. **a.** <...> военные-то барыни ведь так уж и рождаются, у них и *стыда на то нет*; а тебе, сударыня, такому нещечку, такой неженке, где ж вести жизнь солдатскую, в лагерях? [А.Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея. (1848); НКРЯ]. **b.** Этот гальванизм *кидает величайший стыд на человечество*; – оно приблизилось к кончине своей; пускай... но зачем прикрывать седины детскими гремушками? [М.Ю. Лермонтов. Вадим (1833–

1834); НКРЯ]. **с.** Мы отмстим врагам, и *стыд наш падет на них* [Н.М. Карамзин. История государства Российского. Том 3 (1808–1818); НКРЯ].

Вполне понятны и иные вариации образа: эмоция-груз может и упасть с экспериенцера-поверхности, ср.: рус. *гора с плеч [упала/свалилась...]* и ее аналоги, такие как идиш *a barg falt arop fun di pleitses* (букв. «гора с плеч»). Русская идиома протолковывается следующим образом:

Как гора с плеч свалилась у кого – почувствовать полное облегчение. *Имеется в виду*, что лицо или группа лиц (X) избавились от чего-л. тягостного, обременительного, от забот, тревог и т.п. *Говорится* с одобрением. реч. стандарт. ♦ У X-а *гора с плеч свалилась*. Именная часть неизм. глаг. обычно не употр. в наст. и буд. вр. В роли сказ. или самостоят. высказ. Порядок слов-компонентов нефиксир. [14].

Хотя в дефиниции указано, что порядок компонентов идиомы фиксирован, в корпусах текстов встречаются морфологические и синтаксические модификации с отступлением от него (15а). Они могут сопровождаться вводом адъективного определения или адverbиала (15с). Как можно видеть из приводимых примеров, подобные модификации скорее нестандартны: в (15b–d) происходит материализация и переосмысление метафоры, лежащей в основе идиомы. Фактически здесь происходит возврат к образу эмоции-поверхности, описанному выше.

15. **а.** Довольно быстро она разыграла свою козырную карту, принявшись жаловаться (*sic*) на нехватку денег, исподволь подводя его к тому, что, проживая с ней, он мог бы платить за квартиру и тем самым *снять гору у нее с плеч*, на что он заявил, что *никакой горы на плечах уже нет*, и заявил – сегодня я заберу все твои расчетные книжки, и выброси это из головы [Дмитрий Бакин. Стражник лжи // «Знамя», 1996; НКРЯ]. **б.** Оказывается, целый день Вера *таскала гору на плечах*, а даже и не заметила [Юрий Коваль. Недопесок (1975); НКРЯ]. **с.** Нелегкий выпал для нее денек: *не только камень тащила она в гору*, а еще и *другую гору держала на плечах* [Юрий Коваль. Недопесок (1975); НКРЯ]. **д.** Подскочил, руками замахал изо всей мочи и стал подыматься. Сперва трудно, *словно гора на плечах*. А потом все легче да легче, – взвился, едва головой о потолок не стукнулся [Д.С. Мережковский. Воскрешшие Боги. Леонардо да Винчи (1901); НКРЯ].

Наконец, моделью, близкой к изучаемой, можно считать представление о «невидимом органе», ответственном за когнитивную деятельность (см., например, [15]), как о поверхности. Хотя во многих языках подобный орган осмысливается, скорее, как контейнер (рус. *приходить в голову*, нем. *in den Sinn kommen/einfallen*, иврит *'ala la-rosh*, букв. «подняться в голову»), находятся и примеры УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ/НЕВИДИМОГО ОРГАНА КАК ПОВЕРХНОСТИ: рус. *приходить на ум*, сербск. *Пасти на главу, пасти на памет*, идиш, *afn kop uffaln* «упасть наверх на голову».

Выводы

Метафоры движения к поверхности и нахождения на ней представлены в идиомах и коллокациях, обозначающих эмоциональное состояние, ментальное и эмоциональное воздействие. Модель «эмоции как движения чего-л. к экспериенцеру» чаще используется для описания эмоционального состояния, оцениваемого негативно.

Модель ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК ПОВЕРХНОСТЬ может превращаться в ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК КОНТЕЙНЕР, если в основе идиомы нет каких-либо семантических компонентов, «фиксирующих» представление об объекте как о поверхности (ср. *гора на плечах* при невозможности **гора в ком-л.*). Кроме того, очевидно, что такие семантические переходы возможны в идиомах, именные компоненты которых могут рассматриваться как контейнер (*бальзам на душу/сердце* и *бальзам в душу/сердце* при традиционном представлении о видимых и невидимых внутренних органах как оместилище мыслительных процессов). В некоторых случаях на данных метафорах основаны фразеологические синонимы, такие как *прийти на ум* и *прийти в голову*. При этом варьирование разноязычных идиом, относительно близких по компонентному составу и актуальному значению, может претерпевать схожие изменения образной составляющей (ср. неоднозначность метафоры в основе англ. *to rub salt into one's wounds* и ее переход к более однозначным ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК ПОВЕРХНОСТЬ и ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК КОНТЕЙНЕР, а также единственный случай перехода образной составляющей рус. *сыпать соль на раны* из ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК ПОВЕРХНОСТЬ в ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК КОНТЕЙНЕР).

С одной стороны, подобный переход одной модели в другую не является лингвоспецифичным. С другой – в разных языках данные модели актуализируются (а также грамматикализуются) по-разному; так, в ирландском предлог *ar* ‘на’ используется для обозначения не только эмоционального состояния, но и внешнего физического воздействия (холод, боль и т.д.). Исследования, подобные данному¹, позволяют взглянуть на изучение «грамматики идиом»² под двойным углом зрения – от грамматики к фразеологии и от фразеологии к грамматике. Дальнейшие исследования помогут выявить как сходство, так и различия во фразеологизации и грамматикализации подобных структурных и онтологических метафор.

Литература

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004.
2. Johnson M. The Body in the Mind. Chicago: The University of Chicago Press, 1987.
3. Борщев В.Б., Парти Б.Х. Два стакана молока: субстанции и контейнеры в родительном падеже меры в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2.
4. Борщев В.Б., Парти Б.Х. Генитив меры в русском языке, типы и сорта // Слово и язык: сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. М., 2011.
5. Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: ЛЕНАНД, 2015.
6. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский и др. М., 2003.
7. Izard C. Human emotions. New York: Plenum, 1977.

¹ В частности, исследования метафоры гнева (в том числе гнева как контейнера) [16–20], а также небольшая работа об онтологических метафорах в употреблении предлогов при переводе с английского на сербохорватский (точнее, боснийский) язык [20].

² Термин, предложенный Ф. Хаусхоулером-младшим [22]. Первоначально грамматика идиом рассматривалась как изучение «лингвистических примитивов» (*linguistic primes*) – компонентов устойчивых сочетаний и сложных слов, образованных с помощью словосложения и аффиксации и требующих комментария в словаре (*di-* в *diverse* ‘разнообразный’, *fro* в *to and fro* ‘туда-сюда’). Примером исследования грамматики идиом можно считать структурно-типологический анализ фразеологии германских языков в [23].

8. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред., с вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974.
9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
10. Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>
11. Corpus of Contemporary American English // <http://corpus.byu.edu/coca/>
12. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache // <http://www.dwds.de>
13. Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. Академический словарь русской фразеологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Лексрус, 2015.
14. Брилева И.С., Гудков Д.Б., Зыкова И.В., Кабакова С.В., Ковшова М.Л., Красных В.В., Телия В.Н. Большой фразеологический словарь / отв. ред. В.Н. Телия. М., 2005.
15. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М., 2003.
16. Kövecses Z. Metaphors of Anger, Pride and Love: A Lexical Approach to the Structure of Concepts. (Pragmatics & Beyond, VII:8). Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 1986.
17. Kövecse Z. Emotion Concepts. New York: Springer-Verlag, 1990.
18. Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
19. Gibbs R.W., Jr. The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language, and Understanding. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
20. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.
21. Maslo A. Metaphor in preposition usage – on the translation of English prepositions // *Lingua Montenegrina*, god. IV/2, br. 8, Podgorica, 2011.
22. Householder F.W., Jr. On linguistic primes // *Word* 15, 1959.
23. Добровольский Д.О. Основы структурно-типологического анализа фразеологии современных германских языков (на материале немецкого, английского и нидерландского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990.

SPATIAL CONCEPTUALIZATION OF MENTAL AND EMOTIONAL IMPACT: EXPERIENCER AS A SURFACE MODEL IN PHRASEOLOGY

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 6 (38), 5–18.

DOI: 10.17223/19986645/38/1

Dronov Pavel S., Polyana Aleksandra L., Institute of Linguistics (Moscow, Russian Federation).

E-mail: nord.dronov@gmail.com / alexandra.polyan@gmail.com

Keywords: phraseology, metaphors, idiom modifications, contrastive study.

The paper deals with the experiencer [of emotions] as a surface model in Russian and English phraseology with parallels in German, Yiddish, Irish, and Hebrew. Surface metaphors (moving towards the surface and staying thereupon) are often found in idioms and restricted collocations denoting emotional state or mental and emotional impact. The focus falls on the idioms and collocations, including those following certain patterns, e.g. Irish *tá X ar Y* [*an domhain*], lit. “there is X on/upon Y [of the world]” with a magnifier (*LF Magn* in Igor Mel’chuk’s Meaning↔Text theory): *tá brón orm* ‘I am sad’ [“there is sadness on me”], *bhí aiféala orthu* ‘they were sorry’ [“there was regret on them”], *tá uafás uirthi* ‘she is scared’ [“there is dread on her”]. The concepts under consideration are not unlike orientational metaphors described by George Lakoff and Mark Johnson (e.g. conscious is up, unconscious is down: English *to fall in love*, *to sink into a coma*, Russian *vpast’/pogruzit’sya v tosku/depressiyu* ‘to fall/sink into yearning/depression’, Hebrew *lishqoa’ be-dikaon* ‘ditto’). However, in the idioms and phrases discussed in this paper, the experiencer does not move (unlike the one in Lakoff and Johnson’s examples) but is static, with emotions moving towards them. Hence, the experiencer [of emotions] as a surface model is more likely to be considered both an ontological and structural metaphor.

This model seems to be subdivided into several “submodels”, such as emotion is a thing moving towards the experiencer (Russian *X nashlo na kogo-l.* ‘X has come upon sb.’, English *X falls on/upon Y*, *X befalls Y*, *shame on/upon sb.*), emotional and mental impact touches the experiencer/surface (English *to get/work on sb.’s nerves*, German *jmdm. Auf die Nerven gehen*), emotional and mental impact collides with the experiencer/surface (e.g. Russian [*lit*] *bal’zam na dushu/serdtse* ‘words of consolation’ [“to pour

ointment onto the soul/heart”]). Emotion as a thing moving towards the experienter submodel is often used for describing mental and emotional states that are considered negative or harmful. Interestingly enough, in idiom modifications, the experienter as a surface model may transform into experienter as a container unless an idiom has no senses ascertaining that the object is a surface (such as Russian *gora na plechakh* ‘burden, cause of tribulations’ [“a mountain on one’s shoulders”], which does not allow for *gora v kom-l.* ‘a mountain in sb.’). Apparently, such semantic transformations are possible in an idiom whose noun phrase could be regarded as a container of sorts (e.g. *bal’zam na dushu/serdce* vs. *bal’zam v dushu*, where organs, visible and invisible alike, are traditionally seen as a container of cognitive processes). Sometimes these two metaphors become a basis for phraseological synonymy, such as that of Russian *priyti na um* ‘to occur to sb.’ [“to come onto one’s mind”] and *priyti v golovu* [“to come into one’s head”] (cf. English *to come into one’s mind*).

References

1. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metaphory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English. Moscow: URSS.
2. Johnson, M. (1987) *The Body in the Mind*. Chicago: The University of Chicago Press.
3. Borshchev, V.B. & Partee, B.H. (2012) *Dva stakana moloka*: Substances and Containers in Genitive of Measure Constructions in Russian. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii – Russian Language and Linguistic Theory*. 2. pp. 140–166. (In Russian).
4. Borshchev, V.B. & Partee, B.H. (2011) Genitiv mery v russkom yazyke, tipy i sorta [Genitive of measure in the Russian language]. In: Boguslavskiy, I.M. et al. (eds) *Slovo i yazyk. Sbornik statey k vos’midesyatiletiyu akademika Yu. D. Apresyana* [Word and language. Collection of articles on the eightieth anniversary of Academician Yu. Apresyan]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul’tur.
5. Zykova, I.V. (2015) *Kontseptosfera kul’tury i frazeologiya: Teoriya i metody lingvo-kul’turologicheskogo izucheniya* [The concept sphere of culture and phraseology: Theory and methods of linguistic and cultural study]. Moscow: LENAND.
6. Gubskiy, E.F. et al (eds) (2003) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar’* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Infra-M.
7. Izard, C. (1977) *Human emotions*. New York: Plenum.
8. Benveniste, E. (1974) *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Translated from French. Moscow: Progress.
9. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvo-kul’turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Yazyki russkoy kul’tury.
10. The Russian National Corpus. [Online]. Available from: <http://www.ruscorpora.ru>. (In Russian).
11. Corpus of Contemporary American English. [Online]. Available from: <http://corpus.byu.edu/coca/>.
12. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. [Online]. Available from: <http://www.dwds.de>.
13. Baranov, A.N. et al. (2015) *Akademicheskii slovar’ russkoy frazeologii* [Academic Dictionary of Russian phraseology]. 2nd ed. Moscow: Leksrus.
14. Brileva, I.S. et al. (2005) *Bol’shoi frazeologicheskii slovar’ russkogo yazyka* [Big phraseology dictionary of Russian]. Moscow: AST-Press Kniga.
15. Uryson, E.V. (2003) *Problemy issledovaniya yazykovoy kartiny mira. Analogiya v semantike* [Problems of research of a language picture of the world. Analogy in semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.
16. Kövecses, Z. (1986) *Metaphors of Anger, Pride and Love: A Lexical Approach to the Structure of Concepts. (Pragmatics & Beyond, VII:8)*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.
17. Kövecses, Z. (1990) *Emotion Concepts*. New York: Springer-Verlag.
18. Kövecses, Z. (2000) *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Gibbs, R.W. Jr. (1994) *The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language, and Understanding*. Cambridge: Cambridge University Press.

-
20. Lakoff, G. (2004) *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi. Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire and Dangerous Things. What categories of language tell us about thinking]. Translated from English. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
21. Maslo, A. (2011) Metaphor in preposition usage – on the translation of English prepositions. *Lingua Montenegrina*. IV/2:8.
22. Householder, F.W., Jr. (1959) On linguistic primes. *Word*. 15.
23. Dobrovol'skiy, D.O. (1990) *Osnovy strukturno-tipologicheskogo analiza frazeologii sovremennykh germanskikh yazykov (na materiale nemetskogo, angliyskogo i niderlandskogo yazykov)* [Basics of structural and typological analysis of the phraseology of modern German languages (German, English and Dutch)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

УДК 811.161.1:161.26

DOI: 10.17223/19986645/38/2

В.И. Казарина

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ
ДОСТОВЕРНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
РОМАНА И.А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»)**

В статье на материале романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» выявлены субмодусы проблематической модальности разного уровня достоверности информативного компонента высказывания: 'вполне возможно' и 'вероятнее всего' – 'возможно' и 'представляться', маркируемые парентезами с семой 'предположение'. Установлена зависимость уровня достоверности от таких факторов, как личные качества предикативного субъекта, этимология модальных парентез, сохранивших семы производящих лексем, статус модального субъекта.

Ключевые слова: проблематическая модальность, модальный субъект, субъект предиката, субмодус, уровень достоверности, «Жизнь Арсеньева».

В содержательной структуре высказывания вычленяются два конститутивных компонента: информативный и модальный. Информативный компонент – это его вещественное значение, соотносимое с маркируемой высказыванием пропозицией. Модальный компонент, или модальность, – это оценка информативного компонента высказывания. В.В. Виноградов характеризовал ее как одну из «основных, центральных языковых категорий» [1. С. 58], в выражении которой, по Ш. Балли, «только и заключается смысл предложения» [2. С. 53]. И.И. Мещанинов отнес модальность к «понятийным категориям», которыми «передаются в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде. Эти понятия не описываются при помощи языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грамматическом строе...». «Выявляясь в формальной стороне синтаксиса и морфологии, они становятся грамматическими понятиями» [3. С. 196].

Модальность – сложная, многоаспектная и дискуссионная категория русского предложения в ее широком понимании. К основным и наиболее дискуссионным вопросам в учении о модальности предложения, как правило, относят выявление видов модальной семантики, составляющих содержание этой языковой категории. В отечественной научной грамматике по данному вопросу единства нет, что определяет актуальность исследовательского внимания к этому аспекту категории модальности.

Исходя из понимания модальности как языковой категории, дифференцируем ее на предикативную и непредикативную. Предикативная модальность, в синтаксической науке за ней закреплен термин «объективная», указывает на соотношение содержания предложения с внеязыковым миром, на характер отражаемых в его содержании объективных связей между субъектом и предикатом, фиксируемых прежде всего формами наклонения глагола, определяя их как реальные или ирреальные. Предикативная модальность и есть тот неотъемлемый атрибут, вне которого нет предложения как коммуникативной

единицы. Такой подход к предикативной модальности, исключая ее терминование, можно считать общепризнанным.

Непредикативная модальность представляет оценку адекватности отражения маркируемого высказыванием внеязыкового элемента мира в сознании модального субъекта. Не принимая участия в формировании предикативной оси, являясь факультативным компонентом семантики предложения, она «накладывается» на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение [1. С. 70], образуя как бы его второй, иногда, третий слой, структурно осложняя позиционную схему и обогащая пропозицию высказывания. По своей семантике и ее объективации непредикативная модальность не однородна и дифференцируется на модальность потенциальности и модальность достоверности.

Модальность потенциальности обеспечивает, при наличии определенных условий, возможность возникновения маркируемой инфинитивом ситуации, являясь основой движения и развития, «заложенных в существующих явлениях» [4. С. 74]. Ее объективируют различные по своей семантике модальные модификаторы, включаемые в позиционные схемы в процессе речевой модификации предложения как языкового знака, формируя по отношению к его пропозиции «внутреннюю модальную рамку высказывания» [5. С. 721], устанавливая отношение между предикатом и его субъектом. Они сочетаются с предикативом-инфинитивом, маркирующим потенциальную ситуацию. Например: – *Вы опасный человек!* - сказала она мне, – *я бы лучше желала по-**пасться** в лесу под нож убийцы, чем вам на язычок...* (М. Лермонтов. Герой нашего времени); *Теперь я должен несколько **объяснить** причины, побудившие меня предать публике сердечные тайны человека, которого я никогда не зна* (М. Лермонтов. Герой нашего времени); ***Можно было** заслушаться его и тогда, когда он читал, всегда, по своему обыкновению, прищурив левый глаз и далеко отставив от себя книгу* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Под непредикативной модальностью достоверности в грамматике обычно понимается модальность, представленная оценкой информативного компонента высказывания, его диктума, говорящим. Характер модальной оценки гносеологический. Она определяется уровнем знания модального субъекта, уровнем его информированности о сообщаемом. «Знание – это результат процесса познания действительности, получивший подтверждение в практике; адекватное отражение объективной реальности в сознании человека» [6. С. 58].

Известно, что формирование знаний (процесс познания) носит ступенчатый характер, каждый из этапов познания позволяет вносить в знания познающего новые элементы, обогащающие полноту знаний и приводящие к формированию более полных или достоверных, истинных знаний. Ступенчатость процесса познания отражается на степени достоверности информации, представленной автором (говорящим), маркируется специфическими парентетическими конструкциями, позволяющими дифференцировать модальную оценку достоверности на проблематическую и истинную.

Не имеющая отношения ни к предикативной оси предложения и, соответственно, к предикативной модальности, ни к внутрисинтаксической непредикативной модальности, она формирует очередной модальный слой, наслаи-

вающийся на уже имеющийся модальный компонент высказывания, формируя его внешнесинтаксическую модальность. Объективаторами этого модального компонента являются парентетические конструкции вводного характера, частицы и иногда междометия, включаемые в позиционную схему высказывания и формирующие его внешнюю модальную рамку [5. С. 723].

Цель исследования – выявление субмодусов проблематической модальности разного уровня достоверности, условий их реализации и объективации в русском языке на материале романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» [7].

Выбор материала обусловлен спецификой автобиографического романа, предполагающей наличие в нем проблематической модальности достоверности, а также отсутствием работ, освещающих функционирование модальной лексики, в частности парентез, в данном произведении.

Выявленные субмодусы проблематической модальности, условия, определяющие степень их достоверности, определяют новизну исследования.

Материал исследования представлен выборкой высказываний (77 примеров) с парентезами соответствующей семантики.

Модальность проблематической достоверности, основным компонентом которой является сема 'предположение', представлена лексемами *верно, вероятно, видимо, видно, должно быть, допустим, кажется, может, может быть, очевидно*.

Наиболее продуктивным в функционировании является модальное сочетание *может быть* и его разговорный вариант *может* (28 примеров: соответственно 20 и 8).

Производные от глагола *мочь* в значении 'быть в состоянии' с семой 'бытие, достоверность', вводные конструкции сохраняют ее, наслаиваясь на семему 'предположение'. Уровень большей или меньшей проблематичности в модальной оценке информативного компонента высказывания зависит от условий ее формирования

Определяемая данными субъекта предикативной характеристики, как правило, совпадающего с говорящим (специфика автобиографического романа), проблематическая модальность представлена субмодусами 'вполне возможно', 'вероятнее всего' с незначительной долей неуверенности: субъект рассчитывает свои силы и возможности в реализации своих замыслов: – *Я, однако, сказал скромно: – Вы знаете, что я пишу... Буду продолжать писать, работать над собой... **Может быть**, подготовлюсь и поступлю в университет...; Я видел, как беднел наш быт, но тем дороже был он мне; я даже как-то странно радовался этой бедности... **может быть**, потому, что и в этом находил близость с Пушкиным, дом которого, по описанию Языкова, являл картину тоже далеко не богатую; Как это дивно и ужасно, то, что было вчера! И это опять будет, **может быть**, даже нынче же! Ах, как я люблю и буду любить её; – Вы, как говорится в оракулах, слишком вдаль простираетесь... И впрямь: втайне я весь простирался в неё. Зачем? **Может быть**, именно за этим смыслом (смыслом жизни. – В.К.)?; Потом всё чаще стало мелькать в уме: о такой ли жизни я мечтал! Вот я, **может быть**, в самой лучшей поре своей, когда весь мир должен быть в моем обладании, а я не обладаю даже калошами!; Но, **может**, ещё ужаснее было то, что вслед за этим очень быстро покорился я судьбе.*

Реже модальность предположения со значительной долей истины реализуется и при внешнем модальном субъекте, не совпадающим с субъектом предиката: она также исходит из присущих субъекту пропозиции признаков: *...в дороге случилось вот что: в одной лощине — а дело было уже к вечеру, и места были очень глухие, — густо рос дубовый кустарник, тёмно-зелёный и кудрявый, и по её противоположному склону пробирался среди кустарника "разбойник", с топором, засунутым за пояс, — самый, **может быть**, таинственный и страшный из всех мужиков, виденных мной не только до той поры, но и вообще за всю мою жизнь; — Нет, — говорил он, — призвание Алексея не гражданское поприще, не мундир и не хозяйство, а поэзия души и жизни. Да и хозяйствовать-то, слава богу, уже не над чем. А тут, кто знает, **может**, вторым Пушкиным или Лермонтовым выйдет?*

Более высокий порог проблематичности, представленный субмодусом 'возможно, вероятно', отмечаем в высказываниях:

— при личном субъекте предиката, не совпадающем с модальным субъектом: ***Может быть**, он (приказчик) задумался о том, как ловко подсел он социалиста? — А **может**, это татары нас так закапывали? Ведь всего бывало на свете, — и плохого и хорошего...; Здравствуйте, Александр Сергеич, — наперебой кричали отцу "резвые" у подъезда Дворянской. — Извольте приказать обождать, — **может**, в цирк вечером поедете? На ней сидел, чёрной головней чернел большой ворон, и отец сказал, очень поразив этим моё воображение, что вороны живут по несколько сот лет и что, **может быть**, этот ворон жил ещё при татарах...;*

— субъект которых представлен ситуативными именами: *А родился я и живу на необитаемом острове, я бы даже и о самом существовании смерти не подозревал. "Вот было бы счастье!" — хочется прибавить мне. Но кто знает? **Может быть**, великое несчастье; Нет, это время (младенчество. — В.К.) несчастное, болезненно-чувствительное, жалкое. **Может быть**, моё **младенчество** было печальным в силу некоторых частных условий?; Помню какую-то дивную лунную ночь, то, как неизъяснимо прекрасен, легок, светел был под луной южный небосклон, как мерцали в лунной небесной высоте редкие лазурные звезды, и братья говорили, что все это — **миры**, нам неведомые и, **может быть**, счастливые, прекрасные, что, вероятно, и мы там будем когда-нибудь...; ...о художественной литературе говорят вообще так, что в меня, вопреки всем моим возмущениям, всё-таки с каждым днём всё больше и больше внедряется тайный страх, что, **может быть**, и впрямь вот этого никак нельзя писать, а вот это никому не нужно, а вот это (о бедном Макаре или о жизни ссыльных) единственно необходимо;*

— при совпадении модального субъекта с субъектом предиката, если оценка дается без учета возможностей субъекта ситуации: *Но я уже оправилась — пока она (мать), плача, целовала и крестила меня, я уже думал: "А **может**, бог даст, я ещё не выдержу..."; ... я вдруг увидел (как посторонний) свою привлекательность, — в этом открытии было, неизвестно почему, даже что-то грустное, свой уже довольно высокий рост, свою художавость и своё живое, осмысленное выражение внезапно увидел, одним словом, что я уже не ребёнок, смутно почувствовал, что в жизни моей наступил какой-то перелом и, **может быть**, к худшему...*

Модификаторы *верно* и *вероятно* (соответственно 15–6 примеров) соотносимы по семантике, стилистически специфичны (разг.). В лексическом значении слова *вероятно*, по данным словаря Д.Н. Ушакова, отмечены семы 'долженствование': 'надо полагать' и 'возможность': 'можно думать', позволяющие признать в первом случае более высокий уровень уверенности, предполагающий субмодус 'вполне возможно', во втором – более низкий, представленный субмодусом 'возможно'. Более высокий уровень уверенности определяется умением говорящего, внешнего модального субъекта, ориентироваться в обстановке, объективно ее оценивать, а при его совпадении с носителем предикативного признака – психическими данными последнего, его эмоциональным настроением: – *Несчастный Федор Михайлыч! – с ужасом говорил он про его отца. – Вероятно, этого голубчика казнят*'; – *Ну, ты отлично понимаешь... Так вот, я и хочу тебя предупредить: я её нынче утром рассчитал. Иначе дело кончилось бы, вероятно, смертоубийством; Что до матери, то, конечно, я заметил и понял её прежде всех. Мать была для меня совсем особым существом среди всех прочих, нераздельным с моим собственным, я заметил, почувствовал её, вероятно, тогда же, когда и самого себя...* Снижение уровня достоверности в оценке, маркируемой субмодусом 'возможно', определяется семантикой предположения со значительной долей сомнения: *Легко представляю себе, до чего резко выделялся я за этим обедом своей юностью, свежестью, деревенским загаром, здоровьем, простосердечностью, горячей и напряженной внимательностью слуха и зрения, вид имевшей, вероятно, даже глупости и оупения!*; ... *слушала одобрительно, но, вероятно, только потому, что представляла себе, что это она сама сидит в саду, чертя по песку хорошеньким зонтиком.*

В лексическом значении модификатора *верно* сема уверенности не представлена, он объективирует субмодус 'возможно' со значительной долей проблематичности: *Среди моих предков было, верно, немало и дурных; – Тут мне даже кончить не дали: едва я дошёл до пробужденья стад "на мягких лугах", как меня остановили, – верно, учителю (рыжему, в золотых очках, с широко открытыми ноздрями) слишком хорошо было известно это пробуждение...*

В позиции модального субъекта выступают как говорящий, внешний по отношению к позиционной схеме, так и субъект предикативной характеристики. Ср.: – *Ты только о себе думаешь, хочешь, чтобы всё было только потвоему, – сказала она раз. – Ты бы, верно, с радостью лишил меня всякой личной жизни, всякого общества, отделил бы меня от всех, как отделяешь себя...* – *Верно, не раз я видал, много лет спустя, её мраморный крест на горе над Ялтой, среди множества прочих крестов, под кипарисами и розами, в легком и свежем морском ветерке светлого южного дня...*

Вводные слова *видимо* и *видно* семантически соотносимы с лексемой *видеться* в значении 'грезиться', исключая сему 'бытие, достоверность'. По данным словаря Д.Н. Ушакова, лексема *видно* стилистически маркирована (разг.), в ее семантике вычленяется сема 'долженствование': 'должно быть', отличающая ее от семемы *видимо*. Это, вероятно, позволяет говорить о более высоком статусе уровня оценки лексемой *видно* в оппозиции проблематичность – истинность при объективации субмодуса 'вполне возможно', что

подтверждает, считаем, и контекст модификатора, объективируемая позиционной схемой ситуация: *Грач, когда я настиг его, вдруг замер, с ужасом в диком блестящем глазу откинулся в сторону, прижался к земле и, широко раскрыв и подняв клюв, ощерясь, зашипел, захрипел от злобы, решив драться со мной, **видимо**, не на живот, а на смерть...; И как бы подтверждая это, за мной вдруг тяжело бухнул и по всему лесу, гремящим кольцом охватывая его, раскатился выстрел, вслед за которым послышался особенно яростный взвизг и квохт, **видимо**, огромной стайей взлетевших дроздов и бешено-яростный лай Джальмы: стрелял проснувшийся отец; Да, всё пропало! – думал я, просыпаясь, с трудом приходя в себя. – Всё, всё пропало, всё погублено, испорчено, но, **видно**, так тому и быть, всё равно теперь этого уже не поправишь.*

Модификатор *кажется* (14 высказываний) объективирует, как правило, субмодус `вполне возможно`, определяемый внутренними и внешними признаками субъекта высказывания независимо от статуса модального субъекта: *Каким счастьем были для меня балы, если на них не страдала моя ревность! Каждый раз перед балом я переживал жестокие минуты, – нужно было надевать фрак покойного мужа Авиловой, совершенно, правда, новый, **кажется**, ни разу не надёванный и всё же меня как бы пронзавший; **Кажется**, больше всего поразило меня то, что, приехав на вокзал, мы должны были идти в зал третьего класса, где брат, под надзором жандармов, дожидался отхода поезда, уже не смея сидеть с приличными, свободными людьми, уже лишившись воли распоряжаться собой, возможности пить чай или есть пирожки вместе с ними; "Не желая никому быть в тягость" ... он курил (и беспрестанно) только махорку, спал летом в амбаре, а зимой в лакейской, давно упразднённой за отсутствием лакеев, а что до пищи, то, **кажется**, был твердо убежден, что это суший предрассудок, будто люди должны питаться...*

Реже в парентетической позиции *кажется* объективирует субмодус `представляться` в высказываниях, оценка информативного компонента которых определяется мыслительной деятельностью, эмоциями, желанием субъекта предиката, при его совпадении и несовпадении с модальным субъектом. Характер соотношения пропозиции высказывания с реальным миром роли не играет: ***Казалось**, сидел бы в этой лощине весь век, кого-то любя и кого-то жалея; Никогда, **кажется**, не чувствовал я такой нежной любви к отцу и матери, но только одна сестра Оля спасала меня в те дни от чувства одиночества, с особенной силой овладевшего мной; А та противоположность чувств и представлений, которую он поселял во мне, происходила из того, что для своих рассказов он чаще всего избирал, совсем не считаясь с моим возрастом, все, **кажется**, наиболее горькое и едкое из пережитого им...; Как мучительно мешалось с братом всё, что я видел и переживал в этот странный день, больше же всего, **кажется**, то сладкое восхищение, с которым я вспоминал о монашке, вышедшей из калитки монастыря!; Если б нашлась эта сказочная сабля! Я бы, **кажется**, задохнулся от счастья! А меж тем на что она мне была? Откуда взялась моя страстная и бесцельная любовь к ней?*

В форме сослагательного наклонения модификатор *казалось* наряду с функцией маркера модальной оценки предполагаемой ситуации выполняет функцию текстообразующую и смысловоразличительную, сигнализируя об уступительно-противительных отношениях с последующим высказыванием: *К заутрене нас не возили, но всё же мы просыпались с чувством этого благодетельного перелома, так что, **казалось бы**, дальше не должно было быть места никакой печали. Однако она даже и тут была, даже в Пасхе; Пушкин поразил меня своим колдовским прологом к "Руслану"... **Казалось бы**, какой пустяк – несколько хороших, пусть даже прекрасных, на редкость прекрасных стихов! **Казалось бы**, нигде не существовавшее лукоморье, какой-то "учёный" кот, ни с того ни с сего очутившийся на нем и зачем-то прикованный к дубу, какой-то леший, русалки и "на неведомых дорожках следы невиданных зверей"*.

Функционирование лексемы *очевидно* менее частотно (7 примеров). Даваемая ею оценка также, считаем, имеет разный уровень проблематичности. Более высокий уровень сомнения в истинности оценки представлен в тех высказываниях, субъект которых объективирован, как правило, не личными именами. Модификатор – знак субмодуса 'возможно': *Разве это было бы возможно, будь нашей долей только то, что есть, "что бог дал", – только земля, только одна эта жизнь? Бог, **очевидно**, дал нам гораздо больше; **Казалось бы**, нигде не существовавшее лукоморье, какой-то "учёный" кот, ни с того ни с сего очутившийся на нем и зачем-то прикованный к дубу, какой-то леший, русалки и "на неведомых дорожках следы невиданных зверей". Но, **очевидно**, в том-то и дело, что вздор, нечто нелепое, небывалое, а не что-нибудь разумное, подлинное; в том-то и сила, что и над самим стихотворцем колдовал кто-то неразумный, хмельной и "учёный" в хмельном деле...; Брат, рассказывая мне о нём впоследствии, всё ещё восхищался им, говорил о его "ригоризме", о его железной воле, о "беспощадной ненависти к самодержавию и беззаветной любви к народу"; но была ли хоть одна из этих черт у брата, почему он восхищался? **Очевидно**, только в силу той вечной легкомысленности, восторженности, что так присуща была дворянскому племени и не покидала Радищевых, Чацких, Рудиных, Огарёвых, Герценов даже и до седых волос....*

При личном субъекте высказывания, независимо от совпадения или несовпадения его с модальным субъектом, модальная оценка более высокого уровня достоверности с субмодусом 'вполне возможно': *Много раз, конечно, видал я себя в зеркале и раньше и не запоминал этого, не обращал на это внимания. Почему же обратил теперь? **Очевидно**, потому, что был удивлен и даже слегка испуган той переменной, которая с каких-то пор, – может быть, за одно лето, как это часто бывает, – произошла во мне и которую я наконец внезапно открыл; ...более точно знаю только то, что мальчик мне понравился своей стройностью, красиво выгоревшими на солнце волосами, живым выраженьем лица – и что произошло несколько испуганное удивление. В силу чего? **Очевидно**, в силу того, что я вдруг увидел (как посторонний) свою привлекательность...; На балконе пили чай и разговаривали. Был опять брат Николай, – он часто приходил к нам по утрам. И он говорил – **очевидно**, обо мне; ...То чувство, с которым я вошел в вагон, было правиль-*

но – впереди ожидал меня и впрямь немалый, небудничный путь, целые годы скитаний, бездомности, существования безрассудного и беспорядочного, то бесконечно счастливого, то глубоко несчастного, словом, всего того, что, **очевидно**, и подошло мне...

Модальность проблематичности сообщаемого спорадически представляет конструкция *должно быть* (2 примера) и единичные *допустим* и *помнится*. Степень недостоверности оценки, предполагаем, также разная. Наибольшую проблематичность маркирует лексема *допустим*: говорящий допускает такую оценку только в статусе предположения, но делает это в интересах собеседника: – Но, **допустим**, вы правы, – кричит она (Авилова), уже бледная, с потемневшими глазами и потому особенно прелестная, – почему всё-таки приходите вы в такую ярость? Модификаторы *помнится* и *должно быть* – маркеры субмодуса 'вполне возможно': *помнится* воспроизводит то, что имело место, сохранено, удержано в памяти, хотя, безусловно, элемент неуверенности при этом имеется: 'как припоминаю'; *должно быть* соотнесено с лексемой *должен*, в лексическом значении которой сема 'достоверность': Полагаю, что случилось осенью, судя по тому, что, *помнится*, загар мальчика в зеркале был бледный, такой, когда он сходит, *выцветает*, и что был я, **должно быть**, лет семи. Полагаю, что случилось осенью, судя по тому, что, *помнится*, загар мальчика в зеркале был бледный, такой, когда он сходит, *выцветает*...

В позиционной схеме позиция модальных модификаторов не фиксирована. В начале предложения или перед предикативом оценка дается всей пропозиции. В препозиции к одному из ее компонентов, независимо от статуса последнего, оценивается достоверность – недостоверность только этого компонента. Ср. функционирование лексемы *верно* в примерах: На обрыве за собором в городе я стоял, глядя на гнилые тесовые крыши мещанских лачуг, лепившихся внизу по буграм вдоль реки, на внутренности их грязных и убогих дворишек, и всё что-то думал о человеческой жизни, о том, что всё проходит и повторяется, что, **верно**, и триста лет тому назад были тут всё такие же черные тесовые крыши и всякая сорная дрянь, что растёт на пустырях, на глинистых буграх...; Так и Писарев; думая о нём, я мысленно видел теперь только его большой портрет, висевший в диванной Васильевского дома, портрет той поры, когда он только что женился (и, **верно**, надеялся жить бесконечно!); Среди моих предков было, **верно**, немало и дурных. – Она, **верно**, долго полулежала на тахте в нашей спальне, поджав под себя, по своей привычке, ноги, много курила...; Тут мне даже кончить не дали: едва я дошёл до пробужденья стад "на мягких лугах", как меня остановили, – **верно**, учителю (рыжему, в золотых очках, с широко открытыми ноздрями) слишком хорошо было известно это пробуждение...; Я ведь в конце концов совсем забыл о нем, – вот как забуду я, **верно**, и Баскакова, и Олю, и даже, может быть, отца, которого я сейчас так люблю, с которым такое счастье ходить на охоту, да забуду и всю Каменку, где мне знаком и дорог каждый уголок...

В положении после вопросительного высказывания модификатор *должно быть* наряду с функцией маркера модальности выполняет функцию скрепы, вводя предполагаемый ответ на поставленный препозитивно вопрос: Прямо

подо мной, в солнечном свете, разнообразно круглились серо-зелёные и тёмно-зелёные верхушки сада, на которые так странно было глядеть сверху. Их осыпали оживленным треском воробьи, они, внутри тенистые, сверху стеклянно блестели под солнцем, а я глядел и думал: для чего это? Должно быть, для того только, что это очень хорошо.

Резюме. Проблематическую модальность в русском языке представляет синонимический ряд модальных парентез с семой 'предположение', маркируя субмодусы разной степени достоверности информативного компонента высказываний. Высокая степень достоверности характерна для субмодусов 'вполне возможно' и 'вероятнее всего', тогда как субмодусы 'возможно' и 'представляться' отмечены значительной долей сомнения в истинности сообщаемой информации.

Субмодусы разной степени проблематичности маркируют парентезы *может, может быть, вероятно, кажется, очевидно*. Субмодусы 'вероятнее всего' и 'вполне возможно' – означаемые парентез *видно, должно быть, помнится*, тогда как лексемы *верно, видимо* в романе «Жизнь Арсеньева» представляют субмодус 'возможно'.

Факторами, определяющими уровень достоверности модальной оценки, являются личные качества предикативного субъекта, а также этимология модальной парентезы, сохранение ею сем производящей лексемы. Повышает порог достоверности модальной оценки и соотнесение модального субъекта с субъектом предикации.

Литература

1. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // В.В. Виноградов. Избранные работы. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 53–87.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: УПСС, 2001.
3. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М., 1945.
4. Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя, П.Ф. Юдина. М.: Политиздат, 1963.
5. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис, Морфология. М.: Наука, 1988 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/471848/> (дата обращения: 25.06.2013).
6. Горский Д.П., Ивин А.А., Никифоров А.Л. Краткий словарь по логике. М.: Просвещение, 1991. С. 58.
7. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/BUNIN/buninars.txt> (дата обращения 02.03.2015).

ON THE PROBLEMATIC MODALITY OF EVIDENTIALITY IN THE RUSSIAN LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF I.A. BUNIN'S NOVEL *THE LIFE OF ARSENEV*)

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 6 (38), 19–28.

DOI: 10.17223/19986645/38/2

Kazarina Valentina I., Elets State University named for Bunin I.A. (Elets, Russian Federation).

E-mail: kazarina39@mail.ru

Keywords: problematic modality, modal modifier, modal subject, subject of predication, sub-modus, degree of evidentiality/certainty, *The Life of Arseniev*.

In the article, the author considers a certain variety of epistemic modality, one of those which are objectivized by parenthetic constructions and shape an outer modal frame of utterance.

United by the seme of supposition, parenthetic constructions with *verno, veroyatno, vidimo, vidno, dolzhno byt', dopustim, kazhetsya, mozhет, mozhет byt', ochevidno* mark the modality of problematic evidentiality. In the sub-modi they represent, the level of evidentiality in the evaluation of an informative component of the utterance (or one of its components) turns out to be different. Such sub-

modi as *veroyatnee vseg*o and *vpolne vozmozhno* demonstrate a smaller level of uncertainty whereas the other ones, *vozmozhno*, *predstavlyaetsya*, show a higher degree of uncertainty in their evaluation.

A number of factors influence the level of problematic evidentiality of evaluation and they are to be taken into consideration by a modal subject. These coefficients depend on the personal qualities of predicative property bearers (subjects of predication), their amount of knowledge and experience which let them give more objective judgments and take into account positional schemes with modifiers *mozhet byt'*, *kazhetsya*, *pomnitsya*, *ochevidno*, *pomnitsya* objectivizing the sub-modi 'veroyatnee vseg'o' and 'vpolne vozmozhno'. In this case a modal subject either coincides with the subject of predication (represented by the 1-st person singular pronoun which is a distinguishing feature of this autobiographical novel about the youth of I.A. Bunin) or not. But in the latter case personal traits of the subject of predication have also been taken into account and represented by the author. The impossibility to take into consideration the properties of the predicative subject or absence of trustworthy cognizance of the objects or situations to be qualified increase greatly the degree of evaluation unreliability, inaccuracy and hypotheticity.

The possibility of objectivizing a sub-modus with a bigger or smaller degree of uncertainty depends partially on the etymology of parenthesis that keeps the seme of a derivative stem in its meaning: the seme 'obligation' in its vocabulary meaning *veroyatno* gives an opportunity of marking the sub-modus 'vpolne vozmozhno' with a higher degree of objectivity in evaluation. At the same time the seme 'possibility' is connected with the presence of a higher degree of uncertainty in the modal evaluation of the sub-modus 'vozmozhno'. The occurrence of the seme 'authenticity' in the lexical meaning of such parenthetical constructions as *dolzno byt'* and *pomnitsya* is also explained etymologically.

The place of modal parentheses in positional schemes of sentences is not fixed: a modifier gives evaluation with a different degree of veracity to the whole proposition if it begins a sentence (as a predicative unit) or in the preposition to the predicate. If a parenthesis is related to other components of a positional scheme, only these separate components of a proposition are certified as problematic.

Along with the function of a modal modifier, a text-forming role of parenthetical constructions found its consideration in the article.

References

1. Vinogradov, V.V. (1975) O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke [On the category of modality and modal words in Russian]. In: Vinogradov, V.V. *Izbrannye raboty. Issledovaniya po russkoy grammatike* [Selected works. Research on Russian grammar]. Moscow: Nauka.
2. Bally, Ch. (2001) *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and issues of the French language]. Translated from French. Moscow: URSS.
3. Meshchaninov, I.I. (1945) *Chleny predlozheniya i chasti rechi* [Members of the sentence and parts of speech]. Moscow: USSR AS.
4. Rozental', M.M. & Yudin, P.F. (eds) (1963) *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury.
5. Kasevich, V.B. (1988) *Semantika. Sintaksis, Morfologiya* [Semantics. Syntax. Morphology]. Moscow: Nauka. [Online]. Available from: <http://www.twirpx.com/file/471848/>. (Accessed: 25 June 2013).
6. Gorskiy, D.P., Ivin, A.A. & Nikiforov, A.L. (1991) *Kratkiy slovar' po logike* [Concise Dictionary of Logic]. Moscow: Prosveshchenie.
7. Bunin, I.A. (1952) *Zhizn' Arsen'eva* [The Life of Arseniev]. New York: Izdatel'stvo imeni Chekhova. [Online]. Available from: <http://lib.ru/BUNIN/buninars.txt>. (Accessed: 02 March 2015).

УДК 81'371

DOI: 10.17223/19986645/38/3

А.В. Колмогорова

ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И СЕМАНТИКА СЛОВА «ПО УМОЛЧАНИЮ»: ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются место и функции представлений, формирующих нормативную картину мира этноса, в денотативном значении слова. На основе анализа и интерпретации результатов ценностно-семантического эксперимента с более чем 200 информантами формулируется гипотеза о существовании в языковом сознании представителей лингвокультурного сообщества прототипической языковой картины мира, аккумулирующей представления о свойствах и качествах объектов окружающей среды при естественном, «нормальном» положении дел.

Ключевые слова: прототипическая языковая картина мира, денотативное значение слова, норма, ценностно-семантический эксперимент, категория.

Введение

Исследование посвящено изучению имплицитных признаков, фундированных в представлениях носителей языка и культуры о естественном, нормальном положении дел, «по умолчанию» входящих в денотативный компонент¹ значения слова и обусловливающих аргументативные, шире – воздействующие, функции последнего в речевом общении.

Обосновывается необходимость уровневой модели нормативной языковой картины мира, где представления о естественной норме, обсуждаемые в настоящей публикации, концентрируются на прототипическом уровне, так называемом «базовом» уровне должного.

Гипотеза исследования состоит в том, что представления о прототипических качествах объекта/процесса, репрезентирующего определённый фрагмент картины мира этноса, имплицитно включаются в семантику обозначающего его существительного или глагола, предопределяя прагматическое значение и функцию признаков языковых единиц, образующих ближайший синтагматический контекст данных лексем.

Предлагается основанная на экспериментальной работе методология, позволяющая выявить и описать прототипические представления носителей лингвокультуры о том или ином фрагменте картины мира, что, в свою очередь, позволяет прогнозировать и интерпретировать «поведение» признаковой леммы в коммуникативной практике носителей языка.

Таким образом, объект исследования – это особый аспект языковой картины мира этноса – прототипическая языковая картина мира, а предмет –

¹ Под денотативным компонентом ЛЗ слова мы понимаем, вслед за И.А. Стерниным, основной компонент значения слова, указывающий на свойства, признаки предмета номинации. Данный компонент содержит в себе некоторые абстрактно-логические, понятийные, образные, эмпирические признаки.

корреляции семантики существительного или глагола и прагматического потенциала способных сочетаться с ними признаков лексических единиц с представлениями о нормативных признаках и характеристиках, обозначаемых существительным/глаголом объектов и процессов, соответственно, в прототипической языковой картине мира.

Материал исследования включает в себя результаты экспериментальной работы с 203 информантами, носителями русского языка.

В ходе исследования применялись методики ценностно-семантического эксперимента, анкетирования, качественно-количественного анализа.

1. Изучение имплицитных денотативных признаков в семантике: к истории вопроса

Мысль о том, что денотативное значение слова включает в себя не только понятийные и перцептивно воспринимаемые параметры класса объектов, которые могут быть названы данным словом (размер, форма, цвет и т.д.), но и некоторую совокупность имплицитных представлений о том, какими имманентными и «невидимыми глазу» характеристиками должен обладать лучший представитель данной денотативной категории (работа должна быть «в норме» тяжёлой, а родственник – близким), достаточно давно обсуждается в семантике. Вопросы вызывает, прежде всего, факт наличия некоторого имплицитного ограничения на сочетаемость, например, существительного с прилагательным там, где несколько вариантов атрибутивной характеристики логичны, онтологически непротиворечивы, но всё-таки одно сочетание кажется естественным, а другое – не совсем. М.Ф. Мортюрё [2] замечает, что интересным кажется факт, что существительное *acte* ('поступок') чаще и естественней в речи сочетается с прилагательным *injustifiable* (которому нет оправдания), чем с *justifiable* (которому есть объяснение, который можно оправдать). Можно высказать предположение, что в нормативной картине мира, в данном случае – французов, прототипический поступок должен быть объясним, а поскольку отклонения от нормы чаще обращают на себя внимание и маркируются [3. С. 84], сочетание *un acte injustifiable* более частотно. Увидеть эти глубоко фундированные в истории, менталитете этноса представления о том, какова социальная, культурная характеристика прототипического объекта некоторого денотативного класса, архисложно. «За пределами культурных неоднозначностей лежит нечто наподобие подразумеваемых знаний, которые так глубоко встроены в культуральный контекст, что их рассматривают как нечто очевидное и не нуждающееся в объяснении или обсуждении» [4. С. 158].

В работе [5] О. Дюкро высказал предположение, что в самом значении любого лексически самостоятельного слова заложено обыденное представление, свойственное большинству говорящих на данном языке, о том, какой должна быть эмпирическая сущность, обозначаемая данным языковым знаком при нормальном, естественном для данного национально-лингвокультурного сообщества, положении дел. При построении высказывания на естественном языке возможны 2 случая: 1) признаки, актуализируемые предикативными словами (прилагательными для существительных или наречиями для глаголов), которые О. Дюкро называет словами-модификаторами,

совпадают с прототипическими представлениями об объекте, называемом существительным, или о процессе, действии, называемом глаголом, и тогда степень убедительности высказывания возрастает, и, наоборот, 2) если предикат указывает на некие признаки, которые мало совместимы с представлениями о «нормальном» объекте/процессе данного класса, возникает некое аномальное малоубедительное высказывание, для обоснования которого нужны дополнительные прагматические факторы. Первый тип модификаторов О. Дюкро называет «реализующими» – они приближают обозначаемые объект или ситуацию к прототипическим, увеличивая тем самым аргументативную силу высказывания, а вторые – «дереализующими» – они, напротив, отдаляют обозначаемые данным словом объект или ситуацию от типичного представления о подобных объектах или ситуациях, переводя их в разряд нетипичных, уменьшая аргументативную силу высказывания или даже придавая ей противоположный вектор. Например, высказывание «Это была трудная задача» имеет больший аргументативный вес, поскольку воспринимается носителями языка как «естественное» и не требует дополнительных обоснований, поскольку предикат *трудная* несколько не противоречит, а, наоборот, соответствует прототипическому представлению о задаче – в норме она должна быть трудной. И наоборот, высказывание «Это была простая задача» не кажется естественным, оно требует дополнительного контекста для обоснования: «Это была простая задача, поэтому я решил её так быстро». Экспресс-тестом для определения дереализующих модификаторов служит приложимость к синтагме XY формулы «X, но (mais) Y», в то время как для «реализующих» модификаторов экспресс-тестом служит формула «X, и даже (et même) Y».

Мы адаптировали данные формулы экспресс-теста, сохранив союз *но* в первом тесте, но заменив 'даже' на союз *и*. Данные коррективы соответствуют исследовательским выводам об имплицитной семантике русских союзов в работах Е.В. Урысон. Так, исследователь указывает [6] на семантическую функцию союза *но* указывать на несоответствие сложившейся ситуации привычному положению дел (житейской норме), отмечая, что семантическая presupпозиция союза может выглядеть так:

Обычно ситуация типа Р влияет на имеющееся положение дел; в результате если имеет место ситуация типа Р, то не имеет места ситуация типа Q.

Например, ситуация X работает в Высшей школе экономики (Р) предполагает, что X много зарабатывает и от него требуют, чтобы он хорошо одевался (обычно не имеет места ситуация Q «X плохо одевается»), поэтому ситуация Q воспринимается как аномальная (Он работает в Вышке, но одевается плохо).

В недавней работе Е.В. Урысон [7] уточняет, что в основе функционирования союза *но* лежат неоправдавшиеся ожидания говорящего относительно взаимосвязи двух ситуаций Q и Р, где одна ситуация, скажем Q, индуцирует, согласно ожиданиям говорящего, ситуацию типа Р, однако в наблюдаемом положении дел Q сопровождается не-Р. Такого рода неоправдавшиеся ожидания могут быть двух видов: продиктованные представлениями объективной картины мира и обусловленные субъективной или идеальной картиной мира. При этом «в объективной картине мира зафиксированы физические,

химические, биологические и другие естественно-научные законы – ненарушаемые законы природы. В субъективной картине мира фиксируются представления о нормальном, т.е. хорошем социуме, о человеческих действиях и их нормальных следствиях, о нормальных человеческих взаимоотношениях...» [7. С. 584]. На наш взгляд, говоря о субъективной нормативной картине мира, стоит рассуждать о трёх её аспектах: 1) «общечеловеческие принципы» (не убий, не укради и т.д.); 2) обусловленные интракультурными и интраэтническими нормами модели поведения; 3) сформировавшиеся в личном, житейском опыте говорящего представления. Естественно, что все три аспекта, как в кругах Эйлера, имеют зоны пересечения: общечеловеческие принципы определяют основные направляющие интракультурных норм, которые, в свою очередь, придают особую конфигурацию ценностным областям, оставшимся в «слепой» зоне норм первого типа; в то же время личные житейские нормы могут в некоторой степени противоречить ценностным императивам, выработанным в этнокультуре, и если количество тех представителей этнокультуры, чьи личные нормы социального поведения противоречат устоявшимся в этническом сообществе, достигает некоего значительного количества, интракультурные нормы трансформируются. Прежде чем это произойдёт, сферы национальной нормативной картины мира, которым угрожает трансформация, переживают некоторый период «турбулентности», что мы попытаемся показать, анализируя материалы экспериментальной работы.

Итак, используя адаптированные для русского материала тестовые формулы, мы сосредоточимся на выявлении, прежде всего, интракультурной нормативной языковой картины мира, однако по возможности будем анализировать влияние и личного житейского опыта.

Возвращаясь к концепции Е.В. Урысон, отметим, что вводимая нами тестовая формула с союзом *но* «S, *но* Adj» (*человек, но светлый*) и «V, *но* V+Comp.» (*жить, но думать о себе*) или «V, *но* Cironstant» (*жить, но для себя*) как раз-таки призвана выявить несоответствие, по мнению говорящего/респондента, пропозиции в первой части тестовой формулы и пропозиции в её второй части привычному положению дел: формула *человек, но светлый* предполагает следующий «ход мысли»: если это человек (в норме человек не должен быть светлым), то то, что он – светлый, неправильно, неестественно → человек, но светлый.

И наоборот, использование союза *и* в другой формуле предполагает полное соответствие сопологаемых пропозиций нормативным ожиданиям: *человек, и светлый* – если это человек (в норме человек должен быть светлым), то то, что он – светлый, соответствует ожиданиям, норме → человек, и светлый.

2. Дизайн эксперимента и его результаты

183 респондентам четырех возрастных групп: 14–15 лет (35 чел.), 16–19 лет (74 чел.), 20–25 лет (44 чел.), 26–40 лет (30 чел.) был предложен текст следующего содержания, взятый нами из районной газеты (рубрика «Жизненные истории»). Ставя перед собой задачу актуализировать представления, свойственные нормативной картине мира, мы сформулировали задание, которое вне исследовательских целей может показаться некорректным с точки зрения норм толерантности (на что нам указывала в личной беседе

Е.Ю. Протасова, и мы с благодарностью принимаем это замечание), однако свою эвристическую задачу оно выполнило. Итак, текст предваряло задание: «Прочитайте текст, выскажитесь (письменно) в поддержку либо тезиса «Варя хорошая», либо тезиса «Варя плохая». Аргументируйте свою точку зрения. Ниже приводим текст:

Игорь рос тихим, спокойным парнем. Родители умерли рано, а его воспитанием занималась старшая сестра Варя. Варя делала всё, чтобы мальчик не чувствовал себя сиротой: покупала хорошие вещи и игрушки, водила в цирк и в кино, старалась окружить мальчика теплотой и заботой. Конечно, для этого сестре приходилось много работать, на личную жизнь времени не хватало, да и к чему это: все мысли были о младшем брате. Когда Игорь поступил в институт, Варя случайно узнала о его романе с женщиной, которая была на 10 лет старше его, у неё уже был ребёнок от первого брака. Как ни пыталась Варя убедить брата не связывать свою жизнь с этой женщиной, брат настоял на своём: Игорь и Лена (так звали избранницу) поженились. Семейная жизнь не заладилась с самого начала. Игорь подозревал жену в изменах, дело иногда доходило до драки. Видя всё это, Варя тяжело заболела – перестали слушаться ноги. Вскоре Лена исчезла в неизвестном направлении, оставив своего ребёнка от первого брака Игорю. Молодой человек сначала запил, а затем, одумавшись, решил целиком посвятить себя карьере. Чтобы помочь брату, воспитанием чужого ребёнка занялась не перестававшая страдать от болей в суставах Варя.

Время для письменной аргументирующей реакции не было ограничено, но в среднем информанты тратили на выполнение задания около 15 минут. Объём аргументирующих высказываний варьировал от 1 предложения до 22 (около 200 слов).

Анализируя полученные результаты, мы были сосредоточены на предикативных единицах – прилагательных и глаголах, которые использовались информантами для доказательства своего тезиса и референтом для которых являлась Варя, героиня рассказа. Отметим, что прилагательных было использовано очень мало: заботливая (1), милосердная (1), жертвенная (1), смелая (1), отважная (1), великодушная (1), добрая (8), светлый (человек) (16). Мы обратили внимание на то, что прилагательное *светлая* используется в 15 случаях из 16 в аргументативно сильной позиции – в финале высказывания и часто служит своего рода категориальным термином: *Варя – заботливая, добрая, великодушная, в старину таких как она называли светлыми людьми.*

Мы предположили, что прилагательное *светлый* является в терминах О. Дюкро реализующим модификатором для лексемы *человек*, называя качество, которое ингерентно понятию «человек» в русской прототипической картине мира (человек должен быть светлым). Чтобы проверить это предположение, мы предложили тем же респондентам оценить естественность сочетаний «человек, но светлый» и «человек, и, конечно, светлый» (на тот момент адаптированный тест для дереализующих модификаторов выглядел так, позднее мы его изменили, используя только союз *и*). Респондентам предлагалась следующая инструкция: Подчеркните те сочетания, которые кажутся Вам более естественными, «ложящимися на ухо» (для этого произнесите их

вслух или про себя). Не рефлексируйте, постарайтесь сделать задание быстро.

132 респондента из предложенных суждений выбрали «человек, и, конечно, светлый», а 41 – «человек, но светлый», 9 человек не выполнили задание (рис. 1). Отметим, что большинство респондентов, выбравших в качестве наиболее приемлемого суждение «человек, но светлый», принадлежат к возрастным группам 14–15 и 20–25 лет.

Рис. 1. Распределение реакций респондентов на тестовые задания с синтагмой *светлый человек*

Позднее М.К. Шарова [8] провела ассоциативный эксперимент со словом-стимулом *человек* и, отобрав 10 наиболее частотных стимулов, также применила к ним тесты Дюкро в сочетаниях с существительными *человек, мужчина, женщина*. Одно из прилагательных, попавших в выборку было *добрый*. По результатам теста 75% и мужчин (из 20 чел.), и женщин (из 20 чел.) посчитали более естественными сочетания «женщина, и добрая», нежели «женщина, но добрая». При этом 80% мужчин посчитали более естественным сочетание «человек, и добрый», в то время как среди женщин таких было всего 45 %.

Далее при анализе ответов респондентов мы обратили внимание на большое количество повторявшихся глагольных синтагм, своеобразных вербальных синлексов [9]: 1) отдаёт другим (7); 2) думала о других (8); 3) желала счастливой жизни другому (10); 4) живёт для другого (10); 5) не бросила (10); 6) помогала (11); 7) жизнь посвятила другим (13); 8) отказывала себе во всём (14); 9) жертвует собой (37).

Мы так же, как и в предыдущем случае предположили, что данные предикаты совпадают с нормативными представлениями о процессе, который в русской языковой картине мира обозначается глаголом *жить* (предикаты 1–8), а также о действии в самом общем представлении – лексема *делать* (предикат 9), поскольку данный предикат в высказываниях информантов форми-

ровал ближайший контекст с разнообразными глаголами действия (*воспитывала, жертвуя собой; помогала и жертвовала собой* и т.д.). В последнем случае обращал на себя внимание тот факт, что синлекс *жертвовала собой* использовался не только в рассуждениях в пользу героини рассказа, но и для отстаивания тезиса «Варя плохая», например: *Варя – дура, жертвующая собой*. Тестовая формула в виде 1) «сделать, и пожертвовать собой» и 2) «сделать, но пожертвовать собой» была предложена для оценки 20 информантам в возрасте от 21 до 35 лет: 13 информантов выбрали первое утверждение, 6 – второе, 1 – отказался отвечать. Когда эта же формула была предложена для оценки 20 информантам в возрасте от 14 до 19 лет, 3 информанта выбрали первую формулировку, а 17 – вторую.

Кроме того, 20 информантам из возрастной группы 21–35 лет были предложены для оценки «естественности» нижеследующие сочетания (далее приводятся результаты):

Распределение реакций респондентов на тестовые задания с предикативными синтагмами

№	Соответствие естественному положению дел (количество выборов)	Диагностируемый ингерентный признак категории (€ маркирует вхождение в категорию)	Несоответствие естественному положению дел
1	сделать, И пожертвовать собой (1)	<i>пожертвовать собой</i> € «сделать»	сделать, Но пожертвовать собой 19
2	жить, И желать счастливой жизни другим (20)	<i>желать счастливой жизни другим</i> € «жить»	жить, Но желать счастливой жизни другим 0
3	жить, И посвятить себя другим (20)	<i>посвятить себя другим</i> € «жить»	жить, Но посвятить себя другим 0
4	жить, И помогать другим (20)	<i>помогать другим</i> € «жить»	жить, Но помогать другим 0
5	жить, И отдавать всё другим (19)	<i>отдавать всё другим</i> € «жить»	жить, Но отдавать всё другим 1
6	<u>жить, И жить для другого (2)</u>	<i>жить для другого</i> € «жить»	<u>жить, Но жить для другого 18</u>
7	<u>жить, И жить для себя (2)</u>	<i>жить для себя</i> € «жить»	<u>жить, Но жить для себя 18</u>
8	прожить, И не бросить его (19)	<i>не бросить его</i> € «жить»	прожить, Но не бросить его 1
9	прожить, И не бросить её (18)	<i>не бросить её</i> € «жить»	прожить, Но не бросить её 2
10	жить, И отказывать себе во всём	<i>отказывать себе во всём</i> € «жить»	жить, Но отказывать себе во всём 20
11	жить, И думать о себе (11)	<i>думать о себе</i> € «жить»	жить, Но думать о себе 9

3. Интерпретация результатов

Полученные результаты могут быть интерпретированы следующим образом.

Вероятно, можно говорить о трех уровнях нормативной картины мира этноса: уровне идеала (верхний предел должного), прототипическом уровне, где сосредоточены представления о естественном положении дел (базовый уровень должного), и, наконец, уровне стереотипа, аккумулирующем представления, не имеющие отношения, собственно, к понятию нормы (вне сферы

должного), а только к типичности совместной встречаемости нескольких категорий или признаков. Пропозиционально можно дать следующие дефиниции указанным уровням: прототипический уровень – «Если Q, то P, и это естественно» (если ты женщина, то ты заботлива), уровень идеала – «Если Q включает P, то Q – самый лучший представитель категории» (если он сделал что-либо, пожертвовав собой, то он – самый лучший представитель категории), уровень стереотипа – «Если Q, то часто можно подумать о P» (если ты блондинка, то можно подумать, что ты неумная). Оговоримся, что в рамках данной публикации уровень стереотипа мы рассматривать не будем.

Значение слова, а точнее, денотативное значение слова, включает в себя представления о месте объекта, процесса, явления на всех трёх упомянутых уровнях нормативной картины мира. Иначе говоря, в представление о классе объектов, процессов, явлений, которые могут быть обозначены данным словом, кроме образных (параметрических, перцептивных) и понятийных компонентов, входят компоненты, фиксирующие представления о наилучшем образце данной категории, о свойствах и качествах естественного, прототипического представителя данной категории, так же как и о том, о чём чаще всего можно подумать, воспринимая объект данной категории.

Мы полагаем, что в первой части нашей экспериментальной работы для аргументации в пользу тезиса «Варя хорошая» респонденты использовали предикаты как уровня «идеала», так прототипического уровня. Уже на первом этапе при анализе аргументирующих дискурсов стало заметно, что самые частотные предикаты при аргументации в пользу тезиса «Валя хорошая» (*пожертвовала собой, отказывала себе во всём*) 1) сопровождались рефлексиями информантов об исключительности таких людей: *человек, который способен жертвовать собой ради счастья и благополучия других, действительно редкость* (20 лет, жен.); 2) использовались также и при аргументации в пользу противоположного утверждения «Валя плохая»: *Она пожертвовала своей жизнью, судьбой, счастьем сначала из-за брата, потом из-за ребёнка. Она привыкла приносить себя в жертву и всегда будет из-за этого страдать. Каждый в ответе только за себя* (22 года, жен.).

Можно предположить, что именно нормативные представления, принадлежащие уровню «идеала», наиболее часто подвержены изменениям: они могут оспариваться, отрицаться и, в конце концов, могут быть «вымараны» из нормативной картины мира. На возможность «вымарывания» идеала, а затем возвращения его в нормативную картину мира косвенно указывают данные о частотности употребления вербативного синлекса *пожертвовать собой* в письменных текстах на русском языке по данным сервиса Google n-gramm Viewer (рис. 2): мы можем наблюдать головокружительные подъёмы частотности в знаковые для страны годы (1917–1924, 1940–1945), перемежающиеся столь же резкими провалами (1924–1939, 1945–1958).

Рис. 2. Динамика частотности глагольной синтагмы пожертвовать собой по данным Google n-gramm Viewer

Отделить более чётко денотативные признаки, принадлежащие уровню «идеала», и признаки прототипического уровня нормативной языковой картины мира помогли результаты второй части экспериментальной работы. Обработка ответов респондентов показала, что те денотативные признаки, которые были частотны в аргументирующих дискурсах, но оказались в ответах респондентов маркированы как несоответствующие норме при естественном положении дел, следует отнести к «идеальным» денотативным признакам. Таких признаков оказалась 2, один (уже обсуждавшийся) – для характеристики категории «действие/поступок» («жертвовать собой»), а для другой для характеристики процессуальной категории «жить» («отказывать себе во всём»): 100% респондентов выбрали как более естественные суждения «сделать, но пожертвовать собой» и «жить, но отказывать себе во всём».

Все остальные предикаты, использованные в первой части эксперимента в аргументирующих дискурсах и отмеченные респондентами по итогам теста Дюкро как соответствующие нормативным ожиданиям (X, и Y), мы отнесли к прототипическому уровню нормативной картины мира. Так, выборы, сделанные респондентами относительно самых частотных адъективов *добрая* (женщина) и *светлый* (человек), показывают, что признаки, актуализируемые этими прилагательными, ингерентны денотативным классам «женщина» и «человек» соответственно, а пропозиции «это человек/это женщина» не вступают в противоречие с пропозициями «он – светлый/она – добрая»). Хотя кажется интересным, что денотат *женщина* естественным образом инкорпорирует в себя характеристику *добрая* как для женщин-респонденток, так и для мужчин, а вот признак доброты для категории «человек» признают естественным и нормальным менее половины женщин, но более 80% мужчин. Таким образом, можно поставить вопрос о гендерной диверсификации прототипической картины мира.

Другой фактор диверсификации – возрастной. Влияние этого фактора обнаруживается при анализе возрастной характеристики и выбора тестовой формулы с прилагательным *светлый* – чем моложе респондент, тем менее

прототипической кажется ему эта характеристика для денотативного класса «человек».

Другие «прототипические» характеристики процесса, обозначаемого глаголом *жить*, по данным второго этапа эксперимента с тестовой формулой Дюкро, таковы: *жить*, и желать счастливой жизни другим; и посвятить себя другим; и помогать другим; и отдавать всё другим; и не бросить его/её. С последним признаком можно наблюдать ситуацию гендерной гетерогенной сфокусированности – у женщин-респонденток частотность выбора «жить, и не бросить ЕГО» была выше, чем «жить, и не бросить ЕЁ», а у респондентов-мужчин – наоборот.

В зону «турбулентности» попали такие характеристики, как: жить и/но думать о себе, а также жить и/но для себя/для другого. В последнем случае в ответах респондентов содержится противоречие: большинство респондентов выбрали как более естественные два разнонаправленных по аргументативному вектору сочетания «жить, но жить для себя» и «жить, но жить для другого». Предполагаем, что здесь мы наблюдаем столкновение представлений, являющихся частью прототипической картины мира этноса, и представлений о «нормальном» положении дел, сформированных в персональном житейском опыте.

Наконец, уже устоявшейся прототипической и естественной характеристикой процесса *жить* можно считать отсутствие необходимости в аскетизме, в отказе от большинства потребностей – *жить, но отказывать себе во всём* был единственным вариантом, выбранным информантами.

Мы можем визуализировать полученные результаты следующим образом:

Признаки категорий «человек», «делать», «жить» в нормативной русской языковой картине мира на прототипическом уровне и уровне идеала

Уровень идеала		Жертвовать собой	Отказывать себе во всём
Прототипический уровень	светлый		помогать другим, не отказывать себе во всём, не бросать других, посвятить себя другим, желать счастливой жизни другим
Зона «турбулентности»			жить для другого?/ для себя?, не думать о другом?/ себе?
«человек»		«делать»	«жить»

Вывод, или Зачем это нужно лингвистике?

Лингвистика достаточно давно оперирует термином «языковая картина мира», определяя его как ментальный способ или форма и результат отображения человеком мира [10. С. 16]. По мере исследования понятие картины

мира всё более детализируется, дробится [11], в нём проявляются разные измерения, появляется гносеологический «объём». В частности, выделены такие измерения картины мира, как ценностное (ценностная (языковая) картина мира [12, 13]), нормативное (нормативная (языковая) картина мира [14, 15]). Так, Л.Г. Ефанова определяет нормативную языковую картину мира как отражённую в семантике языковых единиц разных уровней систему социально обусловленных и регулярно выражаемых средствами данного языка представлений о том, каким должен быть человек, социум и весь окружающий мир для того, чтобы получить со стороны социального субъекта положительную оценку и не вызвать у него неодобрительного отношения [16]. Однако следует принять во внимание тот факт, что нормативная языковая картина мира неоднородна с точки зрения её проницаемости для рефлексии и интроспекции. Не все её содержания регулярно эксплицитно объективируются средствами языка – они могут лишь подразумеваться, имплицитоваться денотативным значением языковой единицы самой по себе, не сопровождаемой средствами или маркерами оценки. Происходит это, вероятно, потому, что представления, формирующие нормативную языковую картину мира, не всегда обусловлены положительной оценкой отражаемого ими положения дел – они часто фундированы в разделяемых членами лингвокультурного сообщества соглашениях о том, что считать естественным положением дел *tacito consensu*, которое никакой оценки не содержит, но отклонение от такого положения дел сразу же маркируется отрицательно. Такой уровень нормативной языковой картины мира мы предлагаем назвать *прототипической языковой картиной мира* – совокупностью разделяемых представителями лингвокультурной общности и имплицитно включенных в денотативное значение лексических единиц данного языка представлений о признаках, качествах объектов, процессов, феноменов окружающей среды при естественном, нормальном положении дел.

Что даёт изучение такого аспекта нормативности семантике? Нам представляется, что изучение такого имплицитного прототипического «зерна» в значении слова даёт существенный импульс к пониманию того, какова функция того или иного слова в речевом общении. Если мы вернёмся к извечному вопросу семантики «что есть значение слова?», то можно предположить, что это – сконцентрированный социальный опыт, некая социальная матрица, доступ к которой открывает вербальная форма. Как отмечает П. Тибо, «понятие функциональности языка должно быть пересмотрено: следует говорить не о собственно функциях вербальных форм в языке, но, скорее об их функциях в речевом взаимодействии субъектов» [17].

Следовательно, лингвисты смогут более точно ответить на вопросы, которые кажутся простыми, если рассматривать значение слова как дескрипцию его места и функции в лексической системе языка, но обнаруживают свою нетривиальность в контексте реального речевого взаимодействия:

Что значит слово *человек* в нижеследующем диалоге героинь фильма «Любовь и голуби» Надежды и Раисы Захаровны?

РЗ: *Успокойтесь, прошу вас. Вы его любите?*

Н.: *Чего?*

РЗ: Любите ли вы этого человека?

Н.: Да какой это человек? Да был бы это человек, да разве бы он так поступил?

Что подразумевают слова *мужчины* и *женщины* в речевом взаимодействии создателей телеканала и их потенциальных зрителей, если рекламный слоган гласит:

Телевидение для мужчин и умных женщин...

Представляется, что изучение прототипической языковой картины мира имеет определённые перспективы для решения проблем семантического описания языковых единиц.

Литература

1. Стернин И.А. Структурные компоненты значения слова // Русистика и современность. Т. 1: Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. СПб., 2005. С. 30–38.
2. Mortureux M.-F. La lexicologie: entre langue et discours. P. : Armand Colin. 2013. 207 p.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Трейси К., Роблз Дж. Повседневный разговор: Строение и отражение идентичности / пер. с англ. М.: Гуманитарный центр, 2015. 448 с.
5. Ducrot. O. Les modificateurs déréalisants // Journal of Pragmatics. 1995. № 24. P. 145–165.
6. Урысон Е.В. Союзы *а* и *но* и фигура говорящего // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 64–84.
7. Урысон Е.В. Выбор союза и *vs.* *но/а* при сочинении двух предложений (уточнение понятий «ожидание» и «норма») // Материалы междунар. науч. конф. «Диалог-2015», Москва 27–30 мая 2015. Т. 1. М., 2015. С. 579–589.
8. Шарова М.К. Фрагмент прототипической картины мира «Человек»: гендер как фактор вариативности // Материалы НПК «Молодежь и наука: проспект Свободный» Красноярск, 28–30 апреля 2015. Красноярск, 2015. С. 71–73.
9. Климовская Г.И. Дело о синлексах (к вопросу о функциональном подходе к номинативному материалу языка) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. Вып. 3 (4). С. 44–54.
10. Зыкова И.В. «Концептосфера культуры» как базисная единица метаязыка лингвокультурологии // Вopr. когнитивной лингвистики. 2015. № 2. С. 13–24.
11. Калиткина Г.В. Рецензия на книгу Л.Г. Ефановой. «Норма в языковой картине мира русского человека» // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2015. №3. С. 202–208.
12. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 166–205.
13. Зализняк А., Левонтина И., Шмелёв А. Ключевые идеи русской языковой картины мира // Отечественные записки. 2002. № 3. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_22.html (дата обращения: 20.07.2015).
14. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков). М.: Наука, 1978. 199 с.
15. Ефанова Л.Г. Субъект нормативной оценки, выражаемой семантикой языковых единиц, как носитель национальной языковой картины мира // Сиб. филол. журн. 2013. № 1. С. 101–106.
16. Ефанова Л.Г. Норма в языковой картине мира русского человека. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2013. 492 с.
17. Thibault P.J. Grammar as System of Second-order Cultural Constraints on Action and Perception: intrinsic functional constraints on language as system of action and representation // Language and Robots: Proceedings of the Symposium. 10–12 December 2007, Aveiro, Portugal. P. 9–11.

PROTOTYPICAL LINGUISTIC WORLDVIEW AND WORD SEMANTICS *TACITO CONSENSUS*: EXPERIMENTAL STUDIES

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 6 (38), 29–42.

DOI: 10.17223/19986645/38/3

Kolmogorova Anastasia V., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation).

E-mail: nastiakol@mail.ru

Keywords: prototypical linguistic worldview, denotative word meaning, norm, semantic valuation experiment, category.

The research is devoted to the study of implicit features of word semantics that are due to speakers' representations of what state of things is considered as natural in the worldview of their ethnic and cultural community.

The research hypothesis is that the picture of the prototypical features of an object or a process, representing a definite fragment of linguistic worldview, is implicitly included into the semantics of the noun or verb which denotes it, predetermining the pragmatic meaning and function of the feature lexical units (e.g. adjectives) which constitute its immediate syntagmatic context.

The theoretical framework of the research includes notions of “subjective” or “ideal norm” [Uryson 2015], broadly discussed in Russian semantic studies, and the phenomenon of “linguistic argumentation” that is actively investigated in French semasiology as a part of lexical and semantic structure of a word [Ducrot 1995].

The research employs the following methods: the method of semantic valuation experiment and qualitative-quantitative analysis.

The experiment design included four stages. At the *first* stage, an experiment was conducted. In the experiment, informants (group 1) produced an argumentative text in response to a stimulus text. At the *second* stage, the most frequent feature lexical units which appeared as part of an argument in the texts of informants were identified. At the *third* stage, these feature lexical units (adjectives and verbs) were presented to informants (group 2) within semantic valuation experiment (e.g.: which statement do you think sounds more natural: *a person, but the bright one*; *a person, and of course, the bright one*). At the *fourth* stage, qualitative-quantitative analysis was carried out. The results of the experiment were ranged according to age and gender groups. In the experiment the informants were presented with the lexical units which had not been frequent in argumentative text-responses at the first stage of the experiment.

The results of the research showed that the adjectives and verbal syntagms identified at the first stage of the experiment and included in the process of verbalization of the arguments in the texts of the informants (group 1) happened to appear in the semantic valuation experiment (group 2) as denominations of prototypical characteristics of the objects/processes in the focus of the first group informants' argumentative discourse; but the author has noticed that the degree of prototypicality of the object or process feature depends on age and gender of informants.

A conclusion is made that there is a necessity for development of a special linguistic worldview – “prototypical worldview” – and that this worldview influences the pragmatics of linguistic units in discourse.

References

1. Sternin, I.A. (2005) [Structural components of the word]. *Rusistika i sovremennost'* [Russian Studies and modernity]. Proc. of the international conference V. 1. St. Petersburg: Sudarynya. (In Russian).
2. Mortureux, M.-F. (2013) *La lexicologie: entre langue et discours*. Paris: Armand Colin.
3. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
4. Tracy, K. & Roblz, J. (2015) *Povsednevnyy razgovor. Stroenie i otrazhenie identichnosti* [Casual conversation. Structure and reflection of identity]. Translated from English. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr.
5. Ducrot, O. (1995) Les modificateurs déréalisants. *Journal of Pragmatics*. 24. pp. 145–165.
6. Uryson, E.V. (2004) Soyuzy a i no i figura govoryashchego [Conjunctions “and” and “but” and the speaker]. *Voprosy yazykoznavaniya*. 6. pp. 64–84.
7. Uryson, E.V. (2015) [Selecting conjunction “and” vs. “but” in coordinating two sentences (clarifying the concepts “anticipation” and “norm”)]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*

sii "Dialog-2015" [Proceedings of the International Conference "Dialogue-2015"]. Moscow. May 27–30, 2015. V. 1. Moscow: RSUH. pp. 579–589. (In Russian).

8. Sharova, M.K. (2015) [Fragment of the prototypical image of the world "Man": gender as a factor of variability]. *Materialy NPK "Molodezh' i nauka: prospekt Svobodnyy"* [Proceedings of the conference "Youth and Science: Free Avenue"]. Krasnoyarsk. April 28–30, 2015. Krasnoyarsk: SFU. pp. 71–73. (In Russian).

9. Klimovskaya, G.I. (2008) On synlexes (to the problem of functional approach to the nominative language material). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (4). pp. 44–54. (In Russian).

10. Zykova, I.V. (2015) "Kontseptosfera kul'tury" kak bazisnaya edinita metayazyka lingvo-kul'turologii [The "concept sphere of culture" as a basic unit of the meta-language of cultural linguistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2. pp. 13–24.

11. Kalitkina, G.V. (2015) A Book Review: Yefanova L.G. *Norma v yazykovoy kartine mira russkogo cheloveka* [The Norm in the Language Picture of the World of a Russian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (35). pp. 202–208. (In Russian).

12. Karasik, V.I. (2002) Kul'turnye dominanty v yazyke [Cultural dominants of language]. In: Karasik, V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena.

13. Zaliznyak, A., Levontina, I. & Shmelev, A. (2002) Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira [Key ideas of the Russian language picture of the world]. *Otechestvennye zapiski*. 3. [Online]. Available from: http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_22.html. (Accessed: 20 July 2015).

14. Vol'f, E.M. (1978) *Grammatika i semantika prilagatel'nogo (na materiale ibero-romanskikh yazykov)* [The grammar and semantics of the adjective (based on Iberian Romance languages)]. Moscow: Nauka.

15. Efanova, L.G. (2013) The subject of normative estimation expressed by the semantics of language units as the possessor of the national linguistic picture of the world. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 101–106. (In Russian).

16. Efanova, L.G. (2013) *Norma v yazykovoy kartine mira russkogo cheloveka* [The norm in the language picture of the world of a Russian]. Tomsk: TPU.

17. Thibault, P.J. (2007) Grammar as System of Second-order Cultural Constraints on Action and Perception: intrinsic functional constraints on language as system of action and representation. *Language and Robots: Proceedings of the Symposium*. December 10–12, 2007. Aveiro, Portugal. pp. 9–11.

УДК 811.161.1'42 + 659.123.1
DOI: 10.17223/19986645/38/4

Т.Б. Колышкина, И.В. Шустина

ВОСПРИЯТИЕ КОНЦЕПТА «КРАСОТА» РАЗЛИЧНЫМИ ГРУППАМИ УЧАСТНИКОВ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В центре исследования – особенности восприятия концепта «красота» в рекламной коммуникации. В статье представлена методика, позволяющая выявить частотные характеристики анализируемого концепта и особенности его восприятия различными группами респондентов. Результаты эмпирического исследования позволяют определить семантическое поле концепта и параметры, значимые для респондентов. Выводы, полученные авторами, позволяют сформулировать рекомендации для разработки рекламных текстов.

Ключевые слова: рекламная коммуникация, концепт, семантическое наполнение, кластерный анализ, ассоциативное поле.

Коммуникация в коммерческой рекламе характеризуется опосредованным дистантным общением с имплицитным адресатом и не предполагает немедленного отклика. Как правило, рекламный текст воспринимается в едином потоке с другой информацией, не подлежит глубокому аналитическому осмыслению, поэтому разработчики привязывают его содержание к определенным темам, установкам, ценностям, которые понятны значительному числу людей. В этом случае использование концептов позволяет повысить эффективность рекламы, поскольку такой подход, по утверждению В.И. Карасика, связан с универсальными и этноспецифическими характеристиками языкового сознания [3. С. 27].

Методы анализа концепта рассматриваются в исследованиях разных ученых. Например, В.И. Карасик выделяет следующие этапы: семантический анализ слов, называющих имена концептов; этимологический анализ слов-репрезентантов концепта; семантический анализ переносных ассоциативных значений слов, номинирующих концепты; интерпретативный семантический анализ контекстов, в которых реализуются слова, выражающие концепты; интерпретативный культурологический анализ; интерпретативный анализ ценностно-маркированных высказываний; анализ коротких сочинений, написанных информантами на тему, соответствующую содержанию концепта; анализ ассоциативных реакций информантов на вербальное обозначение концепта [3. С. 32]. В дополнение к вышесказанному используются и другие процедуры анализа Концептов. Ю.С. Степанов предлагает изучать слоистую структуру концепта; метод дефиниционно-компонентного анализа, с помощью которого выявляются понятийные признаки на базе анализа сем языковой единицы, представлен в исследовании Н.П. Сидоровой [9. С. 5]. В поле исследовательских интересов Г.Г. Слышкина входят процедуры изучения институционального и персонального дискурса как совокупности апелляций к определенным концептам [10. С. 109, 122]. Комплексная методика семанти-

ко-когнитивного исследования концептов представлена в работе З.Д. Поповой и И.А. Стернина. Авторы выделяют следующие этапы: построение номинативного поля концепта; анализ и описание семантики составляющих его языковых единиц; когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств – выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу; верификация полученного когнитивного описания у носителей языка; описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков [7. С. 160]. Общим для представленных методик является интерпретация языковых единиц, репрезентирующих концепты, выявление частотных характеристик и описание по этим характеристикам типологических признаков исследуемых концептов. Предложенные методики могут быть продуктивны и для исследования коммерческой рекламы, поэтому в поле нашего исследования попадают концепты, типичные для рекламной коммуникации.

Один из них – концепт *красота*. Данный концепт, с одной стороны, связан с интуитивным пониманием красивого, прекрасного, которое свойственно человеку от рождения, с другой – он представляет определенные нормы и законы красоты, которые сложились в обществе. Обзор работ, посвященных его изучению, показал различные аспекты анализа. В исследованиях В.З. Демьянкова отмечается разная степень наполненности лексемы *красивый* в разных языках, подчеркивается его жанровая специфика, отмечаются национальные стандарты употребления. Кроме того, автор противопоставляет активную и пассивную красоту, когда в одном случае осуществляется демонстрация своей красоты, а в другом происходит ее пассивное восприятие, сопровождающееся эмоциональным ощущением [2. С. 170]. Противопоставление красоты внешней и красоты духовной (внутренней) представлено у А.Л. Леонтьевой [5. С. 545–562]. С.Ю. Сахарова анализирует структуру представлений о прекрасном и безобразном в украинской национальной языковой картине мира. Исследователь отмечает, что наиболее ярким воплощением прекрасного в наивной языковой картине мира является природа, в то время как оценка положительных характеристик человека, как внешних, так и внутренних, отличается стереотипностью [5. С. 573–585]. Через категорию оценки строит лексико-семантическое поле концепта *красота* Т.Н. Федотова. Автор приходит к выводу, что сложная структура этого поля формируется «словами из разных смысловых областей, которые при определенных условиях имеют точки соприкосновения с полем красоты». В структуре рассматриваемого поля автор выделяет эмоциональную оценку, эстетические чувства, оценку качества, внешнюю оценку [13. С. 131–135]. Выступая как субъективный фактор в коммуникации, лексема, передающая оценку, представляет собой закрепленное понятие отображения тех или иных свойств предмета оценки. Н.Д. Арутюнова, рассматривая красоту с точки зрения эстетики, отмечает, что в основе данного понятия лежит представление о норме, что женская и мужская оценка красоты ориентируется на разные критерии: красота мужчин функциональна, а женщин привлекательна [1. С. 8]. Однако такое качественное своеобразие концепта *красота* не исследовалось применительно к коммерческой рекламе. Учитывая специфику последней, необходимо проверить

идею о возможном обобщении данного положения и выработке рекомендаций.

Это обусловило цель исследования – выявить, как воспринимается концепт *красота* участниками рекламной коммуникации, дифференцированными по полу.

Методика исследования. Традиционно исследование в области рекламной коммуникации (далее РК) касается текста и фактически сводится к выявлению того, что закладывает в него рекламодатель, исключая второго субъекта коммуникации – потребителя. Практика анализа концептов позволяет выявить, какое наполнение вкладывают носители языка в то или иное понятие, и определить его частотность. В основе данного исследования – методика Поповой, Стернина, модифицированная под задачи исследования, предполагающая: 1) анализ семантики языковых единиц, объективирующих концепт в рамках РК (выявление первого набора дескрипторов); 2) ассоциативный эксперимент, направленный на выявление субъектного значения понимания концепта в понимании инициатора РК (выявление второго набора дескрипторов с помощью группы экспертов); 3) составление опросника для выявления субъективного содержания концепта реципиента РК; 4) тестирование реципиента РК (выявление третьего набора дескрипторов); 5) контент-анализ ассоциативных реакций реципиента РК на вербальное обозначение концепта; 6) систематизация ассоциативных реакций реципиента РК по семантической близости; 7) расчет коэффициентов субъективной потребительской значимости концепта для реципиентов различных групп. В данной статье речь пойдет о 3–7-м этапах исследования. Подробное описание предыдущих этапов представлено в [4. С. 12–24].

Отбор респондентов. Опрос проводился в торговых центрах г. Ярославля непосредственно при входе в тот или иной отдел. Отбор респондентов для исследования осуществлялся после ответа на вопрос, *совершаете ли вы покупки под воздействием рекламы*. Если ответ был положительный, то предлагалось заполнить анкету. Для реализации цели исследования выборка была дифференцирована по полу. Учитывая, что среднее количество посетителей таких отделов составляет примерно 300 человек в день, приемлемый объем для каждой из групп 70 человек (общий объем выборки 140 человек), что допустимо с точки зрения статистической погрешности (ошибка выборки $\pm 5,13$ п.п., уровень надежности 90%).

Процедура исследования. Исследование было организовано как квази-экспериментальная процедура. Оно было направлено на выявление зависимости между полом респондента и качественным наполнением концепта *красота*. Для выявления первого набора дескрипторов использовался лексико-семантический анализ языковых единиц, репрезентирующий концепт *красота* в рекламных текстах. Второй набор дескрипторов был выявлен в результате опроса группы экспертов. В качестве экспертов выступали специалисты в области РК. Экспертам было предложено продуцировать любые ассоциации, связанные с понятием *красота* применительно к РК, предлагалось привести не менее 5 ассоциаций. В наборе оказались разные лексические единицы (отдельные части речи, словосочетания). Список полученных дескрипторов обрабатывался специалистами для исключения синонимичных и незначимых.

Первичный вариант был определен путем перевода оставшихся дескрипторов в существительные. Полученные на данном этапе результаты были объединены в шкалы семантического дифференциала (далее СД) для оценки красоты товара и оценки красоты человека.

На основании выявленных результатов была составлена анкета для опроса респондентов. Анкета включала три блока вопросов: паспортичку, открытые вопросы и шкалу СД. В качестве открытых вопросов использовалась методика незаконченных предложений. Инструкция: *Ниже приведены незаконченные предложения, пожалуйста, закончите их. Ваши ответы запишите на строчках ниже: (Красота в рекламе – это...; Когда в рекламе хотят показать красоту товара, то ...; Когда в рекламе хотят показать, что с приобретением товара человек станет красивее, то...; Представьте, что вы приобрели красивый товар и очень им довольны. Какие слова Вы будете использовать, чтобы рассказать знакомым, что этот товар стоит покупать, потому что он красивый (3–5 примеров); Поставьте себя на место производителя. О чем можно сказать в рекламе, чтобы подчеркнуть, что с приобретением данного товара потребитель станет красивее (3–5 примеров).* Шкала семантического дифференциала для оценки товара состояла из 20 шкал, для оценки человека в рекламе из 18 шкал. Заполнение анкеты осуществлялось респондентом лично.

Данные заносились в кодировочные таблицы. Обработка качественной информации осуществлялась методом контент-анализа, количественной включала расчет среднего и кластерный анализ (построение графа – кластерного дерева). Такая процедура позволила сократить количество переменных, объединить их на основе сходства в семантическом пространстве потребителей каждой из исследуемых групп и устранить субъективность интерпретации.

Достоверность и надежность полученных результатов обеспечивалась статистическими методами, обработка информации осуществлялась с помощью пакета программ «Statistica 6.0».

Результаты исследования

Анализ текстов коммерческой рекламы (1115 текстов) позволил выявить тематические группы, репрезентирующие исследуемый концепт, проведен ассоциативный эксперимент, направленный на выявление типичных реакций адресата рекламной коммуникации на слово *красота*. На втором этапе для объективации результата осуществлялись опрос респондентов и обработка полученных данных методами математической статистики.

Остановимся на результатах, полученных в ходе исследования. Анализ рекламных текстов, в которых представлена лексема *красота*, показал, что здесь реализуются значения, представленные в толковом словаре, которые направлены на демонстрацию внешних качеств: 1. 'Приятный на вид, отличающийся правильностью очертаний, гармонией красок, тонов, линий и т.п.'; 2. 'Имеющий такие черты лица, фигуру; привлекательный, видный'; 3. 'Отличающийся стройностью и изяществом движений'; 4. 'Приятный для слуха'; 5. 'Рассчитанный на эффект, на внешнее впечатление' [1. С. 245]. Первое, второе и пятое значения наиболее частотны в рекламных текстах.

Данные значения применительно к разным группам товаров могут быть

реализованы по-разному. Это может быть указание на сам объект рекламирования (*Красота нового Peugeot 2007 сразу бросается в глаза. Мускулистые обводы кузова, грациозная подвижность, цепкий «кошачий» взгляд хищника*), на потребителя, отождествляющего себя с рекламным персонажем, который покупает товар и в результате его использования становится красивым (*Новый каталог «Орифлейм». Как много интересных новинок! О! То, что мне нужно! Первая в мире трехслойная помада «Три в одном». Три слоя сочетают насыщенный цвет, увлажнение и сияющий блеск. Восхитительный эффект! Каталог Oriflame. Все для моей красоты!*), или на эстетическое наслаждение, которое испытывает потребитель (*Я покажу Вам остров божественной красоты, где роскошные 5-звездочные отели и превосходные рестораны бриллиантовой россыпью на залитых солнцем пляжах*). Было установлено, что частота употребления лексемы в рекламе различных товарных категорий неодинакова. Наиболее активно слово *красота* употребляется при продвижении косметики, туристических и гостиничных услуг, реже в рекламе автомобилей, мебели, БАДов и др.

Для обыденного сознания обязательным является понятие *внутренняя красота* человека, трактуемая как 'духовная красота', 'богатство внутреннего мира'. Однако такое значение нетипично для рекламного дискурса. Возможно, это связано с тем, что потребитель должен видеть результат действия товара или услуги, а духовная красота является неизмеримой и неосязаемой. Заметим, что понятие *внутренняя красота* в рекламе истолковывается как хорошее здоровье, природная (не искусственная) красота, хорошее настроение, позитивное отношение к миру (*Естественная красота – твое самое драгоценное украшение. Не теряй ее, ведь теперь есть Beauty – первый молочный продукт для красоты. Его уникальная 3D Regeneo формула с витаминами, минералами и соком алоэ действует изнутри в трех направлениях, укрепляет и питает кожу, волосы и ногти. Эффективность Beauty подтверждена клинически. Beauty. Поддержи красоту изнутри!*).

Анализ текстового материала показал, что представление о красоте в рекламе формируется на основании разных параметров. Однако в сознании носителей языка они объединяются в следующие лексические парадигмы: красота как соответствие идеалу, красота как гармония, красота как элегантность, красота как роскошь, красота как естественность, красота как здоровье, красота как молодость, красота как забота, красота как мода, красота как имидж, красота как приятный внешний вид, красота как яркость, красота как оригинальность, красота упаковки.

На данном этапе было установлено, что концепт *красота* в рекламной коммуникации используется для характеристики товара и для характеристики человека, использующего красивый товар, т.е. можно говорить о субъект-объектной и субъект-субъектной оценке. Естественно, что данные характеристики не могут совпадать. Для того чтобы осуществить дифференциацию признаков, был проведен ассоциативный эксперимент. Его результаты показали, что для характеристики красивого товара (субъект-объектная оценка) потребители используют следующие параметры: *внешний вид, мода, здоровье, забота, натуральность, успех, гармония, необычность, бренд, индивидуальность, стиль, яркость, образ жизни, эстетичность, дизайн, молодость,*

имидж, очарование, упаковка, высокая стоимость¹. При характеристике красивого потребителя (субъект-субъектная оценка) используются иные параметры: *внешний вид, мода, здоровье, забота, статус, успех, гармония, необычность, ухоженность, индивидуальность, стиль, яркость, образ жизни, эстетичность, молодость, имидж, очарование, привлекательность*.

По результатам второго этапа исследования было установлено, что значимость выявленных параметров неодинакова. Для этого был рассчитан коэффициент субъективной потребительской значимости² (далее КСПЗ) и построены дендрограммы семантического пространства для мужской и женской целевой аудитории для субъект-объектной и субъект-субъектной оценки.

Рассмотрим результаты субъект-объектной оценки для мужской и женской выборки.

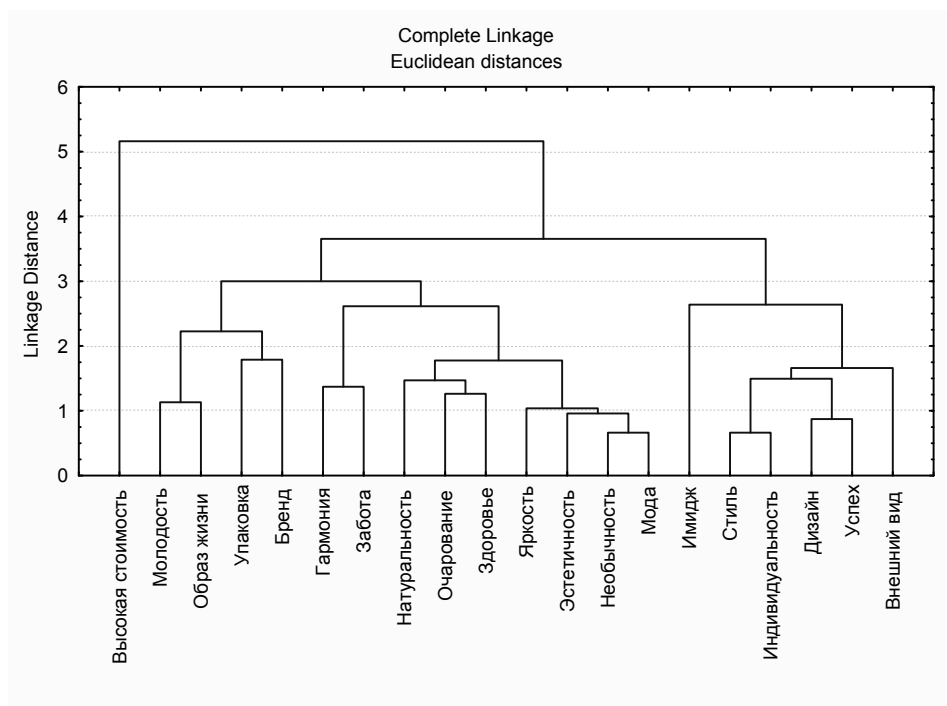

Рис. 1. Семантическое пространство концепта *красота товара* по оценкам потребителей мужчин

Как видно из рис. 1, в семантическом пространстве потребителей мужчин выделяются три кластера. Первый кластер делится на два подкластера, которые включают объединенные попарно категории *успех* (4,2) и *дизайн* (4,3), *индивидуальность* (4,3) и *стиль* (4,3) и примыкающие к кластеру конструкты *внешний вид* (4,6) и *имидж* (3,9). Указанные параметры входят в диапазон

¹ Данные параметры были получены в результате ассоциативного эксперимента на основе объединения частотных реакций.

² Коэффициент субъективной потребительской значимости – параметр, отражающий степень связи концепта *качество* с переменными ассоциативного ряда. Рассчитывается на основе среднего. Высокий КСПЗ, если его значение находится в интервале [5; 4,6]; средний КСПЗ, если его значение находится в интервале [4,5; 4,1], низкий КСПЗ – в интервале [4,0; 1,0].

высокого и среднего КСПЗ и оказывают влияние на потребителя при выборе товара.

Второй кластер делится на три подкластера. В первый подкластер иерархически объединяются понятия *мода* (3,8), *необычность* (4), *эстетичность* (4), *яркость* (4,2). Во второй – *здоровье* (4), *очарование* (3,5), *натуральность* (4,2). В третий – *забота* (4,2) и *гармония* (3,7). Данные параметры, отличающиеся средним КСПЗ, оказывают незначительное влияние на выбор представителей данной группы. В третьем кластере группируются попарно конструкторы *упаковка* (3,6) и *бренд* (3,7), *образ жизни* (3,5) и *молодость* (3,2). Их низкий КСПЗ позволяет сделать вывод о том, что данные параметры незначимы для респондентов.

Изолирован в семантическом пространстве потребителей мужчин конструктор *высокая стоимость* (2,5), он имеет низкий коэффициент потребительской значимости, поскольку не отождествляется у данной группы потребителей с красивым товаром.

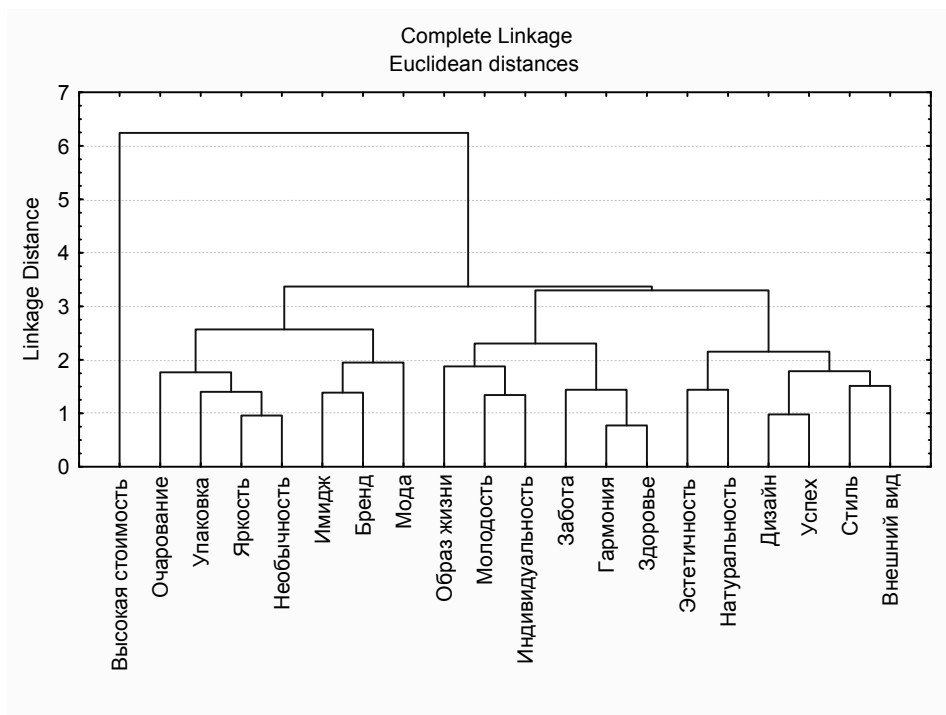

Рис. 2. Семантическое пространство концепта *красота товара* по оценкам потребителей женщин

В семантическом пространстве потребителей женщин (рис. 2) также выделяются три кластера. В первом кластере объединяются попарно понятия *внешний вид* (4,7) и *стиль* (4,3), *успех* (4,1) и *дизайн* (4,3), *натуральность* (4,1) и *эстетичность* (4,5). Максимальной потребительской значимостью обладает параметр *внешний вид*, что можно объяснить тем, что женская целевая группа красоту ассоциирует в первую очередь с внешним обликом.

Второй кластер делится на два подкластера, каждый из которых включает по три конструкта. В первый подкластер входят *гармония* (4), *здоровье* (4,1), *забота* (3,7), во второй *индивидуальность* (3,7), *молодость* (3,6), *образ жизни* (3,4). В третьем кластере понятия также группируются в два подкластера. В первом объединяются *бренд* (3,7), *имидж* (3,8), *мода* (4), во втором иерархически объединяются *необычность* (3,7), *яркость* (4), *упаковка* (3,9), *очарование* (4).

Категории второго и третьего кластеров обладают низким КСПЗ и не являются значимыми при выборе товара. Отлетающим конструктом как и у мужчин, является понятие *высокая стоимость* (2,5).

В результате проведенного анализа было выявлено совпадение некоторых конструктов, образующих семантическое пространство концепта *красота* применительно к товару.

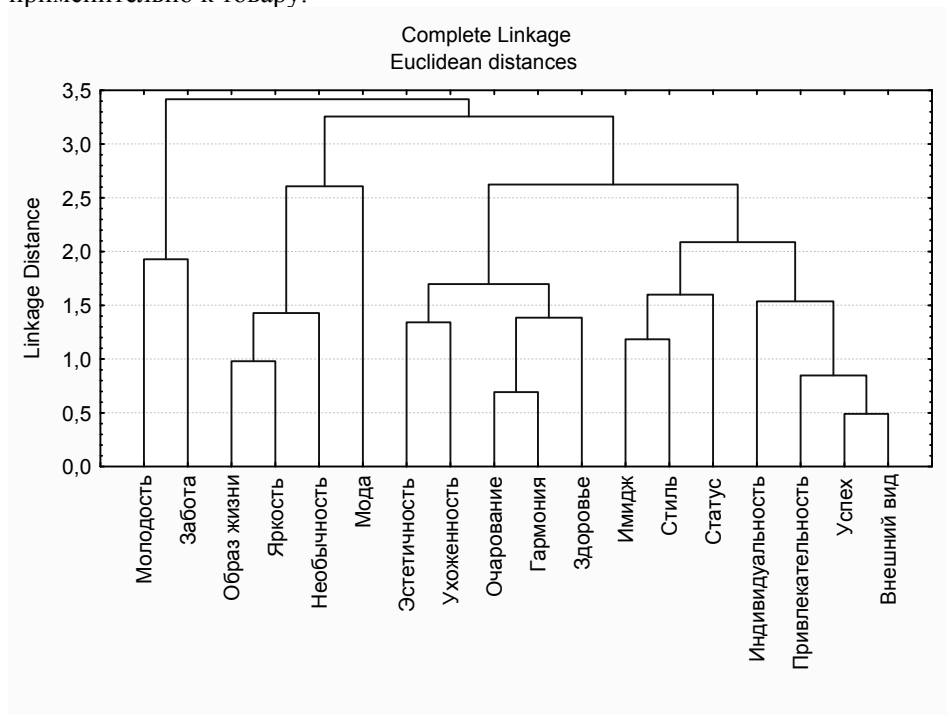

Рис. 3. Семантическое пространство концепта *красота потребителя* по оценкам потребителей мужчин

Общими для мужской и женской аудитории оказались вошедшие в первый кластер конструкты *внешний вид*, *успех*, *стиль*, *дизайн*. Это позволяет говорить о сходстве семантического наполнения ядра кластера. Сочетание данных понятий говорит о том, что потребители выбирают товар, отличающийся красивым внешним видом, дизайнерским решением, подчеркивающим стиль и являющимся символом успеха. То же самое относится и к периферии, поскольку обнаруживает сходство и категории других кластеров: во втором кластере это *здоровье*, *забота*, *гармония*; в третьем – *бренд*. Кроме того, по свидетельству мужчин, он способен подчеркнуть *индивидуальность*, а по

мнению женщин – *эстетичность*. Однако выявленные категории за исключением внешнего вида обладают средним и низким КСПЗ. Это говорит о том, что категория *красивый товар* не является универсальной для рекламной коммуникации. Апеллировать к красоте товара следует только при рекламировании определенных товарных групп.

Рассмотрим результаты субъект-субъектной оценки для мужской и женской выборки.

В семантическом пространстве потребителей мужчин (рис. 3) категории, обозначенные в качестве значимых параметров, распределились в три кластера.

Первый кластер делится на три подкластера. В первый подкластер входят понятия *внешний вид* (4,5), *успех* (4,5), *привлекательность* (4,6). Во втором подкластере объединяются *имидж* (4,2), *стиль* (4,3), *статус* (3,9). В третий подкластер входят понятия *очарование* (4,2), *гармония* (3,8), *здоровье* (3,5), *ухаживенность* (4,4), *эстетичность* (4). Большинство конструктов, образующих данный кластер, отличаются высоким и средним КСПЗ, что позволяет отнести их к ядру кластера.

Второй кластер иерархически объединяет понятия *яркость* (3,7), *образ жизни* (4), *необычность* (3,8), *мода* (3,8). Третий кластер удален в семантическом пространстве потребителей мужчин от других категорий, его составляют понятия *забота* (3,5) и *молодость* (3,5). Понятия, образующие второй и третий кластер, не значимы для респондентов женщин.

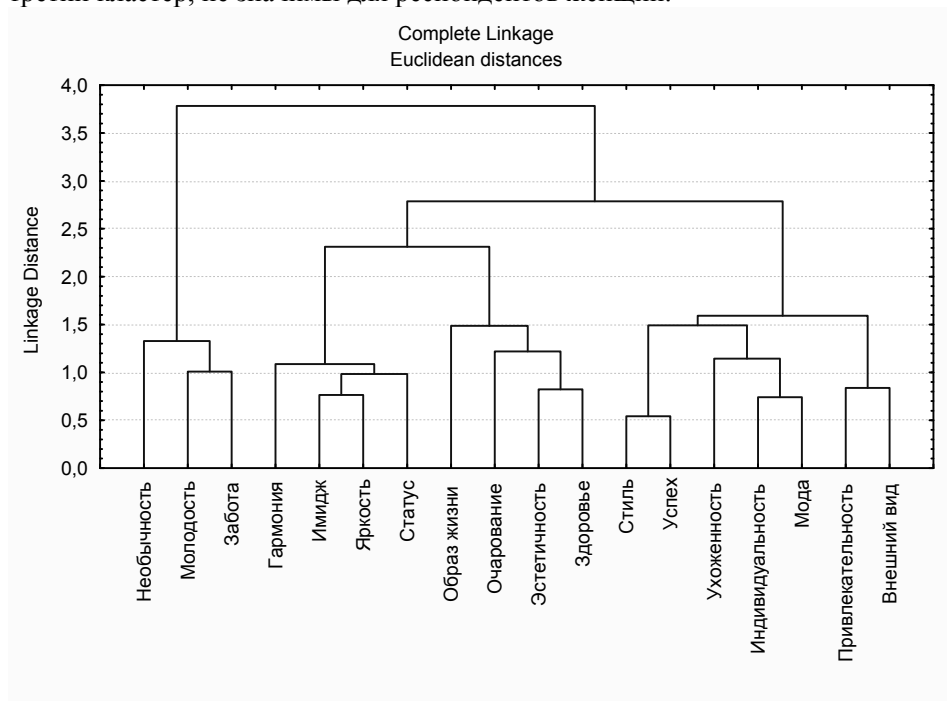

Рис. 4. Семантическое пространство концепта *красота потребителя* по оценкам потребителей женщин

В семантическом пространстве потребителей женщин (рис. 4) также можно выделить три кластера. В первый кластер входят понятия *внешний вид* (4,6), *привлекательность* (4,8), *мода* (4,2), *индивидуальность* (4,3), *ухаженность* (4,7), *успех* (4,3), *стиль* (4). Все указанные параметры входят в зону высокого и среднего КСПЗ, поэтому оказывают влияние на потребительский выбор.

Второй кластер делится на два подкластера. В первый подкластер входят понятия *здоровье* (4,3), *эстетичность* (4,3), *очарование* (4,1), *образ жизни* (4,3). Во втором подкластере объединяются *имидж* (4), *яркость* (4), *статус* (3,9), *гармония* (3,9). Значимыми для женщин являются понятия *здоровье* и *эстетичность*. Такая закономерность объясняется тем, что в русской культуре здоровье воспринимается как естественная внутренняя красота человека, а эстетичность характеризует отношение к рекламному персонажу с точки зрения внешних параметров, направленных на себя. Третий, изолированный, кластер образуют категории *забота* (3,9), *молодость* (3,8), *необычность* (3,8).

Сопоставление результатов, полученных в мужской и женской выборках применительно к красоте потребителя товара, позволяет сделать следующие выводы. Общими для мужской и женской потребительской аудитории являются конструкты *внешний вид*, *успех*, *индивидуальность*, *стиль*, *привлекательность*; во втором кластере совпадение выявлено в категориях *здоровье*, *эстетичность*, *очарование*; в третьем кластере – *яркость*. Реализация концепта *красота* применительно к потребителю товара обнаруживает больше общего, определяющего поведение целевой аудитории, чем непосредственно сам красивый товар. Кроме того, следует отметить, что зона потребительской значимости (количество конструктов с высоким и средним КСПЗ) существенно шире, чем в предыдущем случае. Следовательно, обращаясь к концепту *красота*, специалисты, разрабатывающие рекламу, могут делать такие предложения, которые обеспечат человеку желаемый внешний вид, а не сам факт обладания красивым товаром.

Разработчикам рекламы необходимо учитывать следующую закономерность: для мужчин важна внешняя оценка, отличающаяся некоторым постоянством и реализованная в понятии *имидж*, а для женщин значима внешняя оценка, характеризующаяся постоянным изменением и представленная конструктом *мода*.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Истина. Добро. Красота: Взаимодействие концептов // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2004. 720 с.
2. Демьянков В.З. Пленительная красота // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2004. 720 с.
3. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
4. Колышкина Т.Б., Шустина И.В. Реализация концепта «красота» в рекламном дискурсе // Materiały X Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji «Nauka: teoria i praktyka – 2014». Vol. 4. Filologiczne nauki.: Przemysł. Nauka i studia». 112 str.

5. Леонтьева А.Л. Так что же есть на свете красота?: (Концепт красоты сквозь призму металексикона) // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2004. 720 с.

6. Пименова М.В. Оппозиция «красивый – безобразный» в художественном тексте (на материале сказки «Аленький цветочек») // Всерос. науч. конф. «Художественный текст и культура». Владимир, 1993. С. 169–170.

7. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: АСТ, 2007. 314 с.

8. Сахарова С.Ю. О коннотациях красоты у наименований наблюдаемых объектов // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2004. 720 с.

9. Сидорова Н.П. Сопоставительный анализ структур и способов актуализации русского и английского концептов *луна* и *тоон*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 10 с.

10. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004. 260 с.

11. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

12. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И.Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

13. Федотова Т.Н. Экстралингвистические факторы в исследовании слов лексико-семантического поля красоты // Реальность, язык и сознание. Тамбов, 1999. Вып. 1. С. 131–135.

THE PERCEPTION OF THE CONCEPT “BEAUTY” IN DIFFERENT GROUPS OF ADVERTISING COMMUNICATION PARTICIPANTS

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 6 (38), 43–54.

DOI: 10.17223/19986645/38/4

Kolyshkina Tatiana B., Shustina Irina V., Yaroslavl State Teacher Training University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: ktb-10@mail.ru / shustina-irina@rambler.ru

Keywords: advertising communication, concept, semantic content, cluster analysis, associative field.

The authors of this research analyze the concept “beauty” in advertising communication. The material of the research is commercial advertising in national and local mass media and data of a survey of some specialists and consumers. The research was done in two stages. At the first stage, in the course of content analysis there were determined the most frequent elements of the concept “beauty” such as *appearance, fashion, health, care, naturalness, success, harmony, singularity, brand, individuality, style, brightness, life-style, aesthetics, design, youth, image, charm, packaging and high cost*.

The analysis of the concept “beauty” shows that the meanings of this concept can be realized in different ways for different groups of goods. It can point at an advertising object, at a consumer an advertising text is addressed to, or at the aesthetic pleasure a consumer feels when getting this product. According to the analysis, the authors can distinguish subject-to-subject and subject-to-object evaluation used in advertising. The resources analysis shows that the conception “inner beauty” is not typical for an advertising text.

At the second stage, the research included the elicitation of the semantic content of this concept that native speakers have. To reach this goal, a survey was done and its results were processed by means of cluster analysis. This method helps to form the association field of representatives of different groups (male and female) who are active consumers, to establish semantic similarity and difference in their perception of this concept. To estimate the importance of all these parameters the authors introduced a factor of subjective consumer value.

As a result, it was determined that the constructs *appearance, success, style* and *design* were common for male and female audiences in the context of subject-to-object evaluation. This fact shows the similarity of the semantic content of the cluster core. The combination of these conceptions evidences that consumers choose a product with beautiful appearance, with a special design decision that marks style and symbolizes success. The same can be said about the periphery as it has similarities with the categories of other clusters, e.g. in the second cluster they are *health, care* and *harmony*; in the third one it is *brand*. Besides, according to men, it is able to mark *individuality* and, according to women, it is *aesthetics*.

In the course of the study of subject-to-subject evaluation, constructs *appearance*, *success*, *individuality*, *style* and *attraction* were determined; they are common for male and female consumer audiences. The realization of the concept *beauty* as applied to a consumer shows more common things determining the behavior of target audience than the beautiful product itself. Advertisers need to consider the following: men value outward evaluation that is constant and realized in the concept *image*; women value outward evaluation characterized by continuous changing and represented by the construct *fashion*.

References

1. Arutyunova, N.D. (2004) Istina. Dobro. Krasota: Vzaimodeystvie kontseptov [Truth. Good. Beauty: Interaction of concepts]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki estetiki: Kontseptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical analysis of language. Languages of aesthetics: Conceptual fields of beauty and ugliness]. Moscow: Indrik.
2. Dem'yankov, V.Z. (2004) Plenitel'naya krasota [The captivating beauty]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki estetiki: Kontseptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical analysis of language. Languages of aesthetics: Conceptual fields of beauty and ugliness]. Moscow: Indrik.
3. Karasik, V.I. (2009) *Yazykovye klyuchi* [Language keys]. Moscow: Gnozis.
4. Kolyshkina, T.B. & Shustina, I.V. (2014) [The implementation of the concept of "beauty" in advertising discourse]. *Materiaiy X Miedzinarodowej naukow-i-praktycznej konferencji "Nauka: teoria I praktyka – 2014"*. Volume 4. Filologiczne nauki: Przemyśl. Nauka i studia. pp. 12–24. (In Russian).
5. Leont'eva, A.L. (2004) Tak chto zhe est' na svete krasota? (Kontsept krasoty skvoz' prizmu metaleksiki) [So what is beauty in the world? (The concept of beauty in metalexis)]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki estetiki: Kontseptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical analysis of language. Languages of aesthetics: Conceptual fields of beauty and ugliness]. Moscow: Indrik.
6. Pimenova, M.V. (1993) [The opposition "beautiful-ugly" in a literary text (based on the fairy tale "The Scarlet Flower")]. *Khudozhestvennyy tekst i kul'tura* [Art Text and Culture]. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Vladimir. pp. 169–170. (In Russian).
7. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow: AST.
8. Sakharova, S.Yu. (2004) O konnotatsiyakh krasoty u naimenovaniy nablyudaemykh ob'ektov [On the connotations of beauty in names of observed objects]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki estetiki: Kontseptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical analysis of language. Languages of aesthetics: Conceptual fields of beauty and ugliness]. Moscow: Indrik.
9. Sidorova, N.P. (2010) *Sopostavitel'nyy analiz struktur i sposobov aktualizatsii russkogo i angliyskogo kontseptov luna i toon* [Comparative analysis of the structures and actualization methods of the Russian and English concepts of the moon]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
10. Slyshkin, G.G. (2004) *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty* [Linguocultural concepts and metaconcepts]. Volgograd: Peremena.
11. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
12. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of Russian language: 80 000 words and idiomatic expressions]. Moscow: Azbukovnik.
13. Fedotova, T.N. (1999) [Extralinguistic factors in the study of words of the lexical-semantic field of beauty]. *Real'nost', yazyk i soznanie* [Reality, language and consciousness]. Is. 1. Tambov: Tambov State University. pp. 131–135. (In Russian).

УДК 81'42

DOI: 10.17223/19986645/38/5

Е.Н. Молодыхенко

АКСИОЛОГИЯ ДИСКУРСА КОНСЮМЕРИЗМА: О РОЛИ ЯЗЫКОВОЙ ОЦЕНКИ В ЖАНРЕ ЛАЙФСТАЙЛ

Статья посвящена рассмотрению популярного мужского журнала как способа регламентации широкого спектра социальных практик, с одной стороны, и как инструмента формирования идентичности человека эпохи консюмеризма – с другой. Для обоснования выдвигаемых положений предпринимается анализ системы языковой оценки в ее соотношении с ценностями как социокогнитивной категорией; делается попытка операционализации категории «ценность» в рамках текстоориентированного критического исследования.

Ключевые слова: ценность, оценка, аксиология, идентичность, критический анализ дискурса, дискурс консюмеризма, легитимизация, социальная практика, глянецовый журнал.

К наиболее популярным направлениям современной лингвистики относятся критические текстоориентированные исследования. Среди распространенных объектов такого исследования, в свою очередь, можно выделить наряду с политическим рекламный жанр. Как правило, изучение рекламного жанра связано с рассмотрением риторических эффектов тех или иных параметров вербального текста и сопутствующих кодовых систем. В более широкой перспективе отмечается также роль рекламы в формировании идентичности человека общества потребления.

В фокусе данной статьи – исследование распространенного в настоящее время жанра гендерно-специфицированных изданий, не уступающих, по нашему мнению, рекламе в своей воздействующей силе. Примерами такого жанра могут служить печатные и интернет-версии гляцевых журналов Men's Health или GQ¹. Целью работы является демонстрация двойной роли такого лайфстайл-жанра: во-первых, его функции легитимизации² определенных социальных практик, во-вторых, его роли источника устойчивых представлений мировоззренческого характера. Обе роли, как представляется, связаны с глобальной задачей жанра и реплицируемого им дискурса – продвижением товаров и услуг.

Для рассмотрения первой роли допустимо ограничиться традиционным анализом языковой прагматики и риторических эффектов; для изучения вто-

¹Следует отметить, что реклама в определенном смысле интегрирована в лайфстайл-жанр посредством, к примеру, системы гиперссылок на страницы продавцов и производителей в интернет-версиях или рекламных страниц в бумажных версиях. Сами же тексты статей, как правило, не являются рекламой, по крайней мере, в явном виде.

²Под легитимизацией в критическом дискурс-анализе понимается стратегия обоснования необходимости определенных (дискурсивно реконтекстуализируемых) социальных практик. Данная стратегия предполагает ответ на вопрос: «Почему мы должны это делать (именно таким образом)?». Подробнее см.: [1. С. 105–123].

рой необходим взгляд из более широкой социокогнитивной парадигмы. Направлением лингвистического анализа, сочетающим оба подхода, является критический дискурс-анализ (КДА), в частности когнитивное направление, представленное Т.А. ван Дейком. Основная теоретическая установка данного направления – положение о том, что между конкретными текстами (языковой реализацией) и наблюдаемыми социальными эффектами лежит уровень социальных репрезентаций (social cognition). Одной из форм таких представлений являются ценности.

С операционализацией междисциплинарной категории «ценность» в лингвистическом исследовании сопряжен ряд проблем, в том числе и обсуждающихся в традиционных изучающих ценности направлениях. В первую очередь речь идет о неоднозначности самой категории – ее дефиниции, онтологическом статусе, ее границах и пр. Оставляя без внимания большую часть спорных вопросов, осветим только те, которые непосредственно относятся к представленному ниже текстовому анализу и его интерпретации.

В рамках предлагаемых рассуждений релевантны три возможных варианта трактовки ценностей, приводимых Х. Нордби [2]. В первой из интерпретаций ценность рассматривается как оценка действий людей в рамках традиционных этических координат «добро» и «зло». Такая оценка опирается на убеждения индивида о принципах, которых должен придерживаться человек в отношениях с другими членами социума. С другой стороны, ценности могут приравниваться к обобщенным понятиям, закрепленным в концептах, примерами которых служат «справедливость», «демократия», «равенство» и т.п. Третий вариант истолкования – понимание ценностей как личностных субъективных конструкторов, регулирующих взаимодействие индивида с окружающим миром. Личностные ценности в последнем смысле отличаются от убеждений – они не могут быть истинными или ложными, они определяются личными предпочтениями реализации отношений индивида с окружающим миром, его стилем жизни.

Один из вариантов исследования ценностей в рамках лингвистики – изучение ценностных концептов. В КДА отправной точкой такого исследования является представление о том, что ценностный концепт используется группой социальных акторов для легитимизации определенной практики (см., например, [3]). При этом разные группы акторов могут использовать в таких целях одни и те же концепты, наполняя их специфическим идеологическим содержанием.

Утверждение о том, что манипуляция подобными концептами, например в политической коммуникации, может иметь посткоммуникативный эффект персуазивного характера, представляется вполне обоснованным. Но если рассматривать ценность в третьем из представленных пониманий, статус таких ценностных концептов становится дискуссионным¹. Вместе с тем исследование лайфстайл-жанра позволяет операционализировать ценность во всех представленных ранее значениях, включая третье. Такая возможность обу-

¹ Данное понимание ценности также перекликается с трактовкой последней в психологических концепциях, где ценность рассматривается как часть системы смысловой регуляции индивида и стоит в одном ряду с понятиями «потребность» и «мотив». Подробнее о ценности в таком понимании см. [4. С. 223–232].

словлена в первую очередь самой задачей лайфстайл-жанра – регламентацией обыденных (каждодневных) социальных практик.

В качестве непосредственного фокуса языкового анализа обратимся к традиционной для исследования ценностей категории оценки, несколько уточнив представление о ее взаимоотношении с последними.

Как отмечает Т. ван Люэн, оценочные акты отсылают к ценностям, которые «вырваны из системы интерпретации, породившей их» и поэтому не могут быть исследованы лингвистическими методами (перевод наш. – Е.М.) [1. С. 108]. Действительно, можно указать, что что-то является плохим или хорошим, отослав к определенному ценностному представлению, но не всегда понятно, почему именно такое ценностное представление является правильным и откуда оно черпает этот статус¹. Иными словами, выявив определенный тезаурус ценностных представлений текста/дискурса, исследователь может лишь констатировать его наличие; объяснение природы и происхождения такого тезауруса, по всей видимости, лежит за пределами лингвистики.

Укажем, однако, что выявление и описание тезауруса ценностных представлений текста/дискурса может само по себе являться задачей критического анализа. Данное утверждение в особенности справедливо, если принять во внимание одну из целей КДА – поставить под сомнение «само собой разумеющееся» знание в форме его текстовой/дискурсивной репрезентации. Применительно к ценностям и оценкам такая задача может быть конкретизирована. Во-первых, детальный анализ системы оценки заостряет понимание факта, что оценка, (часто) представляемая как само собой разумеющееся, могла бы в принципе быть совершенно иной. Тот же анализ позволяет описать конкретные лингвистические механизмы создания такого эффекта. Во-вторых, анализ заостряет и понимание того, что ценности, к которым отсылают акты оценки, тоже являются социально конструируемыми моделями и поэтому «неокончательны».

Допустимо также рассматривать анализируемый текст и реплицируемый в нем дискурс как «систему интерпретации», *конструирующую* ценностные представления². Иными словами, можно предположить, что в случае с легитимизацией практики через отсылку к ценностям обратное также верно: ценности могут легитимизироваться через описание практики. В таком случае определенные ценностные смыслы, регулярно артикулируемые текстом/дискурсом, становятся «исходным материалом» для формирования ценностных представлений³.

Материалом данного исследования послужили тексты специализированного портала для мужчин www.askmen.com. В качестве иллюстрации выдвигаемых положений представлен анализ системы оценки в двух текстах, рег-

¹Примерами исследований на стыке социологии и философии, дающих интерпретацию аксиологических убеждений, служат, в частности, работы Г. Хармана [5] и Р. Будона [6].

²В данном случае «дискурс» следует понимать как специфический способ репрезентации (части) окружающего мира – базовое толкование в КДА. Категория «дискурс» всесторонне проанализирована в теоретической концепции В.Е. Чернявской (см., например, [7, 8]).

³Такое допущение, в частности, опирается на концепцию Т.А. ван Дейка, согласно которой более общие социально разделяемые представления (установки, мнения, идеологии и проч.) могут конструироваться из элементов более частных «эпизодических моделей» путем деконтекстуализации и абстракции последних (см., например, [9]).

ламентирующих две различные социальные практики – «уход за собой» и «отношения между мужчиной и женщиной», соответствующие двум типичным тематическим рубрикам – “grooming” и “dating” [10, 11].

В качестве инструмента анализа используется лингвистическая методология описания оценки Дж. Мартина и П. Уайта [12], разработанная в рамках системной функциональной грамматики М.А.К. Хэллидея [13]. Оценка понимается как система, располагающаяся на уровне семантики текста (discourse semantics) и реализующаяся широким спектром лексико-грамматических средств в трех взаимодействующих подсистемах: отношении (attitude), градуировании (graduation) и включении (engagement).

«Отношение», в свою очередь, подразделяется на три функционально-семантические области – аффект (affect), (о)суждение (judgement) и значимость (appreciation). Термином «аффект» описываются актуализации эмоциональных реакций, «осуждение» включает в себя языковые ресурсы, используемые для оценки поведения людей, «значимость» охватывает языковые ресурсы описания ценности объектов/ситуаций.

Средства системы градуирования используются для интенсификации и деинтенсификации отношения и включают два способа (де)интенсификации – «силу» (force) и «фокус» (focus) [12. С. 35–36]. Третья подсистема – «включение» (engagement) – предполагает рассмотрение текста в диалогической перспективе, традиции, заложенной М.М. Бахтиным. Согласно такому представлению текст, выражающий оценочную позицию, всегда апеллирует к другим текстам/дискурсам, к другим мнениям и оценкам. Анализ средств включения позволяет описать как минимум два параметра. Во-первых, то, каким образом автор данного текста взаимодействует (engages) с другими авторами и их текстами. Во-вторых, интерпретировать закодированное в тексте представление об идеальном адресате и той оценочной позиции, которую ему предлагается принять [12. С. 92–135].

Ниже приведен пример анализа в заданных выше координатах одного из параграфов текста, относящегося к рубрике «уход за собой».

Cleansing removes debris and dead skin cells from pores along with a whole host of other microscopic gunk. To get the job done properly, opt for a dedicated face wash used with lukewarm water. The standard soap and cold water combo *might seem* cheap and harmless but it's far too alkaline and will *disrupt* the skin's natural balance [10].

При детальном анализе становится очевидна многослойная структура оценки. Так, кожные выделения оцениваются как нечто негативное и нежелательное путем использования номинаций debris и gunk (ср.: gunk – unpleasantly sticky or messy substance); во втором случае оценка также усиливается одним из способов интенсификации – квантификацией a whole host of (gunk). Принимая во внимание просодическую природу оценки, окрашивающей целые фазы текста, в данном контексте оценочное прочтение следует усматривать и у прилагательного dead (skin cells). Негативная оценка, создаваемая обозначенными лексемами, одновременно создает положительную оценку процедуры очистки лица (cleansing) как помогающей устранить (removes) описанные нежелательные элементы (т.е. gunk, debris, dead skin cells). Пред-

положительными ценностными смыслами, стоящими за данными маркерами, будут «здоровье», «здоровый внешний вид»¹.

Следующим оценочным маркером является наречие *properly*, оценивающее практику очищения кожи (*cleansing – the job*) и проецирующее ценностный смысл, который в данном контексте можно интерпретировать как «соответствие определенным стандартам качества». Мы предлагаем анализировать такой маркер оценки как транслирующий представление об идеальном адресате – субъекте, обладающем высокими притязаниями, высокими стандартами. Проекцию подобного смысла мы усматриваем и в определении *dedicated* в сочетании *face wash*.

Следующая волна оценки – *cheap and harmless* – также имеет комплексную структуру. Во-первых, несмотря на то, что оцениваются «мыло и холодная вода» (*soap and cold water combo*), объектом оценки является скорее «контрпрактика» – неправильный способ проведения описываемой процедуры. Во-вторых, проецируемая лексемами оценка *cheap and harmless* (положительная оценка) аннулируется ближайшим лексико-грамматическим окружением (*might seem* – «может показаться, но на самом деле не является таковой») и последующим актом негативной оценки (ср. *but it's far too alkaline and will disrupt the skin's natural balance*). В данном контексте оценочное прочтение имеют дважды интенсифицированное предикативное прилагательное *far too alkaline* и вся предикация (*it will*) *disrupt skin's natural balance*. Последний акт оценки также имеет многослойную структуру – комплекс *natural balance*, реализующий положительную оценку и проецирующий ценностные смыслы «натуральный», «здоровье», отрицательно оценивает упомянутую выше практику использования мыла и холодной воды (через вербальное *will disrupt*).

Тезаурус описанных при анализе абзаца ценностных смыслов в целом отражает тезаурус всего анализируемого текста. Ведущими ценностными смыслами являются «качество», «высокие стандарты», «здоровье», «(здоровый) внешний вид», «эффективность» и т.п. (ср. некоторые прочие встречающиеся в тексте маркеры: *the most luxurious lather, unique ability, the perfect shave, the right tools, the right techniques, the way skin looks and feels, have an immediate impact* и т.д.).

Второе важное для анализа оценки и интерпретации ценностных смыслов измерение – диалогичность текста. По данному параметру рассматриваемый текст является примером практически полного нивелирования диалогичности; оценка чаще всего выражена оценочными пресуппозициями – крайним вариантом моноглоссии. К таким пресуппозициям относятся случаи, когда оценка амальгамирована с номинациями оцениваемых денотатов (*gunk, debris*) и/или является компонентом семантической структуры атрибутивных прилагательных, называющих признак объекта в составе группы *dedicated face-wash, standard combo, dead cells, natural balance*. Таким же статусом моноглоссов обладают и утверждения, не содержащие модус, смягчающий дик-

¹Для целей лингвистического анализа текста представляется обоснованной демаркация двух понятий – «ценностный смысл» и собственно «ценность». Если ценность представляет собой психологический и социальный феномен в обозначенном ранее понимании, то ценностный смысл – компонент семантики текста, доступный для интерпретации при анализе последнего.

тумную часть высказывания – категоричные утверждения *it's far too alkaline, will disrupt*. Единственным случаем реализации диалогичности является модализированная предикация *the standard soap and cold water combo might seem cheap and harmless*. Данное альтернативное мнение (и альтернативная практика) актуализируется в тексте лишь с той целью, чтобы указать на его ошибочность: модализированная вербальная группа *might seem (cheap)* имплицитно указывает то, что практика на самом деле не является дешевой и безвредной. Следующие за этим предикации (*it's far too alkaline and will disrupt the skin's natural balance*) вводят в текст правильную с позиции автора интерпретацию и оценку.

Следующий фрагмент взят из текста, регламентирующего социальную практику совершенно иного рода – отношения между мужчиной и женщиной (относится, соответственно, к рубрике “*dating*”).

There is *a big difference* between being **cocky** and being **confident**. Often, men who are *missing real confidence*, the kind *that comes from within* and is *legitimately founded* in **security** and **self-assuredness**, will *feign confidence*. This **dance of pretending** to be **confident** is popularly exemplified by a **pompous** or **self-important attitude**, a need to *condescend* to or *patronize* women and other people in order *to assert* a sense of **importance** or **superiority** over others, a tendency toward **bragging** and **boasting** (specifically about money), and a need *to show off* cars, conquests and wealth in a **misguided attempt to impress** others [11].

Как и предыдущий анализируемый фрагмент, данный фрагмент является образцом комплексной и многослойной оценки. Основной задачей отрывка, как, впрочем, и всего текста, являются категоризация и классификация. При этом, если глобальной задачей текста является семантическое наполнение категории *confidence*, локальной задачей данного абзаца классификация поведения и эмоциональных реакций, относящихся к контрпрактике. Гиперонимом для контрпрактики является заявленный в гипертеме абзаца оценочный маркер *cocky* (ср. *conceited* or *arrogant especially in a bold or impudent way*). Все дальнейшие текстовые ресурсы направлены на то, чтобы семантически наполнить категорию *cocky*, противопоставив ее таким образом категории *confident*. Наиболее явной характеристикой реализации оценки в данном фрагменте является ее ожидаемое смещение в семантическую зону осуждения, т.е. (контр)практика (де)легитимизируется через актуализацию ценностей и норм.

Первый шаг в демаркации категорий *cocky* и *confident* – использование ресурсов системы градуирования. Для акцентирования разницы между двумя категориями, во-первых, используется квантификация номинализации *difference* (**big difference**). Во-вторых, градуирование категории *confidence* средствами системы фокусирования (**real confidence**), семантической системы, используемой либо для более четкого очерчивания границ категории, либо для ее «размывания» (ср. **real confidence** vs. **sort of confidence**).

Номинация *confidence* является номинализацией признака *confident* (ср.: *smb is/feels confident*) и относится к семантической области аффекта. В данном контексте и в рамках данной предикации тем не менее мы интерпретируем данный маркер как маркер осуждения по отношению к «антигероям» и реализуемой ими практике (*men who are missing real confidence... will feign*

confidence). Такое прочтение имплицитно и финальный маркер в предложении – поведенческий процесс, актантом которого являются названные антигерои (men ... will **feign** confidence). Номинацию *feign* следует интерпретировать как маркер осуждения: антигерои, лишь изображающие (*feign*) уверенность, оцениваются как нарушающие социальные нормы и ценности, осуждающие неестественность в поведении.

Две предикации в придаточном определительном предложении, относящемся к номинализации confidence (the kind that comes from within and is legitimately founded in security and self-assuredness), также направлены на делимитацию категории и добавление к ней оценочной семантики. Несмотря на то, что в предикации *that comes from within* (т.е. настоящая, неподдельная уверенность) не содержится явных языковых средств оценки, данную предикацию также следует рассматривать как имплицитный маркер положительной оценки, объект которой – абстракция confidence. Следующая предикация в составе того же предложения (*is legitimately founded in security and self-assuredness*) наполняется содержанием через номинализации признаков security и self-assuredness (smb **feels** secure; smb **feels** self-assured) – маркеры системы аффекта. Процесс (*founded*), для которого обозначенные выше маркеры выступают в функции обстоятельства, также интенсифицирован посредством наречия *legitimately*, что можно интерпретировать, во-первых, как знак «включения» автора в оценочную позицию; во-вторых, как еще одно средство фокусирования категории confidence (*founded in security vs. legitimately founded in security*). Таким образом, данный фрагмент представляет собой взаимодействие ресурсов аффекта и осуждения: контрпрактика (*being cocky*) реконтекстуализируется в терминах аффекта и оценивается путем апелляции к ценностям и нормам.

Структура следующего предложения в плане реализации оценки также комплексная и многослойная. В его тематической части упомянутая ранее контрпрактика обозначена анафорически референтной номинацией *this dance*, которую контекстуально следует также интерпретировать как маркер оценки (номинация *dance*, используемая метафорически, характеризует контрпрактику как нечто фальшивое, не соответствующее действительности). Далее, контрпрактика, обозначенная номинацией *dance*, становится объектом оценки, реализующейся в постмодифицирующей нефинитной предикации (*dance of*) *pretending to be confident*. Здесь, как и ранее, процесс *pretending* можно интерпретировать как одновременно маркер негативной значимости по отношению к антецеденту *dance* и – имплицитно – как маркер осуждения антигероя. В рематической части контрпрактика *dance* характеризуется сразу несколькими номинациями (однородными актантам *attitude, need, tendency* и снова *need* при идентифицирующем процессе *is exemplified*), в модификации которых обнаруживаются новые маркеры оценки.

Премодифицирующие лексему *attitude* прилагательные *pompous* and *self-important* относятся к маркерам системы осуждения. Номинацию *attitude* следует рассматривать как номинализацию (*attitude – someone **thinks, feels** and **behaves** in a certain way*), следовательно, упомянутые выше признаки (*self-important* и *pompous*) также характеризуют поведение антигероя с точки зрения принятых норм и/или ценностей. Следующие маркеры имплицитного

осуждения – процессы *patronize* и *condescend* в нефинитной предикации, проецируемой существительным *need*. Обе номинации интерпретируются нами как содержащие сему осуждения. К данной оценке добавляется оценка и следующего придаточного предложения цели (*in order to assert a sense of importance or superiority over others*), где *importance* и *superiority* также предполагают оценочное прочтение; данные маркеры интерпретируются нами как семантически комплементарные к оценочным семам из главного предложения (*to condescend* or *to patronize*). В обоих случаях прослеживается опора на норму, запрещающую или осуждающую снисходительное и заносчивое поведение по отношению к другому человеку.

Постмодифицирующие номинализации *bragging* и *boasting*, относящиеся к номинации *tendency*, также являются маркерами осуждения и называют социально порицаемое поведение – хвастовство, бахвальство. Аналогичным образом семантика негативного осуждения актуализируется процессом *to show off* (с его объектами – *cars, conquests and wealth*), к которой также добавляется оценка из предикации (*in a misguided attempt*) *to impress others* – осуждение, актуализирующее, как и ранее, общественное порицание неприемлемого поведения. Сочетание *in attempt*, по всей видимости имеющее статус комплексного союза в системе языка, используется здесь как предложный оборот, так как существительное *attempt* премодифицировано признаком *misguided*, актуализирующим все те же, описанные выше, смыслы системы осуждения (ср. *misguided* – *having or showing faulty judgment or reason*).

Интерпретация результатов анализа позволяет сделать ряд приведенных ниже выводов.

Лайфстайл-жанр представляет собой эффективный инструмент регламентации различных социальных практик. Ресурсы языковой оценки выступают в дискурсивных реконтекстуализациях таких практик способом легитимизации последних. В случае первой практики оценка семантической области значимости (*appreciation*) является средством обоснования необходимости самой практики и используемых для ее реализации (косметических) средств. Во втором случае средством (де)легитимизации выступают ресурсы системы аффекта (*affect*) и осуждения (*judgment*): контрпрактика описывается через нездоровые эмоциональные проявления, которые, в свою очередь, порицаются с точки зрения норм и ценностей.

В риторической и прагматической перспективе использование данных языковых ресурсов можно охарактеризовать в терминах речевого воздействия и манипуляции. Это в особенности очевидно в первом тексте, где система оценки легитимизирует практику и одновременно рекламирует и навязывает средства ухода, являющиеся неотъемлемой частью данной практики в том виде, в котором она реконтекстуализируется в тексте.

Менее очевидна такая стратегическая задача во втором тексте, где на первый взгляд ничего не рекламируется и не навязывается. Тем не менее даже здесь содержатся определенные стратегические включения. Так, категория *confidence* семантически формулируется в том числе и через необходимость *приобретения* определенных товаров (ср.: *confidence is not something that you can wear like a T-shirt or a gold watch, but it is something that can be en-*

hanced *by putting on a fresh, crisp new item of clothing or by putting a little extra effort into your physical appearance* [11]).

С другой стороны, возможной прагматической установкой второго текста может быть интенция рекламирования и навязывания самого интернет-ресурса askmen.com. Специфика текстовой реализации семантических систем отношения (attitude) и включения (engagement) может служить маркером активного установления солидарности со среднестатистическим потенциальным адресатом. Солидарность формируется, во-первых, силой включения адресата в оценочную позицию. Во-вторых, солидарность конструируется путем маргинализации контрпрактики и легитимизации *стандартной практики* поведения среднестатистического мужчины лишь с ее незначительной коррекцией в отдельных проявлениях (ср.: *don't apologize* for not being able to take her to a nicer restaurant, *but do take* her to the nicest restaurant that you can reasonably afford). Усилению эффекта солидарности способствуют (по всей видимости, интенциональные) пресуппозиции с введением адресата в актантную структуру, например пресуппозиция the kind *you deserve* and should *want to be with* в предложении: "Any self-respecting, street-savvy woman (the kind you deserve and should want to be with) will be able to sniff out this obnoxious illusion" [11]. Несколько выходя из профессиональной роли текстового аналитика, отметим, что журнал производит впечатление издания, тонко чувствующего адресата, резонирующего с его стилем жизни и убеждениями.

Не менее интересен ответ на вопрос, насколько автор конкретного текста интенционален в реализации описанных выше риторических стратегий. Следует, по всей видимости, предположить, что такие риторические стратегии являются по большей части целенаправленными актами речемыслительной деятельности, продиктованными очевидными целями гляцевых изданий. Думается, что вполне целенаправленны стратегии оценочного информирования, в той мере, в какой они являются инструментом стимулирования спроса на упоминаемые в статье товары. Например, тексты в рубриках «уход за собой» и «стиль» часто содержат гиперссылки, перенаправляющие адресата на сайт продавца данного товара (косметических средств, одежды и проч.); прибыль журнала может при этом зависеть от количества переходов по размещенным на сайте журнала ссылкам. Не менее целенаправленны, как представляется, и стратегии, направленные на усиление солидарности, так как они напрямую связаны с увеличением и/или удержанием читательской аудитории, что не может не являться одной из главных целей гляцевых изданий.

В рамках дискурс-аналитической перспективы интерпретация результатов анализа предполагает ответ на вопрос: «Какой вид социальной власти такое специфическое использование языка символизирует?». Во-первых, речь стоит вести о «контекстуальном» неравноправии по линии автор – адресат. Охарактеризованное выше использование ресурсов системы оценки отражает полномочия лайфстайл-изданий (достаточно безапелляционно) регламентировать широкий спектр самых разных социальных практик; автор/издание при этом как бы находится в позиции ментора, эксперта, дающего советы несведущему адресату. Автор же является и субъектом оценки, в которой (лексико-грамматическое) маркирование субъективности, как было показано, сведено к минимуму; определенная интерпретация подается как «само собой

разумеющееся». Естественно, всегда допустимо так называемое резистентное прочтение, однако в самом тексте такой рецептивной программы не заложено.

Вместе с тем не кажется невероятным и предположение, что заявленный жанр с его специфическими способами языковой реализации может играть не последнюю роль в формировании ценностных представлений адресата и – шире – его идентичности. С одной стороны, в текстах жанра можно проследить стратегию, сопоставимую с таковой в общественно-политической сфере, – манипуляцию определенными ценностными концептами, их эксплуатацию и семантическое (пере)формулирование. В этом смысле категория *confidence* из второго текста обнаруживает параллель с концептами общественно-политических дискурсов, такими, например, как «свобода», «демократия» и т.п. С другой стороны, систематическая актуализация ценностных смыслов, зафиксированных в определенных элементах языковой системы, может вести к формированию соответствующих им ценностей как личностных структур. Сами тексты/дискурсы при этом и есть, в терминах Т. ван Люэна, часть «системы интерпретации», порождающей ценности.

Исходя из теоретических представлений КДА, в частности из понимания идеологии как само собой разумеющегося знания, допущений и пресуппозиций, натурализовавшихся в определенных способах использования языка, мы склонны интерпретировать описанные модусы реализации оценки как *идеологические*. В этом смысле автор статьи является лишь ретранслятором трансситуативной, пронизывающей большую часть социальных практик современного (западного) общества идеологии консюмеризма. Данная идеология характеризуется процессами инфантилизации индивидов, разрушением традиционных сообществ, активной заменой традиционных ценностей нарциссическими и индивидуалистскими¹. Тиражирование идеологии общества потребления связано с репликацией мнений, оценок, установок как само собой разумеющегося знания, за которым скрывается уже неравноправие на уровне структуры всего общества – замаскированные в использовании языковых форм интересы определенных социальных акторов, а именно производителей товаров и услуг.

«Конечным» идеологическим эффектом является формирование определенной идентичности – идентичности человека общества потребления. Применительно к рассмотренному в статье материалу, с одной стороны, речь идет о роли потребителя определенных продуктов и услуг, являющихся неотъемлемой частью социальных практик. В такую роль самым естественным образом попадает адресат первого из проанализированных текстов. С другой стороны, в такую роль попадает и адресат второго текста, но уже скорее как потребитель самого лайфстайл-жанра и навязываемого им стиля жизни. Думается, что такой функционал рассмотренных текстов не следует недооценивать ни в рамках критического исследования, ни в обыденной жизни.

¹ Подробнее об этом см., например: [14].

Литература

1. *Leeuwen T. van*. Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis. NY: Oxford University Press, 2008. 172 p.
2. *Nordby H. Values*. Cultural identity and communication: A perspective from philosophy of language // *Journal of Intercultural Communication*. Issue 17, June 2008. URL: <http://www.immi.se/intercultural/nr17/nordby.htm> (08.06.2015).
3. *Sowińska A.* A critical discourse approach to the analysis of values in political discourse: The example of freedom in President Bush's State of the Union addresses (2001–2008). In *Discourse & Society*. 24(6). Sage Publications, 2013. P. 1–18.
4. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2003. 511 с.
5. *Harman G.* Explaining Value. In *Social Philosophy and Policy* 11 (1), 1994. P. 229–248.
6. *Boudon R.* The Origin of Values: Essays in the Sociology and Philosophy of Beliefs. New Brunswick & London: Transactional Publishers, 2013. 230 p.
7. *Чернявская В.Е.* Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: URSS, 2014. 200 с.
8. *Чернявская В.Е.* Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2014. № 1. С. 54–61.
9. *Van Dijk T.A.* Discourse and cognition in society // *D. Crowley & D. Mitchell, Communication Theory Today*. Oxford: Pergamon Press, 1993. P. 107–126.
10. *Zambrakji A.* Grooming Basics. Заглавие с экрана. URL: <http://www.askmen.com/grooming/appearance/grooming-basics.html> (08.06.2015).
11. *Helpert J.* What Does Confidence Mean? Заглавие с экрана. URL: <http://www.askmen.com/dating/heidi/what-does-confidence-mean.html> (08.06.2015).
12. *Martin J.R., White P.R.R.* The Language of Evaluation, Appraisal in English. London & NY: Palgrave Macmillan, 2005. 278 p.
13. *Halliday M.A.K., Matthiessen C.M.I.M.* An Introduction to Functional Grammar. London: Hodder Education, 2004. 689 p.
14. *Benjamin R. Barber.* Consumed: How Markets Corrupt Children, Infantilize Adults, and Swallow Citizens Whole. New York & London: W.W. Norton & Company, 2007. 406 p.

AXIOLOGICAL DIMENSION IN THE DISCOURSE OF CONSUMERISM: THE ROLE OF EVALUATIVE LANGUAGE IN THE LIFESTYLE GENRE

Tomsk State University Journal of Philosophy, 2015, 6 (38), 55–66.

DOI: 10.17223/19986645/38/5

Molodychenko Evgeni N., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: e.molodychenko@gmail.com

Keywords: value, evaluation, axiology, identity, critical discourse analysis, discourse of consumerism, legitimization, social practice, men's magazines.

The article takes a closer look at internet versions of popular men's magazines vis-à-vis their double discursive function, i.e. as a means of legitimizing a broad array of social practices, on the one hand, and their more general role in shaping consumer identity, on the other. The study is informed by socio-cognitive approach in critical discourse analysis (CDA). It is contended that the key form of social cognition that can be drawn upon in both aforementioned functions is the concept of values, which can be understood in three basic ways: as normative beliefs, value concepts and personal values. The focus of linguistic analysis is the language of appraisal in two text instances recontextualizing two social practices, those of 'grooming' and 'dating'. The first text evaluates the elements of the practice primarily in terms of 'appreciation' – one of the three semantic areas of appraisal; the other two being 'affect' and 'judgement'. The second text evaluates specific ways of acting within the social practice of dating through deployment of language resources of judgement and affect. Following the analysis of text instances, it is argued that the discursive function of values can be seen as twofold. On the one hand, specific instances of appraisal in discourse invoke values (that have been interpreted and conceptualized elsewhere) to legitimize a certain social practice. Rhetorically, this move can be interpreted as geared towards promoting and advertising specific goods and services which are being naturalized as an integral part of the legitimized practice. This is exemplified by the way the first text naturalizes the use of specific grooming products. Alternatively, this move can be interpreted as a way of promoting

the magazine (and the whole genre) itself through building strong solidarity with the putative addressee – a strategy which is arguably instantiated by the second text. On the other hand, discursive recontextualization of such practices can be seen as a ‘system of interpretation’ aimed at ad hoc (re)conceptualizing and (re)negotiating specific values – a process that may contribute to formation of new values on the part of the addressee through abstraction and decontextualization. All the above mentioned effects can be also interpreted in a broader CDA perspective as instances of reproducing social power. Specifically, they can be seen as reproducing the ideology of consumerism characterized by the so called commodification of all aspects of life and naturalization of consumer identity. In this respect, the analyzed texts with their specific language usage effectively accommodate a consumer position for the putative addressee – a consumer of specific goods and services and a consumer of the magazine and the ‘lifestyle’ that it sells in general.

References

1. Van Leeuwen, T. (2008) *Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis*. New York: Oxford University Press.
2. Nordby, H. (2008) Values, cultural identity and communication: A perspective from philosophy of language. *Journal of Intercultural Communication*. 17. [Online]. Available from: <http://www.immi.se/intercultural/nr17/nordby.htm>. (Accessed: 08 June 2015).
3. Sowińska, A. (2013) A critical discourse approach to the analysis of values in political discourse: The example of freedom in President Bush's State of the Union addresses (2001–2008). *Discourse & Society*. 24(6). pp. 1–18. DOI: 10.1177/0957926513486214
4. Leont'ev, D.A. (2003) *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of sense: the nature, structure and dynamics of the reality of sense]. 3rd ed. Moscow: Smysl.
5. Harman, G. (1994) Explaining Value. *Social Philosophy and Policy*. 11 (1). pp. 229–248.
6. Boudon, R. (2013) *The Origin of Values: Essays in the Sociology and Philosophy of Beliefs*. New Brunswick & London: Transactional Publishers.
7. Chernyavskaya, V.E. (2014) *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Text Linguistics. Linguistics of discourse]. Moscow: URSS.
8. Chernyavskaya, V.E. (2014) Fantomy i sindromy diskursivnoy paradigmy [Phantoms and syndromes of discursive paradigm]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 1. pp. 54–61.
9. Van Dijk, T.A. (1993) Discourse and cognition in society. In: Crowley, D. & Mitchell, D. (eds) *Communication Theory Today*. Oxford: Pergamon Press.
10. Zambarakji, A. (n.d.) *Grooming Basics*. [Online]. Available from: <http://www.askmen.com/grooming/appearance/grooming-basics.html>. (Accessed: 08 June 2015).
11. Helpert, J. (n.d.) *What Does Confidence Mean?* [Online]. Available from: <http://www.askmen.com/dating/heidi/what-does-confidence-mean.html>. (Accessed: 08 June 2015).
12. Martin, J.R. & White, P.R.R. (2005) *The Language of Evaluation, Appraisal in English*. London & New York: Palgrave Macmillan.
13. Halliday, M.A.K. & Matthiessen, C.M.I.M. (2004) *An Introduction to Functional Grammar*. London: Hodder Education.
14. Benjamin, R. (2007) *Barber. Consumed: How Markets Corrupt Children, Infantilize Adults, and Swallow Citizens Whole*. New York & London: W.W. Norton & Company.

УДК: 81'42

DOI: 10.17223/19986645/38/6

И.А. Пушкарева

ЦЕННОСТНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕМЫ «ДОСТОЕВСКИЙ В КУЗНЕЦКЕ» В ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЕ «КУЗНЕЦКИЙ РАБОЧИЙ» КОНЦА XX В.: СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Статья посвящена изучению специфики регионального медиадискурса. На материале текстов 1980–2001 гг. рассматривается одна из краеведческих доминант городской газеты «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк) – тема «Достоевский в Кузнецке». Выбор материала исследования позволяет судить о динамике ценностной картины мира россиян в эпоху перемен. Выявлена значимость категории памяти и, соответственно, этической оценки в воплощении исследуемой темы. Рассмотрено возрастание роли критических материалов в эпоху перестройки. Проанализированы две тенденции в стилистическом воплощении образа Кузнецка: обобщение, которое используется в текстах конца XX в. и будет преобладать в материалах XXI в., и конкретизация, более ярко представленная в материалах конца XX в.

Ключевые слова: газетно-публицистический текст, региональный медиадискурс, краеведение, оценка, смысловая лексическая парадигма, изотопическая цепочка.

Для исследования регионального медиадискурса актуальным является вопрос о краеведческих доминантах издания – темах, отражающих региональный колорит и актуализированных системой стилистических средств (о понятии тематических доминант см.: [1. С. 25]). Краеведческие доминанты важны в создании ценностной системы координат издания, изучение которой приобретает особую значимость с развитием аксиологической лингвистики (см. о ней: [2]). Одной из краеведческих доминант городской газеты «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк) является тема «Ф.М. Достоевский в Кузнецке», введённая на рубеже XIX и XX вв. в газете «Сибирская жизнь», предшественнице современных сибирских региональных СМИ, прежде всего благодаря статье В.Ф. Булгакова 1904 г. [3] (об истории «Сибирской жизни» см.: [4]). Как известно, в 1856–1857 гг. Ф.М. Достоевский трижды приезжал в Кузнецк и в третий приезд венчался с М.Д. Исаевой в Одигитриевской церкви 6 февраля 1857 г.

Рассмотрев особенности семантико-стилистического воплощения темы «Достоевский в Кузнецке» в городской газете начала XXI в. на основе материалов 2002–2012 гг., опубликованных на официальном сайте газеты [5–7], считаем целесообразным обратиться к публикациям конца XX в., чтобы сделать выводы о динамике семантико-стилистического воплощения одной из краеведческих доминант издания и, соответственно, о динамике ценностной картины мира россиян в насыщенный общественно-политическими, экономическими изменениями период.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00216.

В газетных публикациях советского периода задаются два основных направления ценностного осмысления темы пребывания Ф.М. Достоевского в Кузнецке, сохраняющиеся до нашего времени: во-первых, роль кузнецких страниц биографии писателя в судьбе города; во-вторых, место «кузнецкого периода» в жизни и творчестве великого писателя. В данной статье обратимся к первому направлению, опираясь на анализ 45 текстов, опубликованных в городской газете «Кузнецкий рабочий» в 1980–2001 гг., и учитывая результаты анализа 54 текстов 2002–2012 гг., представленных на сайте газеты. Семантико-стилистический анализ выполнен в соответствии с подходами коммуникативной стилистики текста – учением о регулятивных средствах [8. С. 167–188] и такой регулятивной структуре (см. об этом: [8. С. 168–169]), как смысловая лексическая парадигма.

Согласно определению Н.С. Болотновой текстовая парадигма – это «совокупность лексических единиц (словных и сверхсловных элементов), объединённых концептуально на основе какого-либо общего элемента: внешнего (экстралингвистического) и / или внутреннего (лингвистического)» [9. С. 40]. Семантическая основа соотносённости компонентов лексической парадигмы на основе повтора и контраста соответствует характеристике таких типов связи в лексических полевых структурах, как связь-вхождение [10. С. 34–35] и связь-расхождение [10. С. 38–39]. В основе смысловых лексических парадигм, реализующих связь-вхождение, лежит явление изотопии, описанное А. Греймасом (1966). «Согласно А. Греймасу, изотопия присутствует там, где имеется “семная рекурренция”, т.е. семный повтор. Другими словами, в разных частях текста (фрагмента текста) повторяются лексемы, несущие в себе одинаковые семы, в результате возникают изотопические цепочки, пронизывающие всю структуру текста (фрагмента текста)» – «изотопическая сеть» (Isotopienetz) [11. С. 260]. В процессе настоящего исследования выявлялись текстовые и межтекстовые смысловые лексические парадигмы – изотопические цепочки, актуализированные благодаря такому типу выдвижения, как повтор, и антитезы, актуализированные благодаря такому типу выдвижения, как контраст. В ходе исследования также уделялось внимание традиционно выделяемым стилистическим приёмам и роли онимов в медиатексте (ономастическая терминология приводится в соответствии со словарём Н.В. Подольской [12]).

В семантико-стилистическом воплощении темы «Достоевский в Кузнецке» в городской газете наблюдаются, с одной стороны, неизменные базовые характеристики и, с другой стороны, акценты, появляющиеся в определённые периоды и позволяющие судить о динамике ценностной картины мира россиян.

Связь Кузнецка с жизнью и творчеством писателя представлена в газетных материалах как чудо, которое можно попытаться объяснить везением или судьбой: *Кузнецку повезло, ведь не каждому городу выпадает на долю, пусть короткое, счастье гения* (А. Трухина, 08.12.1987); *Так случилось, что Новокузнецк оказался хранителем уникального наследия, связанного с жизнью Федора Михайловича Достоевского. Ни один город в стране, за исключением разве что державного Санкт-Петербурга, не может похвастать столь пристальным вниманием, обращённым к нему в течение нескольких*

лет со стороны гениального писателя. *Судьба это или нет, но рвущееся к Кузнецку сердце Достоевского, его венчание здесь с Марией Исаевой не только выделили Кузнецк из числа прочих заштатных городков Сибири, но и возложили на него огромную ответственность за сохранение памяти о столь значительном событии* (В. Валиулин, 12.03.1992). Как видим, контекстуальные изотопическая цепочка «*державный Санкт-Петербург – Кузнецк*» и антитеза «*Кузнецк – прочие заштатные городки Сибири*» позволяют журналисту подчеркнуть, что прикосновение к судьбе Достоевского оставило на городе неизгладимую печать культурной памяти и ответственности.

Связь Кузнецка с жизнью Ф.М. Достоевского рассматривается авторами публикаций в контексте размышлений о чести быть приобщённым к судьбе великого русского писателя и об уважении к истории малой родины, например: *Вообще произведений, связанных с темой истории города, края, у нас ещё очень мало. Для того, чтобы появился интерес к своему прошлому, к своим истокам, нужен определённый уровень зрелости мироощущения и мастерства* (из статьи искусствоведа В. Откидач о произведениях художников-новокузнецчан, посвящённых Ф.М. Достоевскому, 17.03.1981); *Терпением, скрупулёзностью и точностью измерялось уважение к писателю, к реликвиям родного города* (Ю. Некрич, 22.05.1980). Нравственной основой таких размышлений в публикациях разных лет является память, актуализируется этическая оценка (об этической и других разновидностях оценки см.: [13. С. 75–76]); межтекстовый статус приобретает антитеза памяти и беспамятства, забвения. Так, в статье журналиста Ю. Некрич об открытии музея Ф.М. Достоевского *дом в пять окон* охарактеризован как одно из замечательных и **памятных** мест нашего города, открытие дома-музея – как событие для города большое, волнующее: *Новокузнецк дорожит памятью о Достоевском. Теперь эту память хранить дому по улице Достоевского, ставшему музеем* (22.05.1980). Или: *Новокузнецчанам по-особому дорога память о великом русском писателе. <...> Естественно, что творческое воображение художников-новокузнецчан должна волновать память о писателе* (В. Откидач, 17.03.1981); *Дом этот то обрекался на полное забвение, а то и выйдя из этого забвения и даже став памятником республиканского значения, претерпевал унижительные муки современной реставрации, производимой неквалифицированными и малограмотными организациями* (Малькова Н. *Дом Достоевского: забвения быть не может*, 02.06.1994); *Но мне будет обидно, как жителю этого города, если мы обретём очередной дурацкий монумент, недостойный памяти того, чьим пребыванием здесь мы гордимся* (В. Немиров, 14.07.2001).

Для обозначения чтущих память (начиная с эпохи перестройки не меньшее внимание уделяется и обрекающим себя на беспамятство) важны активное включение в газетные материалы образа «мы» и употребление выражения *наш город*: **Нам**, сибирякам, особенно дороги страницы жизни писателя, связанные с его пребыванием на сибирской земле (Ю. Павлов, 06.11.81); *История этой любви тесно связана с нашим городом, где М.Д. Исаева жила в 1855–1857 гг. и куда приезжал из Семипалатинска Ф.М. Достоевский в 1856–1857 гг.* (Л. Никонова, 20.11.1986). Особой экспрессией употребление местоимения *мы* и глаголов с соответствующим значением наделяется в кон-

текстах, погружающих в атмосферу музея, выставки. Они используются как в текстах нашего времени, так и в художественно-публицистических материалах советского периода. Например, Ю. Некрич, создавая эффект присутствия в музее, обращается к ресурсам художественной публицистики, средства которой помогают создать «монтажные приёмы» [14. С. 217–218] и эмоционально заражают адресата: *На письменном столе – исписанный рукой Достоевского лист, мы не сразу увидим: копия.*

Мы поверим безоговорочно в немужейную подлинность комнаты по соседству, которая именуется в экспозиции «Гостиная М.Д. Исаевой». Поверим вдруг, что мы видели этот зелёного сукна ломберный столик – в «Игроке»? «Идиоте»? (22.05.1980).

При осмыслении темы «Достоевский в Кузнецке» в период перестройки и в более поздних материалах 1990-х гг. сделан акцент на общечеловеческих духовных ценностях, тогда как в начале XXI в. внимание переносится на культурную жизнь города. Отметим, что слово *ценность* в конце XX – начале XXI в. постепенно становится более употребительным в публицистике, о чём свидетельствуют показатели частотности: 51,9 – публицистика 50–60-х гг. XX в., 77,8 – публицистика 70–80-х гг. XX в., 99,2 – публицистика 90-х гг. XX в. и 2000-х гг. [15]. Неоднократно употребляется слово *ценность* и в рассматриваемых материалах, например: *Всё, что связано с именем великого русского писателя Ф.М. Достоевского, приобретает историческую **ценность** во времени, и, следовательно, огромное значение имеет малейший новый факт, неизвестная ранее подробность его биографии* (А. Шадрина, 06.02.1993).

В работах журналистов и представителей общественности ценностным ориентиром становится внимание к жизни и творчеству Ф.М. Достоевского, которое рассматривается как прикосновение к истории и к прекрасному, сохранение общечеловеческого культурного наследия (отметим, что слово *наследие*, в целом более частотное в публицистике, чем в художественной литературе, становится более употребительным в конце XX в.: показатель частотности в публицистике 1950–60-х гг. – 5,9, 1970–80-х – 13,9, 1990–2000-х – 28,5 [15]). Это отражается как в названиях рубрик («*Наше наследие*», «*Радевшие о культуре, о духовном наследии*»), так и в самих газетных текстах: *Здесь пересекаются пути людей самого разного возраста, разных занятий и профессий. Объединяет их интерес к личности Достоевского, любовь к его творчеству. <...> Приходя в музей, посетители часто задаются вопросами, над которыми вечно задумывается человечество* (Л. Никонова, 01.02.1986); *<...> предстоит привести в порядок главные достопримечательности города, являющиеся частью общечеловеческого культурного наследия* (Н. Мальковец, 16.01.1990); *Что ж, проблем названо много, решать их, конечно, надо и, по возможности, быстрее. Чем быстрее город восстановит историко-мемориальную зону, тем быстрее позволит своим жителям прикоснуться к истории, к прекрасному, без которого жизнь наша немыслима* (В. Паничкин, 06.03.1991); *Особое внимание в ходе разговора было уделено состоянию комплексной реставрации ул. Достоевского, в частности усадьбы № 29, где жил великий писатель. Торопиться с работами надо, так как 10 ноября текущего*

года всё цивилизованное человечество будет отмечать 170-летие со дня рождения писателя (В. Паничкин, 06.03.1991).

Ключевая для публикаций 1990-х гг. тема, связанная с темой сохранения культурного наследия, – финансовое неблагополучие. В конце XX в. частотность слова *деньги* возрастает как в художественной литературе, так и в публицистике; словарь приводит следующие показатели частотности в публицистике: 1950–60-е гг. – 206,1, 1970–80-е гг. – 314, 1990–2000-е гг. – 663,6 [15]. Например, тема финансового неблагополучия сосуществует с темой ценностей в аналитической корреспонденции Л. Савицкой: *Грандиозным обещает быть празднование 175-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского. Если, конечно, город найдёт соответствующие средства. <...> Где взять деньги? Ко времени ли такое дорогое торжество? Такой вопрос прозвучал. Резонный вроде вопрос. Но есть, есть ценности, ради которых стоит презреть свою нищету, заставляющую думать только о хлебе насущном* (05.03.1996). В контексте с возвышенной лексикой актуализирована антитеза *хлеба насущного* (фразеологизм-библейзм передаёт метонимический образ материальных потребностей человека: перен. «то, что необходимо для пропитания, существования» [16. С. 359]) и особых *ценностей*, одна из которых – память о пребывании Достоевского в нашем городе.

Как уже говорилось, в период перестройки актуализируется пейоративная оценка беспамятных потомков, в которой доминирует этическое начало. Так, в статье искусствоведа и краеведа А.С. Шадринной эмотивный смысл глубокого возмущения помогают передать антитезы «старинное кузнецкое кладбище – сад алюминщиков» и «бульдозер – кресты и надгробия»: *Е.И. Тюменцев [священник, венчавший Ф.М. Достоевского и М.Д. Исаеву] скончался в 1898 году, место захоронения его неизвестно. Можно только предполагать, что это могло быть у стен Одигитриевской церкви, Преображенского собора или на старинном кузнецком кладбище, которое благодарные потомки превратили в сад алюминщиков, пройдясь бульдозером по крестам и надгробиям своих предков* (А. Шадрина, 07.06.1990). В актуализации второй антитезы проявляется важная роль в публицистическом тексте образа, выраженного конкретным именем существительным, которое несёт в контексте одновременно прямое значение и богатую коннотативную информацию. Употребляя такие образы, публицист не только создаёт фактографичность, значимую для «летописи современности», но и усиливает воздействие на адресата, поскольку наряду с предметным смысловым уровнем актуализируются образный и концептуальный.

Журналист В. Валиулин, раскрывая тему беспамятства, объединяет кузнечан и новокузнечан и с помощью прямой речи создаёт обобщённый образ обывателя: *Нельзя сказать, что жители Кузнецка, а после своего нового рождения – Новокузнецка, слишком гордились этим обстоятельством. Возможно, судили так: «Ну, обвенчался бывший каторжный и обвенчался. Мало ли их, горемычных, тут прошло. Всех не пересчитаешь»* (12.03.1992). В данном эмоционально-экспрессивном контексте, как и в материале А.С. Шадринной, используется противопоставление, причём в него включены не отдельные элементы, образующие смысловые оппозиции, а изотопические цепочки, которые отражают оценочную позицию автора, тревогу о псевдонаполнении

души. Противопоставлены ряд, связанный с духовностью, Богом («*церковь – освятившая – страдальческие*»), и ряд, передающий смыслы революционно-советского поправа и разрушения, – «*угар всеобщего очищения – строительно-промышленный пафос – снесли*»: Тем более, что саму церковь, освятившую брак двух страдальческих сердец, в угаре всеобщего очищения снесли, а души наполнились новым, строительно-промышленным пафосом, не оставлявшим места для идейных исканий. Так и прошло более века без имени Достоевского (В. Валиулин, 12.03.1992). Прагматическую роль в контексте играет метафора *угара*, передающая безумное, болезненное, опасное для жизни, для души состояние.

Соотнесение темы беспамятства не только с современниками, но и с жителями дореволюционного Кузнецка происходит и в статье, где А.С. Шадрина рассматривает образы Кузнецка и кузнечан в газете «Сибирская жизнь». Автором приводится фрагмент публикации от 21 мая 1899 г.: *Со временем, когда где-то там заговорят о Достоевском и память о нём будет праздноваться, тогда и мы вспомним, что он посещал г. Кузнецк и даже здесь венчался с первой своей женой в Богородицкой церкви. Удивительно, право, как мало мы умеем понимать значение наших деятелей и сохранять воспоминания о них. Когда я ехал в Кузнецк, то надеялся собрать много сведений о Ф.М. Достоевском, и каково же было моё удивление, когда на мои расспросы о нём старожилы предлагали мне вопрос: “Чьи они будут этот г. Достоевский...”*

Обидно стало на душе после таких курьёзов, тем более обидно, что за границей я был очевидцем совершенно иного отношения к знаменитым людям. Там чтут и сохраняют в памяти каждую мелочь, раз она касается знаменитости, не только своей, но и чужой... Вытекает это из уважения к личности, из привычки держать чистым колодезь, из которого пьём...» (А. Шадрина, 20.02.1993). Краевед эмоционально выражает своё полное согласие с изложенной концепцией: *Можно ли сказать лучше, чем это сделал томский корреспондент?! Этическое основание оценки, как видим, связано с уважением к личности. Отметим сохранившуюся и в современных публикациях роль оценочных антитез, сопоставляющих несовершенное своё с другим, могущим стать образцом для подражания.*

С. Анциферова в статье «*Благоустройство улиц и души*», заголовок которой актуализирует этическую оценку с помощью силлениса, повторяет курьёзную историю, рассказанную корреспондентом «Сибирской жизни»: *Около ста лет назад в газете «Сибирская жизнь» была опубликована статья о городе Кузнецке. Её автор сообщил читателям: даже городские старожилы не знают, «чьи они будут, этот господин Достоевский» (14.06.2001). Композиционную роль в материале играет изотопическая цепочка «около ста лет назад – нынче, в преддверии 180-летнего юбилея писателя», которая позволяет автору перейти к ироничному изложению грустной истории о беспамятстве некоторых современных новокузнечан: *Но и сегодня не все из новокузнечан, по-видимому, знают, «чьи они будут, этот господин...». Так уж сложилась история мемориальной улицы – те, кто живёт сегодня на близлежащей территории, на Форштадте, в большинстве своём особой любви к классической литературе не питают. Посему и проблемы**

сохранения памяти и культурного наследия знаменитого писателя им совершенно мимо жизни. Трое из пятерых прохожих, у которых мы в качестве эксперимента спрашивали дорогу к музею Достоевского, стоя в двух шагах от дома номер сорок на улице его имени, недоумевающе пожали плечами. Затем автор актуализирует антитезу, противопоставляющую беспмятных новокузнецчан и жителей других стран, чтущих память о писателе, при этом важную регулятивную роль играют соответствующие хоронимы и антропонимы: *О том, где расположен этот дом, гораздо лучше осведомлены некоторые граждане во **Франции, Америке** и даже в **Японии**. Вот пример: по словам сотрудников музея, одного из самых преданных поклонников и исследователей таланта Достоевского, не раз приезжавшего к нам, зовут **Коити Итокава**. И этого экзотического для Сибири гостя, и многих других, постоянно сотрудничающих с новокузнецкими литературоведами, в доме-музее ждут на научную конференцию «Достоевский: проблемы, жанры, интерпретации», которая будет приурочена ко дню рождения писателя.*

В материалах, выражающих пейоративное отношение к беспмятным потомкам, важна также телеологическая оценка, синкретично существующая с доминирующей этической, как в рассмотренных примерах, или выходящая на первый план, например: *Только в 1980 г. в Новокузнецке открывается литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского. Было упущено время, которое должно было способствовать розыскам экспонатов, сведений от старожилов о кузнецком периоде жизни писателя* (А. Шадрина, 23.03.1989).

Отметим, что в материалах XX в. создан более яркий образ Кузнецка эпохи Достоевского, большее внимание уделяется образу музея, тогда как в материалах XXI в. акцент перенесён на роль «кузнецкого периода» в жизни и творчестве писателя, на создание образа «грозного чувства». С одной стороны, такой отклик газетных текстов связан с фактами и событиями: 17 мая 1980 г. в городе открыт Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского, ведутся споры о его экспозиции и сохранении материальных объектов, активизировавшиеся в эпоху перемен. С другой стороны, именно с периодом перестройки связаны более активное обращение медиатекстов к дореволюционной истории Кузнецка, расширение круга тем, представляющих малую родину: *Почти 400-летняя история нашего города насчитывает немало светлых страниц. Новокузнецчанам можно гордиться не только Кузнецкстроем и трудовыми подвигами во время войны, но и историей города Кузнецка прошлых веков* (Е. Цибизова, 16.11.1996). В эпоху перемен, связанную с расшатыванием системы ценностных координат, с аномией, укрепление новой системы начинается с поиска истоков, с интереса к корням, питающим крону: *Мы все были одинаковы, однолики, мы и семьи своей кровной не знали, и генеалогического древа не помнили. И только-только почувствовали вдруг, что ничего хорошего в таком беспмятстве нет, что порождает такое беспмятство недобрых, агрессивных людей, с ограниченным кругозором и глухим ко всему, кроме своего, личного и корыстного интереса, внутренним миром* (Т. Михайлова, 02.02.1990).

Именно с этой особенностью системы ценностей периода перестройки и 90-х гг. связана, на наш взгляд, ключевая роль слова *возрождение*, вошедшего в «Словарь перестройки» [17. С. 36]. Например, отчёт В. Паничкина о

встрече в краеведческом музее специалистов, занятых созданием историко-мемориальной зоны, с членами постоянной комиссии горсовета по культуре озаглавлен *«На пути к возрождению»* (06.03.1991). «Ключевое слово текущего момента» (понятие Т.В. Шмелёвой: [18]) мы встречаем и в размышлениях журналиста, завершающих интервью с директором музея: *<...> надо побывать здесь, заразиться верой и энтузиазмом директора в возрождение культурной зоны, в создание очага культурной истории* (В. Валиулин, 12.03.1992).

Разнообразны стилистические средства и приёмы воплощения образа Кузнецка. Он соотносится с идеонимами-библионимами – названиями произведений, в которых создаётся образ провинциального сибирского города, тем самым подчёркивается несомненная связь 22 дней Достоевского в Кузнецке с его творчеством. Цитируются *«Записки из Мёртвого дома»*: *«В отдалённых краях Сибири, среди степей, гор или непроходимых лесов, попадаются изредка маленькие города с одной, много с двумя тысячами жителей, деревянные, невзрачные...»* Это *«Записки из Мёртвого дома»*. Мы поверим: это – о Кузнецке (Ю. Некрич, 22.05.1980); этот фрагмент *«Записок...»*, сопровождаемый комментарием автора, находим мы и в художественно-публицистическом материале писателя Л. Сербина: *Эти первые строки «Записок из Мёртвого дома» появились потом спустя несколько месяцев после посещения Кузнецка* (28.01.1995); упоминается *«Дядюшкин сон»*: *Какой именно город стал прототипом Мордасова, – достаточно праздный вопрос. Скорее всего, провинция явилась Достоевскому в чём-то одинаковой, типичной и в Семипалатинске, и в Кузнецке, и в Барнауле* (Е. Цибизова, 16.11.1996). Таким образом, актуализированы как изотопические цепочки, основанные на связи пересечения, так и гиперогипонимические ряды, где родовому понятию провинциального города соответствуют несколько гипонимов-астинимов, среди которых находится и оним *Кузнецк*.

В стилистическом воплощении образа Кузнецка отметим две тенденции: обобщение, которое используется в текстах конца XX в. и будет преобладать в материалах XXI в., и конкретизация, более ярко представленная в материалах конца XX в., открывающих и разрабатывающих тему. (Первые публикации *«Кузнецкого рабочего»* по рассматриваемой теме относятся к 60-м гг. XX в. и созданы Е. Дмитриевым [19. С. 10], но такие публикации достаточно редки, и именно с 80-х гг., особенно со второй половины, начинается непрерывная и последовательная разработка темы.)

Обобщённая характеристика Кузнецка создаётся с помощью подбора характеризующих гиперонимов, эпитетов, в том числе имеющих межтекстовый статус. Регулятивная роль эпитетов неоднократно актуализируются, например, с помощью инверсии, смысловой плотности контекста, в том числе создаваемой рядами однородных членов: *Узнаем город той поры и в фотографиях, документах – захолустный, приземистый <...>* (Некрич, 22.05.1980). Кузнецк в газетных материалах – *сибирская глубинка* (В. Волчек, В. Тогулев, 13.02.1992); *защитный городок Сибири* (В. Валиулин, 12.03.1992); *глухая провинция* (Т. Михайлова, 12.11.1996); использовано предложение, в котором астиним *Кузнецк* выступает в роли подлежащего, охарактеризованного с помощью составного именного сказуемого: *Кузнецк 19-го века – уездный го-*

род с тихой провинциальной жизнью (Е. Цибизова, 16.11.1996). Поэтесса Л.А. Никонова в одной из статей включает три различные номинации-характеристики Кузнецка: *в глухом сибирском городке; в заштатный сибирский городок; от деревянного захолустного городка Кузнецка* (Л. Никонова, 01.02.1986). Представить город помогает также антитеза *«деревянный захолустный городок Кузнецк – наш молодой индустриальный Новокузнецк»* (Л. Никонова, 01.02.1986). В другом материале автор характеризует Кузнецк как *уездный городок Томской губернии* (Л. Никонова, 31.10.1991).

Конкретизация образа города связана с его пространственным представлением и созданием образов горожан. В формировании пространственного образа города важны изотопические цепочки с партитивной связью и разнообразными топонимами. Партитивные ряды фокусируют внимание адресата на отдельных объектах, среди которых в материалах разных лет особенно важна церковь, где венчался писатель, названная с помощью экклезионима. Образ церкви преимущественно включён в осмысление «грозного чувства». Неоднократно, как и в материалах XXI в., используется приём параллельного изображения прошлого и настоящего: *Одигитриевская церковь стояла до 1918 г. на нынешней Советской площади, справа от въезда на неё со стороны Томи* (В. Откидач, 17.03.1981); *Сохранился деревянный дом портного Дмитриева, который в 1855–1857 гг. снимала М.Д. Исаева по ул. Полицейской (с 1901 г. – улица Достоевского)* (Л. Никонова, 01.02.1986). Л.А. Никонова создаёт гиперогипонимический ряд *«небольшие островки старины – деревянный дом портного Дмитриева»* (Л. Никонова, 01.02.1986). Характеризующая роль данной изотопической цепочки связана со смысловой нагрузкой метафорического гиперонима *островки*, свидетельствующего как о неизбежной потере материальных следов прошлого, так и о значимости сохранения памяти. Такой подход сохраняется и в материалах начала XXI в.

В материалах советского времени важен образ лиственницы, которая до осени 1980 г. была живым свидетелем событий прошлого. Ю. Некрич использует эпитет для создания образа лиственницы и включает его в контекст, где актуализированы эмотивные смыслы: *<...> узнаём <...> ту вековую лиственницу, которую успел полюбить Достоевский* (Ю. Некрич, 22.05.1980). Роль образа лиственницы в городской газете начала 80-х гг. связана со спецификой газетного текста, откликающегося на недавно случившееся и соотносящего факты и события с социальной оценкой: журналисты и представители общественности обсуждают гибель лиственницы по вине дорожного управления. Искусствовед В. Откидач обращается к приёму авансирования: ещё до прямого называния лиственницы появляются характеризующие её образ эпитет и перифраз: *До 1980 года был ещё цел единственный «живой свидетель» венчания Достоевского с Исаевой – это лиственница, стоявшая некогда во дворе церкви* (17.03.1981). В дальнейшем развёртывании текста обозначенные смыслы поддерживаются другим перифразом – *достоверный свидетель прошлого: В проекте художники предполагали рядом с лиственницей поставить ажурный силуэт церкви из металлических стержней, который символизировал бы память о событии прошлого. Соединение достоверного свидетеля прошлого с памятником-символом создавало выразительный и волнующий художественный образ*. Третья оценочная характеристи-

ка – реликвия – включена в обличительный контекст с антитезой «сиюминутная нужда – всякие реликвии»: *Но осенью прошлого года лиственницы не стало. Она была срублена, поскольку рядом прокладывается дорога. Сиюминутная нужда дорожного управления оказалась дорожке всяких реликвий – пример, к сожалению, не единственный. И хотя нет лиственницы, вопрос о том, как увековечить память о важном событии из жизни Ф.М. Достоевского, должен быть как-то продуман и решён* (В. Откидач, 17.03.1981). Как видим, злободневные аналитические материалы критической направленности, связанные с темой сохранения памяти о пребывании Достоевского в Кузнецке, публикуются и в советское время, однако позже таких материалов становится значительно больше.

Эмпирическая детализация пространственного образа города наблюдается в материалах как журналистов, так и специалистов: *Молчат часы. Из низкого окна открываются высокие сумрачные тополя над старым прудом. Когда шли часы, тополей ещё не было, на месте пруда шумела речка Иванцевка* (Ю. Некрич, 22.05.1980); *Небольшой посад, возникший после пожара 1658 года в Кузнецке, развивался вдоль полноводной Иванцовской протоки. Улица, стоявшая на её берегу, определившаяся в XIX веке как Полицейская, вероятно, одна из старейших в городе. Застраивалась она в основном деревянными одноэтажными домами, и только в XIX веке на ней появилось несколько двухэтажных зданий* (А. Шадрина, 23.03.1989).

Параллельное включение топонимов прошлых и современных гармонизирует с идеей сохранения памяти, бережного, скрупулёзного отношения к каждой детали пребывания писателя в Кузнецке: *В первые два приезда он останавливался на Подгорье в доме Вагина (угол пер. Блиновского и ул. Зелёной, теперь Полосухина) <...>* (А. Шадрина, 06.06.1992).

О важной роли онимов свидетельствует включение в газетные тексты метаязыковой рефлексии: *В 1901 году одна из улиц Кузнецка – Полицейская, по просьбе горожан была переименована в ул. Достоевского. Это был первый шаг кузнецчан в стремлении приобщить историю города к судьбе великого писателя* (А. Шадрина, 23.03.1989); *Улица названа в честь событий, происходивших в этом доме: здесь бывал, страдал, любил великий русский писатель Фёдор Достоевский* (Н. Малькова, 02.06.1994). Позже, в начале XXI в., авторы публикаций апеллируют к пресуппозиции адресата, которая должна включать такие важные сведения, например: *Сто лет назад – в 1901 году – улица Полицейская, до этого называвшаяся Большой, была переименована в Достоевского.*

Именно здесь располагался дом портного Дмитриева, который снимала чета чиновника Исаева, вдова которого, – вы, конечно, помните, – Мария Дмитриевна – стала первой женой Достоевского. Сюда Фёдор Михайлович приезжал трижды в 1856–1857 годах. В кузнецкой Одиотриевской церкви, стоявшей где-то на взгорке у Базарной площади примерно на месте нынешнего расположения тюрьмы и практически в начале улицы собственного в будущем имени, вы знаете, Достоевский с Исаевой венчались. Сегодня в доме номер сорок располагается музей Фёдора Михайловича Достоевского (В. Немиров, 03.02.2001). Апелляция к адресату свойственна материалам В.А. Немирова, отличающегося диалогичной манерой письма, и содержится

уже в заглавии городского репортажа, фрагмент которого был приведён, – «Пройдём по Достоевского».

Контексты с метаязыковой рефлексией включаются и в материалы с пейзажной оценкой, передающие эмотивный смысл возмущения, который связан с пренебрежительным отношением к культурной памяти. Так, в материале сотрудника музея Е.Д. Трухан актуализируются антитезы «чудовищная местность – имя гения мировой литературы», «чудовищная местность, богом забытый угол, филиал петербургских трущоб – красивые улицы, площади, музеи», изотопические цепочки «стыдно – больно», «бытовое бескультурье – неуважение к великим именам», концентрируются риторические вопросы:

И просто парадоксально, что такая чудовищная местность носит имя гения мировой литературы, юбилей которого, кстати, город планирует пышно отметить в 1996 году. Пригласим гостей, будем водить по красивым улицам, площадям, музеям.

А если кто заглянет в богом забытый угол, в филиал петербургских трущоб – на платформу имени Достоевского?

Стыдно и больно за наше бытовое бескультурье, за неуважение к великим именам. Неужели Достоевский заслужил такую память? (09.11.1995).

Внимание к ониму возникает уже благодаря заголовку-перифразу, основанному на метонимии, – «Классическая остановка». Креолизованный текст, размещённый в рубрике «Фотофакт» накануне дня рождения Ф.М. Достоевского, передаёт горькую иронию: на фотографии представлено удручающее состояние остановочной платформы имени Достоевского. Текст насыщен пейоративами: *Несколько лет, проезжая по маршруту «Запсиб – город», становлюсь невольным свидетелем безобразия, творящегося на остановочной платформе имени Достоевского. Станция разбита, что называется, до кирпичей, нет стёкол, крыши. Местные аборигены, занимающиеся наскальной живописью, оставили на её стенах массу загадочных надписей и рисунков. Оригинально дополнил эту картину канализационный пейзаж: чуть только дожди – из близлежащих колодцев хлещет чёрная вонючая жидкость, а рядом – Томь, из которой мы пьём. Дубитация подчёркивает проблемный характер размышлений сотрудника музея: Кто ответит за это преступление? Железная дорога? Служба коммунального хозяйства? Администрация города? Как видим, с помощью комплекса различных изобразительно-выразительных средств материал представляет актуализированную в эпоху перестройки тему культурного беспамятства.*

Особой выразительностью в создании образа Кузнецка обладают эмоционально-экспрессивные контексты, построенные по законам художественной публицистики. Городская газета конца XX в. может гордиться такими тонкими стилистами, создавшими яркий образ Кузнецка, как Ю. Некрич, Л.А. Никонова, А.С. Шадрина, Л.Г. Сербин, Е.Д. Трухан. Приведём примеры художественно-публицистических контекстов с субъективацией изложения ([20. С. 185–205], [14. С. 204–224]). Это могут быть впечатления автора публикации от экспоната музея, выставки: *Изображение погружено в серебристо-голубой искрящийся фон. На этом фоне панорамно возникают домики, собор*

провинциального Кузнецка, по одной из улиц несётся нарядный свадебный поезд.

<...> Мы словно бы видим это событие сквозь даль времени, а эта лёгкая мгла, мерцающая, переменчивая, кажется почти материализованной романтической дымкой времени. Кружащийся, изменчивый фон может показаться и снежным вихрем, в котором тонет маленький захолустный городок, затерянный в бескрайних сибирских просторах (о картине новокузнецкой художницы Л. Ковтун-Статных «Венчание Фёдора Достоевского»; В. Откидач, 17.03.1981).

Несколько раз отражён момент первых впечатлений приехавшего в Кузнецк:

Первые впечатления от знакомства с городом были отрадными. С высокой крепостной горы открывался вид на тихие уютные улочки, утопающие в снегу. Силуэты двух каменных храмов поражали воображение величественностью и изяществом (о приезде в Кузнецк Е.И. Тюменцева; А. Шадрина, 07.06.1990);

Внезапно открывшийся с Крепостной горы ландшафт приятно удивил унтер-офицера Ф.М. Достоевского. Городок, окутанный утренней дымкой, был как на ладони. Слева вдоль горы, в зелёном массиве, пряталось городское кладбище с небольшой белокаменной церквушкой. Справа извилистая лента реки уходила до горизонта. Среди уютных деревянных домиков обывателей возвышались два каменных храма. Спустившись на Базарную площадь, ямщик направил лошадей в сторону Большой улицы. Здесь в небольшом деревянном домике жила М.Д. Исаева, к которой так спешил Достоевский (А. Шадрина, 06.06.1992);

...Сразу за Томью дорога круто пошла вверх, и лошадь, уставшая за столь долгий путь, вынесла кошовку на крепостную гору. Внизу в закатном мареве лежал Кузнецк.

Залитые потемневшей зеленью палисады, пристань, аккуратные ряды домишек, золотые купола собора и чуть в отдалении церквей. Вот он, городок, название которого я повторяю почти два года, подумал писатель и улыбнулся (Л. Сербин, 28.01.1995);

Как уже отмечалось, другое направление конкретизации образа Кузнецка – рассказ о кузнечанах. Опять же используется как обобщённая характеристика, так и конкретизированное представление горожан, так или иначе имеющих отношение к «кузнецкой коллизии» писателя. А.С. Шадрина определяет в газетных материалах конца 80-х – начала 90-х гг. особое направление конкретизации образа Кузнецка – изучение духовной жизни кузнечан: *Раскрытие многообразных аспектов нашей «малой истории» через человеческую личность, её подвижническую духовную деятельность позволяет более объективно судить о культуре Кузнецка второй половины XIX века (А. Шадрина, 07.06.1990).* Причём краевед не ограничивается выражением концепции, а бережно, скрупулёзно собирает факты. Так, приводится фрагмент письма Е.И. Тюменцева, характеризующий круг чтения кузнечан: *Для углублённого понимания личности священника Тюменцева и характеристики духовной жизни Кузнецка второй половины XIX века обратимся ещё раз к письму: «В то время литературная деятельность Фёдора Михайловича*

только ещё начиналась, и я в это время был знаком только с его “Бедными людьми”, затем вскоре с “Записками из Мёртвого дома”. Прочие его произведения в Кузнецкой училищной библиотеке были почти все и нашей интеллигенцией читались с большой охотой. <...>» (А. Шадрина, 07.06.1990). Или даётся обзор губернской газеты «Сибирская жизнь», выполненный для определения особенностей духовной жизни кузнецчан: *Какие проблемы волновали кузнецчан столетие назад? Каким они хотели видеть свой город? Чем питалась их духовно-нравственная жизнь? <...> Ответы на них [вопросы] можно обнаружить, полистав страницы газеты «Сибирская жизнь». <...> в корреспонденциях из Кузнецка обезоруживает простота и открытость авторского мироощущения. <...> Отдельные публикации в газете «Сибирская жизнь» из Кузнецка имеют название «Захолустные силуэты», однако они же своим содержанием и направленностью подвергают сомнению это самоуничижительное определение* (А. Шадрина, 20.02.1993). Оптимистичным является вывод автора: *Если кузнецчане когда-то могли так сказать о себе, безусловно, чувство нравственного долга не было ими утрачено, а город жил своими проблемами.* Отметим, что заголовок статьи А.С. Шадриной – «*Письма из прошлого*» – выражает идею неразрывной связи времён, необходимости обращения к духовным истокам для ценностной ориентации. Примечательно, что в контексте размышлений о духовной жизни кузнецчан важную роль играет гемертоним «*Сибирская жизнь*», что гармонирует с неоднократно выраженным в городской газете осознанием места СМИ в духовной жизни общества.

В общей характеристике духовной жизни Кузнецка представлен и пейоративный полюс. Пейоративные аспекты характеристики Кузнецка наиболее полно выражены в статье научного сотрудника музея Е. Цибизовой «*Не только карты, попойки и сплетни...*» с подзаголовком «*Сибирская провинция в повести Ф.М. Достоевского “Дядюшкин сон”*» (16.11.1996): *Замкнутость жизни, оторванность от общественных движений центра и часто невероятная скука порождали зависть, интриги, сплетни среди представителей городской верхушки. Именно с этой стороны представлена сибирская провинция в повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон»; <...> впечатление Достоевского от сибирской провинции было негативным.* Сотрудник краеведческого музея, усиливая аргументацию, включает в статью цитаты из воспоминаний А.Е. Врангеля, писем Ф.М. Достоевского, например: *В письмах Фёдора Михайловича встречаются такие эпитеты: «...гадость кузнецкая её замучает», «...жить в Кузнецке ужасно», а в письме к А.Е. Врангелю от 24 марта 1856 г. Достоевский пишет: «В маленьком этом городишке интригуют... Её осаждают просьбами выйти замуж... указывают на беспомощность её положения».*

Важно, что в конкретизированной характеристике кузнецчан (прежде всего Е.И. Тюменцева, супругов Катанаявых) представлены не только факты и события, но и духовная составляющая: *Вовлечённый волею событий в жизненную орбиту писателя Достоевского, отец Евгений хранил о нём благодарную память, тем самым приобщая историю Кузнецка к великому имени русской литературы* (А. Шадрина, 07.06.1990); *Идут столетия, меняются эпохи, но человеческая доброта, участие к ближнему, проявленные как когда-то [Ан-*

ной Николаевной Катанаевой] к Достоевским, так нужны нам сегодня всем (А. Шадрина, 06.02.1993). На духовной составляющей в характеристике кузнечан делают акцент именно материалы конца XX в., позднее превалирует событийно-фактологический подход к представлению «кузнечской орбиты» писателя.

В материалах 90-х гг. возрастает роль шутивно-ироничной тональности, которая не играет ведущей роли при осмыслении темы «Достоевский в Кузнечке», но всё же важна с точки зрения специфики ценностной ориентации. Так, в номере за 1 апреля 1997 г. опубликован шутивный текст под заголовком «Опровержение»: *В редакцию «Кузнечского рабочего» обратился новокузнечанин Ф.М. Достоевский, который утверждает, что информация о его венчании в Спасо-Преображенском соборе, опубликованная в прошлом номере газеты, не соответствует действительности.*

На самом деле он венчался в Одигитриевской церкви, а настоящее время не существующей, о чём представит неоспоримые доказательства.

Редакция «Кузнечского рабочего» приносит извинения читателям и Ф.М. Достоевскому. Корреспондент газеты М.Ю. Зеленчуков, подготовивший ложную информацию, наказан принудительной экскурсией в музей Ф.М. Достоевского.

Несмотря на шутивную тональность, текст направлен на ознакомление горожан с правдивой информацией, на борьбу с распространённым заблуждением о месте венчания, что определяет ключевую роль в контексте противопоставления слов и выражений с семантикой лжи (*не соответствует действительности, ложная информация*) и правды (*на самом деле*) и контекстуальной антитезы экклезионимов «Спасо-Преображенский собор – Одигитриевская церковь».

Шутивная тональность связана с заголовком городского репортажа о конкурсе проектов памятника Достоевскому – «*На этот раз, кажется, Достоевскому не повезло*» (В. Немиров, 14.07.2001). Журналист в ироничном изложении использует сниженный по окраске жаргонизм «*повязать*», заключая его в кавычки и тем самым обращая на него внимание [21. С. 323], и антитезу, передающую неоднозначное отношение к хранению памяти о пребывании писателя: *Любовь и женитьба на Марии Исаевой навечно «повязала» Фёдора Достоевского с нашим городом. Одни говорят: великая для нас честь, для других – сплошная маета* (14.07.2001). Далее в материале шутивная тональность поддержана фразеологизмом с разговорной и сниженной окраской и силлепсисом «*образ... и... сумма денег*»: *В конце марта распоряжением Главы города открылся конкурс проектов памятника Фёдора Михайловича Достоевского, параметры которого укладывались бы в «образ простого человека, писателя, мыслителя», жизнь которого связана каким-то боком с городом, и в небольшую (сравнительно) сумму денег.* Действительно, ключевая роль в стиле современной аналитической и художественной публицистики принадлежит иронии (см. об этом: [22. С. 313]). Использование иронии соотносится с проблемным способом ввода информации, используемым в современной публицистике: «Основная модальность сейчас – это разной окраски вопросительность, утверждение с оглядкой на возможное возражение, опровержение» [23. С. 667]. А.Б. Есин подчёркивает особое место иро-

нии в системе эмоционально-ценностных ориентаций культуры: «Ирония, чья субъективная основа – скептицизм, направлена не на саму действительность, а на её осмысление в той или иной эмоционально-ценностной ориентации»; одна из функций иронии, как раз реализуемая в современной аналитической и художественной публицистике, – «разрушать, разлагать эмоционально-ценностные ориентации, оказавшиеся явно несостоятельными перед лицом реальности и переставшие выполнять свою основную функцию – ориентировать личность в мире» [24. С. 267–268]. Таким образом, шутливо-ироничная тональность газетных материалов отражает критическое отношение к существующей ценностной ориентации и одновременно стремление авторов направить читателя (в читательскую аудиторию включаются и представители власти разных уровней) к новой системе ценностных координат, преодолеть аномию.

Сделаем некоторые выводы о воплощении темы «Достоевский в Кузнецке», открытой в региональном медиадискурсе газетой «Сибирская жизнь». Связь Кузнецка с жизнью Ф.М. Достоевского рассматривается авторами публикаций городской газеты «Кузнецкий рабочий» в контексте размышлений о чести быть приобщённым к судьбе великого русского писателя и об уважении к истории малой родины. Актуализирована этическая оценка, поскольку нравственной основой таких размышлений в публикациях разных лет является память; межтекстовый статус приобретает антитеза памяти и беспамятства, забвения. При осмыслении темы «Достоевский в Кузнецке» в период перестройки и в более поздних материалах 90-х гг. XX в. сделан акцент на общечеловеческих духовных ценностях, тогда как в начале XXI в. внимание переносится на культурную жизнь города. В период перестройки актуализируется пейоративная оценка беспамятных потомков, в которой доминирует этическое начало. Ключевая для публикаций 90-х гг. тема, связанная с темой сохранения культурного наследия, – финансовое неблагополучие.

В материалах XX в. создан более яркий образ Кузнецка эпохи Достоевского, большее внимание уделяется образу музея, тогда как в материалах XXI в. акцент перенесён на роль «кузнецкого периода» в жизни и творчестве писателя, на создание образа «грозного чувства». Такой отклик газетных текстов связан не только с фактами и событиями (открытие музея в 1980 г.), но и с более активным обращением медиатекстов в период перестройки к дореволюционной истории Кузнецка, с расширением круга тем, представляющих малую родину, что важно для ценностной ориентации в эпоху перемен.

Астионим *Кузнецк* в газетных материалах соотносится с образами провинциального города в «Записках их Мёртвого дома» и повести «Дядюшкин сон». В стилистическом воплощении образа Кузнецка отметим две тенденции: обобщение, которое используется в текстах конца XX в. и будет преобладать в материалах XXI в., и конкретизация, более ярко выраженная в материалах конца XX в., открывающих и разрабатывающих тему. Обобщённое представление города создаётся с помощью подбора характеризующих гиперонимов, эпитетов, в том числе имеющих межтекстовый статус. Конкретизация образа города связана с его пространственным представлением и созданием образов горожан. В формировании пространственного образа города важны изотопические цепочки с партитивной связью, разнообразные топо-

нимы, эмпирическая детализация. Параллельное включение топонимов прошлых и современных гармонизирует с идеей сохранения памяти, бережного, скрупулёзного отношения к каждой детали пребывания писателя в Кузнецке. О важной роли онимов свидетельствует включение в газетные тексты мета-языковой рефлексии.

В рассказе о кузнечанах как другом важном направлении конкретизации образа Кузнецка используется не только обобщённая характеристика, но и конкретизированное представление жителей Кузнецка, имеющих отношение к «кузнецкой коллизии» писателя. Краевед А.С. Шадрина определяет в газетных материалах конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. особое направление конкретизации образа Кузнецка – изучение духовной жизни кузнечан. В контексте этих размышлений важную роль играет гемертоним «*Сибирская жизнь*», что гармонирует с неоднократно выраженным в городской газете осознанием места СМИ в духовной жизни общества. В конкретизированной характеристике кузнечан (прежде всего Е.И. Тюменцева, супругов Катаняевых) представлены не только факты и события, но и духовная составляющая, тогда как в материалах XXI в. превалирует событийно-фактологический подход. Безусловно, тема «Достоевский в Кузнецке» является одной из краеведческих доминант городской газеты «Кузнецкий рабочий» конца XX – начала XXI в.

Литература

1. Чичерина Н.В. Медiateкст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 232 с.
2. Карасик В.И. Аксиологическая лингвистика: перспективы развития // Ментальность и изменяющийся мир: к 75-летию проф. В.В. Колесова / отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь, 2009. С. 13–20.
3. Булгаков В.Ф. Ф.М. Достоевский в Кузнецке. URL: http://az.lib.ru/b/bulgakow_w_f/text_1904_dostoevsky.shtml (дата обращения: 14.09.2015 г.).
4. Жиликова Н.В. Цензурная история газеты «Сибирская жизнь» (1894–1919, г. Томск) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2009. № 3 (7). С. 102–115.
5. Пушкарёва И.А. О семантико-стилистическом воплощении образа города в газетном тексте краеведческого характера (тема «Достоевский в Кузнецке» в городской газете «Кузнецкий рабочий») // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2013. № 3 (23). С. 24–33.
6. Пушкарёва И.А. «Кузнецк Достоевского» в материалах городской газеты // Филология и человек. Барнаул. 2013. № 2. С. 158–165.
7. Пушкарёва И.А. Образ «грозного чувства» (о семантико-стилистическом воплощении темы «Достоевский в Кузнецке» в городской газете «Кузнецкий рабочий») // Человек. Язык. Культура: сб. науч. ст., посвящ. 60-летию юбилею проф. В.И. Карасика / отв. соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. 2-е изд., испр. Ч. 2. Киев, 2013. С. 167–178.
8. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 384 с.
9. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск: Том. гос. пед. ун-т, 1994. 212 с.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. и др. Полевые структуры в системе языка. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т 1990. 198 с.
11. Филиппов К.В. Лингвистика текста: курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. 336 с.
12. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1988. 192 с.
13. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

14. Гориков А.И. Русская стилистика: учеб. пособие. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2001. 367 с.
15. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материале Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. URL: [http:// dict.ruslang.ru/freq.php](http://dict.ruslang.ru/freq.php) (дата обращения: 03.09.2015).
16. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Сов. энцикл., 1973. 846 с.
17. Максимов В.И. и др. Словарь перестройки. СПб.: Златоуст, 1992. 256 с.
18. Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // *Collegium*. 1993. № 1. С. 33–41.
19. *Музей великого писателя в Новокузнецке: аннотированный указатель литературы* / сост. Н.В. Чужук, Е.Э. Протопопова; науч. ред. И.В. Ульянова. Новокузнецк: МУ ЦБС им. Н.В. Гоголя, 2011. 74 с.
20. Одицов В.В. Стилистика текста. М.: КомКнига, 2006. 264 с.
21. Розенталь Д.Э. Русский язык: справочник-практикум. М.: ООО «Издательский дом ОНИКС 21 век»: ООО «Изд-во “Мир и Образование”», 2005. 1008 с.
22. Солганик Г.Я. Публицистический стиль // *Стилистический энциклопедический словарь* / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003. С. 312–315.
23. Дускаева Л.Р. Языково-стилистические изменения в современных СМИ // *Стилистический энциклопедический словарь* / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003. С. 664–675.
24. Есин А.Б. Культура как система ценностей: Эмоционально-ценностные ориентации // Есин А.Б. Литературоведение. Культурология: Избранные труды. М., 2002. С. 256–270.

VALUE CONCEPTUALIZATION OF THE TOPIC “DOSTOEVSKY IN KUZNETSK” IN THE CITY NEWSPAPER *KUZNETSKY RABOCHY* OF THE LATE 20TH CENTURY: SEMANTIC AND STYLISTIC ANALYSIS

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 6 (38), 67–85.

DOI: 10.17223/19986645/38/6

Pushkareva Irina A., Novokuznetsk Institute, Branch of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation); Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pia11@yandex.ru

Keywords: newspaper text, regional media discourse, local studies, meliorative and pejorative estimation, semantic lexical paradigm, isotopy chain.

Newspaper text authors of *Kuznetsky rabochy* view the connection between Kuznetsk and Dostoevsky's life in a specific context. Usually it concerns thoughts about the honour to be joined to the great writer's destiny and about respect to the small motherland history. In different periods, the moral basis of these thoughts is memory. Also materials actualize ethical estimation: antithesis of memory and oblivion acquires an intertextual status. In the perestroika period and in later materials of the 1990s, the accentuated aspect includes universal spiritual values, while in the early 21st century attention is paid to the cultural life of the city. The perestroika period texts devoted to Dostoevsky in Kuznetsk actualize pejorative estimation of forgetful descendants in the ethical aspect. The key topic for materials of the 1990s is financial trouble connected with cultural heritage preservation.

Texts of the 20th century create a brighter image of Kuznetsk in Dostoevsky's epoch, whereas materials of the 21st century emphasize the role of the “Kuznetsk period” in the writer's life and form the image of “cruel feeling”. This response in newspaper texts occurred not only due to facts and events (the Museum opening in 1980). Another important aspect is the perestroika media texts appeal to the pre-revolutionary history of Kuznetsk: the sphere of subjects presenting the small motherland was expanding.

Two stylistic tendencies are remarkable in Kuznetsk image: firstly, generalization used in texts of the late 20th century and prevailing in materials of the early 21st; secondly, specification mainly presented in materials of the late 20th century which open and work out the topic. A generalized city description is created with the help of special hyperonyms and epithets; some of them have an intertextual status. Specification of the city image is connected with its space presentation and townspeople images. An important role in forming the city's space image belongs to isotopy chains with partitive connection, as well as to different toponyms, empiric detailing.

The narrative about Kuznetsk people, as another significant way of the city image specification, uses not only a generalized description, but also a concrete one. For instance, authors create images of people connected with the “Kuznetsk conflict” of Dostoevsky. A.S. Shadrina, a local studies expert,

examines a particular line in Kuznetsk image specification: the view on spiritual life of its people. Hemertonym “*Sibirskaya zhizn*” is especially important in this context; it conforms to the mass media role in the spiritual life of society, which is constantly expressed in the city newspaper. Concrete description of Kuznetsk people (mainly of E.I. Tumentsev and the Katanaev family) presents not only facts and events, but also a spiritual component, while in materials of the early 21st century the evidential aspect prevails.

Therefore, the topic “Dostoevsky in Kuznetsk” is one of the local studies dominants in the city newspaper *Kuznetsky rabochy*.

References

1. Chicherina, N.V. (2008) *Mediatekst kak sredstvo formirovaniya mediagramotnosti u studentov yazykovykh fakul'tetov* [Media texts as means of formation of media literacy among students of language faculties]. Moscow: LKI.
2. Karasik, V.I. (2009) Aksiologicheskaya lingvistika: perspektivy razvitiya [Axiological linguistics: development prospects]. In: Pimenova, M.V. (ed.) *Mental'nost' i izmenyayushchiysya mir: kollektivnaya monografiya: k 75-letiyu prof. V.V. Kolesova* [The mentality and the changing world: the collective monograph: the 75th anniversary of Prof. V.V. Kolesov]. Sevastopol: Ribest.
3. Bulgakov, V.F. (1904) *F.M. Dostoevskiy v Kuznetske* [Dostoevsky in Kuznetsk]. [Online]. Available from: http://az.lib.ru/b/bulgakow_w_f/text_1904_dostoevsky.shtml. (Accessed: 14 September 2015).
4. Zhilyakova, N.V. (2009) The censorship history of the newspaper *Siberian Life* (1894–1919, Tomsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (7). pp. 102–115. (In Russian).
5. Pushkareva, I.A. (2013) On semantic and stylistic realization of city image in city text of local history character (theme “Dostoevsky in Kuznetsk” in city newspaper *Kuznetsky Rabochy*). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (23). pp. 24–33. (In Russian).
6. Pushkareva, I.A. (2013) Kuznetsk by Dostoevsky in the city newspaper's materials. *Filologiya i chelovek – Philology and a Person*. 2. pp. 158–165. (In Russian).
7. Pushkareva, I.A. (2013) Obraz “groznogo chuvstva” (o semantiko-stilisticheskom voploshchenii temy “Dostoevskiy v Kuznetske” v gorodskoy gazete “Kuznetskiy rabochiy”) [The image of “the terrible feeling” (a semantic and stylistic expression of the topic “Dostoevsky in Kuznetsk” in the local newspaper *Kuznetskiy rabochiy*). In: Kolesov, V.V., Pimenova, M.V. & Terkulov, V.I. (eds) *Chelovek. Yazyk. Kul'tura: sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny 60-letnemu yubileyu prof. V.I. Karasika* [Man. Language. Culture: The collection of articles to the 60th anniversary of Prof. V.I. Karasik]. 2nd ed. Pt. 2. Kiev: Izd. dom D. Burago. pp. 167–178.
8. Bolotnova, N.S. (2008) *Kommunikativnaya stilistika teksta: Slovar'-tezaurus* [The communicative stylistics of the text: thesaurus]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
9. Bolotnova, N.S. (1994) *Leksicheskaya struktura khudozhestvennogo teksta v assotsiativnom aspekte* [The lexical structure of the art text in an associative aspect]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical Institute.
10. Popova, Z.D. et al. (1990) *Polevye struktury v sisteme yazyka* [Field structures in the language]. Voronezh: Voronezh State University.
11. Filippov, K.V. (2003) *Lingvistika teksta: Kurs lektsiy* [Text Linguistics: Lectures]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
12. Podol'skaya, N.V. (1988) *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
13. Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka.
14. Gorshkov, A.I. (2001) *Russkaya stilistika* [Russian stylistics]. Moscow: Astrel': AST.
15. Lyashevskaya, O.N. & Sharov S.A. (2009) *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materiale Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency Dictionary of Modern Russian language (on the material of the Russian National Corpus)]. Moscow: Azbukovnik. [Online]. Available from: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>. (Accessed: 03 September 2015).
16. Ozhegov, S.I. (1973) *Slovar' russkogo yazyka* [Russian Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

17. Maksimov, V.I. et al. (1992) *Slovar' perestroyki* [Dictionary of the Perestroika]. St. Petersburg: Zlatoust.
18. Shmeleva, T.V. (1993) Klyuchevye slova tekushchego momenta [Keywords of the moment]. *Collegium*. 1. pp. 33–41.
19. Ul'yanova, I.V. (ed.) (2011) *Muzej velikogo pisatelya v Novokuznetske: annotirovannyi ukazatel' literatury* [Museum of the great writer in Novokuznetsk: annotated index of literature]. Novokuznetsk: MU TsBS im. N.V. Gogolya.
20. Odintsov, V.V. (2006) *Stilistika teksta* [The stylistics of the text]. Moscow: KomKniga.
21. Rozental', D.E. (2005) *Russkiy yazyk. Spravochnik-praktikum* [Russian language. A Manual]. Moscow: ONIKS 21 vek: Mir i Obrazovanie.
22. Solganik, G.Ya. (2003) Publitsisticheskiy stil' [Journalistic style]. In: Kozhina, M.N. (ed.) *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Stylistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Flinta: Nauka.
23. Duskaeva, L.R. (2003) Yazykovo-stilisticheskie izmeneniya v sovremennykh SMI [Linguistic and stylistic changes in modern media]. In: Kozhina, M.N. (ed.) *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Stylistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Flinta: Nauka.
24. Esin, A.B. (2002) Kul'tura kak sistema tsennostey. Emotsional'no-tsennostnye orientatsii [Culture as a system of values. Emotional and value orientations]. In: Esin, A.B. *Literaturovedenie. Kul'turologiya: Izbrannye trudy* [Literary and Cultural Studies: Selected Works]. Moscow: Flinta: Nauka.

УДК 81'42

DOI: 10.17223/19986645/38/7

С.И. Солнышкина, А.С. Кисельников

СЛОЖНОСТЬ ТЕКСТА: ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРИКЛАДНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В статье предложена периодизация этапов применения математики и статистики для определения параметров сложности текста в отечественном языкознании: 1) конец XX в. – количественные параметры (длина слова и предложения), лексические параметры: абстрактность слов и полисемия; 2) конец XX – начало XXI в. – интеграция количественных и качественных параметров; 3) современный этап – качественные параметры (синтаксические конструкции, деривация, абстрактные единицы текста (слова, термины, формулы, таблицы, графики), референция и др.).

Ключевые слова: сложность текста, трудность текста, читабельность текста, количественные параметры сложности текста, качественные параметры сложности текста.

Читабельность, понятность, трудность и сложность – характеристики текста, определяемые в прикладной лингвистике при помощи математических формул и компьютерных программ.

В связи с отсутствием единого подхода к определению критериев сложности текста в научной среде до сих пор имеет место смешивание трёх понятий – сложности, трудности и читабельности текста. Например, Е.С. Пушкина [1] использует одновременно термин «сложность» для описания собственно параметров текста и трудности восприятия текста читателем. Очевидно, что оба параметра взаимосвязаны. В ряде работ сложность (см. [2, 3, 4]) трактуется как характеристика текста, зависящая от внутренних параметров самого текста, а трудность, в отличие от сложности, определяется на основе эмпирических данных о восприятии текста читателем (см. [5, 6]), т.е. его навыков и знаний (лексических, синтаксических, семантических, дискурсивных и проч.). Именно такую позицию занимают, в частности, М.А. Джаст и П.А. Карпенер [7], К. Кода [8]. Значимость знаний о мире, особенностей жанра текста, его дискурсивной модели подчёркивают С.А. Кросли, Дж. Гринфильд и Д.С. Макнамара [9]. Актуальными при определении трудности текста являются также фоновые знания читателя, зависящие от социальных, исторических, психологических, научно-теоретических, общекультурных, возрастных, временных и прочих факторов (см. [10, 11, 12]), поскольку коммуникация (и чтение как опосредованная и отсроченная по времени) признается успешной при наличии у партнера (читателя в данном случае) «трех типов компетенций: когнитивной, предметной и языковой, в которых закреплён концептуальный, перцептивный и вербальный опыт личности, полученный в процессе социализации» [13]. Все вышесказанное делает очевидным то, что трудность текста традиционно, рассматриваемая в англоязычной научной литературе в рамках Applied Linguistics (букв. прикладная

лингвистика), в отечественной парадигме должна стать объектом междисциплинарных исследований, проводимых на основе достижений в области психологии, педагогики, лингвистики и социологии.

Термины «читабельность» или «удобочитаемость» используются отечественными учёными как варианты перевода английского термина *readability*. А. Ребер, предупреждая о неоднозначности представленного явления, характеризует две противоположные точки зрения: «1. Свободное значение – мера, доступности для понимания письменного текста, определяемая анализом ряда факторов, включая синтаксическую сложность, лексику, выраженность темы, связность тем и т.п. 2. Измерение того, насколько читабелен текст, основанное на среднем уровне подготовки читателей, способных его прочесть и понять» [14]. Таким образом, предполагается, что индекс читабельности текста, определяемый формулами читабельности на основе количественных параметров текста (количество слов в тексте, количество предложений, средняя длина предложения, средняя длина слова по количеству букв или слогов и ряд других), отражает степень понимания текста читателем, а также сложность самого текста. Индекс читабельности имеет в качестве коррелятора возраст потенциального читателя, который определяется не возрастом, а количеством лет обучения. Например, текст с индексом 90–100 (удобочитаемость, по Флешу) будет понятен учащемуся четвертого класса, а текст с индексом 0–30 – выпускнику колледжа. Расчёты произведены для системы образования США.

Разработка первых формул читабельности была продиктована прагматическими целями: формула удобочитаемости по Флешу (Flesch Reading Ease) [15] и тест на читабельность Флеша – Кинкейда (Flesch – Kincaid Readability Test) [16] были созданы по заказу военных и использовались с целью составления текстов инструкций по применению оружия или технических средств, формула МакЛафлина (McLaughlin) [17] применялась для изучения сложности текстов инструкций к лекарствам и препаратам. Отечественные учёные М.С. Мацковский [18], Я.А. Микк [19] и др. первоначально разрабатывали формулы читабельности для определения способности учащихся понять предъявляемый учебный текст. Математические формулы сложности текста имеют в своей основе ограниченный список лингвистических и количественных параметров текста (переменные), а также общезыковые параметры (константы). Так, О.С. Разумовский [20] отмечает отсутствие в современной прикладной лингвистике инструментария измерения параметров сложности текста, так как в современной науке нет разделяемого учёными понимания, что рассматривать в качестве критериев сложности текста, каковы их постоянные и переменные.

Формулы читабельности текста – чрезвычайно распространенный инструмент характеристики текста, в том числе в отечественной практике [18, 19, 21]. На данный момент насчитывается более двухсот различных формул читабельности, имеющих широкую практику применения: образование, медицина, право и др. В настоящее время определение читабельности текстов осуществляется на различных языках, это: «английский, испанский, французский, немецкий, голландский, шведский, русский, еврейский, хинди, китай-

ский, вьетнамский, корейский, японский и итальянский¹» [22]. В отечественном языкознании вопрос о недостаточной изученности читабельности применительно к текстам на русском языке ставился рядом учёных (см. [23, 24, 25]). К сожалению, отечественные исследования по данной проблеме не многочисленны.

Формула удобочитаемости по Флешу (далее УФ) включает две переменные: 1) средняя длина предложения (по количеству слов) и 2) среднее число слогов в слове: $УФ = 206,835 - (1,015 \times \text{средняя длина предложения}) - (84,6 \times \text{среднее число слогов})$. Очевидно, что меньшее количество слогов в слове, как правило, свидетельствует о его меньшей информативности. В свою очередь, меньшее количество слов в предложении реализует меньшее количество связей между словами и предложениями.

В 60–70е гг. XX в. вопросом количественных параметров текста задаётся ряд отечественных учёных (Г.А. Лесскис [26], М.С. Мацковский [18], Я.А. Микк [19], Р.Г. Пиотровский, К.Б. Бектаев, А.А. Пиотровская [27]). Наряду с обозначенной проблемой анализа учебного текста широко изучаются тексты различных стилей и жанров, анализируются научные, публицистические, эпистолярные и художественные тексты XVIII, XIX и XX вв.

В фокусе исследований Г.А. Лесскиса [26] – синтаксическая сложность текста. Занимаясь изучением количества простых и сложных (сложносочинённых, сложноподчинённых и бессоюзных) предложений, учёный прибегает к таким параметрам сложности, как средний размер² цельного предложения; средний размер простого самостоятельного предложения; средний размер сложного предложения; средний размер простого предложения в составе сложного и др. На основе количественных параметров Г.А. Лесскис стремится определить сложность художественных и научных текстов [26].

В 1970 г. Я.А. Микк выводит формулу понятности для текстов на эстонском языке, которая имеет вид: $X_0 = 0,131 X_1 + 9,84 X_2 - 4,59$, где X_0 – индекс понятности текста, X_1 – средняя длина самостоятельных предложений в печатных знаках (имеет место учёт длины предложения по количеству слов, а также учёт длины самих слов) и X_2 – средняя абстрактность повторяющихся в тексте имён существительных.

Понятность текста – объект исследований Я.А. Микка, который трактует данный термин как «свойство текста содействовать пониманию» [19]. Трудность учёный интерпретирует как «свойство текста препятствовать пониманию» [19]. Понятность текста Я.А. Микк считает более широким понятием, чем читабельность, отмечая, что «в формулах удастся учесть не все факторы понятности текста» [19]. В качестве основных параметров «понятности» Я.А. Микк выделяет: 1) количество слов в предложении; 2) «знакомость»³ слов (количество знакомых слов в тексте, определяется экспериментальным путём, списки частотных слов для конкретных текстов не представлены); 3) абстрактность слов (соотношение абстрактных и конкретных слов в тек-

¹ Здесь и далее перевод мой. – А.К.

² Размер предложения по Лесскису [26] – «количество слов и синтаксически значимых компонентов».

³ Термин Я.А. Микк [19].

сте) (см. [19]). «Знакомость» слов определяется эмпирически путём оценивания слова испытуемыми по шестибальной шкале (5 – очень хорошо знакомое слово, 0 – незнакомое слово) (см. [19]). Абстрактность имён существительных предлагается определять одним из двух способов: 1) по трёхбалльной шкале: а) имена существительные (одушевлённые и неодушевлённые), воспринимаемые органами чувств; б) имена существительные, воспринимаемые органами чувств, обозначающие явления; в) имена существительные, не воспринимаемые органами чувств, обозначающие конструкции мысли и 2) подсчёт слов с морфемами абстрактности: чем больше в тексте подобных слов, тем он сложнее. Очевидно, что в данном случае имеет место интегрирование двух понятий – трудности и сложности, поскольку два учитываемых параметра – количество слов в предложении и количество абстрактных слов – суть параметры, детерминирующие сложность текста, в то время как «знакомость» слов определяет трудность текста.

Важность анализа абстрактности слов в тексте для определения его сложности разделяют и другие учёные, например А.М. Сохор [28] и Н.М. Розенберг [29].

В 1976 г. М.С. Мацковский выводит формулу читабельности для русского языка: $X_1 = 0,62 X_2 + 0,123 X_3 + 0,051$, где X_1 – оценка трудности текста, полученная путём применения метода последовательных интервалов; X_2 – средняя длина предложений (по количеству слов); X_3 – процент слов текста, состоящих более чем из трёх слогов (см. [18]). В экспериментах исследований М.С. Мацкого приняло участие шестьдесят учащихся седьмых классов, которые оценивали трудность пятидесяти публицистических текстов по семиразрядной шкале от лёгкого до трудного. Располагая полученными данными, М.С. Мацкий применяет их для выведения обозначенной выше формулы. Однако по свидетельствам И.В. Оборневой, «нет данных, свидетельствующих о практическом применении формулы Мацкого для оценки сложности широкого класса текстов на русском языке, в том числе и учебных» [21]. Мы полагаем, что отсутствие интереса к применению формулы продиктовано ограниченностью отбора текстового материала, а также количества людей, принимающих участие в эксперименте.

Качественные изменения в объекте исследования и введение в спектр параметров смысловых характеристик текстов ознаменовали начало нового периода применения статистических методов для определения сложности текста. Теория информации К.Э. Шеннона [30] нашла развитие в трудах отечественных учёных, например Р.Г. Пиотровского, К.Б. Бектаева, А.А. Пиотровской [27]. Уже в начале 1970-х гг. было предложено дополнить количественный анализ параметров текста анализом передающих содержание единиц (буквы, слоги, грамматические морфемы, слова, словосочетания, синтаксические построения) (см. [27]).

Особый вклад в анализ сложности текста в 1970-е гг. внёс Ю.А. Тулдава, предложивший дополнительный параметр – количество многозначных слов в тексте. В среднем на слово приходится 3,7 значения, в том числе 4,6 значений на глагол и 3,1 значения на существительное [31]. Он предлагает свою формулу определения индекса сложности текста

$$R(i, j) = i * \lg(j),$$

где $R(i, j)$ – индекс сложности текста, i – средняя длина слова в слогах, j – средняя длина предложений в словах (см. [32]).

Современный этап изучения проблемы сложности текста характеризуется двумя основными тенденциями: расширением спектра параметров и попытками установить зависимости между количественными и качественными параметрами сложности текста (см. [25, 33, 34, 35 и др.]).

Наличие в тексте омонимов как один из параметров сложности текста впервые введён А.Е. Ермаковым и В.В. Плешко [36]. Основываясь на тезисе, что без анализа контекста проблематично определить статус лексико-семантического варианта или омонима, учёные предлагают автоматический синтаксический анализатор русского языка, реализующий выделение именных групп и снятие омонимии, который заложен в систему Russian Context Optimizer (Технологии анализа и поиска текстовой информации) для СУБД (Система управления базами данных) Oracle. В настоящее время RCO – это широкий спектр инструментов анализа текста в следующих областях: а) лингвистический анализ текста (содержательный портрет текста, связи между объектами, распознавание ситуаций и прочее); б) обработка особых текстов (разбор частично-структурированного текста); в) поиск и классификация (поиск похожих фрагментов, классификация текстов и др.).

По мнению Е.С. Пушкиной [1], наличие в тексте терминов также создаёт дополнительную сложность, так как термины относятся к словам с наивысшей степенью абстрактности [19]. Вспомогательные факторы, определяющие сложность текста, выделенный Е.С. Пушкиной [1], – типы деривационных структур и их количественный состав в слове.

Существенный вклад в разработку формулы читабельности для текстов на русском языке внесла И.В. Оборнева [21], адаптировавшая формулу УФ для русского языка: $УФ = 206,836 - (1,52 \times \text{средняя длина предложения}) - (65,14 \times \text{среднее число слогов})$. Для адаптации формулы УФ к тексту на русском языке И.В. Оборнева осуществила сравнительный анализ средней длины слова в русском и английском языках. В ходе исследования были использованы: Словарь русского языка под редакцией Ожегова – 39174 слова и Англо-русский словарь под редакцией Мюллера – 41977 слов [21]. В результате анализа было установлено, что средняя длина слова в русском языке – 3,29 слога, а в английском – 2,97 слога. Вывод проведённого И.В. Оборневой исследования основан на анализе ста литературных текстов на английском языке и их переводов на русский язык с общим объёмом слов около 6 млн. Практическое применение труды И.В. Оборневой нашли в макросе, позволяющем определять индекс читабельности УФ текстов на русском языке, для программы Microsoft Word [21]. В последующем результат адаптации формул читабельности для автоматизированного анализа текстов на русском языке был представлен И.В. Бегтиным [38] в виде интернет-ресурса ru.readability.io/.

В качестве критериев сложности текста А.А. Гречихин [39] рассматривает следующие: информативность текста, сложность предложений, абстрактность изложения и ясность структуры текста. Интересен его подход к анализу

информативности и «знакомости» слов текста, который представлен выявлением «житейских» и научных понятий, определением разнообразия словаря текста, поиску длинных слов. Сложность предложения зависит в том числе и от связи его смыслов и значений.

В последние годы в сфере внимания отечественных учёных, занимающихся изучением и применением математических моделей в прикладной лингвистике, находятся тексты различных сфер коммуникации: 1) учебные (Н.В. Баева и Е.И. Большакова [40], М.А. Зильберглейт, Ю.Ф. Шпаковский, М.М. Невдах [23], М.М. Косова, М.А. Зильберглейт [41], М.М. Невдах [34], А.Д. Никин, Н.К. Крioni, А.В. Филиппова [42], Е.С. Пушкина [1], А.В. Филиппова [24], Ю.Ф. Шпаковский [25]), публицистические (Б.А. Мартыненко [43]) и реже политические (В.Е. Абрамов, Н.Н. Абрамова, Е.В. Некрасова и Г.Н. Росс [44]). Исследования инициированы желанием определить оптимальные параметры учебного текста, которые способствуют снижению сложности текста, а также помогут разработать стандарты учебного текста по различным дисциплинам.

Анализируя сложность синтаксической организации учебного текста по химии, Ю.Ф. Шпаковский выделяет такие параметры, как «длина слов, фраз, предложений и текста в целом, процент числа простых и сложных предложений, число одновременно связываемых элементов и количество связей между ними, а также удаленность друг от друга связанных элементов» [25]. Формула определения трудности учебного текста по химии по Шпаковскому выглядит следующим образом: $Y = 20,24 + 0,48X_1 + 0,58X_2 + 0,41X_3$, где Y – трудность восприятия учебного текста (по химии для вузов); X_1 – процент числа слов длиной в девять букв и больше; X_2 – процент числа всех терминов; X_3 – процент числа условных обозначений в химических реакциях. Вспомогательным инструментом для проведения исследования является компьютерная программа «Статистика» (см. [25]).

Изучение замены существительных местоимениями третьего лица в текстах на русском языке легло в основу работы П.В. Толпегина [45]. Учёным предпринята попытка компьютеризации алгоритма определения кореференциальных связей между антецедентом (на примере «объекта Мира»¹) и анафором (на примере местоимений третьего лица). «Общая модель распознавания кореференции (MB) и модель распознавания кореференции, основанная на решении специальной дихотомической задачи распознавания в пространстве признаков описаний и задач распознавания оценок (DSE). Полнота и точность модели DSE составили 79,2 и 83,05% соответственно» [45].

Занимаясь разработкой автоматизированного метода оценки на материале учебных текстов по философии и экономической теории, предназначенных для студентов высших учебных заведений, М.М. Невдах создаёт компьютерную программу «Анализ читабельности» (Readability analysis), нацеленную на оценку трудности учебных текстов для студентов высших учебных заведений [34]. В качестве параметров сложности текста включены: процент слов, состоящих из 11 и более букв, процент слов, состоящих из 13 и более букв. Как видим, в спектре интереса учёного находятся по крайней мере две

¹ Термин П.В. Толпегина [45].

категории слов: заимствованные терминологические единицы и исконные слова, образованные морфологическим путём.

В качестве дополнительных параметров сложности текста у Н.К. Криони, А.Д. Никина и А.В. Филипповой [33] выступают следующие: абстрактность изложения и лингвистические конструкции, диагностируемые признаками «количество длинных слов в тексте, (слова с тремя и более слогами); количество (долей) предложений текста, содержащих длинные слова; средняя длина слова в тексте; средняя длина предложения, измеряемая количеством слов, входящих в него; количество в предложениях текста причастий и деепричастий; количество (долей) предложений текста, содержащих причастия и деепричастия; количество (долей) сложных предложений текста» [33]. Идея определения абстрактности изложения (слова с морфемами абстрактности) заимствована у Я.А. Микка [46], и производятся вычисления на основе соотношения количества абстрактных слов и общего количества слов к тексту. Учёные особо подчёркивают значимость союзов в тексте. Например, в сложносочинённых предложениях выделяются простые (и, а, но, да, или, тоже, также, либо) и сложные (ни – ни, то – то, как – так, не только – но и, не то – не то) сочинительные союзы (см. [33]). Результатом работы является компьютерная программа «Оценка сложности параметров текста» [33].

В начале 2000-х отечественные учёные продолжают изучение длины предложения текстов различных функциональных стилей и жанров на примере общественно-политических текстов (газетные статьи, сообщения информационных агентств и брифинги) [44]. Поскольку длина предложения рассматривается как один из параметров сложности текста, интерес представляют дополнительные лингвистические параметры, выделяемые учёными: лексический повтор, синонимия, гипонимия и гиперонимия, эллипсис, местоименная референция и др. В.Е. Абрамов, Н.Н. Абрамова, Е.В. Некрасова и Г.Н. Росс показывают, что количество связей в газетных статьях шире, чем в текстах сообщений информационных агентств и брифингов, что авторы объясняют объёмом текстов. Газетные статьи длиннее сообщений информационных агентств и брифингов, так как по своей жанровой специфике они призваны не только сообщать информацию, но и давать оценку. Это предполагает необходимость использования большего количества связей.

Вопросом оптимизации инструмента определения сложности текста на основе количественных параметров занимается Н.В. Карпов [35]. Подход учёного характеризуется определением количества слов текста, не входящих в лексический минимум.

В настоящее время особое внимание учёные уделяют процессу автоматизированного поиска анафоров и антецедентов при анализе «не только синтаксических связей внутри предложений, но и связей между предложениями – межфразовые связи» [44]. Результатом совместной работы В.Е. Абрамова, Н.Н. Абрамовой и Е.И. Глобус является компьютерная программа «Автоматическое рубрицирование текстовой информации (на русском, английском, немецком и французском языках)», официально зарегистрированная в Реестре программ для ЭВМ Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам 31 октября 2006 г. (Свидетельство № 2006613783) (см. [47]).

Таким образом, изучение проблемы сложности текста в отечественном языкознании можно разделить на три этапа: первый этап характеризуется преобладанием исключительно количественных параметров текста (Г.А. Лесский [26], М.С. Мацковский [18]). Второй период озаглавлен объединением количественных и качественных параметров (Я.А. Микк [19, 46], Р.Г. Пиотровский, К.Б. Бектаев, А.А. Пиотровская [27], Ю.А. Тулдава [31, 32]. Третий этап можно определить как более глубокое изучение уже сформированных количественных и качественных параметров сложности текста (А.Е. Ермаков, В.В. Плешко [36], И.В. Оборнева [21], Е.С. Пушкина [1], П.В. Толпегин [45]) и использованием компьютерных программ (А.Е. Ермаков, В.В. Плешко [36], М.Г. Мальковский, Е.И. Большакова [37], О.С. Разумовский [20], П.В. Толпегин [45], И.В. Бегтин [38]), а также введением новых параметров (В.Е. Абрамов, Н.Н. Абрамова, Е.В. Некрасова, Г.Н. Росс [45], А.А. Гречихин [39], А.С. Кисельников [48], Н.К. Криони, А.Д. Никин, А.В. Филиппова [33], М.М. Невдах [34], М.И. Солнышкина, Е.В. Харькова, А.С. Кисельников [49, 50], М.И. Солнышкина, А.С. Кисельников [51], Ю.Ф. Шпаковский [25]).

В заключение отметим, что выявленный спектр параметров сложности текста практически в полном объёме присутствует в получившем широкое распространение в зарубежной практике анализа сложности текста инструменте Coh-Metrix, в котором определяются такие параметры, как повествовательность (narrativity), синтаксическая простота (syntactic simplicity), конкретность слов (word concreteness), «относительная целостность» (referential cohesion) и так называемая «глубинная целостность», или средства «глубокой» связи (deep cohesion). Программа Coh-Metrix учитывает количественные параметры, используемые при определении индекса читабельности текста. Попытка анализа текстов на русском языке при помощи программы Coh-Metrix не дала результатов, так как на данный момент в программе открытого доступа не заложен алгоритм обработки текста на русском языке.

В последние годы отечественными исследователями ведётся активная работа по изучению зарубежной и отечественной практики применения математических моделей при анализе сложности текста для чтения учебно-дидактических экзаменационных текстов ТРКИ-2, ЕГЭ по английскому языку и Cambridge English: First [49, 50, 51]. Целью серии исследований являются определение параметров текста, влияющих на его сложность, а также дальнейшая разработка алгоритма определения сложности текста в соответствии со шкалой общеевропейской компетенции владения языком (CEFR).

Литература

1. Пушкина Е.С. Теоретико-экспериментальное исследование структурно-семантических параметров текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 155 с.
2. Бирюков Б.В., Тюхтин В.С. О понятии сложности // Логика и методология науки: материалы IV Всесоюз. симпоз. М., 1967. С. 219–231.
3. Лернер И.Я. Критерии сложности некоторых элементов учебника: Проблемы школьного учебника. М.: Просвещение, 1974. Вып. 1. С. 47–58.
4. Ушаков К.М. О критериях сложности учебного материала школьных предметов // Новые исследования в педагогических науках. № 2 (36) / сост. И.К. Журавлев, В.С. Шубинский. М., 1980. С. 33–35.

5. Томина Ю.А. Объективная оценка языковой трудности текстов (описание, повествование, рассуждение, доказательство): дис. ... канд. пед. наук. М., 1985. 226 с.
6. Цетлин В.С. Дидактические требования к критериям сложности учебного материала // Новые исследования в педагогических науках. № 1 (35) / сост. И.К. Журавлев, В.С. Шубинский. М., 1980. С. 30–33.
7. Just M.A., Carpenter P.A. The psychology of reading and language comprehension. MA, US: Allyn & Bacon, 1987. 518 p.
8. Koda K. Insights into second language reading. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 344 p.
9. Crossley S.A., Greenfield J., McNamara D.S. Assessing Text Readability Using Cognitively Based Indices. *Tesol Quarterly*, 2008. Vol. 42. No. 3. P. 475–493.
10. Гальперин И.П. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.
11. Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1993. 124 с.
12. Alderson J.C. Assessing Reading. New York: Cambridge University Press, 2000. 398 p.
13. Солнышкина М.И. Морской профессиональный язык. М.: Academia, 2005. 228 с.
14. Ребер А.С. Оксфордский толковый словарь по психологии. 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/487/word/chitabelnost> (дата обращения: 03.03.15).
15. Flesch R. The Art of Readable Writing. Harper & Row, 1949. 237 p.
16. Kincaid J.P., Fishburne R.P., Rogers R.L., Chissom B.S. Derivation of new readability formulas (Automated Readability Index, Fog Count and Flesch Reading Ease Formula) for Navy enlisted personnel (Research Branch Report 8–75). Memphis, TN: Naval Air Station, 1975. 40 p.
17. McLaughlin G.H. SMOG Grading – a New Readability Formula. *Journal of Reading* 12 (8). 1969. P. 639–646.
18. Мацковский М.С. Проблемы читабельности печатного материала // Смысловое восприятие речевого сообщения в условиях массовой коммуникации. М., 1976. С. 126–142.
19. Микк Я.А. О факторах понятности учебного текста: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тарту, 1970. 22 с.
20. Разумовский О.С. Оптимология. Ч. 1: Общенаучные и философско-методические основы. Новосибирск: Изд-во ИДМШ, 1999. 285 с.
21. Оборнева И.В. Автоматизированная оценка сложности учебных текстов на основе статистических параметров: дис. ... канд. пед. наук. М., 2006. 165 с.
22. Al-Khalifa H.S., Al-Ajlan A.A. Automatic Readability Measurements of the Arabic Text: An Exploratory Study // *The Arabian journal for science and engineering*, 2010. 35 p.
23. Зильбергейт М.А., Шаповаловский Ю.Ф., Невдах М.М. Повышение качества учебной литературы для вузов // Издательское дело и полиграфия: тез. 76-й науч.-техн. конф. профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов, Минск, 13–20 февраля 2012 г. / отв. за издание И.М. Жарский; УО «БГТУ». Минск, 2012. С. 89–92.
24. Филиппова А.В. Управление качеством учебных материалов на основе анализа трудности понимания учебных текстов: автореф. дис. ... канд. техн. наук. Уфа, 2010. 20 с.
25. Шаповаловский Ю.Ф. Оценка трудности восприятия и оптимизация сложности учебного текста: (На материале текстов по химии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2007. 21 с.
26. Лесскис Г.А. О зависимости между размером предложения и его структурой в разных видах текста // *Вопр. языкознания*. 1964. № 3. С. 99–123.
27. Пиотровский Р.Г., Бектаев К.Б., Пиотровская А.А. Математическая лингвистика: учеб. пособие для пед. ин-тов. М.: Высш. шк., 1977. 383 с.
28. Сохор А.М. Сравнительный анализ учебных текстов (на материале учебников физики) // *Проблемы школьного учебника: сб. науч. тр. М., 1975. Вып. 3. С. 104–117.*
29. Розенберг Н.М. Использование научной терминологии в школьных учебниках // *Проблемы школьного учебника: сб. науч. тр. М., 1978. Вып. 6. С. 73–84.*
30. Shannon C.E. A Mathematical Theory of Communication, *Bell System Technical Journal*, 1948. Vol. 27. P. 379–423, 623–656.
31. Тулдава Ю.А. О некоторых квантитативно-системных характеристиках полисемии // *Учен. зап. Тарт. ун-та*. 1979. Вып. 502. С. 107–124.
32. Тулдава Ю.А. Об измерении трудности текстов // *Учен. зап. Тарт. ун-та: Труды по методике преподавания иностранных языков*. 1975. Вып. 345. С. 102–120.

33. Крюни Н.К., Никин А.Д., Филиппова А.В. Автоматизированная система анализа параметров сложности учебного текста // *Технология и организация обучения*. Уфа, 2008. С. 155–161.
34. Невдах М.М. Исследование информационных характеристик учебного текста методами многомерного статистического анализа // *Прикладная информатика*: Изд. «НОУ «МФПУ "Синергия"». 2008. № 4. С. 117–130.
35. Карпов Н.В. Идентификация уровня сложности текста и его адаптация [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slideshare.net/karpnv/ss-31225145#14356960593761&fbinitialized> (дата обращения: 25.06.2015).
36. Ермаков А.Е., Пleshко В.В. Синтаксический разбор в системах статистического анализа текста. // *Информационные технологии*. 2002. № 7. С. 30–34.
37. Мальковский М.Г., Большакова Е.И. Интеллектуальная система контроля качества текста // *Интеллектуальные системы*. Т. 2, вып. 1–4. М., 1997. С. 149–155 [Электронный ресурс]. URL: [http://intsys.msu.ru/magazine/archive/v2\(1-4\)/malkovsky.pdf](http://intsys.msu.ru/magazine/archive/v2(1-4)/malkovsky.pdf) (дата обращения: 03.03.15).
38. Бегтин И.В. Что такое «Понятный русский язык» с точки зрения технологий. Заглянем в метрики удобочитаемости текстов: Блог компании «Информационная культура» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://habrahabr.ru/company/infoculture/blog/238875/> (дата обращения: 25.06.2015).
39. Гречихин А.А. Социология и психология чтения: учеб. пособие для вузов. М.: МГУП, 2007. 383 с.
40. Баева Н.В., Большакова Е.И. Проблемы автоматизации контроля учебно-научных текстов: сб. науч. тр. SWorld: материалы Междунар. науч.-практ. конф «Перспективные инновации в науке, образовании, производстве и транспорте '2012». Вып. 2, т. 4. Одесса, 2012. С. 59–63.
41. Косова М.М., Зильбергейт М.А. Описательная статистика учебных текстов по физике // *Тр. БГТУ*. Сер. 6: Издательское дело и полиграфия. 2006. Вып. 14. С. 167–170.
42. Никин А.Д., Крюни Н.К., Филиппова А.В. Информационная система анализа учебного текста. Телематика'2007: Тр. XIV Всерос. науч.-метод. конф. Т. 2. ГосНИИ информ. технологий и телекоммуникаций «Информика», 2007. С. 463–465.
43. Мартыненко Б.А. Трансформация лексической системности языка публицистики под воздействием социальных процессов // *Вестн. Адыг. гос. ун-та*. 2011. Вып. 2. С. 51–54.
44. Абрамов В.Е., Абрамова Н.Н., Некрасова Е.В., Росс Г.Н. Статистический анализ связности текстов по общественно-политической тематике // *Тр. 13-й Всерос. науч. конф. «Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции» – RCDL'2011*. Воронеж, 2011. С. 127–133.
45. Толлегин П.В. Автоматическое разрешение кореференции местоимений третьего лица русскоязычных текстов: дис. ... канд. техн. наук. М., 2008. 238 с.
46. Микк Я.А. Оптимизация сложности учебного текста. М.: Просвещение, 1981. 119 с.
47. Абрамов В.Е. Автоматическое рубрицирование и реферирование текстовой информации : в том числе на иностранных языках: дис. ... канд. техн. наук. М., 2008. 163 с.
48. Кисельников А.С. Формулы читабельности как инструмент анализа текста // *Язык. Общество. Сознание*: сб. ст. Казань: Отечество, 2013. С. 247–253.
49. Solnyshkina M.I., Harkova E.V., Kiselnikov A.S. Unified (Russian) State Exam in English: Reading Comprehension Tasks // *English Language Teaching*. Canada. Canadian Center of Science and Education. 2014. Vol.7, No. 12. P. 1–11.
50. Solnyshkina M.I., Harkova E.V., Kiselnikov A.S. Comparative Coh-Metrix Analysis of Reading Comprehension Texts: Unified (Russian) State Exam in English vs Cambridge First Certificate in English // *English Language Teaching*. Canada. Canadian Center of Science and Education. 2014. Vol.7, No. 12. P. 65–76.
51. Солнышкина М.И., Кисельников А.С. Параметры сложности экзаменационных текстов // *Вестн. Волгогр. гос. ун-та*. Сер. 2: Языкознание, №1 (25). 2015. С. 99–107.

TEXT COMPLEXITY: STUDY PHASES IN RUSSIAN LINGUISTICS

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 6 (38), 86–99.

DOI: 10.17223/19986645/38/7

Solnyshkina Marina I., Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation).

E-mail: mesoln@yandex.ru

Kiselnikov Aleksander S., Kazan State University of Architecture and Engineering (Kazan, Russian Federation).

E-mail: kalejandr@gmail.com

Keywords: text complexity, text difficulty, text readability, qualitative characteristics of text complexity, quantitative characteristics of text complexity.

The practice of Mathematics and Statistics application to determine text complexity in national Russian linguistics is subdivided into three stages: 1) quantitative characteristics period, 2) qualitative and quantitative characteristics period, 3) quantitative characteristics period.

During the first period in the end of the 20th century the study of text complexity characteristics is primarily focused on quantitative parameters which are sentence length and word length (Lesskis (1964), Matskovskiy (1976), Mikk (1970, 1981), Tuldava (1975, 1979)). At about the same time the range of parameters was extended to the number and types of syntactic constructions and their frequency (Piotrovskiy (1973)), lexical characteristics: word abstractness (Mikk (1970, 1981), Rozenberg (1978), Sokhor (1975)) and polysemy (Tuldava (1975, 1979)).

The second period at the turn of the 20th–21st centuries is the time of the first computer software for text analysis: Software KONUT (Mal'kovskiy (1997)), Russian Context Optimizer for DBMS (Ermakov (2002)) etc.

At present, that is during the third period, scholars are aimed at upgrading the existing mathematical models of text complexity analysis. Qualitative parameters (sentence length and word length) (Krioni (2008), Osborneva (2006), Shpakovskiy (2007)) as well as the number and type of syntactic constructions (Ermakov (2002), Krioni (2008)) are still in the focus of a number of research works. The word length (number of letters or syllables) analysis is supplemented by the word derivation analysis (Nevdakh (2008), Pushkina (2004), Shpakovskiy (2007)). The number of homonyms (Ermakov (2002) and abstract elements of the text (words, terms, formulae, tables and diagrams) (Grechikhin (2007), Krioni (2008), Pushkina (2004), Shpakovskiy (2007)) are under the most careful consideration at the moment. The introduction of terms “informativeness” and “information” influenced the involvement of new characteristics of text complexity: co-reference (Tolpegin (2008)); co-ordinating cohesion (Krioni (2008)); reiteration, synonymy, hyponymy and hyperonymy, ellipsis, pronominal reference (Abramov (2011)).

Text complexity is an up-to-date topic of numerous studies abroad. Coh-Metrix as a powerful tool for text complexity analysis based on five characteristics: narrativity, syntactic simplicity, word concreteness, referential cohesion and deep cohesion, is widely used for English texts.

References

1. Pushkina, E.S. (2004) *Teoretiko-eksperimental'noe issledovanie strukturno-semanticheskikh parametrov teksta* [Theoretical and experimental study of the structural and semantic text parameters]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo.
2. Biryukov, B.V. & Tyukhtin, B.C. (1967) O ponyatii slozhnosti [On the notion of complexity]. *Logika i metodologiya nauki* [The logic and methodology of science]. Materials of IV All-Union Symposium. Moscow: Nauka. pp. 219–231. (In Russian).
3. Lerner, I.Ya. (1974) *Kriterii slozhnosti nekotorykh elementov uchebnika: Problemy shkol'nogo uchebnika* [The criteria for the complexity of some elements of the textbook: Problems of a school textbook]. Is. 1. Moscow: Prosveshchenie.
4. Ushakov, K.M. (1980) O kriteriyakh slozhnosti uchebnogo materiala shkol'nykh predmetov [On the criteria of complexity of teaching material of school subjects]. *Novye issledovaniya v pedagogicheskikh naukakh*. 2 (36). pp. 33–35.
5. Tomina, Yu.A. (1985) *Ob'ektivnaya otsenka yazykovoy trudnosti tekstov (opisanie, povestvovanie, rassuzhdenie, dokazatel'stvo)* [An objective assessment of language difficulties of texts (description, narration, reasoning, proof)]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
6. Tsetlin, B.C. (1980) Didakticheskie trebovaniya k kriteriyam slozhnosti uchebnogo materiala [Didactic requirements to the complexity criteria of educational material]. *Novye issledovaniya v pedagogicheskikh naukakh*. 1 (35). pp. 30–33.
7. Just, M.A. & Carpenter, P.A. (1987) *The psychology of reading and language comprehension*. MA, US: Allyn & Bacon.
8. Koda, K. (2005) *Insights into second language reading*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Crossley, S.A., Greenfield, J. & McNamara, D.S. (2008) Assessing Text Readability Using Cognitively Based Indices. *Tesol Quarterly*. 42:3. pp. 475–493. DOI: 10.1002/j.1545-7249.2008.tb00142.x

10. Gal'perin, I.R. (1981) *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: Nauka.
11. Furmanova, V.P. (1993) *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i lingvokul'turovedenie v teorii i praktike obucheniya inostrannym yazykam* [Intercultural Communication and linguistic culture studies in the theory and practice of teaching foreign languages]. Saransk: Mordovia State University.
12. Alderson, J.C. (2000) *Assessing Reading*. New York: Cambridge University Press.
13. Solnyshkina, M.I. (2005) *Morskoy professional'nyy yazyk* [Maritime professional language]. Moscow: Academia.
14. Reber, A.S. (2002) *Oksfordskiy tolkovyy slovar' po psikhologii* [The Oxford Dictionary of Psychology]. [Online]. Available from: <http://vocabulary.ru/dictionary/487/word/chitabelnost>. (Accessed: 03 March 2015).
15. Flesch, R. (1949) *The Art of Readable Writing*. Harper & Row.
16. Kincaid, J.P. et al. (1975) *Derivation of new readability formulas (Automated Readability Index, Fog Count and Flesch Reading Ease Formula) for Navy enlisted personnel (Research Branch Report 8-75)*. Memphis, TN: Naval Air Station.
17. McLaughlin, G.H. (1969) SMOG Grading – a New Readability Formula. *Journal of Reading*. 12 (8). pp. 639-646.
18. Matkovskiy, M.S. (1976) Problemy chitabel'nosti pechatnogo materiala [Problems of printed material readability]. In: Drizde, T.M. & Leont'ev, A.A. (eds) *Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya v usloviyakh massovoy kommunikatsii* [Semantic perception of verbal communication in the context of mass communication]. Moscow: Nauka.
19. Mikk, Ya.A. (1970) *O faktorakh ponyatnosti uchebnogo teksta* [Factors of educational text clarity]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Tartu.
20. Razumovskiy, O.S. (1999) *Optimologiya* [Optimology]. Pt. 1. Novosibirsk: IDMSH.
21. Oborneva, I.V. (2006) *Avtomatizirovannaya otsenka slozhnosti uchebnykh tekstov na osnove statisticheskikh parametrov* [Automated estimation of complexity of educational texts on the basis of statistical parameters]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
22. Al-Khalifa, H.S. & Al-Ajlan, A.A. (2010) Automatic Readability Measurements of the Arabic Text: An Exploratory Study. *The Arabian Journal for Science and Engineering*. 35:2c. pp. 103-124.
23. Zil'bergleyt, M.A., Shpakovskiy, Yu.F. & Nevдах, M.M. (2012) [Improving the quality of teaching materials for higher schools]. *Izdatel'skoe delo i poligrafiya* [Publishing and Printing]. Abstracts of the 76th Scientific-Technical Conference. Minsk. February 13-20, 2012. Minsk: Belarusian State Technological University. pp. 89-92. (In Russian).
24. Filippova, A.V. (2010) *Upravlenie kachestvom uchebnykh materialov na osnove analiza trudnosti ponimaniya uchebnykh tekstov* [Quality management of educational materials based on the analysis of difficulties in understanding educational texts]. Abstract of Engineering Cand. Diss. Ufa.
25. Shpakovskiy, Yu.F. (2007) *Otsenka trudnosti vospriyatiya i optimizatsiya slozhnosti uchebnogo teksta: (Na materiale tekstov po khimii)* [Evaluation of perception challenges and complexity optimization of the educational text (on a material of texts on Chemistry)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Minsk.
26. Lesskis, G.A. (1964) O zavisimosti mezhdu razmerom predlozheniya i ego strukturoy v raznykh vidakh teksta [The relation between the size of the sentence and its structure in different types of text]. *Voprosy yazykoznavaniya*. 3. pp. 99-123.
27. Piotrovskiy, R.G., Bektaev, K.B. & Piotrovskaya, A.A. (1977) *Matematicheskaya lingvistika* [Mathematical linguistics]. Moscow: Vysshaya shkola.
28. Sokhor, A.M. (1975) [Comparative analysis of educational texts (based on physics textbooks)]. *Problemy shkol'nogo uchebnika* [Problems of school textbook]. Is. 3. Moscow: Prosveshchenie. pp. 104-117. (In Russian).
29. Rozenberg, N.M. (1978) [The use of scientific terminology in school textbooks]. *Problemy shkol'nogo uchebnika* [Problems of school textbook]. Is. 6. Moscow: Prosveshchenie. pp. 73-84. (In Russian).
30. Shannon, C.E. (1948) A Mathematical Theory of Communication. *Bell System Technical Journal*. 27. pp. 379-423, 623-656.
31. Tuldava, Yu.A. (1979) O nekotorykh kvantitativno-sistemnykh kharakteristikakh polisemii [Some quantitative-system characteristics of polisemy]. *Uchenye zapiski Tartuskoj universiteta*. 502. pp. 107-124.

32. Tuldava, Yu.A. (1975) Ob izmerenii trudnosti tekstov [On measuring the complexity of the text]. *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta. Trudy po metodike prepodavaniya inostrannykh yazykov*. 345. pp. 102–120.
33. Krioni, N.K., Nikin, A.D. & Filippova, A.V. (2008) *Avtomatizirovannaya sistema analiza parametrov slozhnosti uchebnogo teksta. Tekhnologiya i organizatsiya obucheniya* [Automated system for analysis of the parameters of complexity of the educational text. Technology and organization of education]. Ufa: UGATU.
34. Nevdakh, M.M. (2008) Issledovanie informatsionnykh kharakteristik uchebnogo teksta metodami mnogomernogo statisticheskogo analiza [The research of information characteristics of the educational text by methods of multivariate statistical analysis]. *Prikladnaya informatika – Applied Informatics*. 4. pp. 117–130.
35. Karpov, N.V. (2014) Identifikatsiya urovnya slozhnosti teksta i ego adaptatsiya [Identification of the level of complexity of the text and its adaptation]. [Online]. Available from: <http://www.slideshare.net/karpnv/ss-31225145#14356960593761&fbinitialized>. (Accessed: 25 June 2015).
36. Ermakov, A.E. & Pleshko, V.V. (2002) Sintaksicheskii razbor v sistemakh statisticheskogo analiza teksta [Parsing in the systems of statistical analysis of the text]. *Informatsionnye tekhnologii*. 7. pp. 30–34.
37. Mal'kovskiy, M.G. & Bol'shakova, E.I. (1997) Intel'ektual'naya sistema kontrolya kachestva teksta [Intelligent text quality control system]. *Intel'ektual'nyye sistemy*. 2:1–4. pp. 149–155. [Online]. Available from: [http://intsys.msu.ru/magazine/archive/v2\(1-4\)/malkovsky.pdf](http://intsys.msu.ru/magazine/archive/v2(1-4)/malkovsky.pdf). (Accessed: 03 March 2015).
38. Begtin, I.V. (2014) *Chto takoe "Ponyatnyy russkiy yazyk" s tochki zreniya tekhnologiy. Zaglyanem v metriki udobochitaemosti tekstov* [What is "understandable Russian language" in terms of technology. Let's look at the metrics of text readability]. [Online]. Available from: <http://habrahabr.ru/company/infoculture/blog/238875/>. (Accessed: 25 June 2015).
39. Grechikhin, A.A. (2007) *Sotsiologiya i psikhologiya chteniya* [Sociology and Psychology of Reading]. Moscow: MGUP.
40. Baeva, N.V. & Bol'shakova, E.I. (2012) [Problems of automation of the control of educational and scientific texts]. *SWorld*. Proceedings of the international scientific-practical conference "Promising innovations in science, education, manufacturing and transport–2012". Is. 2. V. 4. Odessa: KUPRIENKO. pp. 59–63. (In Russian).
41. Kosova, M.M. & Zil'bergleyt, M.A. (2006) Opisatel'naya statistika uchebnykh tekstov po fizike [Descriptive statistics of educational texts on physics]. *Trudy BGTU. Ser. VI. "Izdatel'skoye delo i poligrafiya"*. XIV. pp. 167–170.
42. Nikin, A.D., Krioni, N.K. & Filippova, A.V. (2007) [Information system of the educational text analysis]. *Telematika'2007* [Telematics'2007]. Proceedings of the XIV All-Russian scientific-methodological conference. V. 2. Moscow: Informatika. pp. 463–465.
43. Martynenko, B.A. (2011) Transformation of lexical system of the publicistic style of language under the influence of social processes. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie – The Bulletin of the Adyge State University, the series "Philology and the Arts"*. 3. pp. 51–54. (In Russian).
44. Abramov, V.E. et al. (2011) [Statistical analysis of the connectivity of texts on social and political topics]. *Elektronnye biblioteki: perspektivnye metody i tekhnologii, elektronnye kollektsii* [Electronic Libraries: Advanced Methods and Technologies, Digital Collections]. RCDL'2011. Proceedings of the 13th Scientific Conference. Voronezh. pp. 127–133. (In Russian).
45. Tolpegin, P.V. (2008) *Avtomaticheskoe razreshenie koreferentsii mestoimeniy tret'ego litsa russkoyazychnykh tekstov* [Automatic resolution of third person pronouns coreference in Russian texts]. Engineering Cand. Diss. Moscow.
46. Mikk, Ya.A. (1981) *Optimizatsiya slozhnosti uchebnogo teksta* [Optimization of the complexity of the educational text]. Moscow: Prosveshchenie.
47. Abramov, V.E. (2008) *Avtomaticheskoe rubritirovanie i referirovanie tekstovoy informatsii: v tom chisle na inostrannykh yazykakh* [Automatic rubrication and abstracting of text information: including in foreign languages]. Engineering Cand. Diss. Moscow.
48. Kisel'nikov, A.S. (2013) Formuly chitabel'nosti kak instrument analiza teksta [Formula of readability as a tool of text analysis]. In: Solnyshkina, M.I. (ed.) *Yazyk. Obshchestvo. Soznanie* [Language. Society. Consciousness]. Kazan: Otechestvo.

49. Solnyshkina, M.I., Harkova, E.V. & Kisel'nikov, A.S. (2014) Unified (Russian) State Exam in English: Reading Comprehension Tasks. *English Language Teaching*. 7:12. pp. 1–11.

50. Solnyshkina, M.I., Harkova, E.V. & Kisel'nikov, A.S. (2014) Comparative Coh-Metrix Analysis of Reading Comprehension Texts: Unified (Russian) State Exam in English vs Cambridge First Certificate in English. *English Language Teaching*. 7:12. pp. 65–76.

51. Solnyshkina, M.I. & Kisel'nikov, A.S. (2015) The indices of examination texts complexity. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 1 (25). pp. 99–107. (In Russian).

УДК 811.112.2

DOI: 10.17223/19986645/38/8

Т.И. Уткина, Е.В. Костарева

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ПИСЬМЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ СТУДЕНТОВ-ЭКОНОМИСТОВ

В статье представлены результаты исследования особенностей функционирования дискурсивных маркеров в академическом дискурсе. Проведенное исследование основано на анализе письменных текстов по экономике на английском языке русскоязычных студентов с разным уровнем иноязычной профессиональной компетенции. Авторами осуществляется сравнительный анализ функционирования дискурсивных маркеров в профессиональном и непрофессиональном типе академического дискурса в экономике. Выделены группы дискурсивных маркеров, сопоставлены группы маркеров в двух типах академического дискурса, проанализирована частотность дискурсивных маркеров.

Ключевые слова: академический дискурс, академический экономический дискурс, дискурсивные маркеры, иноязычная профессиональная компетенция.

Процессы получения и переработки знания, а также технологии его передачи остаются в фокусе постоянного внимания в современном обществе. Изучение природы и сущности академического дискурса наряду с выявлением его структурно-функциональных особенностей становится необходимым инструментом для понимания механизма передачи и получения научного знания, в особенности в условиях современного глобализованного образования и необходимости в этих условиях целенаправленно развивать и изучать язык специальных целей. Актуальность в этой связи приобретает исследование дискурсивных стратегий, направленных на решение когнитивно-коммуникативных задач, в частности задачи эффективной передачи научного знания от адресанта к адресату. В рамках исследования академического дискурса обращают внимание на особую роль дискурсивных маркеров в реализации такой дискурсивной стратегии, как донесение информации до адресата [1. С. 132]. Однако в литературных источниках отсутствуют данные, подтверждающие зависимость функционирования дискурсивных маркеров в академическом дискурсе от уровня освоения научного знания адресантов и адресатов, т.е. уровня их профессиональной компетенции. Кроме того, актуальным и нерешенным вопросом анализа академического дискурса остается проблема производства и передачи специального знания, репрезентируемого в текстах, создаваемых на английском языке носителями языка по разным научным направлениям, так, например, особого рассмотрения требуют дискурсивные стратегии, применяемые носителями языка в процессе создания письменных академических текстов на английском языке [2. С. 6–7].

В рамках данной статьи предполагается представить результаты изучения функционирования дискурсивных маркеров в академическом экономическом дискурсе, основанного на анализе письменных текстов на английском языке

русскоязычных студентов. Основная цель исследования – выявить особенности функционирования дискурсивных маркеров в зависимости от уровня иноязычной профессиональной компетенции студентов, специализирующихся по экономике. Для достижения цели считаем необходимым:

- дать определение академического дискурса и рассмотреть параметры выделения функциональных типов академического дискурса;
- обосновать необходимость использования для анализа категории иноязычной профессиональной компетенции;
- дать определение дискурсивных маркеров, рассмотреть их группы;
- изучить степень влияния уровня иноязычной профессиональной компетенции на функционирование дискурсивных маркеров в академическом дискурсе по экономике, представленном в текстах на английском языке русскоязычных студентов с разным уровнем иноязычной профессиональной компетенции.

В данном исследовании мы принимаем определение академического дискурса как вербализованной сферы деятельности: «все порождаемые на языке и на языках статьи, книги, тезисы, устные выступления, презентации, обзоры, рецензии, редакторские правки, обсуждения с коллегами и другими исследователями... при построении аргументации, теорий, обсуждении результатов...» [3. С. 2]. В современных дискурсивных исследованиях наблюдается повышенный интерес к академическому дискурсу как дискурсу, «используемому для специальной цели, т.е. для передачи знания, будь то знание лингвистическое, педагогическое или предметное» [3. С. 6], и уравниваемому с профессиональным дискурсом, который «включает тексты, произведенные профессионалами и предназначенные для других профессионалов с теми же или различными компетенциями, для полупрофессионалов, т.е. учащихся, или для непрофессионалов. Это означает, что в разговор включён, по крайней мере, один профессионал» [4. С. 5]. Таким образом, в ходе дискурсивной деятельности актуализируются разные типы коммуникативной ситуации в зависимости от уровня профессиональной компетенции: специалист – специалист, опытный специалист – неопытный специалист/молодой исследователь, специалист – широкая аудитория, специалист – средства массовой информации. Следует отметить, что перечисленные выше типы академической коммуникации определяют структурно-функциональные типы академического дискурса.

При определении функциональных типов академического дискурса в экономике мы будем использовать параметры, предложенные Л.М. Алексеевой и С.Л. Мишлановой в работе, посвященной теоретическим основам и принципам анализа специального дискурса [5]. Исследователи подчеркивают, что «тип дискурса определяется степенью выраженности следующих параметров: характер ситуации дискурса, т.е. деятельности в определенной специальной/профессиональной сфере; специального образования участников дискурса; освоения значения термина» [5. С. 104].

Учитывая степень выраженности таких параметров, как наличие специального образования и коммуникативная ситуация применительно к академическому дискурсу в экономике, субъектами которого являются русскоязычные студенты, создающие письменные тексты на английском языке, мы

выделяем профессиональный тип и непрофессиональный тип академического дискурса. Иными словами, уровень профессионализации академического дискурса в специальной сфере, в данном случае в экономике, определяется в том числе и уровнем иноязычной профессиональной компетенции.

Под иноязычной профессиональной компетенцией понимается уровень освоения экономического знания в процессе овладения иностранным языком для специальных целей и степень способности адресанта к эффективному применению стратегий передачи экономического знания. Таким образом, непрофессиональный тип академического дискурса (НПАД) в экономике можно определить как дискурс, представители которого не имеют специального (экономического) знания на английском языке, но часто вовлечены в ситуации обсуждения и решения экономических проблем на иностранном языке, в то время как профессиональный тип академического дискурса (ПАД) в экономике представлен субъектами, деятельность которых обусловлена наличием специального (экономического) знания на английском языке и способностью адресанта к эффективной передаче научного знания.

Вопрос, закономерно возникающий в отношении категории иноязычной профессиональной компетенции, заключается в том, насколько данная компетенция зависит от общей иноязычной коммуникативной компетенции и можно ли ее изучать отдельно от общей иноязычной коммуникативной компетенции. Мы признаем, что такая постановка вопроса требует отдельного подробного исследования. В рамках данной работы мы не претендуем на полноту решения вопроса об иноязычной профессиональной компетенции. Тем не менее для достижения поставленной цели мы предлагаем ограничить масштаб изучения категории иноязычной профессиональной компетенции на нескольких основаниях.

Во-первых, критерий иноязычной коммуникативной компетенции учитывался в выборке письменных работ по экономике на английском языке, выполненных русскоязычными студентами разных курсов, которые имели уровень владения иностранным языком – Пороговый уровень (уровень В1) и Пороговый продвинутый уровень (уровень В2) в соответствии с Общеввропейскими компетенциями владения иностранным языком [6].

Во-вторых, поскольку вариативность иноязычной коммуникативной компетенции в пределах одного уровня по Общеввропейской шкале уровней владения иностранным языком [6] не столь значительна¹, чтобы определять разницу в передаче неспециального знания на иностранном языке, мы сфокуси-

¹ Несмотря на разное количество лет обучения английскому языку у студентов 2-го и 3-го курсов, сформированность иноязычной коммуникативной компетенции примерно одинакова. Согласно регламентам НИУ ВШЭ уровень владения иностранным языком студентов ежегодно тестируется [7]. Так, в выборке представлено равное соотношение работ каждого уровня иноязычной коммуникативной компетенции на обоих курсах обучения. Количество текстов, выполненных студентами 2-го и 3-го курса, чей уровень иноязычной коммуникативной компетенции был В1, составило 22 и 18 текстов соответственно; количество текстов, выполненных студентами 2-го курса и 3-го курса, чей уровень иноязычной коммуникативной компетенции был В2, составило 55 и 44 текста соответственно. Поскольку тексты, написанные студентами как 2-го, так и 3-го курса, отражали их владение иностранным языком на уровне В1 и В2 пропорционально, в исследовательских целях данный параметр не учитывался в сравнительном анализе материала.

ровались на задании для письменной речи специальной профессиональной тематики.

В-третьих, в связи с актуальностью решения задач передачи специального знания на иностранном языке мы сосредоточились на выявлении уровней именно профессиональной компетенции на иностранном языке. В их основу легли зафиксированные в Образовательном стандарте требования к результатам освоения программ бакалавриата по направлению подготовки «Экономика» и прописанные в Программе дисциплины (Программа 2013) [8]. Каждая компетенция прописана в виде дескрипторов или основных признаков освоения дисциплины (показателей достижения результата). В соответствии с требованиями к уровню овладения иноязычной профессиональной компетенцией студенты 1–2-го курсов должны владеть иностранным языком на уровне, достаточном для разговорного общения, а также для поиска и анализа иностранных источников информации, в то время как студенты 3–4-го курсов способны к письменной и устной профессиональной коммуникации на английском языке. Дескрипторы Образовательного стандарта учитывают прогрессивную специализацию всех дисциплин, в том числе дисциплин на английском языке, от курса к курсу. Следовательно, считаем возможным использовать данную систему компетенций в качестве способа оценки уровня сформированности иноязычной профессиональной компетенции.

В-четвертых, исследователи изучения иностранного языка для специальных целей (Алексеева [9], Azuma [10], Bailey [11], Littlemore, Low [12], Littlemore, Krennmayr, Turner, Turner [13], Мишланова, Уткина [14], Пермякова, Уткина [15]) подчеркивают необходимость изучения влияния профессионального знания на процесс формирования иноязычной коммуникативной компетенции (обратный процесс влияния предположительно представляет зависимость – чем выше иноязычная коммуникативная компетенция, тем более вероятно выше иноязычная профессиональная компетенция). В частности, в предыдущем цикле исследования, которое проводилось на материале письменных работ по английскому языку студентов-экономистов с разным уровнем профессиональной компетенции, были выявлены особенности используемых ими моделей метафор [15]. Решение поставленных задач этого исследования призвано дополнить предыдущие сведения о разграничении уровней – профессионального и непрофессионального – в иноязычной профессиональной компетенции.

Поскольку особенности профессионального и непрофессионального типа академического дискурса в экономике проявляются в типах текста, представляющих каждый тип дискурса, считаем целесообразным обратиться к изучению письменных текстов студентов с разным уровнем иноязычной профессиональной компетенции, в частности к анализу дискурсивных маркеров (ДМ), которые участвуют в организации дискурсивной структуры текстов и являются вербальной репрезентацией когнитивно-коммуникативной стратегии по получению, обработке и передаче экономического знания в процессе овладения иноязычной профессиональной компетенцией.

В рамках теории дискурса под дискурсивными маркерами понимают такие языковые средства, которые обеспечивают оптимизацию передачи информации. В своих исследованиях Д. Шифрин использует термин дискурсив-

ные маркеры, обозначающий «секвенциально зависимые частицы, которые разграничивают единицы речи» [16. С. 3]. Б. Фрейзер рассматривает дискурсивные маркеры как одну из четырех разновидностей прагматических маркеров: базовые маркеры (*basic pragmatic markers*); маркеры-комментарии (*commentary pragmatic markers*); параллельные маркеры (*parallel pragmatic markers*); дискурсивные маркеры (*discourse markers*) [17. С. 931–952].

В большинстве зарубежных и отечественных исследований подчеркивается, что дискурсивные маркеры выполняют текстообразующую функцию и «отражают лежащую в основе связь между пропозициями» [18. С. 61], что «дискурсивные маркеры, демонстрируя свойства и когезии и когеренции, обеспечивают грамматическую и смысловую цельность дискурса» [19. С. 19]. В отношении письменного типа академического дискурса исследователями отмечается, что автор академического текста должен использовать «внешние сигналы» (*'explicit signals'*) [20. С. 128], или дискурсивные маркеры, чтобы обеспечить правильную интерпретацию адресатом передаваемой информации.

В исследовании дискурсивных маркеров в англоязычных текстах магистерских диссертаций, выполненных носителями языка, Р. Поволна указывает, что средства связности (*cohesive means*), включая дискурсивные маркеры, выражающие отношения причины и противопоставления, обуславливают восприятие текста как целостного, если автор правильно употребил данные маркеры, а читатель интерпретировал текст в соответствии с намерениями автора. Частотность данных маркеров в академическом письменном дискурсе обусловлена потребностью автора аргументированно представить свои идеи потенциальной аудитории, а также характерными особенностями академического дискурса эксплицитно маркировать связи между идеями [1. С. 132–133].

В исследовании мы используем термин «дискурсивные маркеры», включая всю категорию дискурсивных единиц. Для решения задач сравнения и сопоставления дискурсивных маркеров в разных типах академического дискурса – непрофессионального и профессионального типов – мы берем за основу классификацию дискурсивных маркеров, предложенную О.Н. Губаревой [21. С. 13–14]:

- 1 ДМ, указывающие на порядок следования информации;
- 2 ДМ, указывающие на порядок расположения материала на странице или в тексте;
- 3 ДМ, указывающие на введение новой или дополнительной информации;
- 4 ДМ, указывающие на повтор информации;
- 5 ДМ, указывающие на выделение и важность информации;
- 6 ДМ, указывающие на противопоставление или отход от основной линии изложения;
- 7 ДМ, указывающие на введение примеров;
- 8 ДМ, указывающие на вывод или заключение;
- 9 ДМ, указывающие на авторскую оценку вероятности информации, соотношение информации и ситуации;
- 10 ДМ, указывающие на аффективную оценку информации;

11 ДМ, указывающие на источник информации;

12 ДМ, указывающие на апелляцию к фоновым знаниям или отсылку к изложенному ранее материалу;

13 ДМ, указывающие на манеру изложения.

В качестве языкового материала были изучены 139 текстов эссе по экономической тематике на английском языке, написанные студентами второго (77 эссе) и третьего курсов (62 эссе) факультета экономики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Пермь (НИУ ВШЭ – Пермь). Принимая во внимание вышеприведенное обоснование выделения уровней сформированности иноязычной профессиональной компетенции, мы сочли возможным отнести письменные тексты по экономике на английском языке русскоязычных студентов второго года обучения к текстам непрофессионального типа академического дискурса (НПАД), а письменные тексты по экономике на английском языке русскоязычных студентов третьего года обучения – к текстам профессионального типа академического дискурса (ПАД). Отдельно проанализированы эти две группы текстов.

Общий объем проанализированных текстов составил 44 276 слов. Из них 23 825 – объем текстов непрофессионального типа академического дискурса, и 20 458 – объем текстов профессионального типа академического дискурса. Заключим, что выборки примерно равновелики. На 23 825 слов в текстах НПАД дискурсивные маркеры составили 1429 словоупотреблений, или в процентном отношении 5,99%. На 20 458 слов в текстах ПАД дискурсивные маркеры составили 1175 словоупотреблений, или 5,74%.

В ходе анализа классификация дискурсивных маркеров (ДМ) О.Н. Губаревой нами была расширена с точки зрения наполняемости каждой группы дискурсивных маркеров. По результатам исследования были выделены следующие дополнительные составляющие в каждой группе:

1 ДМ, указывающие на порядок следования информации: *one issue/ advantage/ fact, another issue/advantage, the next point/ issue, first and foremost, the last argument, the last but not the least, to start with, thirdly, one more issue/ argument, the third, the last one, the first, the second, at first, at second, after all, so on, fourthly, so forth.*

2 ДМ, указывающие на порядок расположения материала на странице или в тексте: *if to take into consideration all the points, we have just studied, which was shown above, mentioned notions, as I have just said, previous subjects, as it was written earlier, as it was said earlier, to come back to the point raised at the beginning, I repeat, the following arguments, let us consider each of them in turn.*

3 ДМ, указывающие на введение новой или дополнительной информации:

a) addition: *above all, again, by the way, to add, I want to add; consider, considering, as far ...as concerned.*

b) cause: *because, since, as, owing to the fact that, for this reason, due to the fact that, the reason is, one more reason why;*

c) effect: *therefore, thus, so, consequently, as a result, lead to, that's why, accordingly, thereby, then, subsequently, results in, hence.*

4 ДМ, указывающие на повтор информации: *that is, anyway, in other words, this/that/it means, it implies, all these mean, it doesn't mean, that/it is, which means/ suggests, I mean.*

5 ДМ, указывающие на выделение и важность информации: *indeed, only, even, especially, of course, obviously, I try to obtain, I want to say, I would say, I should say, really, I want to compare, we can suppose, we can see, let's compare, I would like to say, it is very clear, let us consider, it is necessary to say, I will prove my point of view, it is obvious, we understand, I'd like to say, quite, I will try to consider all the opinions and express my personal one, it is really important, I'm ready to give some factors or reasons, simply, it is worth remembering, it would be interesting to consider, I'd like to consider, I want to consider, I can say, it is too hard to state clearly, it must be considered, it should be said, it is crucial to mention, we will discuss, I can suggest, apparently, it is possible to add, I'm tempted to say, it is extremely important, at least, it is necessary to remember and understand, just, I would like to add, we should not forget about that, it's clear, it's important to emphasize, it could be mentioned, it is essential to mention, absolutely, it's not easy to say, let me define, let's move, it's hard to imagine, what's more interesting, it is important to remember, it is necessary to understand, I'd like to highlight the importance, to speak about.*

6 ДМ, указывающие на противопоставление или отход от основной линии изложения: *however, although, while, whereas, but, nevertheless, on the one hand, on the other hand, despite the fact that, because of, on the contrary, at the same time, otherwise, though, on the other side, vice versa, conversely, rather than.*

7 ДМ, указывающие на введение примеров: *statistics show, examples which show, a good example of, there is an example of, an illustrative example, to show an example, by this example, there is a good example of, including, there are many examples of, there are a lot of examples.*

8 ДМ, указывающие на вывод или заключение: *all in all, taking everything into account/ consideration, all things considered, in conclusion, to sum, to summarize, summarizing preceding arguments, I find it difficult to reach a conclusion.*

9 ДМ, указывающие на авторскую оценку вероятности информации, соотношение информации и ситуации: *likely, less likely, more likely, unlikely, might, may, seem, perhaps, no doubt, there are no doubts, undoubtedly, to some degree, definitely, may be, certainly, can't, as for my opinion, my opinion concerns, as for me, regarding, from my perspective, let me express what I think of it, as far as I am able to judge, what about me, to my mind, to my way of thinking, in my view, in my view, from my point of view, I am convinced that, it seems to me that, as far as I am concerned, I (do) believe, I guess, I consider, I suppose, I think, I am absolutely sure, I agree (with this view), I absolutely think differently, I absolutely feel, I hope, I cannot agree, it is undeniable, if I am not mistaken, I have my viewpoint, I should admit, I totally disagree with this point of view, personally I believe.*

10 ДМ, указывающие на аффективную оценку информации: *unfortunately, awful, fortunately, perfectly, it is unfair, it is dishonest, preferable, it is hard to imagine.*

11 ДМ, указывающие на источник информации: *with reference to, according to, with respect/regard/ reference, regarding, concerning, some people say, a lot*

of people think, someone believes, those who oppose... think, those who support...think/ consider, some people consider, some countries consider, these people believe, most people feel, those who mention, people say that.

12 ДМ, указывающие на апелляцию к фоновым знаниям или отсылку к изложенному ранее материалу: in fact, actually, it is argued, as we know, as it is known, it is generally agreed, it is said that, it is well known fact, the conventional wisdom is, as all know, it is considered, you know that, it is common knowledge, it is commonly known.

13 ДМ, указывающие на манеру изложения: to tell the truth, well, and... and... and, also... also... also.

Рассмотрим специфику функционирования дискурсивных маркеров в непрофессиональном типе академического дискурса (НПАД) и в профессиональном типе академического дискурса (ПАД). Наиболее частотными дискурсивными маркерами (ДМ) в НПАД стали группы ДМ, указывающие на введение новой или дополнительной информации (23%); ДМ, указывающие на отход от основной линии изложения; ДМ, указывающие на авторскую оценку вероятности информации, соотношение информации и ситуации (по 16% соответственно). В ПАД группа ДМ, указывающих на введение новой или дополнительной информации (27%), занимает лидирующую позицию. Далее следует группа ДМ, указывающих на авторскую оценку вероятности информации, соотношение информации и ситуации (15%), и группа ДМ, указывающих на отход от основной линии изложения информации (14%). При общей несущественной разнице в общем количестве маркеров в обоих типах изучаемого дискурса (0,25%) логично было предположить, что количественное различие будет более существенным внутри некоторых отдельных групп ДМ. Такое отличие демонстрируют следующие данные. В частности, наибольшие расхождения по количеству дискурсивных маркеров в 4 % присутствуют в группе 3 ДМ, указывающих на введение новой или дополнительной информации. В группах ДМ, указывающих на порядок следования информации (1 ДМ), на противопоставление или отход от основной линии изложения (6 ДМ) и на введение примеров (7 ДМ), разница составила 2 %. В 1% расходятся результаты по группам ДМ, указывающих на повтор информации (4 ДМ), на вывод или заключение (8 ДМ), на авторскую оценку вероятности информации и на манеру изложения (13 ДМ). Разница в частотности дискурсивных маркеров в группах 10 ДМ и 11 ДМ составила менее 1 % и может считаться несущественной. Не было выявлено никаких отличий в количественном отношении дискурсивных маркеров групп 2 ДМ и 12 ДМ в обоих типах академического дискурса (показатель 1% в каждой группе в каждом типе дискурса).

Поскольку группы ДМ, указывающие на введение новой или дополнительной информации, ДМ, указывающие на отход от основной линии изложения, и ДМ, указывающие на авторскую оценку вероятности информации, соотношение информации и ситуации, являются в обоих типах академического дискурса наиболее частотными и в них же прослеживается разная тенденция частотности маркеров внутри групп в НПАД и ПАД, мы провели их качественный анализ, сравнили в процентном отношении дискурсивные маркеры третьей группы, представленные как в непрофессиональном, так и в

профессиональном типе академического дискурса. Доминирующими маркерами этой группы в НПАД стали *because* (28%), *moreover* (11.8%), *also* (5,08%) и *as a result* (3,38%), в ПАД – *moreover* (38%), *because* (22,6%), *therefore* (8,9%) и *that is why* (4,1%). Результаты анализа группы маркеров, указывающих на введение новой или дополнительной информации, позволяют говорить о том, что в текстах ПАД известная информация или знание дополняется новым знанием, создавая таким образом более развернутое высказывание по теме и обращая внимание читателя на последовательно вводимые информационные блоки. Например: *Apart from this fact shareholder may not know all the information about the company's profits, therefore it is likely to receive a smaller portion of the money than it should be.* В данном предложении выделен один из маркеров, который характерен только для профессионального типа академического дискурса. К подобным маркерам этой группы также можно отнести *more than that, hence, as far as... considered.* Также стоит отметить, что в текстах НПАД представлен маркер *due to* только с существительным *the fact (due to the fact)*, в то время как в текстах ПАД представлен маркер *due to the reason.* Рассмотрим два примера, включающих в себя контекст, который шире, чем одно предложение, чтобы можно было проследить, как дискурсивные маркеры анализируемой группы участвуют в построении текстов разным типом академического дискурса. (Выдержки из работ здесь и далее приводятся в оригинальном виде, без исправления допущенных ошибок.)

Пример из работы студента 3-го курса:

*Large firms are associated with monopolies. There are a lot of examples of oil and gas companies which control the whole segment. Most of them are under government monitoring and get subsidies. **Consequently**, they have less chances to fail. **Besides**, the rule of the "economy of scale" works. It means that when a company produces good in large quantities the marginal costs decrease. **As a result**, the profit increases. Vice versa a small company usually has higher costs of production and the revenue can not cover them. **Moreover**, without any profit there is no source for further investment, so a firm does not develop and has to leave the market.*

Пример из работы студента 2-го курса:

*However, other scientists say that progressive tax rate is much more better than other one. They show that with progressive rate bring to the state budget significant amount of extra profit comparative with proportion tax payment. **Also** in some people opinion if person get a big salary it should pay much more percentage. **Also** we can see that this rate of payment are use in developed countries in the most European states, Australia and USA.*

Полужирным шрифтом в отрывках выделены только ДМ анализируемой группы. В первом примере четыре разных маркера обеспечивают полную и точную передачу информации и способствуют формированию и поддержанию интереса к получаемой информации адресатом. Во втором примере картина противоположная. При общем более высоком проценте использования такого маркера, как *also*, в текстах ПАД по сравнению с текстами НПАД, он не используется в текстах ПАД подряд в предложениях, следующих друг за другом, что, однако, является типичным для текстов НПАД.

Далее в процентном отношении сравнивается функционирование дискурсивных маркеров, указывающих на противопоставление или отход от основной линии изложения в НПАД и ПАД. Наиболее частотным маркером в обоих случаях стал **but** (35,8% – в НПАД, и 35,7% – в ПАД). Второй по частотности маркер в НПАД – **however** (21,8%), в ПАД – **on the one hand....on the other hand** (20,2%). И, поменявшись местами, эти же два маркера занимают третью позицию по частотности употребления **on the one hand... on the other hand** (10% – в НПАД), **however** (15,4% – в ПАД). На первый взгляд несколько удивительным показался результат первой позиции. Качественный анализ текстов позволил сделать вывод, что частотная представленность маркера **but** в текстах ПАД нивелирована наличием других маркеров, в частности **otherwise, vice versa, despite**, которые практически отсутствуют в текстах НПАД.

Приведем примеры маркеров в текстах ПАД:

1) All things considered that I should say I agree with the opinion that everybody should be equal, **otherwise** there will be no incentives for people to educate, work better and increase their incomes.

2) **Despite** it have an opportunity to provide fresh good (because of their proximity), in order to be successful in all market, they should hve developed technologies.

3) Besides, the rule of the “economy of scale” works. It means that when a company produces good in large quantities the marginal costs decrease. As a result, the profit increases. **Vice versa** a small company usually has higher costs of production and the revenue can not cover them.

Кроме того, при введении противопоставления или отходе от основной линии изложения в текстах ПАД не встречались маркеры **another issue/problem u other consider/think**, которые, однако, были выявлены в текстах НПАД. Стоит отметить, что в текстах НПАД, несмотря на высокую частотность маркера **but**, были обнаружены и достаточно оригинальные выражения противопоставления. Ниже проиллюстрируем функционирование маркеров, указывающих на противопоставление или отход от основной линии изложения, в текстах НПАД:

1) At the beginning they had no power on the market, **but** had a lot of problems with rivals. **But**, these small companies had no much wants and enthusiasm and they were well motivated by future success;

2) **Others reckon** that higher education is time wasted and knowledge you gain at university is often not useful;

3) **Another issue, in contrast to the first one**, believes that taxation has many disadvantages and therefore, it should not be used at all. It’s a matter of choice, **to choose the first issue or the second one**.

Девятая группа маркеров, а именно маркеров, указывающих на авторскую оценку вероятности информации, соотношение информации и ситуации, заняла третью позицию по частотности среди других групп маркеров в обоих типах академического дискурса и оказалась наиболее сложной для проведения анализа. Нам представляется, что это обусловлено, во-первых, сложностью и разнообразием категории оценки как таковой. Во-вторых, внутри самой группы наблюдается весьма широкий спектр маркеров. Поэтому для упрощения анализа и во избежание излишней детализации, которую

невозможно представить в рамках одной статьи, мы сочли возможным некоторые маркеры при подсчете объединить в общие подгруппы. В частности, можно выделить три такие подгруппы: маркеры, выражающие вероятность (*likely, seem, may, might, can*); маркеры, выражающие уверенность и согласие (*sure, convince, agree*); маркеры, выражающие абсолютную уверенность и согласие (*sure, convince, agree + absolutely, undeniable* и т.д.). В НПАД самыми частотными маркерами являются маркеры, выражающие вероятность (25,3%). Далее идут маркеры *in my opinion* и *I think* (10,9% и 10,4% соответственно). В ПАД также самые частотные маркеры – это маркеры вероятности, однако с гораздо более низким процентом использования (16,8%). Вторую позицию занимает маркер *I believe* (15%), на третьем месте маркер *I think* (9,8%). В ходе анализа функционирования маркера *I think* было выявлено, что его количество в текстах НПАД совпадает с его количеством в текстах ПАД. Тем не менее дальнейшее детальное рассмотрение показало, что в текстах ПАД дискурсивный маркер *I think* не присутствует в предложениях, следующих в тексте друг за другом, и в целом количество более стандартных маркеров «разбавлено» более творческими вариантами следующего типа: *the way I see it, in my way of thinking, in this regard* и т.д., в которых, однако, наблюдались отклонения от языковых норм (ошибочные контексты здесь и далее отмечаются*). Например: *As a regards me*, I suppose that on the other hand, education should correspond to the needs of a market, because it leads to the effective distribution of labor force*. Таким образом, из результатов количественного и качественного анализа хорошо видно, что в текстах ПАД не наблюдалось повтора маркера *I think*: маркер *I think* (9,8%) чередуется с маркером *I believe* (15%).

Следующее важное наблюдение касалось многочисленных подгрупп маркеров, выражающих вероятность и уверенность и согласие. В частности, анализ данных, выявил тенденцию, что в НПАД более частотно представлены маркеры, выражающие вероятность по отношению к какой-то ситуации и реже уверенность в ней или согласие с чем-то. В ПАД адресанты демонстрируют уверенность в своем мнении чаще (7,5% маркеров) по сравнению с НПАД (4,3% маркеров). Предположительно выявленная особенность функционирования данной группы маркеров обусловлена тем, что представители профессионального академического дискурса имеют более высокий уровень освоения экономического знания, а также способность к эффективной передаче научного знания. По этой же причине, вероятно, авторы текстов ПАД реже демонстрируют категоричность в своих суждениях. В частности, маркеры, выражающие абсолютную уверенность и согласие, встречаются в текстах ПАД реже, чем в текстах НПАД (1,7% против 4,8%, при этом практически отсутствуют маркеры *sure*). Соответственно, вполне закономерным является факт достаточно часто встречающихся в текстах ПАД маркеров *I suppose, perhaps, probably* и т.д. Подводя итог анализа по группе ДМ, указывающих на авторскую оценку вероятности информации, соотношение информации и ситуации, считаем необходимым заметить, что данная группа может служить предметом отдельного исследования, поскольку является очень многослойной.

В результате анализа дискурсивных маркеров в текстах НПАД и ПАД было выявлено, что умеренно частотными явились дискурсивные маркеры, указывающие на порядок следования информации (1 ДМ), которые составили 12 и 10% соответственно, и дискурсивные маркеры, указывающие на источник информации (11 ДМ), количество которых составило 8% в НПАД и 7,7% в ПАД. Анализ первой группы показал, что авторы текстов ПАД более точно и упорядоченно выстраивают информацию на протяжении всего письменного текста, в то время как адресанты НПАД способны достаточно четко отметить порядок следования информации в пределах только одного абзаца. Причины такого употребления маркеров первой группы также могут стать предметом дальнейшего исследования. На данном этапе исследования можно предположить, что авторы, у которых иноязычная профессиональная компетенция недостаточно сформирована, нередко используют маркеры, указывающие на порядок следования информации достаточно автоматически, иными словами неэффективно используют коммуникативные стратегии передачи экономического знания. В результате проведенного исследования в силу специфики анализируемого материала группа дискурсивных маркеров (11 ДМ), указывающих на источник информации, была существенно расширена. Специфическими оказались источники информации, на которые ссылаются адресанты. В частности, в качестве источников информации упоминается мнение отдельных групп людей / большинства людей, отдельных групп исследователей – экономистов / большинства исследователей-экономистов и т.д. Более глубокая специфика дискурсивных маркеров этой группы также может стать предметом дальнейшего исследования.

Важны, на наш взгляд, и результаты анализа, содержащие данные о правильности использования студентами дискурсивных маркеров. Проанализируем ошибки при использовании маркеров в разных группах дискурсивных маркеров. В текстах НПАД очень высок процент неверно употребленных маркеров, указывающих на манеру изложения (группы 13 ДМ) (89%), а в текстах ПАД он абсолютный (100%). В целом в восьми из тринадцати групп дискурсивных маркеров, а именно в 4 ДМ, 5 ДМ, 6 ДМ, 7 ДМ, 8 ДМ, 10 ДМ, 12 ДМ и 13 ДМ тексты ПАД демонстрируют более высокий процент ошибок, чем тексты НПАД. В итоге можно выдвинуть предположение, что попытка использовать более широкий набор маркеров ведет к большему числу ошибок. В качестве примера приведем заключительную часть одного из текстов ПАД: *All things considered* that I should say* I agree with the first opinion* that everybody should be equal, otherwise* there will be no incentives for people to educate, work better and increase their incomes, I believe* the best way is to tax proportionally to make our life better. To my mind* the government should better regulate tax system in order to control level of property. And only* in this case the country will flourish and prosper.* Считаем необходимым предпринять дальнейшее исследование, в которое нужно включить подробный анализ типов ошибок внутри каждой группы маркеров, а также их влияния на понимание текста адресатом.

Итак, проведенное исследование позволяет говорить о зависимости функционирования дискурсивных маркеров от уровня иноязычной профессиональной компетенции субъектов академического дискурса в специальной

сфере (в экономике). Количественный и качественный анализ функционирования дискурсивных маркеров в профессиональном и непрофессиональном типах академического дискурса выявил, что в письменных работах на английском языке студентов экономической специальности преобладает группа дискурсивных маркеров, указывающих на введение новой или дополнительной информации (3 ДМ). Показательно, что в профессиональном академическом дискурсе (на старших курсах) их частотность значительно превосходит аналогичную в непрофессиональном академическом дискурсе. Вторыми и третьими по частотности выступают дискурсивные маркеры, указывающие на противопоставление или отход от основной линии изложения (6 ДМ), и дискурсивные маркеры, указывающие на авторскую оценку вероятности информации, соотношение информации и ситуации (9 ДМ), в обоих типах дискурса. Характерная особенность функционирования дискурсивных маркеров в непрофессиональном академическом дискурсе – высокая частотность одного и то же маркера и ограниченное количество маркеров разных групп в пределах одного текста.

Выявленные закономерности функционирования дискурсивных маркеров в зависимости от уровня иноязычной профессиональной компетенции субъектов академического дискурса позволяют существенно уточнить представление о процессе создания и передачи специального знания на английском языке носителями языка, а также расширить представления об академическом дискурсе в специальной сфере. Полученные данные могут лечь в основу разграничения неоднородного по степени освоения научного знания академического дискурса. Исследование выявило, что в дальнейшем требуется более детальное изучение дискурсивных маркеров, указывающих на порядок следования информации и источник информации. Также полагаем, что анализ типов ошибок внутри каждой группы маркеров, а также их влияние на понимание текста адресатом в разных типах академического дискурса может иметь большую практическую ценность в лингводидактической перспективе.

Литература

1. *Povolna R.* Causal and Contrastive Discourse Markers In Novice Academic Writing // *Brno Studies in English*. 2012. Vol. 38. No. 2. P. 131–148.
2. *Chovanec J.* Written Academic Discourse in English: from Local Traditions to Global Outreach // *Brno Studies in English*. 2012. Vol. 38. No. 2. P. 5–16.
3. *Cross-linguistic and Cross-cultural perspectives on Academic Discourse* / Ed. by E. Suomela-Salmi and F. Dervin. John Benjamins Publishing, 2009. 229 p.
4. *Gunnarsson B.-L.* Professional discourse. Continuum Discourse Series. London, 2009. 275 p.
5. *Алексеева Л.М., Мишланова С.Л.* Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002. 200 с.
6. *Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка.* М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 2003. 256 с.
7. *Пермякова Т.М., Шевелева М.С.* ЕГЭ как предиктор успешности изучения английского языка в вузе // *Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Сер. Филология*. 2013. №2, т. 1. С. 205–215.
8. *Программа учебной дисциплины «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”».* Программа ПУД «Иностранный язык (английский) для направления 080100.62 Экономика подготовки бакалавров. URL: <http://www.hse.ru/edu/courses/94100357.html>; <http://www.hse.ru/edu/courses/94100352.html> (дата обращения: 09.12.2013).
9. *Алексеева Л.М.* Термин и метафора: семантическое обоснование метафоризации. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та. 1998. 250 с.

10. Azuma M. Metaphorical competence in an EFL context: The mental lexicon and metaphorical competence of Japanese EFL students (Doctoral dissertation, University of Nottingham), 2004.
11. Bailey R. Conceptual metaphor, language, literature and pedagogy // *Journal of Language and Learning*. 1(2). 2003. P. 59–72.
12. Littlemore J., Low G. Metaphoric competence, second language learning, and communicative language ability // *Applied linguistics*. 27(2). 2006. P. 268–294.
13. Littlemore J., Krennmayr T., Turner J., Turner S. An investigation into metaphor use at different levels of second language writing // *Applied linguistics*. 35 (2). 2014. P. 117–144.
14. Мишланова С.Л., Уткина Т.И. Метафора в профессиональной коммуникации (на материале экономического дискурса) // *Европейский журнал социальных наук*. М., 2014. № 2, т. 2. С. 259–264.
15. Пермякова Т.М., Уткина Т.И. Изучение степени профессионализации академического дискурса посредством анализа моделей когнитивных метафор // *Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Сер. Филология*. 2014. № 3, т. 1. С. 152–161.
16. Schiffrin D. Discourse Markers: Language, Meaning, and Context. In: Deborah Schiffrin, Deborah Tannen and Heidi Hamilton (Eds.) *Handbook of Discourse analysis*. Oxford: Basil Blackwell, 2001. P. 54–75.
17. Fraser B. What are Discourse Markers? // *Journal of Pragmatics*. 31. Boston, 1999. P. 931–952.
18. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
19. Козып С.В. Дискурсивные маркеры в русскоязычных и немецкоязычных геологических научных статьях // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2014. № 380. С. 18–23.
20. Dontcheva-Navratilova O. On Coherence in Written Discourse. In: Schmied, Josef, Christoph Haase, and Renata Povolná (Eds.) *Complexity and Coherence. Approaches to Linguistics Research and Language Teaching*. REAL Studies 3. Göttingen: Cuvillier Verlag, 2007. P. 127–145.
21. Губарева О.Н. Сопоставительный анализ метадискурсивной организации англоязычных и русскоязычных научно-учебных текстов по экономике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

DISCOURSE MARKERS FUNCTIONING (SPHERE OF ECONOMICS, STUDENTS' WRITTEN TEXTS IN ENGLISH)

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 6 (38), 100–115.

DOI: 10.17223/19986645/38/8

Utkina Tatiana I., Kostareva Elena V., National Research University Higher School of Economics, Perm Branch (Perm, Russian Federation). E-mail: utkinatat30@gmail.com / lekosta@rambler.ru

Keywords: academic discourse, academic discourse in Economics, discourse markers, foreign language professional competence

Nowadays great attention is paid both to knowledge reproduction-reception mechanisms, and technologies of relevant knowledge transferring. Relating to this, academic discourse research and discourse strategies of scientific knowledge transferring are in the focus of special attention. As far as English written academic discourse in Economics is underestimated in the process of studying, this research is of great timeliness.

Discourse markers (DMs) play an important role in the process of text generation, in providing discourse grammar and sense integrity and optimization in transferring information from addresser to addressee. But beyond modern research are the aspects of DMs functioning depending on the level of students' professional and communicative competences.

This article focuses on special features of discourse markers in academic discourse in Economics. It is based on English written texts produced by Russian students majoring in Economics with different competence. The main objective is to reveal the difference of discourse markers functioning in terms of the level of students' foreign language professional competence.

The authors succeeded in extending the DMs classification. Qualitative and quantitative analysis revealed the peculiarities of DMs functioning in academic discourse in Economics. The prevailing DMs are those which introduce new or additional information, taking the leading position in professional discourse in comparison with nonprofessional one. The second and the third position in both discourses belong to the contrastive DMs and DMs of author's assessment. However, the qualitative analysis revealed that written texts of professional discourse highlighted the tendency of using DMs of different groups. It can be explained by students' high level of professional skills and, thus, by their

ability to transfer scientific knowledge (by their high communicative competence). The peculiarity of DMs functioning in nonprofessional discourse is the occurrence of the same marker or monotony in using markers in one written text. It can be explained by the lack of ability to use the cognitive-communicative strategy in transferring economic knowledge effectively.

The research allows to substantially specify the understanding of creating and transferring the special knowledge process in English by non-natives. Moreover, it enables us to expand the understanding of academic discourse in a special sphere. The developed data can be the basis for differentiating academic discourse, heterogeneous in its learning. DMs functioning regularities in terms of the level of foreign language professional competence are identified. Also, the prospects for further research in the sphere of DMs in academic discourse functioning are determined.

References

1. Povolna, R. (2012) Causal and Contrastive Discourse Markers In Novice Academic Writing. *Brno Studies in English*. 38:2. pp. 131–148.
2. Chovanec, J. (2012) Written Academic Discourse in English: from Local Traditions to Global Outreach. *Brno Studies in English*. 38:2. pp. 5–16.
3. Suomela-Salmi, E. & Dervin, F. (eds) (2009) *Cross-linguistic and Cross-cultural perspectives on Academic Discourse*. John Benjamins Publishing.
4. Gunnarsson, B.- L. (2009) *Professional discourse* (Continuum Discourse Series). London and New York: Continuum.
5. Alekseeva, L.M. & Mishlanova, S.L. (2002) *Meditsinskiy diskurs: teoreticheskie osnovy i printsipy analiza* [Medical discourse: theoretical foundations and principles of analysis]. Perm: Perm State University.
6. Iriskhanova, K.M. (ed.) (2003) *Obshcheevropeyskie kompetentsii vladeniya inostrannym yazykom: izuchenie, obuchenie, otsenka* [Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment]. Moscow: Moscow State Linguistic University.
7. Permyakova, T.M. & Sheveleva, M.S. (2013) Russian State Exams as a predictor of English-language learning efficiency in institutions of higher education. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. Seriya: Filologiya*. 2:1. pp. 205–215.
8. Egorova, I.V. et al. (2012) *Foreign Language (English) for Bachelors of Economics. Higher School of Economics National Research University. Curriculum*. [Online]. Available from: <http://www.hse.ru/edu/courses/94100357.html>; <http://www.hse.ru/edu/courses/94100352.html>. (Accessed: 09 December 2013). (In Russian).
9. Alekseeva, L.M. (1998) *Termin i metafora: semanticheskoe obosnovanie metaforizatsii* [Term and metaphor: the semantic study of metaphorization]. Perm: Perm State University.
10. Azuma, M. (2004) *Metaphorical competence in an EFL context: The mental lexicon and metaphorical competence of Japanese EFL students*. Doctoral dissertation. University of Nottingham.
11. Bailey, R. (2003) Conceptual metaphor, language, literature and pedagogy. *Journal of Language and Learning*. 1(2). pp. 59–72.
12. Littlemore, J. & Low, G. (2006) Metaphoric competence, second language learning, and communicative language ability. *Applied Linguistics*. 27(2). pp. 268–294.
13. Littlemore, J. et al. (2014) An investigation into metaphor use at different levels of second language writing. *Applied Linguistics*. 35 (2). pp. 117–144.
14. Mishlanova, S.L. & Utkina, T.I. (2014) Metaphor in professional communication (on the economic discourse). *Evropeyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk – European Social Science Journal*. 2:2. pp. 259–264. (In Russian).
15. Permyakova, T.M. & Utkina, T.I. (2014) Investigating Professional Degree of Academic Discourse through Cognitive Metaphor Models. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina (seriya Filologiya)*. 3:1. pp. 152–161. (In Russian).
16. Schiffrin, D. (2001) Discourse Markers: Language, Meaning, and Context. In: Schiffrin, D., Tannen, D. & Hamilton, H. (eds) *Handbook of Discourse Analysis*. Oxford: Basil Blackwell.
17. Fraser, B. (1999) What are Discourse Markers? *Journal of Pragmatics*. 31. pp. 931–952.
18. Schiffrin, D. (1987) *Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Kogut, S.V. (2014) Discourse markers in Russian and German geological scientific papers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 380. pp. 18–23. (In Russian).

20. Dontcheva-Navratilova, O. (2007) On Coherence in Written Discourse. In: Schmied, J., Haase, C. & Povolná, R. (eds) *Complexity and Coherence. Approaches to Linguistics Research and Language Teaching. REAL Studies 3*. Göttingen: Cuvillier Verlag.

21. Gubareva, O.N. (2011) *Sopostavitel'nyy analiz metadiskursivnoy organizatsii angloyazychnykh i russkoyazychnykh nauchno-uchebnykh tekstov po ekonomike* [Comparative analysis of the metadiscursive organization of English and Russian scientific and educational texts on economics]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.0

DOI: 10.17223/19986645/38/9

Д.Н. Жаткин

ОСВОЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА Р. БЕРНСА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1850-х – 1870-х гг.¹

С максимально возможной полнотой представлены и обобщены материалы, раскрывающие специфику восприятия творчества шотландского поэта Роберта Бернса в России эпохи реформ Александра II. Отмечены предпринимаемые в эти годы попытки соотнесения судеб и произведений Р. Бернса и А.В. Кольцова, особенности отношения к шотландскому поэту Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, русских переводчиков из числа демократически настроенных «шестидесятников». Также осмысливаются литературно-критические статьи о Роберте Бернсе, его произведениях и их русских переводах, написанные в рассматриваемый период Д.И. Писаревым, М.Л. Михайловым, П.И. Вейнбергом, Н.И. Утиной и др.

Ключевые слова: Р. Бернс, традиция, поэтический перевод, литературная критика, русско-английские литературные связи, межкультурная коммуникация.

Вплоть до наших дней не существует исследования, которое с максимально возможной полнотой представило бы всё многообразие фактов русской рецепции Роберта Бернса, включающей литературно-критическое и литературоведческое осмысление его произведений в России, традиции творчества Бернса в текстах русских писателей, историю русских переводов сочинений шотландского поэта. Отдельные аспекты этой научной проблемы разрабатывали С.А. Орловым [1. С. 225–255], Е.С. Белашовой [2. С. 371–379; 3. С. 255–258; 4. С. 69–108], Ю.Д. Левиным [5. С. 535–558], чьи труды могут стать серьезным подспорьем для будущих исследователей. В 1994 г. опубликована первая часть составленного А.Н. Гиривенко и А.Р. Недачиной библиографического указателя «Английская литература в русской критике», в которой в числе других многообразных данных содержится относительно полная справочная информация о фактах русской литературно-критической рецепции бернсовского наследия [6. С. 149–161]. В прежние годы имеющиеся материалы осмысливались либо фрагментарно, либо в аспекте накопления фактических данных, либо под определенным идеологическим уклоном, не совсем оправданным с позиций сегодняшнего дня. Последние значительные труды о русском Бернсе, связанные с деятельностью Ю.Д. Левина, появились в 1980-е гг., т.е. около трех десятилетий назад [5. С. 535–558; 7. Р. 36–71; 8. Р. 14; 9. Р. 65–74], в период, когда переводы С.Я. Маршака еще продолжали

¹ Исследование осуществлено в рамках реализации проекта № 2232 «Междисциплинарные социально-гуманитарные исследования в контексте инновационного развития и международных связей» базовой части государственного задания Министерства образования и науки РФ.

монополизировать «права» на русского Бернса. Глобальные изменения, произошедшие в последующие годы, а также выявление многочисленных материалов, неизвестных прежде исследователям русского Бернса, актуализируют появление новых работ по вопросам восприятия и осмысления творчества шотландского поэта в России.

В истории русского освоения поэзии Роберта Бернса нами выделяются пять этапов: истоки, появление первых переводов и литературно-критических откликов (1800–1840-е гг.); осмысление творчества Р. Бернса писателями-демократами (1850–1870-е гг.); создание массовых переводов и публикация первых авторских книг Бернса на русском языке (1880–1910-е гг.); идеологизированный Бернс советской эпохи (1920–1980-е гг.); трактовки бернсовского наследия современными переводчиками (1990–2010-е гг.). В рамках данной статьи досконально рассматривается один из этапов русской бернсианы – 1850–1870-е гг., характеризующийся преимущественным вниманием к произведениям шотландского поэта со стороны русских писателей-демократов.

Во второй половине 1850-х гг. в России, пришедшей в движение благодаря реформам Александра II, демократически настроенные писатели, близкие Некрасовскому «Современнику», увидели в шотландском поэте Роберте Бернсе выразителя чаяний простых людей, создателя подлинно народных произведений. В эти годы особенно значимыми стали параллели между Бернсом и русским поэтом А.В. Кольцовым. Хотя А.В. Кольцов и не обращался к переводам произведений Бернса, была справедливо отмечена внутренняя близость в творчестве двух поэтов, заключавшаяся в стремлении отойти от формы и интонации «образованной поэзии», активно использовать нерифмованные размеры, представить жизнь с «крестьянской» точки зрения. И Бернс и А.В. Кольцов были склонны к поэтическому лиризму, метафоричности в описаниях природы, персонификации и философизации окружающего мира; также можно видеть близость мотивов любовной лирики, стремление к реалистичности описаний, свободолюбие поэтов, их интерес к теме приключений (об этом подробнее см.: [10. С. 161–167].

Основой сопоставлений Бернса и А.В. Кольцова было стремление увидеть у поэтов социальную общность, о чем, например, писал в 1860 г. О.Ф. Миллер: «Бернс, и по народному духу своей поэзии представляющий сходство с Кольцовым, был также, подобно нашему поэту, жертвою того положения, в котором пришлось ему провести всю жизнь» [11. С. 98]. Отдельные критики, продолжая сближать Бернса и А.В. Кольцова, считали творчество обоих поэтов явлением, имевшим ограниченное значение для развития общества; об этом, в частности, размышлял в написанной в Петропавловской крепости статье «Реалисты» (1864) Д.И. Писарев: «<...> одной голой честности и великого самородного таланта еще недостаточно, чтобы быть мировым поэтом. Самородки, подобные Бернсу или Кольцову, остаются навсегда блестящими, но бесплодными явлениями. Истинный, “полезный” поэт должен знать и понимать всё, что в данную минуту интересует самых лучших, самых умных и самых просвещенных представителей его века и его народа» [12. С. 309]. В публицистике М.Л. Михайлова параллель Бернса и А.В. Кольцова получила новое дополнение – рядом с шотландским и русским поэтами в статье «“Кобзарь” Тараса Шевченко» (1860) возникла фигура великого украин-

ского поэта: «<...> мы окажем больше уважения к таланту г. Шевченко, если сравним его <...> с такими замечательными народными поэтами, как наш Кольцов или шотландский Бернс. Силой поэтического чувства, глубоким, сердечным пониманием лишений и нужд, печалей и радостей народных, безыскусственным, прямым и ясным складом мысли и речи он не уступает ни тому, ни другому» [13. С. 106–107]¹. В восприятии П.И. Вейнберга Бернс во многом был похож на А.В. Кольцова «с его Grüblerei над многими отвлеченно-философскими вопросами», однако несомненно стоял выше его, «наивно-го, простодушного, ощупью блуждающего», благодаря «умению как-то инстинктивно проникать иногда в самую суть таких вещей, смысл которых вполне раскрывается только для людей, получивших серьезное научное образование» [19. С. 141]. Отметим, что сближения русского и шотландского поэтов встречались в литературной критике вплоть до начала XX в., так, например, анонимный рецензент «Русской мысли» в 1905 г. соотносил А.В. Кольцова с Бернсом как «поэтом-самородком, вышедшим из народной среды», однако при этом признавал, что Бернс значительнее А.В. Кольцова, «превышает его глубиной, гибкостью и разносторонностью своего таланта и широтой своих общественных демократических идеалов» [20. С. 53]. Впрочем, такая параллель в начале XX в. смотрелась уже весьма архаически, – к тому времени господствующими стали представления об *особой* народности Бернса, обусловленной, по меткому замечанию П.О. Морозова, спецификой объективных обстоятельств его жизни: «Только случайные обстоятельства знакомят народ с его поэтами: для этого надо, чтобы поэт жил в народной среде, – чтобы народ его не то что *читал*, а *слушал*. Таким был Бернс» [21. С. 108].

Около 1846 г. замысел материала о Бернсе и А.В. Кольцове возник у И.С. Тургенева, о чем свидетельствует, в частности, указание на эту тургеневскую статью как на готовящуюся к опубликованию в 1847 г., содержащееся в принадлежащем Н.А. Некрасову редакционном объявлении в «Современнике» (№11 за 1846 г.), где она названа «Кольцов и Бёрнс» [22. С. 48]. Статья анонсировалась в написанных Н.А. Некрасовым объявлениях о выходе в свет №2 и 3 «Современника» за 1847 г. [22. С. 52, 53], а также – годы спустя, под названием «Берн и Кольцов» – в третьем номере «Русского слова» за 1860 г.² О том, что работа над анонсированной статьей так и не началась, можно узнать из письма И.С. Тургенева Е.М. Феоктистову от 19 (31)

¹ В ряде статей проводилась параллель между Бернсом и Т.Г. Шевченко как авторами, писавшими «на своих местных наречиях» (см., в частности: [14. С. 14–19]. Цитата из этой статьи, содержащая упоминание о Бернсе и Т.Г. Шевченко, была приведена в полемическом очерке Н.Г. Чернышевского «Народная бестолковость» (1861) [15. С. 846]. В апрельском и майском номерах «Русской мысли» за 1911 г. К.И. Чуковский опубликовал статью «Шевченко», в которой в числе прочего была проведена «интересная параллель между Шевченко и Робертом Бернсом» [16. С. 475].

Существенность параллели между Бернсом и Т.Г. Шевченко отчасти подтвердили материалы, впервые подготовленные к печати П.Е. Щеголевым в начале XX в. Отстаивая свое право писать на родном языке, Т.Г. Шевченко в 1847 г. апеллировал к Бернсу, творившему на родном диалекте: «А Борнц усэ таки поэт народный и великий» [17. С. 3] (подробнее о тематических и мотивных переключках в произведениях поэтов см.: [18. С. 109–122]).

² В целях рекламы анонс был размещен непосредственно на первой странице обложки журнала: «В следующих книжках “Русского слова”, сверх статей, обещанных в программе, будут напечатаны: И.С. ТУРГЕНЕВА (кроме обещанной повести): “Берн и Кольцов”».

июля 1860 г.: «“Кольцов и Бернс” – даже не начат» [23. С. 222]¹. Возможную причину этого С.А. Орлов [1. С. 235–236] видел в появлении в «Свистке» «Современника» статьи Н.А. Добролюбова (за подписью *Кондратий Шелухин*) «Два графа», в которой, в самый канун разрыва И.С. Тургенева с некрасовским журналом, была высмеяна «будущая знаменитая статья г. Тургенева “Бернс и Кольцов”», утверждающая начало «новой эры параллелей, так сказать возрождение Плутарха»: «<...> так как появление этой статьи скрывается в тумане более или менее отдаленного грядущего, то мы намерены подготовить к ней публику несколькими этюдами, не имеющими такой капитальной важности, как будущее произведение г. Тургенева, но тем не менее должествующими знакомить публику с плутарховою манерою. Так, наши даровитые сотрудники обещали нам параллели: “Вильмен и А.Д. Галахов”, “В.А. Кокорев и Лафит”, “Жорж Занд и Евгения Тур”, “Битва Горациев и Куриациев и бой 13 декабря 1859 года в петербургском пассаже”, “Ламорисьер и Н.Ф. Павлов” и пр. и пр.» [26. С. 4]². В качестве эпитафии Н.А. Добролюбовым был использован искаженный афоризм 81 из цикла «Плоды раздумья. Мысли и афоризмы» Козьмы Прутова «Ищи паче в разнообразии единства, нежели в единообразии разделения»³. П.В. Анненков 29 декабря 1860 г. (10 января 1861 г.) сообщил И.С. Тургеневу, что упоминание его имени «в безобразнейшем “Свистке” <...> как будущего творца Плутарховой параллели между “Бернсом и Кольцовым”» вызвало неприятие значительной части общества («сия выходка Добролюбова оскорбила здесь многих») [31. С. 95]. В ответном письме от 7 (19) января 1861 г. И.С. Тургенев сдержанно отреагировал на происшедшее: «Потешание надо мною “Свистка” не удивляет меня, и могу прибавить, не обинуясь, – нисколько меня не оскорбляет. Всё это в порядке вещей» [23. С. 280]. О том, что же хотел написать И.С. Тургенев в своем очерке, можно отчасти судить благодаря событию, происшедшему несколько лет спустя. Прочитав «превосходную» статью У. Рольстона (W.R.S. Ralston) об А.В. Кольцове, напечатанную в № 6 «Двухнедельного обозрения» («Fortnightly Review») за 1866 г. и содержавшую сравнение русского поэта с Бернсом [32. Р. 272–288], И.С. Тургенев сообщил ее автору 7 (19) октября 1866 г.: «Koltsoff a été un vrai poète populaire, tel qu'on peut en voir dans le siècle où nous sommes – et si c'est lui faire trop d'honneur que

¹ Подробнее история с подготовкой И.С.Тургеневым статьи о русском и шотландском поэтах в 1846–1847 и 1860 гг. изложена Б.В. Мельгуновым [24. С. 175]. Сохранилось письмо Е.М. Феоктистова И.С. Тургеневу от 9 (21) июля 1860 г., в котором тот, приглашая известного писателя к сотрудничеству в организовывавшейся газете «Русская речь» (начала выходить 1 января 1861 г., издатель Евгений Тур, редактор Е.М. Феоктистов), просил отдать для публикации в новом издании статью о Кольцове и Бернсе: «Не можете ли <...> отдать нам “Кольцова и Бернса”? Если Вы, к нашему несчастью, распустились уже иначе этою статьею, то, вероятно, будете читать что-нибудь новое в обществе литературного фонда?» [25. С. 143].

² Материал был републикован в изданиях Н.А. Добролюбова (см., например: [27. С. 446–465]) и в научном издании серии «Литературные памятники» [28. С. 162–177]. В рецензии на новые поэтические сборники, напечатанной в «Современнике» в 1858 г., Н.А. Добролюбов отмечал в сборнике Л.К. Панютина «Стихотворения» (СПб., 1858) наличие эпитафий из Д.-Г. Байрона и Р. Бернса в сочетании с бранным осуждением Англии, в которой «сердца у всех очерствели и все заняты роскошью пышной», после чего восклицал: «Неужели он думает, что эти поэты имели черствое сердце или низкие страсти?» [29. С. 359].

³ Ср. в авторской редакции: «Не в совокупности ищи единства, но более – в единообразии разделения» [30. С. 129].

de le comparer à Burns, qui a une nature et une veine très autrement riches et fortes – il ne manque pourtant pas de certains points de ressemblance avec lui» [Кольцов был подлинно народным поэтом, в той мере как это возможно в наш век – и если для него слишком большая честь сравнение с Бернсом, натура и дарование которого значительно богаче и ярче, – то у них имеются все же и черты сходства] [33. С. 68, 242].

Намерение узнать творчество Бернса появилось у Н.А. Некрасова в середине 1850-х гг., о чем он сообщил в письме И.С. Тургеневу от 30 июня – 1 июля 1855 г.: «<...> у меня явилось какое-то болезненное желание познакомиться хоть немного с Бернсом, ты когда-то им занимался, даже хотел писать о нем: вероятно, тебе нетрудно будет перевести для меня одну или две пьесы прозой (по своему выбору). Приложи и размер подлинника, означив его каким-нибудь русским стихом (ибо я далее ямба в размерах ничего не понимаю) – я, может быть, попробую переложить в стихи. Пожалуйста, потешь меня, хоть страничку пришли на первый раз» [34. С. 204–205]. В ответном письме, датированном 10 (22) июля 1855 г., И.С. Тургенев, находившийся в Спасском без сборника Бернса, оставшегося в Петербурге, просил Н.А. Некрасова прислать ему экземпляр книги стихов Р. Бернса («найти его весьма легко»)¹, обещал сделать для Н.А. Некрасова «отличный выбор» и «метр приложить»:

Я уверен наперед, что ты придешь в восторг от Бернса и с наслаждением будешь переводить его <...>. Бернс – это чистый родник поэзии. Попробуй пока написать что-нибудь на следующий, любимый его метр:

*Я не могу тебе сказать,
Кого ты должен воспевать –
Но не могу теперь скрывать
Перед тобой,
Что начал сильно мне мешать
Жестокий зной.*

Понимаешь? Этот размер идет к элегическим и задумчивым вещам. Таким размером написано знаменитое стихотворение Бернса к полевому цветку, срезанному им при пахании плугом [35. С. 45].

6 августа 1855 г. Н.А. Некрасов сообщил А.В. Дружинину о работе И.С. Тургенева над переводами из Бернса («Тургенев, спасибо ему, взялся мне переводить из Бернса» [34. С. 210]), однако и этот проект, наряду с идеей статьи о Бернсе и А.В. Кольцове, остался неосуществленным.

И.С. Тургенев знал Бернса много лучше писателей-современников, неоднократно упоминал в своих письмах его наиболее известные произведения. Так, в письме А.А. Фету от 16 (28) января 1859 г. И.С. Тургенев отмечал, что «Полонский смотрит полевым цветком, неделю тому назад подрезанным со-

¹ Ту же просьбу И.С. Тургенев повторил в письмах В.П. Боткину и Н.А. Некрасову от 25 июля (6 августа) 1855 г. («В последнем моем письме <...> я просил о высылке Бернса – не забудь это исполнить» [см.: 35. С. 49]) и В.П. Боткину от 9 (21) августа 1855 г. («Да что же вы Бернса мне не присылаете?» [см.: 35. С. 54]). Н.А. Некрасов отправил И.С. Тургеневу томик Бернса вместе с письмом от 12 августа 1855 г. («Бернса тебе послал» [см.: 34. С. 212; об отправке этой книги см.: 36. С. 187]).

хою» [23. С. 12], тем самым используя очевидную ироническую перефразировку названия бернсовского стихотворения «К полевой маргаритке...». В письме И.С. Тургенева В.П. Боткину от 18 (30) сентября 1864 г. названо еще одно произведение Бернса – «Auld lang syne», ставшее популярной новогодней песней: «Мне здесь <письмо отправлено из Баден-Бадена> было всё это время по-прежнему хорошо: здоровье удовлетворительное, охота и старинные, неизменные привязанности. “Auld lang syne”. Работа еле-еле двигается» [37. С. 49]. В письме к П. Виардо от 23 ноября (5 декабря) 1870 г. И.С. Тургенев упоминал стихотворение Бернса «Джон Андерсон»: «<...> j'ai tout mon beau et cher passé de 27 ans à garder – c'est aussi un trésor et cela m'inspire du respect. Et cela sera ainsi comme pour “Joe Anderson my Joe” de Burns – nous descendrons la colline ensemble» [<...> ведь я должен хранить всё мое прекрасное и дорогое 27-летнее прошлое – это тоже сокровище, и оно внушает мне уважение. И с нами будет то же, что с «Joe Anderson, my Joe» Бернса, и мы вместе спустимся по склону холма] [38. С. 268, 350].

Чаще других И.С. Тургенев вспоминал о знаменитом бернсовском стихотворении «My heart's in the Highlands» («В горах мое сердце»), начальный стих которого можно видеть в письме писателя к П. Виардо от 20 сентября (2 октября) 1859 г., написанном на французском языке: «Il ne se passe guère une heure que je ne songe à Courtavenel et à tout ce qui s'ensuit. My heart is in the Highlands, comme dit la chanson» [Не проходит и часа, чтобы я не мечтал о Куртавнеле и обо всем, что с ним связано. «My heart is in the Highlands», как поется в песне] [23. С. 86, 418]. В отправленном пять лет спустя – 11 (23) ноября 1864 г. – письме тому же адресату слова «my heart is in the highlands» используются уже как крылатое выражение: «Je n'ai pas besoin de vous dire que “my heart is in the highlands” <...>. Je ne serai content que quand j'aurai cet étouffant Paris derrière moi» [Мне не нужно говорить вам, что «my heart is in the highlands» <...>. Я буду доволен лишь тогда, когда этот душный Париж окажется позади] [37. С. 63, 199]. Будучи приглашенным на охоту в Питлокри Эрнстом и Элизабет Бензен, И.С. Тургенев провел там несколько дней с 29 июля (10 августа) по 4 (16) августа 1871 г., о чем сообщил в письме А.А. Фету 16 (28) августа 1871 г.: «Потом я ездил в “Highlands” – и стрелял там “гроузов” – grouse – птицу, являющую нечто среднее между тетеревом и белой куропаткой» [39. С. 126]. Комментируя упоминание «Highlands», А.И. Батюто высказывает предположение о возможном «намеке на балладу Р. Бернса “My heart's in the Highlands”» [40. С. 464].

Бернс заинтересовал многих переводчиков, являвшихся активными участниками демократического движения «шестидесятников». М.Л. Михайлова, переведшего шесть стихотворений («Джон Андерсон, сердечный друг!...» («John Anderson my jo»), «К полевой мыши, разоренной моим плугом» («To a Mouse»), «К срезанной плугом маргаритке», «Пахарь» («Lines on a merry Ploughman»), «Джон Ячменное Зерно» и «Злая судьба» («Luckless Fortune»)) [41. С. 229–236]¹ и В.С. Курочкина, создавшего с опорой на прославляющее личную свободу и независимость стихотворение «I ha'e a Wife o' my Ain»

¹ Переводы неоднократно переиздавались в последующие годы (см.: [42. С. 151–157; 43. С. 148–154]).

Бернса свою «Песню бедняка» [44. С. 320]¹, прежде всего привлекали те произведения шотландского поэта, которые были насыщены социальной и остро критической проблематикой, проникнуты верой в возможность изменения жизни. В статье М.Л. Михайлова «Юмор и поэзия в Англии. Томас Гуд» (1861) был опубликован еще один перевод из Бернса, прозаический подстрочник стихотворения «I'm fading awa', Jean...» («Ухожу я, Джен...»), не упоминавшийся в работах по истории русской рецепции творчества шотландского поэта:

Ухожу я, Джен, – таю, как снег в поле, Джен! Ухожу я – в страну правды!

Но не плачь, моя Джен, – свет не стоит забот, Джен! Мы опять встретимся, и будет нам хорошо – в стране правды! [47. С. 389] (републикацию см.: [48. С. 201]²).

Приводя в рецензии на «Пермский сборник» (1860) фрагмент народной русской песни о хмеле «Как во славном было городе Казани...», М.Л. Михайлов соотносил это произведение с «Джоном Ячменное Зерно»: «В песне этой нет, правда, той стройности, как в однородной с нею, старинной английской песне о богатыре Джоне Ячменном Зерне (John Barleycorn), которую художественно обработал Роберт Бернс; но мы думаем, судя по некоторым чертам, что наша песня про хмель дошла до нас не в полном составе. Хмель, ударивши мужика в тын головою, мстит (как и в английской песне) за то, что его в землю закопали, “в сердеченько тычинки вотыкали”, а в варианте, записанном г. Роговым, между первым унижением и последующею силой хмеля нет почти никакого отношения» [49. С. 45–46].

Представляет интерес обращение к творчеству Бернса Д.Д. Минаева, который перевел стихотворение «Две собаки» («The Twa Dogs») [50. С. 134–141] и создал переложение «на мотив» из Бернса «На чердаке» [51. С. 85], в основе которого известное стихотворение «I Ha'e A Wife O' My Ain»; нередко до неузнаваемости изменяя текст подлинника, трансформируя его интонационный рисунок, Д.Д. Минаев всё же в большинстве случаев мастерски сохранял основную идею бернсовских произведений. К кругу «шестидесятников» примыкал П.И. Вейнберг, человек сложной и одновременно яркой литературной судьбы (см. о нем: [52. С. 3–96]), выбравший из Бернса для перевода кантату «Веселые нищие» [53. С. 325–336], стихотворения «Лорд Грегори» («Lord Gregory») [54. С. 622] и «Джон Андерсон» [55. С. 183]³. После скандальной истории с «безобразным поступком “Века”» в 1861 г.⁴ от П.И. Вейн-

¹ Перевод неоднократно переиздавался (в частности, см.: [45. С. 508; 46. С. 716]).

² В той же статье Шотландия характеризуется как «богомольная отчизна Борнса и Вальтера Скотта» [48. С. 144], а Бернс назван, наряду с Алленом Рамсеем и Джемсом Битти, поэтом, «запас стихов» которого «был в голове» у Томаса Гуда [48. С. 146].

³ Все три перевода были выполнены одновременно и предназначались для «Отечественных записок», о чем сам П.И. Вейнберг сообщал Н.А. Некрасову в конце мая или начале июня 1868 г.: «Посылаю Вам <...> для “Отечественных записок” три моих перевода из Борнса; думаю, что выбором их Вы будете довольны» [56. С. 178]. Однако «Джон Андерсон» в «Отечественных записках» так и не появился и был опубликован в 1869 г. в журнале «Дело».

⁴ Впоследствии эта история была воссоздана в мемуарах самого П.И. Вейнберга [57. С. 472–489].

берга, поддержанного М.Н. Катковым, отвернулись все его единомышленники, он фактически оказался в изоляции, однако его гражданские убеждения по-прежнему были демократическими, хотя и не радикальными; в те годы он активно переводил Г. Гейне, причем именно переводы помогали ему восстановить литературную репутацию. В целом придерживаясь традиций восприятия шотландского поэта, заложенных переводами М.Л. Михайлова и В.С. Курочкина, П.И. Вейнберг в данном случае не смог достичь их уровня, поскольку, во многом огрубляя и упрощая оригинал, не заботился о сохранении размера подлинника, подборе наиболее удачных лексических средств, адекватной передаче традиционных образов.

В № 9 и 10 журнала «Русское богатство» за 1896 г. увидел свет очерк П.И. Вейнберга «Роберт Бернс», в котором отмечался наметившийся в конце XVIII в. упадок английской (а в особенности шотландской) литературы, для преодоления которого «нужна была очень крупная, истинно поэтическая сила», которая явилась «благодаря утверждению в народе чувства свободы и национальности, купленного долговременною и кровавой борьбой <...>, эта сила – Роберт Бернс» [19. С. 33]¹. В период наиболее сильных любовных потрясений Бернсом были созданы «прекрасные произведения с характером “мировой скорби” <...>, такие удивительные и разнообразные вещи, как “Веселые нищие”, “Субботний вечер поселянина”, “Видение”, “Маргаритка”, “Две собаки” и много других, не говоря уже о маленьких песнях, этих чудесных жемчужинах песенной поэзии» [19. С. 48]. Постепенно, как отмечает П.И. Вейнберг, раскрылся и еще один дар Бернса – сатирический; он вступил в борьбу с местным духовенством, причем не столько с самим «беспощадно-суровым пуританским вероучением» [19. С. 49], сколько с его практическим применением, допускавшим постоянное вмешательство в частную жизнь, поощрение шпионства и запугивания².

Еще одна фигура, которую нельзя обойти стороной в контексте осмысления русской рецепции Бернса, – В.Д. Костомаров, который на рубеже 1850–1860-х гг. был близок революционно-демократическим кругам, но с лета 1861 г. снискал себе «славу» доносчика на процессах против М.Л. Михайлова и Н.Г. Чернышевского (подробнее см.: [63. С. 319–329]). Ему принадлежат пять переводов – «Тэм О’Шентер» (первая публ.: [64. С. 309–316]), «Субботний вечер поселянина» (первая публ.: [65. С. 391–396]), «Кто там стучит так поздно в дверь?..», «Никому» («У меня есть жена для себя самого...»), «Прежде всего» («Бедняк – будь честен и трудись...»), вошедшие в сборник «По-

¹ Биографический очерк «Роберт Бернс» был републикован Вейнбергом в 1907 г. в авторской книге [58. С. 228–291], вызвавшей появление рецензий Ю.А. Веселовского в «Вестнике образования» и З.А. Венгеровой в «Вестнике Европы». Статья о Бернсе, по наблюдению Ю.А. Веселовского, заключала в себе «весьма обстоятельный, живо написанный обзор тревожной, трагической судьбы даровитого шотландского поэта» [59. С. 15]. Называя «содержательные этюды о Бернсе, о Шелли» в числе лучших материалов книги П.И. Вейнберга, З.А. Венгерова видела в них интерес к тем сторонам творчества поэтов, в которых «они близки к общественным запросам, к борьбе за свободу – в самом широком понимании этого слова» [60. С. 833].

² Подробнее о литературно-критических оценках П.И. Вейнбергом творчества Бернса см. в одной из наших статей [61. С. 3–41]. Также отметим, что неписанка П.И. Вейнбергом концовки статьи о Бернсе, печатание которой на тот момент уже началось в «Русском богатстве», вызвала встревоженное письмо В.Г. Короленко к П.И. Вейнбергу от 15 октября 1896 г. (ИРЛИ, ф. 62, оп. 3, №267) (об этом письме см.: [62. С. 37]).

эты всех времен и народов» (сост. В.Д. Костомаров, Ф.Н. Берг) [66], увидевший свет в 1862 г., но подготовленный значительно раньше (цензурное разрешение на него получено 11 февраля 1861 г.)¹, до начала событий, раскрывших сущность В.Д. Костомарова и приведших к его разрыву с демократическим лагерем.

В советские годы переводы В.Д. Костомарова в основном оценивались негативно. В частности, Е.С. Белашова отмечала, что В.Д. Костомаров «открыто фальсифицировал остро критические произведения Бернса, изменил их идейную направленность согласно своим интересам» [4. С. 70]. Исследовательница усматривала ошибочность стремления переводчика представить стоящее особняком в творчестве Бернса стихотворение «The Cotter's Saturday Night» в качестве его наиболее значительного сочинения, отмечала чуждые Бернсу настроения примирения и терпимости в переводе «For a' That and a' That» (у В.Д. Костомарова – «Прежде всего»), смягчение остроты содержания небольшого стихотворения «I ha'e a wife o' my ain», но при этом видела несомненную удачу в трактовке поэмы «Tam O'Shanter»: «Здесь он в основном верно передает содержание подлинника и его своеобразный стиль, сохраняя тот оттенок юмора и ту непринужденность оборотов, которыми отличается поэма Бернса. Переводчик удачно использует разговорные выражения, подчеркивая этим близость подлинника к народным источникам: “давно уж нет и следу”, “к заставе потянул”, “А Тэм и в ус не дует”, “как вкопанная стала”, “хвоста и след простыл” и т. д. Эти выражения полностью соответствуют и по смыслу и по стилю подлиннику, передавая красочность и остроумие народной речи» [2. С. 375]. О стремлении В.Д. Костомарова «“приспособить” стихи Бернса для своих классовых целей» писал и С.А. Орлов, приводя в пример перевод фрагмента из «For a' That and a' That», «фальсифицирующий самый смысл стихотворения» [1. С. 235], в оригинале протестующего против социальной несправедливости и зла: «Молитесь все, чтоб Бог послал / Нам царствие Его; / Чтоб честный труд на свете стал – / Почетнее всего» [66. С. 72] (ср. у С.Я. Маршака: «Настанет день и час пробьет, / Когда уму и чести / На всей земле придет черед / Стоять на первом месте» [68. С. 188]).

Публикацию своих переводов в сборнике «Поэты всех времен и народов» В.Д. Костомаров сопроводил вступительной статьей к разделу «Роберт Бернс», вызвавшей критическую оценку Д.И. Писарева, охарактеризовавшего ее в рецензии «“Поэты всех времен и народов”. Издание Костомарова и Берга. 1862» как «плохую компиляцию» [69. С. 244] из очерка французского переводчика Бернса Леона де Вайи и статьи английского историка и публициста Т. Карлейля². Интересно отметить, что из всех переводов В.Д. Костома-

¹ Подробную роспись содержания сборника «Поэты всех времен и народов», включавшего произведения Р.Бернса, Г. Гейне, А. Шюльцца, Г.-Х. Андерсена и сербские легенды, осуществил Н.П. Смирнов-Сокольский [67. С. 274].

² Слова Т. Карлейля из его статьи о Р. Бернсе «Не тот поэт, что пишет огромную поэму, хотя бы и хорошую, но тот поэт, кто сделал жизнь свою главою из героической поэмы!» цитировал в своей статье «А.С. Пушкин и последнее издание его сочинений» (1855) А.В. Дружинин, не забыв при этом упомянуть и имени самого Т. Карлейля [70. С. 39]; (ср.: [71. С. 393]). Материалы Т. Карлейля о Бернсе стали появляться в переводах на русский язык несколько позже. В них шотландский поэт провозглашался величайшей душой Британии, настоящим героем эпохи всеобщего безверия и безжизненных, повторяемых с чужих слов, теорий (см.: 72. С. 264–274)). Также Т. Карлейль называл песни Бернса

рова из Бернса особое внимание Д.И. Писарева привлек и получил его одобрение раскритикованный впоследствии перевод «For a' That and a' That». Указав, что «первые четыре куплета превосходно выражают гордое сознание человеческого достоинства и спокойное презрение к искусственным понятиям знатности и светской чести», Д.И. Писарев в мягкой форме отметил излишний религиозный пафос последней строфы, которая «грешит пиетизмом», однако признал, что последние два стиха («Чтоб человеку человек / Был брат прежде всего») «спасают общее впечатление»: «<...> спасибо г. Костомарову за то, что он перевел это стихотворение просто и изящно, сохраняя тот оттенок юмора и ту непринужденность оборотов, которыми отличается подлинник» [69. С. 247].

К эпохе осмысления наследия Бернса демократически настроенными «шестидесятниками» относится также перевод «Видения» («The Vision»), выполненный Д.Е. Мином, талантливым поэтом-переводчиком, медиком, профессором Московского университета, сумевшим остаться в сложные годы реформ Александра II вне идеологических группировок¹. Вероятно, перевод был сделан по просьбе В.Д. Костомарова, подготавливавшего сборник «Поэты всех времен и народов», в котором он и был впервые напечатан (см.: [66. С. 66–70])².

В № 24 еженедельного «журнала романов и повестей» «Шехеразада» за 1858 г. был напечатан выполненный П. Дмитриевым перевод бернсовской «Молитвы», не упоминавшийся в работах исследователей «русского Бернса». Не обладая художественными достоинствами, этот перевод вряд ли заслуживал бы внимания, если бы не тот диссонанс, который возникает при его сравнении с другими переводами эпохи реформ, – если в последних неизменно проступает бурное время, то в «Молитве» царят благодать, вера и вечность:

*Силы небесные, вы покровители
Вечные добрых людей,
Я уезжаю, вы будьте хранители
Мери бесценной моей.*

*Пусть зацветает она, вам подобная
Образом чистым своим,
Пусть укрепляется сердце незлобное
Вашим дыханьем святым.*

*Пусть ей ласкает грудь освежительно
Тихий, прохладный зефир,*

«частью родного языка не только Шотландии, но и Англии и целого миллиона людей, говорящих во всех концах земли на английском языке» [71. С. 366]. «Исторические и критические опыты» Т. Карлейля в русском издании 1878 г. внимательно читал, оставляя пометы, Н.С. Лесков; очерк «Роберт Бернс», наряду с очерками о Вольтере, Дидро, Мирабо, содержал наибольшее число помет, причем Н.С. Лесков подчеркивал в книге не фактические сведения, а рассуждения и афористические выводы [73. С. 152]. С разделом книги Т. Карлейля «Герои и героическое в истории» «Герой как писатель. Джонсон. Руссо. Бернс» был хорошо знаком Д.С. Мережковский, цитировавший его в своих очерках «Мистическое движение нашего века» (1893) и «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893) [74. С. 847, 851].

¹ Творчеству Д.Е. Мина посвящено диссертационное исследование О.С. Милотаевой [75]. Анализ перевода «The Vision» Бернса см. на с. 51–55 данной диссертации.

² Впоследствии перевод неоднократно переиздавался (см., например: [76. С. 40–46]).

*В душу вливая успокоительно
Нежный и сладостный мир.*

*Ангелы светлые, в даль неизвестную
Должен я скоро отплыть...
О сохраните ей помощь небесную,
Дайте меня не забыть. [77. С. 621].*

Представления поколения «шестидесятников» о судьбе и творчестве Бернса были обобщены в напечатанной в № 5 и 6 журнала «Дело» за 1876 г. статье Н.И. Утиной (под псевдонимом *Н. Ал-ева*) «Роберт Бернс (Шотландский народный поэт)» [78], в которой не только раскрывалась в определенном ракурсе полная страданий и тягот судьба шотландского поэта, но и подчеркивалось его мастерство в изображении неприукрашенной повседневной народной жизни. В качестве иллюстраций к суждениям, высказанным в статье, Н.И. Утина привела собственные переводы стихотворений «Обращение к мыши» («Трусливый серенький зверек!..») [78. С. 276–278], «Горная Мери» («Вершины, берега потоков и ручьев...») [78. С. 290], «Горе покинутой» («Обольщена любви обетом...») [78. С. 195–196], «Кларинде» («Поцелуй заветный, страстный...») [78. С. 214], заключительного фрагмента «Субботнего вечера крестьянина» [78. С. 288], а также подстрочный прозаический перевод поэмы «Священная ярмарка» [78. С. 283–286]. Идеи революционного народничества стали основополагающими и при трактовке творческой индивидуальности Бернса М.К. Цебриковой, указывавшей, что поэты, подобные великому шотландцу, появлялись в период брожения народных сил, распространения мыслей о свободе и правах простых людей, и в конечном итоге соотносившей Бернса с идеями, подготовившими французскую революцию [79. С. 102–116].

Переводы М.Л. Михайлова, В.С. Курочкина, Д.Д. Минаева, П.И. Вейнберга, В.Д. Костомарова, Д.Е. Мина, созданные в период общественного подъема, неоднократно републиковались в многочисленных литературно-художественных сборниках и антологиях последующих лет [сведения об этом см.: [67. Указ. имен], а затем (в 1890–1900-е гг.) составили основу первых авторских книг Бернса на русском языке. Заметным событием стало включение отдельных переводов М.Л. Михайлова¹, В.С. Курочкина, П.И. Вейнберга, В.Д. Костомарова в подготовленную Н.В. Гербелем антологию «Английские поэты в биографиях и образцах» (1875) [80. С. 233–245], ставшую первым опытом систематизации переводов произведений многих английских авторов (в том числе и Бернса) на русский язык².

Как видим, во второй половине 1850-х – 1870-е гг. во многом в силу тенденций общественного развития творчество Бернса оказалось востребованным русской литературой: делались попытки соотнесения его произведений со стихами А.В. Кольцова, были осуществлены переводы, остававшиеся непревзойденными вплоть до 1930-х гг., появились литературно-критические

¹ Во избежание цензурных проблем переводы М.Л. Михайлова, умершего на каторге в Сибири в 1865 г., были напечатаны под криптонимом ***.

² Творческой биографии Н.В. Гербеля как популяризатора английской литературы посвящено диссертационное исследование Н.Ю. Тэн-Чагай [81].

материалы, осмысливавшие Бернса как певца простого народа и человека трудной судьбы. Бесспорно, с современных позиций многие литературно-критические высказывания тех лет представляются упрощенными; в значительной мере устарели и переводческие прочтения, замененные в последующих изданиях Бернса переводами С.Я. Маршака, Т.Л. Щепкиной-Куперник, С.В. Петрова, Е.Д. Фельдмана и др. Однако нельзя не признать, что в сравнении с эпохой раннего «русского Бернса» (1800–1840-е гг.), когда произведения шотландского поэта представляли на русском языке в виде немногочисленных прозаических подстрочников, переложений, характеризовавшихся нарочитой русификацией, вольных романтических трактовок бернсовских оригиналов, а также неумелых попыток их прочтения второстепенными литераторами, именно во второй половине 1850-х – 1870-е гг. благодаря усилиям русских писателей, переводчиков, литературных критиков перед отечественным читателем возник целостный образ Роберта Бернса, односторонний, преломленный к современной российской действительности, но при этом неизменно притягательный, воплощающий в себе лучшие качества простых людей – одаренность, искренность, трудолюбие, умение приходить на помощь друг другу.

Литература

1. Орлов С.А. Бернс в русских переводах // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. 1939. Т. 26. С. 225–255.
2. Белаишова Е.С. Переводы В.Д. Костомарова из Роберта Бернса // Научный ежегодник Черновицкого государственного университета за 1956 г. 1957. Вып. 2. С. 371–379.
3. Белаишова Е.С. Переводы О. Чюминой из Роберта Бернса // Научный ежегодник Черновицкого государственного университета за 1957 г. Черновцы, 1958. С. 255–258.
4. Белаишова Е.С. Роберт Бернс в переводах С. Маршака // Учен. зап. Черновиц. гос. ун-та. Т. 30. Сер. филол. наук. 1958. Вып. 6. С. 69–108.
5. Левин Ю.Д. Бернс на русском языке // Бернс Р. Стихотворения. М., 1982. С. 535–558.
6. Английская литература в русской критике: Библиографический указатель / сост. А.Н. Гиривенко, А.Р. Недачина. М.: ИНИОН, 1994. Ч. 1: Средние века. XVIII век. 272 с.
7. Levin Ju.D. The Russian Burns: The reception of Robert Burns in pre-revolutionary and Soviet times // Scottish Slavonic Review. 1985. Autumn. №5. P. 36–71.
8. Levin Ju.D. Robert Burns in Russia // Scotland and the Slavic world: The Glasgow–90 East-West Forum. Précis of papers and notes on contributors. Glasgow: University of Glasgow, 1990. P. 14.
9. Levin Ju.D. The Russian Burns // Scotland and the Slavs: Selected papers from the Glasgow–90 East-West Forum / Ed. by P. Henry, J. MacDonald, H. Moss. Nottingham: Astra Press, 1993. P. 65–74.
10. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бёрнс в творческом восприятии И.И. Козлова и А.В. Кольцова (опыт сопоставительного анализа) // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. Москва – Пенза, 28–30 апреля 2008 г.: в 2 т. М., 2008. Т. 2. С. 161–167.
11. Миллер О.Ф. Английская литература XVIII столетия // Журнал Министерства народного просвещения. 1860. Ч. 58, №10, отд. 3. С. 1–41; №11, отд. 3. С. 77–100.
12. Писарев Д.И. Реалисты // Писарев Д.И. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. М., 2003. Т. 6. С. 222–353.
13. Михайлов М.Л. <Рец.:> «Кобзарь» Тараса Шевченко. Коштом Платона Семерінка. СПб. 1860 года. В 8 д. л. 244 стр. (С портретом Шевченко) // Михайлов М.Л. Сочинения: в 3 т. / под общ. ред. Б.П. Козьмина. М., 1958. Т. 3. С. 105–124.
14. Лиманский В.И. «Национальная бестактность». Статья «Современника», 1861, июль, о львовском «Слове», №№ 1 и 2 // День. 1861. 21 окт. (№2). С. 14–19.

15. Чернышевский Н.Г. Народная бестолковость («День», №№1 и 2) // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: [в 16 т.]. М., 1950. Т. 7. С. 828–848.
16. Иванова Е.В. Шевченко (1914): [комментарии к статье К.И. Чуковского] // Чуковский К.И. Собр. соч.: в 15 т. М., 2004. Т. 9. С. 473–475.
17. Неизданные произведения Шевченко. II. Предисловие к «Кобзарю», 1847 г., марта 8 / <Вступ. заметка и публ. П.Е. Щеголева> // Былое. 1906. №8. С. 1–3.
18. Левенсон А.З. Бернс и Шевченко // Науч. зап. Харьков. гос. пед. ин-та иностр. яз. 1939. Т. 1. С. 109–122.
19. Вейнберг П. Роберт Бернс (Очерк. По поводу столетней годовщины его смерти) // Русское богатство. 1896. №9. С. 31–54; №10. С. 129–155.
20. Роберт Бернс и его произведения в переводе русских писателей / под ред. И.А. Белоусова; с биогр. Очерком; изд. А.С. Суворина («Дешевая библиотека», №361) // Русская мысль. 1905. №2, отд. 2. С. 53–54.
21. Морозов П.О. А.С. Пушкин // Образование. 1899. №5–6. С. 1–28; №7–8. С. 105–123.
22. Некрасов Н.А. Об издании «Современника» в 1847 году; <Из объявления о выходе в свет №2 «Современника» за 1847 г.>; <Из объявления о выходе №3 «Современника» за 1847 год> // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 13. Кн. 1. С. 46–49, 52–53.
23. Тургенев И.С. Письмо А.А. Фету от 16 (28) января 1859 г.; Письмо П. Виардо от 20 сентября (2 октября) 1859 г.; Письмо Е.М. Феоктистову от 19 (31) июля 1860 г.; Письмо П.В. Анненкову от 7 (19) января 1861 г. // Тургенев И.С. Полн. СОБР. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М., 1987. Т. 4. С. 11–13, 85–86, 222, 279–280, 418–419.
24. Мельгунов Б.В. Некрасов-журналист (Малоизученные аспекты проблемы). Л.: Наука, 1989. 279 с.
25. Письма Е.М. Феоктистова к И.С. Тургеневу (1851–1861). Ч. 2 (12 сентября 1852 – 24 декабря 1861) / публ. Э.Г. Гайнцовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 73–161.
26. Шелухин К. <Добролюбов Н.А.>. Два графа // Современник. 1860. №12. Отд. 4 (Свисток. №6). С. 4–23.
27. Добролюбов Н.А. Два графа // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. М.; Л., 1963. Т. 6. С. 446–465.
28. Шелухин К. <Добролюбов Н.А.>. Два графа // Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок: Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859–1863 / изд. подгот. А.А. Жук, А.А. Демченко. М.: Наука, 1982. С. 162–177.
29. Добролюбов Н.А. Стихотворения В.Л. Баева. СПб., 1858. Отголоски, стихотворения Николая Гербеля: в 2 ч. СПб., 1858. Стихотворения Л.К. Панютина. СПб., 1858. Стихотворения Александра Розенштрема, артиста императорских СПб. театров. СПб., 1858. Стихотворения Д. Сушкова. СПб., 1858. Мицкевич в переводе Омелевского. Сонеты. СПб., 1858 // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. М.; Л., 1962. Т. 2. С. 346–359.
30. Прутков К. Полное собрание сочинений / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б.Я. Бухштаба. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. 480 с.
31. Анненков П.В. Письмо И.С. Тургеневу от 29 декабря 1860 г. (10 января 1861 г.) // Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу: в 2 кн. / изд. подгот. Н.Н. Мостовская, Н.Г. Жекулин. СПб., 2005. Кн. 1. 1852–1874. С. 94–96.
32. Ralston W.R.S. The Russian Poet // Fortnightly Review. 1866. Vol. 6. P. 272–288.
33. Тургенев И.С. Письмо Вильяму Рольстону от 7 (19) октября 1866 г. // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М., 1990. Т. 7. С. 67–69, 242–243.
34. Некрасов Н.А. Письмо И.С. Тургеневу от 30 июня – 1 июля 1855 г.; Письмо А.В. Дружинину от 6 августа 1855 г.; Письмо И.С. Тургеневу от 12 августа 1855 г. // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. СПб., 1998. Т. 14, кн. 1. С. 203–207, 209–212.
35. Тургенев И.С. Письмо Н.А. Некрасову от 10 (22) июля 1855 г.; Письмо В.П. Боткину и Н.А. Некрасову от 25 июля (6 августа) 1855 г.; Письмо В.П. Боткину от 9 (21) августа 1855 г. // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М., 1987. Т. 3. С. 44–46, 48–50, 53–54.
36. Пытин А.Н. Н.А. Некрасов. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1905. [4], 321 с.
37. Тургенев И.С. Письмо В.П. Боткину от 18 (30) сентября 1864 г.; Письмо П. Виардо от 11 (23) ноября 1864 г. // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М., 1989. Т. 6. С. 49–50, 62–63, 199–200.

38. *Тургенев И.С.* Письмо П. Виардо от 23 ноября (5 декабря) 1870 г. // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М., 1994. Т. 10. С. 267–268, 350.
39. *Тургенев И.С.* Письмо А.А. Фету от 16 (28) августа 1871 г. // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М., 1999. Т. 11. С. 126–127.
40. *Баттото А.И.* <Комментарий к письму И.С. Тургенева А.А. Фету от 16 (28) августа 1871 г.> // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М., 1999. Т. 11. С. 464.
41. *Бернс Р.* Стихотворения: («Джон Андерсен, сердечный друг!...». К полевой мыши, разоренной моим плугом. К срезанной плугом маргаритке. Пахарь. — Джон Ячменное Зерно. — Злая судьба) / пер. М. Михайлова // Современник. 1856. №6. Отд. I. С. 229–236.
42. *Бернс Р.* «Джон Андерсен, сердечный друг!...»; К полевой мыши, разоренной моим плугом; К срезанной плугом маргаритке; Пахарь; Джон Ячменное Зерно; Злая судьба // Михайлов М.Л. Сочинения: в 3 т. / под общ. ред. Б.П. Козьмина. М., 1958. Т. 1. С. 151–157.
43. *Бернс Р.* «Джон Андерсен, сердечный друг!...»; К полевой мыши, разоренной моим плугом; К срезанной плугом маргаритке; Пахарь; Джон Ячменное Зерно; Злая судьба // Михайлов М.Л. Собрание стихотворений / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю.Д. Левина. Л., 1969. С. 148–154.
44. *Курочкин В.С.* Песня бедняка (Из Бернса) // Русский вестник. 1857. Т. 10. Июль. Кн. 2. С. 320.
45. *Курочкин В.С.* Песня бедняка (Из Бернса) // Курочкин В.С. Собрание стихотворений / вступ. ст., ред. и примеч. И.Г. Ямпольского. Л., 1947. С. 508.
46. *Курочкин В.С.* Песня бедняка (Из Бернса) // Поэты «Искры»: в 2 т. / вступ. ст., подгот. текста и примеч. И.Г. Ямпольского. Л.: Сов. писатель, 1955. Т. 1. С. 716.
47. *Михайлов М.* Юмор и поэзия в Англии. Томас Гуд // Современник. 1861. №1, отд. I. С. 283–318; №8, отд. I. С. 357–390.
48. *Михайлов М.* Юмор и поэзия в Англии. Томас Гуд // Михайлов М.Л. Сочинения: в 3 т. / под общ. ред. Б.П. Козьмина. М., 1958. Т. 3. С. 129–202.
49. *М.Л.* <Михайлов М.Л.>. <Рец.> Пермский сборник. Повременное издание. Книжка вторая. Москва. 1860. В 8-ю д. л. 42, 184, 40, 39 и XXXVIII стр. С тремя таблицами рисунков // Русское слово. 1860. №5, отд. 2. С. 39–51.
50. *Бернс Р.* Две собаки («Есть небольшой шотландский островок...») / пер. Д.Д. Минаева // Дело. 1870. №1. Отд. I. С. 134–141.
51. *Бернс Р.* На чердаке («День и ночь – сутки прочь...») / пер. Д. Свияжского <Д.Д. Минаева> // Дело. 1870. №2, отд. I. С. 85.
52. *Жаткин Д.Н., Корнаухова Т.В.* Литературная репутация П.И. Вейнберга: взлеты и падения // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. II: сб. науч. тр. / отв. ред. Д.Н. Жаткин. М., 2014. С. 3–96.
53. *Бернс Р.* Веселые нищие. Кантата / пер. и примеч. П.И. Вейнберга // Отечественные записки. 1868. №9, отд. I. С. 325–336.
54. *Бернс Р.* Лорд Грегори («О, темна эта ночь, непроглядно темна...») / пер. П.И. Вейнберга // Отечественные записки. 1868. №12. Отд. I. С. 622.
55. *Бернс Р.* Джон Андерсон («Джон Андерсон, милый мой Джон...») / пер. П.И. Вейнберга // Дело. 1869. №1, отд. I. С. 183.
56. *Письма к Н.А. Некрасову <...>* / Публ. В.Е. Евгеньева-Максимова при участии П.Н. Беркова, Б.Я. Бухштаба и др.; вступ. заметки и комментарии Б.Я. Бухштаба, К.Н. Григорьяна, В.Е. Евгеньева-Максимова и др.; общ. ред. С.А. Макашина // Литературное наследство. Т. 51–52. Н.А. Некрасов. [Кн.] II. М., 1949. С. 75–568.
57. *Вейнберг П.И.* Безобразный поступок «Века»: (Из моих литературных воспоминаний) // Исторический вестник. 1900. № 5. С. 472–489.
58. *Вейнберг П.И.* Роберт Бернс: биограф. очерк // Вейнберг П.И. Страницы из истории западных литератур. СПб., 1907. С. 228–291.
59. *Веселовский Ю.А.* [Рец.:] Петр Вейнберг. Страницы из истории западных литератур. СПб., 1907. Цена 1 р. 50 к. // Вестник воспитания. 1907. №1. Критика и библиография. С. 12–16.
60. *З.В.* [Венгерова З.А.]. [Рец.:] Петр Вейнберг. Страницы из истории западных литератур. СПб., 1907. 368 с. // Вестник Европы. 1907. №2. С. 832–833.

61. Жаткин Д.Н., Корнаухова Т.В. Литературно-критическая деятельность П.И. Вейнберга в контексте русско-английских литературных связей // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. III: сб. науч. тр. / отв. ред. Д.Н. Жаткин. М., 2015. С. 3–41.
62. Юдина И.М. Рукописи и переписка В.Г. Короленко: Научное описание // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1970 год. Л., 1971. С. 3–107.
63. Демченко А.А. Показания В.Д. Костомарова как источник для изучения процесса Чернышевского // Н.Г. Чернышевский. Эстетика. Литература. Критика. Л., 1979. С. 319–329.
64. Бернс Р. Тэм О'Шэнтер («Купцов давно уж нет и следу...») / пер. В. Костомарова // Современник. 1861. №3, отд. I. С. 309–316.
65. Бернс Р. Субботний вечер поселянина. Идиллия («Ревел ноябрь; в долине злилась вьюга...») / Пер. В. Костомарова // Современник. 1861. №8. Отд. I. С. 391–396.
66. Поэты всех времен и народов: Сборник, издаваемый В.Д. Костомаровым и Ф.Н. Бергом. М.: тип. М.Н. Каткова, 1862. [4], II, 176, IV с.
67. Смирнов-Сокольский Н.П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. М.: Книга, 1965. 592 с.
68. Маршак С.Я. Из Роберта Бернса // Маршак С.Я. Собр. соч.: в 8 т. М., 1969. Т. 3. С. 187–510.
69. Писарев Д.И. <Рец.> «Поэты всех времен и народов». Издание Костомарова и Берга. 1862 // Писарев Д.И. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. М., 2001. Т. 4. С. 243–250.
70. Дружинин А.В. А.С. Пушкин и последнее издание его сочинений // Дружинин А.В. Собр. соч.: [в 8 т.] / ред. Н.В. Гербеля. СПб., 1865. Т. 7. С. 30–82.
71. Карлейль Т. Исторические и критические опыты. М.: тип. И.И. Родзевича, 1878. VII, 459 с.
72. Карлейль Т. Герои и героическое в истории. Публичные беседы / пер. с англ. В.И. Яковенко. СПб.: тип. газеты «Новости», 1891. 352 с.
73. Афонин Л.Н. Книги из библиотеки Лескова в Государственном музее И.С. Тургенева: обзор // Литературное наследство. Т. 87: Из истории русской литературы и общественной мысли. 1860–1890 гг. М., 1977. С. 130–158.
74. Андрущенко Е.А. Примечания // Мережковский Д.С. Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы / изд. подгот. Е.А. Андрущенко. СПб., 2007. С. 758–874.
75. Милошаева О.С. Творчество Д.Е. Мина в контексте русско-английских литературных и историко-культурных связей XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012. 252 с.
76. Бернс Р. Видение / пер. Д.Е. Мина // Борнс Р. Стихотворения в переводе русских поэтов. С биографическим очерком и портретом. М.: тип. Вильде, 1897. С. 40–46.
77. Бернс Р. Молитва / пер. П. Дмитриева // Шехеразада. Журнал романов и повестей. 1858. Т. 2, №24. С. 621.
78. Ал-ева Н. <Утина Н.И.>. Роберт Бернс (Шотландский народный поэт) // Дело. 1876. №5. отд. I. С. 257–292; №6, отд. I. С. 179–234.
79. Цебрикова М.К. Бернс // Мысль. 1880. №3. С. 102–116.
80. Английские поэты в биографиях и образцах / сост. Н.В. Гербель. СПб.: тип. А.М. Котомина, 1875. XXXII, 448 с.
81. Тэн-Чагай Н.Ю. Творческая и издательская деятельность Н.В. Гербеля в контексте русско-английских литературных связей XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 242 с.

THE DEVELOPMENT OF THE OEUVRE OF R. BURNS IN RUSSIAN LITERATURE OF THE SECOND HALF OF THE 1850S – 1870S

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 6 (38), 116–135.

DOI: 10.17223/19986645/38/9

Zhatkin Dmitry N., Penza State Technological University (Penza, Federation). E-mail: ivb40@yandex.ru

Keywords: R. Burns, tradition, poetic translation, literary criticism, Russian-English literary relations, intercultural communication.

The article is devoted to the synthesis and understanding of the materials that reveal the specifics of the reception of the oeuvre of Robert Burns in Russia in the second half of the 1850s–1870s. It first presents the diverse facts and information indicating the deep interest of Russian writers, translators, literary critics in the legacy of the Scottish poet. In the period under review, it was not uncommon to compare the lives and works of R. Burns and A.V. Koltsov: their inner closeness was in the effort to

move away from the forms and intonations of “educated poetry”, to actively use unrhymed rhythm, to picture life from a “peasant” point of view (O.F. Miller, D.I. Pisarev, I.S. Turgenev, etc.). In some cases the comparison was strengthened by the mention of the third figure, the Ukrainian poet T.G. Shevchenko, who was talented and artless in covering the folk subject in his native language (M.L. Mikhailov, V.I. Limansky, etc.). The leading Russian writers N.A. Nekrasov and I.S. Turgenev paid attention to the works of Burns, which is evidenced by numerous mentions of the Scottish poet in the editorial texts and letters, by the unrealized ideas of the article “Burns and Koltsov” (I.S. Turgenev), poetic translations of Burns (N.A. Nekrasov). Burns was of greater interest for the democratically-minded “men of the 1860s”. In their perception Burns was a talented man of the people, skillfully portraying the hardships of peasant life and the light joy of being close to nature. In this regard, it is no coincidence that most of the translations of Burns in these years were made by authors close to Nekrasov’s and other democratic editions: by M.L. Mikhailov, V.S. Kurochkin, D.D. Minaev, P.I. Weinberg, and by D.V. Kostomarov in the period of his belonging to the radical “men of the 1860s”. Among the translators of Burns was the “neutral” D.E. Min and the now forgotten P. Dmitriev, whose loose translation of “A Prayer” rich with religious motifs and images was found in one of the issues of a “magazine of novels and stories” Scheherazada (1858) and is first republished in this article. The author presents the broad panorama of literary and critical evaluations of the works of Burns and their Russian translations (D.I. Pisarev, M.L. Mikhailov, P.I. Weinberg, N.I. Utina, etc.) which, in addition to the identified regularities of translation reception, allows to assert that the Russian reader perceived a unilateral image of Burns as a connoisseur of people’s life, a straightforward writer of the suffering and hardships, an embodiment of sincerity, openness, desire for justice, an image that fitted the contemporary Russian reality.

References

1. Orlov, S.A. (1939) Berns v russkikh perevodakh [Burns in Russian translations]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gertsena*. 26. pp. 225–255.
2. Belashova, E.S. (1957) Perevody V.D. Kostomarova iz Roberta Bernsa [V.D. Kostomarov’s translations of Robert Burns]. *Nauchnyy ezhegodnik Chernovitskogo gosudarstvennogo universiteta za 1956 g.* [Scientific Yearbook of Chernivtsi State University for 1956]. V. 2. Chernivtsi: Chernivtsi State University. pp. 371–379.
3. Belashova, E.S. (1958) Perevody O. Chyuminoy, iz Roberta Bernsa [Chyumina’s translations of Robert Burns]. *Nauchnyy ezhegodnik Chernovitskogo gosudarstvennogo universiteta za 1957 g.* [Scientific Yearbook of Chernivtsi State University for 1957]. Chernivtsi: Chernivtsi State University. pp. 255 – 258.
4. Belashova, E.S. (1958) Robert Berns v perevodakh S. Marshaka [Robert Burns in the translations by S. Marshak]. *Uchenye zapiski Chernovitskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk*. 30:6. pp. 69–108.
5. Levin, Yu.D. (1982) Berns na russkom yazyke [Burns in Russian]. In: Berns, R. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Raduga.
6. Girivenko, A.N. & Nedachina, A.R. (1994) *Angliyskaya literatura v russkoy kritike: Bibliograficheskiy ukazatel’* [English literature in Russian criticism: Bibliographic Index]. Pt. 1. Moscow: IN-ION.
7. Levin, Ju.D. (1985) The Russian Burns: The reception of Robert Burns in pre-revolutionary and Soviet times. *Scottish Slavonic Review*. Autumn. 5. pp. 36–71.
8. Levin, Ju.D. (1990) Robert Burns in Russia. *Scotland and the Slavic world: The Glasgow–90 East-West Forum. Précis of papers and notes on contributors*. Glasgow: University of Glasgow. p. 14.
9. Levin, Ju.D. (1993) The Russian Burns. In: Henry, P., MacDonald, J. & Moss, H. (eds) *Scotland and the Slavs: Selected papers from the Glasgow–90 East-West Forum*. Nottingham: Astra Press.
10. Zhatkin, D.N. & Kulikova, T.G. (2008) [Robert Burns in the creative perception of I.I. Kozlov and A.V. Koltsov (experience of a comparative study)]. *Sovremennye napravleniya v lingvistike i prepodavanii yazykov* [Modern trends in linguistics and language teaching]. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference. Moscow–Penza. April 28–30, 2008. V. 2. Moscow: MNEPU. pp. 161–167. (In Russian).
11. Miller, O.F. (1860) Angliyskaya literatura XVIII stoletiya [English literature of the 18th century]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. CVIII:10:III. pp. 1–41; CVIII:11:III. pp. 77–100.

12. Pisarev, D.I. (2003) Realisty [Realists]. In: Pisarev, D.I. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 12 t.* [Complete works and letters: in 12 v.]. V. 6. Moscow: Nauka.
13. Mikhaylov, M.L. (1958) <Rets.:> "Kobzar'" Tarasa Shevchenko. Kòshtom Platona Semerènka. SPb 1860 goda. V 8 d. l. 244 str. (S portretom Shevchenko) [Review: Kobzar (1860) by Taras Shevchenko. Kòshtom Plato Semerènka. St. Petersburg. (With a portrait of Shevchenko)]. In: Mikhaylov, M.L. *Sochineniya: V 3 t.* [Works: in 3 v.]. V. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
14. Limanskiy, V.I. (1861) "Natsional'naya bestaktnost'". Stat'ya "Sovremennika", 1861, iyul', o l'vovskom "Slove", №1 i 2 ["National faux pas". The article in *Sovremennik* (1861, July) of Lviv Slovo. Is. 1 and 2]. *Den'*. 21 Oct. (2). pp. 14–19.
15. Chernyshevskiy, N.G. (1950) Narodnaya bestolkovost' ("Den'", №1 i 2) [People's stupidity (Den', Is. 1 and 2)]. In: Chernyshevskiy, N.G. *Polnoe sobranie sochineniy: V 16 t.* [Complete Works: in 16 v.]. V. VII. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
16. Ivanova, E.V. (2004) Shevchenko (1914): [Kommentarii k stat'e K.I.Chukovskogo] [Shevchenko (1914): [Comment to the article by K.I. Chukovsky]]. In: Chukovskiy, K.I. *Sobranie sochineniy: V 15 t.* [Collected Works: in 15 v.]. V. 9. Moscow: Terra – Knizhnyy klub.
17. [Shchegolev, P.E.] (1906) Neizdannye proizvedeniya Shevchenko. II. Predislovie k "Kobzaryu", 1847 g., marta 8 [Unpublished works of Shevchenko. II. Preface to Kobzar, 1847, March 8]. *Byloe*. 8. pp. 1–3.
18. Levenson, A.Z. (1939) Berns i Shevchenko [Burns and Shevchenko]. *Nauchnye zapiski Khar'kovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov*. 1. pp. 109–122.
19. Weinberg, P. (1896) Robert Berns (Ocherk. – Po povodu stoletney godovshchiny ego smerti) [Robert Burns (Essay. On the centenary of his death)]. *Russkoe bogatstvo*. 9. pp. 31–54; 10. pp. 129–155.
20. Anon. (1905) Robert Berns i ego proizvedeniya v perevode russkikh pisateley. Pod redaktsiei I.A.Belousova. S biograficheskim ocherkom. Izdanie A.S.Suvorina ("Deshevaya biblioteka", №361) [Robert Burns and his works translated by Russian writers. Edited by I.A. Belousov. With the biographical sketch. Publication of A.S.Suvorin (Deshevaya biblioteka, 361)]. *Russkaya mysl'*. 2:II. pp. 53–54.
21. Morozov, P.O. (1899) A.S. Pushkin. *Obrazovanie*. 5–6. pp. 1–28; 7–8. pp. 105–123. (In Russian).
22. Nekrasov, N.A. (1997) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 15 t.* [Complete works and letters: in 15 v.]. V. 13. Book 1. St. Petersburg: Nauka. pp. 46–49, 52–53.
23. Turgenev, I.S. (1987) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t.* [Complete works and letters: in 30 v. Letters: in 18 v.]. V. 4. Moscow: Nauka. pp. 11–13, 85–86, 222, 279–280, 418–419.
24. Mel'gunov, B.V. (1989) *Nekrasov-zhurnalist (Maloizuchennye aspekty problemy)* [Nekrasov as a journalist (little-studied aspects of the problem)]. Leningrad: Nauka.
25. Gayntseva, E.G. (2006) Pis'ma E.M. Feoktistova k I.S. Turgenevu (1851 – 1861). Chast' II (12 sentyabrya 1852 – 24 dekabrya 1861) [Letters of E.M. Feoktistov to I.S. Turgenev (1851–1861). Pt. II (12 September 1852 – 24 January 1861)]. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2002 god* [Yearbook of the Manuscript Division of the Pushkin House for 2002]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
26. Shelukhin, K. <Dobrolyubov, N.A.> (1860) Dva grafa [Two Counts]. *Sovremennik*. 12:IV (Svistok. 6). pp. 4–23.
27. Dobrolyubov, N.A. (1963) Dva grafa [Two Counts]. In: Dobrolyubov, N.A. *Sobranie sochineniy: V 9 t.* [Collected works: in 9 v.]. V. 6. Moscow–Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
28. Shelukhin, K. <Dobrolyubov, N.A.> (1982) Dva grafa [Two Counts]. In: Zhuk, A.A. & Demchenko, A.A. (eds) *Svistok. Sobranie literaturnykh, zhurnal'nykh i drugikh zametok: Satiricheskoe prilozhenie k zhurnalu "Sovremennik". 1859–1863* [Svistok. Collection of literary, journal and other notes: The satirical supplement to the *Sovremennik* journal. 1859–1863]. Moscow: Nauka.
29. Dobrolyubov, N.A. (1962) *Sobranie sochineniy: V 9 t.* [Collected works: in 9 v.]. V. 2. Moscow–Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. pp. 346–359.
30. Prutkov, K. (1965) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow–Leningrad: Sovetskii pisatel'.

31. Annenkov, P.V. (2005) Pis'mo I.S. Turgenevu ot 29 dekabrya 1860 g. (10 yanvarya 1861 g.) [Letter to I.S. Turgenev on December 29, 1860 (January 10, 1861)]. In: Annenkov, P.V. *Pis'ma k I.S. Turgenevu: V 2 kn.* [Letters to I.S. Turgenev: in 2 v.]. V. 1. St. Petersburg: Nauka.
32. Ralston, W.R.S. (1866) The Russian Poet. *Fortnightly Review*. 6. pp. 272–288.
33. Turgenev, I.S. (1990) Pis'mo Vil'yamu Rol'stonu ot 7 (19) oktyabrya 1866 g. [Letter to William Ralston of 7 (19) October 1866]. In: Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t.* [Complete works and letters: in 30 v. Letters: in 18 v.]. V. 7. Moscow: Nauka. pp. 67–69, 242–243.
34. Nekrasov, N.A. (1998) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 15 t.* [Complete works and letters: in 15 v.]. V. 14. Book 1. St. Petersburg: Nauka. pp. 203–207, 209–212.
35. Turgenev, I.S. (1987) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t.* [Complete works and letters: in 30 v. Letters: in 18 v.]. V. 3. Moscow: Nauka. pp. 44–46, 48–50, 53–54.
36. Pypin, A.N. (1905) *N.A. Nekrasov*. St. Petersburg: tip. M.M. Stasyulevicha. (In Russian).
37. Turgenev, I.S. (1989) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t.* [Complete works and letters: in 30 v. Letters: in 18 v.]. V. 6. Moscow: Nauka. pp. 49–50, 62–63, 199–200.
38. Turgenev, I.S. (1994) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t.* [Complete works and letters: in 30 v. Letters: in 18 v.]. V. 10. Moscow: Nauka. pp. 267–268, 350.
39. Turgenev, I.S. (1999) Pis'mo A.A. Fetu ot 16 (28) avgusta 1871 g. [Letter to A. Fet 16 (28) August 1871]. In: Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t.* [Complete works and letters: in 30 v. Letters: in 18 v.]. V. 11. Moscow: Nauka. pp. 126–127.
40. Batyuto, A.I. (1999) <Kommentariy k pis'mu I.S. Turgeneva A.A. Fetu ot 16 (28) avgusta 1871 g.> [<Commentary to the letter of I.S. Turgenev to A.A. Fet of 16 (28) August 1871>]. In: Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t.* [Complete works and letters: in 30 v. Letters: in 18 v.]. V. 11. Moscow: Nauka. pp. 464.
41. Burns, R. (1856) Stikhotvoreniya: (“Dzhon Andersen, serdechnyy drug!..” – K polevoy myshi, razorennoy moim plugom. – K srezannoy plugom margaritke. – Pakhar’. – Dzhon Yachmennoe Zerno. – Zlaya sud’ba) [Poems. Translated by P. Mikhaylov]. *Sovremennik*. 6:I. pp. 229–236.
42. Mikhaylov, M.L. (1958) *Sochineniya: V 3 t.* [Works: in 3 v.]. V. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. pp. 151–157.
43. Mikhaylov, M.L. (1969) *Sobranie stikhotvoreniy* [Collected Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 148–154.
44. Kurochkin, V.S. (1857) Pesnya bednyaka (Iz Bernsa) [Song of the poor (From Burns)]. *Russkiy vestnik*. 10:Yul':2. pp. 320.
45. Kurochkin, V.S. (1947) Pesnya bednyaka (Iz Bernsa) [Song of the poor (From Burns)]. In: Kurochkin, V.S. *Sobranie stikhotvoreniy* [Collected Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
46. Kurochkin, V.S. (1955) Pesnya bednyaka (Iz Bernsa) [Song of the poor (From Burns)]. In: Yampol'skiy, I.G. (ed.) *Poety “Iskry”*: V 2 t. [Poets of Iskra: in 2 v.]. V. 1. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
47. Mikhaylov, M. (1861) Yumor i poeziya v Anglii. Tomas Gud [Humor and poetry in England. Thomas Hood]. *Sovremennik*. 1:I. pp. 283–318; 8:I. pp. 357–390.
48. Mikhaylov, M. (1958) Yumor i poeziya v Anglii. Tomas Gud [Humor and poetry in England. Thomas Hood]. In: Mikhaylov, M.L. *Sochineniya: V 3 t.* [Works: in 3 v.]. V. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
49. M. L. <Mikhaylov, M.L.> (1860) <Rets.> Permskiy sbornik. Povremennoe izdanie. Knizhka vtoraya. Moskva. 1860. V 8-yu d. l. 42, 184, 40, 39 i XXXVIII str. S tremya tablitsami risunkov [<Review:> Perm Collection. Periodical publication. Book Two. Moscow. 1860. With three tables of drawings]. *Russkoe slovo*. 5:II. pp. 39–51.
50. Burns, R. (1870) Dve sobaki (“Est' nebol'shoy shotlandskiy ostrovok...”) [Poems]. Translated by D.D. Minaev. *Delo*. 1:I. pp. 134–141.
51. Burns, R. (1870) Na cherdake (“Den' i noch' – sutki proch'...”) [Poems]. Translated by D. Sviazhsky <D.D. Minaev>. *Delo*. 2:I. pp. 85.
52. Zhatkin, D.N. & Kornaukhova, T.V. (2014) Literaturnaya reputatsiya P.I. Veynberga: vzlety i padeniya [Literary Reputation of P.I. Weinberg: the ups and downs]. In: Zhatkin, D.N. (ed.) *Khudozhestvennyy perevod i sravnitel'noye literaturovedenie* [Literary translation and comparative literature]. Is. 2. Moscow: Flinta; Nauka.
53. Burns, R. (1868) Veselye nishchie. Kantata [Jolly Beggars. Cantata]. Translated by P.I. Weinberg. *Otechestvennyye zapiski*. 9:I. pp. 325–336.

54. Burns, R. (1868) Lord Gregori ("O, temna eta noch", neproglyadno temna...) [Lord Gregory]. Translated by P.I. Weinberg. *Otechestvennyye zapiski*. 12:1. pp. 622.
55. Burns, R. (1869) Dzhon Anderson ("Dzhon Anderson, milyy moy Dzhon...") [John Anderson]. Translated by P.I. Weinberg. *Delo*. 1:1. pp. 183.
56. Makashin, S.A. (ed.) (1949) Pis'ma k N.A. Nekrasovu <...> [Letters to N.A. Nekrasov <...>]. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. V. 51–52: N.A. Nekrasov. Book II. Moscow: USSR AS. pp. 75–568.
57. Weinberg, P.I. (1900) Bezobraznyy postupok "Veka": (Iz moikh literaturnykh vospominaniy) [The ugly act of Vek: From my literary memories]. *Istoricheskiy vestnik*. 5. pp. 472–489.
58. Weinberg, P.I. (1907) Robert Berns: Biograficheskiy ocherk [Robert Burns: A Biographical Sketch]. In: Weinberg, P.I. *Stranitsy iz istorii zapadnykh literatur* [Pages from the history of Western literature]. St. Petersburg: tip. B.M.Vol'fa.
59. Veselovskiy, Yu.A. (1907) [Rets.:] Petr Weinberg. Stranitsy iz istorii zapadnykh literatur. SPb., 1907. Tsena 1 r. 50 k. [[Review:] Petr Weinberg. Pages from the history of Western literature. St. Petersburg, 1907. The price of 1 r. 50 k.]. *Vestnik vospitaniya*. 1. pp. 12–16.
60. Z.V. [Vengerova Z.A.]. (1907) [Rets.:] Petr Weinberg. Stranitsy iz istorii zapadnykh literatur. SPb., 1907. 368 s. [[Review:] Petr Weinberg. Pages from the history of Western literature. St. Petersburg, 1907. 368 p.]. *Vestnik Evropy*. 2. pp. 832–833.
61. Zhatkin, D.N. & Kornaukhova, T.V. (2015) Literaturno-kriticheskaya deyatel'nost' P.I. Veynberga v kontekste russko-angliyskiykh literaturnykh svyazey [The literary-critical activity of P.I. Weinberg in the context of Russian-British literary connections]. In: Zhatkin, D.N. (ed.) *Khudozhestvennyy perevod i sravnitel'noye literaturovedenie* [Literary translation and comparative literature]. Is. 3. Moscow: Flinta; Nauka.
62. Yudina, I.M. (1971) Rukopisi i perepiska V.G. Korolenko: Nauchnoye opisaniye [Manuscripts and correspondence of V.G. Korolenko: a scientific description]. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1970 god* [Yearbook of the Manuscript Division of the Pushkin House for 1970]. Leningrad: Nauka.
63. Demchenko, A.A. (1979) Pokazaniya V.D. Kostomarov kak istochnik dlya izucheniya protsessy Chernyshevskogo [Testimony of V.D. Kostomarov as a source for the study of N.G. Chernyshevsky's trial]. In: Iezuitov, A.N. (ed.) *N.G. Chernyshevskiy. Estetika. Literatura. Kritika* [Chernyshevsky. Aesthetics. Literature. Criticism]. Leningrad: Nauka.
64. Burns, R. (1861) Tem O'Shenter ("Kuptsov davno uzh net i sledu...") [Tam O'Shenter]. Translated by V. Kostomarov. *Sovremennik*. 3:1. pp. 309–316.
65. Burns, R. (1861) Subbotniy vecher poselyanina. Idilliya ("Revel noyabr"; v doline zilas' v'yuga...) [The Cotter's Saturday Night]. Translated by V. Kostomarov. *Sovremennik*. 8:1. pp. 391–396.
66. Kostomarov, V.D. & Berg, F.N. (eds) (1862) *Poety vsekh vremen i narodov* [Poets of all time and peoples]. Is. 2. Moscow: tip. M.N. Katkova.
67. Smirnov-Sokol'skiy, N.P. (1965) *Russkie literaturnye al'manakhi i sborniki XVIII – XIX vv.* [Russian literary anthologies and collections of the 18th and 19th centuries]. Moscow: Kniga.
68. Marshak, S.Ya. (1969) Iz Roberta Bernsa [From Robert Burns]. In: Marshak, S.Ya. *Sobranie sochineniy: V 8 t.* [Collected Works: in 8 v.]. V. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
69. Pisarev, D.I. (2001) <Rets.:> "Poety vsekh vremen i narodov". Izdanie Kostomarov i Berga. 1862 [Poets of all time and peoples. Published by Kostomarov and Berg. 1862]. In: Pisarev, D.I. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 12 t.* [Complete works and letters: in 12 v.]. V. 4. Moscow: Nauka.
70. Druzhinin, A.V. (1865) A.S. Pushkin i poslednee izdanie ego sochineniy [Pushkin and the latest edition of his works]. In: Druzhinin, A.V. *Sobranie sochineniy: V 8 t.* [Collected works: in 8 v.]. V. 7. St. Petersburg: tip. Imperatorskoy Akademii Nauk.
71. Carlyle, T. (1878) *Istoricheskie i kriticheskie opyty* [Historical and critical experiments]. Translated from English. Moscow: tip. I.I. Rodzevicha.
72. Carlyle, T. (1891) *Geroi i geroicheskoe v istorii. Publichnye besedy* [Heroes and the Heroic in History. Public conversations]. Translated from English by V.I. Yakovenko. St. Petersburg: tip. gazety Novosti.
73. Afonin, L.N. (1977) Knigi iz biblioteki Leskova v Gosudarstvennom muzee I.S. Turgeneva: Obzor [Books from Leskov's library in the State Museum of I.S. Turgenev: Review]. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. V. 87. Moscow: Nauka.

74. Andrushchenko, E.A. (2007) Primechaniya [Notes]. In: Merezhevskiy, D.S. *Vechnye spутniki. Portrety iz vseмирnoy literatury* [Eternal Companions. Portraits from World Literature]. St. Petersburg: Nauka.
75. Milotaeva, O.S. (2012) *Tvorchestvo D.E. Mina v kontekste russko-angliyskikh literaturnykh i istoriko-kul'turnykh svyazey XIX veka* [The oeuvre of D.E. Min in the context of Russian-British literary, historical and cultural ties of the 19th century]. Philology Cand. Diss. Saratov.
76. Burns, R. (1897) Videnie [A Vision]. Translated by D.E. Min. In: Burns, R. *Stikhotvoreniya v perevode russkikh poetov. S biograficheskim ocherkom i portretom* [Poetry translated by Russian poets. With a biographical sketch and a portrait]. Moscow: tip. Vil'de.
77. Burns, R. (1858) Molitva [A Prayer]. Translated by P. Dmitriev. *Shekherazada. A journal of novels and stories*. 2:24. pp. 621. (In Russian).
78. Al-eva, N. <Utina, N.I.> (1876) Robert Berns (Shotlandskiy narodnyy poet) [Robert Burns (a Scottish national poet)]. *Delo*. 5:I. pp. 257–292; 6:I. pp. 179–234.
79. Tsebrikova, M.K. (1880) Berns [Burns]. *Mysl'*. 3. pp. 102–116.
80. Gerbel', N.V. (1875) *Angliyskie poety v biografiyakh i obraztsakh* [The English poets in the biographies and samples]. St. Petersburg: tip. A.M. Kotomina.
81. Ten-Chagay, N.Yu. (2011) *Tvorcheskaya i izdatel'skaya deyatel'nost' N.V. Gerbelya v kontekste russko-angliyskikh literaturnykh svyazey XIX veka* [Creative and publishing activities of N.V. Gerbel' in the context of Russian-British relations literature of the 19th century]. Philology Cand. Diss. Saratov.

УДК 82.09: 821.111

DOI: 10.17223/19986645/38/10

В.С. Пичугина, И.А. Поплавская

ТВОРЧЕСТВО Д.Р. КИПЛИНГА В РЕЦЕПЦИИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И КРИТИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

В статье рассматривается восприятие творчества Киплинга в русской литературе первой половины XIX в. Предметом специального изучения становится критическая и переводческая рецепция поэзии и прозы английского автора. Осмысливается конструирование образа «чужой» культуры отечественными писателями и критиками. Раскрывается связь произведений Киплинга с проблематикой мильтикультурализма и нациестроительства. Воссоздается историко-культурный контекст творчества писателя.

Ключевые слова: Киплинг, поэзия, проза, критика, перевод, русско-западно-европейские литературные связи.

Обращение современного литературоведения к проблематике мультимкультурализма и нациестроительства, к вопросам имагологии и компаративистики, к теории и практике художественного перевода, к осмыслению коммуникативной природы литературы и литературной критики позволяет говорить о необходимости продолжения углубленного изучения русских и западноевропейских литературных и культурных взаимосвязей. Литературная критика как фактор межкультурной коммуникации и интерпретации художественных произведений свидетельствует не только о ее «отзывчивости», но и служит наглядной иллюстрацией принципа социокультурной дополненности при обмене духовными ценностями, примером эстетической рецепции как близкого по духу, так и «чужого опыта» [1. 206, 198]. Подтверждением этого может служить восприятие творчества Джозефа Редьярда Киплинга в отечественной культуре первой половины XX в.

Интерес русских писателей и критиков к поэзии и прозе Киплинга впервые возникает в 1890-е гг. Рецепция творчества Киплинга в России начинается с переводов его поэзии и прозы на русский язык и комментариев к ним. Одним из первых переводчиков его лирики становится поэтесса О.Н. Чюмина (1859–1909). Переведенная ею «Песнь мертвых» («The Song of the Dead») из сборника «Семь морей» («The Seven Seas») (1896) была напечатана в журнале «Мир Божий» в 1897 г. В примечаниях к данному переводу редактора журнала, критика и публициста А.И. Богдановича (1860–1907) отмечается, что в конце XIX в. Киплинг стал известен русскому читателю прежде всего как прозаик, «как автор изящных рассказов из жизни Индии и нескольких хороших романов». Поэзия же английского автора, «проникнутая гордым сознанием британского могущества и славы», не может рассматриваться как выдающееся явление. Напечатанная в журнале «Песнь мертвых» является, по мнению редактора, «едва ли не лучшим во всем сборнике» [2. С. 86]. Другое произведение Киплинга из книги «Семь морей», «The Last Rhyme of True

Thomas», получившее в переводе Чюминой название «Король и певец», появилось в «Вестнике иностранной литературы» за 1898 г. Публикация этого стихотворения сопровождалась подробным изложением биографии английского поэта. В целом же первые переводы-переложения Чюминой во многом предопределили дальнейшую судьбу «русского Киплинга» [3. С. 122].

Важным этапом в восприятии творчества Киплинга в России становится переводческая деятельность известной поэтессы Е.М. Студенской (1874–1906). Так, в «Новом журнале иностранной литературы, искусства и науки», издававшемся в Петербурге в 1897–1908 гг. под редакцией Ф.И. Булгакова (1852–1908), в 1899 г. был напечатан ее перевод тюремной баллады Киплинга «В карцере» («Cells»), входившей в сборник «Казарменные баллады» («Barrack-room ballads») (1892) [4. С. 106]. Этот перевод органично вписывался в общую стратегию данного журнала, который выступал «посредником между западной мыслью и русским читателем». Современные английские писатели были представлены на его страницах произведениями Дж. К. Джерома (1859–1927), Г.Дж. Уэллса (1866–1946), Р.С. Хиченса (1864–1950) и др. В этом же журнале за 1902 г. Студенская публикует свои переводы из сборника Киплинга «Казарменные баллады», в которых представлен собирательный образ британского солдата Томми Аткинса. В комментариях к этим стихотворениям русская переводчица полемизирует с английским критиком Чарльзом Рёсселем. Как считает Рёссель, Киплинг «не любит своих героев, а потому не может и читателю внушить к ним симпатию». Проповедуемое Киплингом в литературе право сильного воспринимается критиком как «евангелие смерти» [5. С. 271]. С точки же зрения Студенской, песни из этого сборника английского поэта «производят смешанное впечатление грубости и сердечной теплоты и вместе несомненной художественности» [5. С. 271].

В 1901 г. в журнале «Русское богатство» была напечатана статья известного ученого-востоковеда С.Ф. Ольденбурга (1863–1934), посвященная сравнительному анализу переведенных на русский язык путевых очерков «От моря до моря» («From Sea to Sea») Киплинга и «В Южных морях» («In the South Seas») Р.Л. Стивенсона (1850–1894). В ней Киплингу, «англичанину-империалисту», который «любит и настоящим образом понимает только свою империю», противопоставлен Стивенсон, которого интересует прежде всего «человеческое в человеке». Признавая обоих писателей блестящими рассказчиками, Ольденбург считает, что в своем творчестве Стивенсон «больше думает и вдумывается в суть вещей», в то время как Киплинг «жаждет дела, борьбы, битв и как бы сторонится глубоких мыслей, потому что мысль часто препятствие действию». Автор заключает свой критический очерк выразительным афоризмом: «Благо для Англии, что рядом с людьми действия и силы, Киплингами, у ней есть люди сердца и ума – Стивенсоны» [6. С. 1, 6, 11].

Итак, можно сказать, что первые переводы поэзии Киплинга в России были связаны с тематикой империи- и нациестроительства. Русской литературе рубежа веков оказались внутренне созвучны песенные интонации в сочетании с «сюжетным стихом» английского поэта, обращение к христианским мотивам и образам, диалогическая структура поэтических текстов, их ярко выраженная «сценичность», использование разговорной лексики,

фольклорная основа стихотворений, обращение к жанрам баллады и песни. Важно отметить, что первые отечественные критики Кипплинга «формировали русский миф о нем как о «певце экзотического Востока», писателе-демократе, продолжателе традиций Диккенса». Однако уже после событий англо-бурской войны (1899–1902) он перестал быть «экзотическим художником. То, что еще вечера воспринималось как экзотика, теперь звучало как апология империализма» [7. С. 92].

В первом десятилетии XX в. выходят отдельными изданиями переводы прозы Кипплинга. Так, в 1908 г. в серии «Библиотека иностранных писателей» публикуются «Избранные рассказы» Кипплинга. Как указано на титульном листе, переводчиком и автором предисловия к этому изданию является Н.П. А. В «Словаре псевдонимов» И.Ф. Масанова утверждается, что это инициалы Николая Павловича Азбелева (1857–1912), адмирала, известного писателя, переводчика, журналиста, близкого знакомого И.А. Бунина, печатавшегося в журналах «Мир Божий» и «Современный мир» (1906–1918) [8. С. 229]. Об Азбелеве как воспитателе рано умершего наследника престола Георгия Александровича и как переводчике Кипплинга пишет в своих воспоминаниях, относящихся к 1907–1908 гг., В.Н. Муромцева-Бунина. Она сообщает о том, что Г.Г. Блюменберг, сын владельца «Московского книгоиздательства» Г.А. Блюменберга, «решил издать Кипплинга, Иван Алексеевич рекомендовал Азбелева как переводчика и согласился редактировать его переводы» [9. С. 403].

В предисловии к этому изданию Азбелев говорит о том, что в произведениях Кипплинга «внимание читателя приковывают, главным образом, не события <...> не развитие действия, а характер выводимых им на сцену лиц» [10. С. VII]. Интерес к проблеме личности, которая формируется в противостоянии с природой и социумом – в этом, по его мнению, видится главная черта Кипплинга-прозаика. Кроме того, Азбелев отмечает ярко выраженную фабульность рассказов английского писателя, изображение психологии героев через «вершинные» моменты их жизни и сжатые диалоги, а также присущий ему избыток авторского видения по отношению к герою и читателю. Азбелев отмечает и такую черту творчества Кипплинга, как взаимодействие отдельных наций и национальных культур в его произведениях. Эта проблема представлена в своеобразном тройном «преломлении» в его рассказах, которые, с одной стороны, посвящены описанию быта, верований и характера туземцев, с другой – изображению жизни англичан в Индии и взаимоотношению между ними и туземцами; повествованию об англо-индийских солдатах – с третьей [10. С. XIX]. Итак, вопросы мультикультурализма и нациестроительства, формирование национальных мирообразов через одновременный «фокус» английского и индийского видения определяют особенности русской рецепции творчества Кипплинга-прозаика в первое десятилетие XX в.

В том же 1908 г. в журнале «Современный мир», издававшемся в Петербурге, была опубликована статья А.И. Куприна под названием «Редиард Кипплинг». В ней оригинальность творчества английского писателя видится в увлекательности фабулы, в необычайной правдоподобности рассказа, в выразительных диалогах, точности стиля и экзотичности, которыми он «властвует с неслыханной силой над умом и воображением читателя» [11. С. 611].

В этой же публикации Куприн акцентирует внимание на особой «доверительной» интонации, возникающей между рассказчиком и читателем в произведениях Киплинга, а также отмечает прекрасное знание английским автором деталей быта. Сравнивая Киплинга с Диккенсом, с этим, по выражению Ф.М. Достоевского, «самым христианским из всех писателей», Куприн не видит в первом «верных отпечатков гения – вечности и всечеловечества», считая, что англичанин с его системой политических и культурных ценностей заслоняет в нем художника и человека [11. С. 611]. Как видим, в центре внимания отечественных писателей и критиков первого десятилетия XX в. оказывается преимущественно творчество Киплинга-прозаика, которое в их сознании связывается с традициями русской реалистической прозы конца XIX – начала XX в.

В 1920–1930-е гг. начинается новый этап в восприятии творчества Киплинга в России. Так, в 1922 г. выходит первый сборник стихотворений поэта на русском языке под названием «Избранные стихотворения» в переводе известной поэтессы, ученицы Н.С. Гумилева и М.Л. Лозинского А.И. Оношкова-Яцыны (1897–1935). В этой книге представлены переводы двадцати двух стихотворений из таких сборников Киплинга, как «Департаментские песни» (1886), «Казарменные баллады» (1892), «Семь морей» (1896), «Пять народов» (1903) и др. В дневниках поэтессы встречаются упоминания о ее работе над этим сборником. Например, в записи от 4 августа 1921 г. говорится о «колоссальном томе Киплинга», которого она собирается переводить. В записи от 19 августа 1921 г. она пишет о Лозинском, который «поправлял моего Киплинга». В дневнике от 9 февраля 1923 г., когда сборник уже вышел из печати, автор отмечает: «На днях послала маме и Джону <младшему брату А.И. Оношкова-Яцыны> по экземпляру моего Киплинга» [12. С. 413, 418, 421]. По выражению Н.К. Телетовой, которая впервые опубликовала дневник поэтессы, сборник избранных стихотворений Киплинга обеспечил Оношкова-Яцыне широкую известность как переводчику [12. С. 359].

В 1928 г. вышла из печати монография известного востоковеда, члена редколлегии издававшегося в Москве журнала «Новый Восток» (1922–1930) С.Л. Вельмана (1883–1960). В ней творчество Киплинга анализируется в контексте современного французского и англо-американского колониального романа. Предметом анализа автора становятся роман французского писателя Рене Марана (1887–1960) «Батуала» (1921), повествующий о жизни французских колоний в Африке, произведение английского писателя Джозефа Конрада (1857–1924) «Поездка в Индию» (1924), творчество американского прозаика Л. Синклера (1885–1951) и др. Особое место в этой книге отведено и творчеству Киплинга. С.Л. Вельман пишет о нем: «Киплинг, которого европейская пресса считает лучшим знатоком Индии <...> всегда только одним боком задевает жизнь этой страны, сосредоточивая свое внимание на быте проживающей там английской аристократии и офицерства. Как поэт, он мастерски преломляет экзотический романтизм; как романист, он совершенно не дал реальной картины своеобразной жизни многомиллионной Индии с ее религиозными традициями, кастовым делением и т.п.» [13. С. 104]. По мнению автора, неоромантическая эстетика Киплинга ярче всего представлена в его

поэзии, в то время как проза «лучшего знатока Индии» не передает всей сложности социальной и национальной жизни этой английской колонии.

Об интересе русских писателей к прозе и поэзии Кипплинга в 1920-е гг. пишут К.Г. Паустовский (1892–1968) и В.Б. Шкловский (1893–1984). Так, в воспоминаниях об И.Э. Бабеле (1894–1940) Паустовский говорит о том, что для автора «Конармии» проза Кипплинга представляла образец «железной прозы». Под «железной прозой» подразумевались отказ от метафорического стиля, ориентация на «точное» репортерское слово в рассказах английского писателя и знание им своего читателя [14. С. 11]. Об увлечении в это время ленинградскими поэтами, в числе которых был и Н.С. Тихонов (1896–1979), «сюжетным стихом» Кипплинга упоминает, в частности, Шкловский [15. С. 370].

В определенном смысле итоговый характер носит статья о Кипплинге в «Литературной энциклопедии», издававшейся в 1930–1939 гг. Автором ее является известный литературовед, поэт и переводчик Т.М. Левит (1904–1942). В ней в соответствии с ориентацией на социологическое направление в литературоведении английский писатель воспринимается как представитель «колониального империализма». Важнейшие особенности его поэтики связаны, по мысли автора, с изображением в его произведениях времени и места действия, отличающихся «протокольной точностью»; с моралистическими концовками его романов и очерковой природой его новелл; с циклизацией стихов и прозы [16. С. 201, 203]. Также автор пишет и о сказках Кипплинга. Его книга «Вот так сказки» является «сказовым развитием установившихся жанров, сложным скрещением традиций детской сказки с ее натуральным магизмом, познавательного материала рассказов о животных и романтических форм ритмической прозы» [16. С. 204–205]. Важно отметить, что в этой статье творчество Кипплинга связывается с традициями Ф. Брет Гарта (1836–1902), оказывается внутренне созвучно беллетристическим книгам о животных канадских писателей Ч. Робертса (1860–1934) и Э. Сетона-Томпсона (1860–1946), упоминается о его влиянии на становление колониального романа в прозе французского писателя П. Милля (1864–1941).

Отдельные статьи, посвященные поэзии и прозе Кипплинга, были написаны известным литературоведом и критиком Д.П. Святополк-Мирским (1890–1939). В работе «Поэзия Редьярда Кипплинга», впервые опубликованной в журнале «Знамя» за 1935 г., творчество Кипплинга рассматривается сквозь призму двойной англо-русской рецепции. Если британский интеллигент, пишет Святополк-Мирский, отмечает «репортерскую поверхность» Кипплинга и претящую его чувству «пассивного эстетизма» политическую активность писателя, то советский читатель ценит в нем «отсутствие потуг в потугостороннее, известную мужественность, прямоту и тягу к некоторому, хотя и ограниченному, реализму». В целом же, по мнению Святополк-Мирского, поэзия английского автора «не поднимается выше «хорошего среднего» уровня [17. С. 145, 146]. Считая баллады Кипплинга «единственным ценным ядром его поэзии», русский критик выделяет в них три основных цикла – солдатский, морской и индийский [17. С. 154]. Эстетическое достоинство этих баллад заключается, как пишет автор, в сочетании лиризма с конкретной современной тематикой, в умении черпать лирическое содержание в предметах, лишенных

благородства и поэзии. Вместе с тем даже в лучших своих вещах Киплинг, как считает Святополк-Мирский, «лишен человеческой глубины». Лучшей переводчицей поэзии Киплинга в России критик считает Е.Г. Полонскую (1890–1969).

В другой статье-предисловии к сборнику рассказов Киплинга, вышедшему в 1936 г. в издательстве «Academia», Святополк-Мирский говорит о широкой европейской известности английского писателя, успех которого во Франции и в России был преимущественно успехом литературным [18. С. 8]. В его творчестве русский критик отмечает талант лирика и очеркиста. По его мнению, лирическое начало полнее всего представлено в стихотворениях Киплинга, в которых герой «не рассказан и не показан, а воспет» [18. С. 17]. Лиризм же писателя в прозаических произведениях присутствует прежде всего в «Книге Джунглей» и «Сказках просто так» и передается через изображение мира животных и отношение человека к нему. Также Святополк-Мирский пишет и об очерковой природе новелл Киплинга, которая связана с его журналистской практикой, доведенной до высокой степени совершенства. Отсюда важнейшие особенности новеллистической поэтики Киплинга видятся в отсутствии в них сюжетного движения и выраженного драматического начала, интересе к изображению социально-этнографических типов и бытовой среды, в точном воспроизведении времени и места действия, в присутствии в них элементов анекдота и притчи. С точки зрения русского автора, Киплинг приемами, интонацией новеллиста «создает иллюзию новеллы, где есть только анекдот или беллетризованный очерк» [18. С. 14, 15, 16]. Итак, статьи Святополк-Мирского о творчестве Киплинга, несмотря на их социологическую направленность, содержат ценные наблюдения над поэтикой стихотворных и прозаических произведений английского писателя. Прекрасный знаток современной ему английской литературы, печатавшийся в журнале «Современный Запад» (1922–1924) [19], составитель и редактор «Антологии новой английской поэзии» Святополк-Мирский стремился каждое новое явление понять в широком контексте [20. С. 258], в контексте философском, историко-культурном, литературном.

Особое место в русской рецепции поэзии Киплинга занимают статьи советского литературоведа и переводчицы Р.З. Миллер-Будницкой (1906–1967). В них она анализирует отдельные сборники стихотворений английского поэта, преобладающие в них темы, жанры и стиль. Так, основная тема ранних баллад Киплинга из сборников «Департаментские стихи» и «Казарменные баллады» связана с воспеванием «владычицы морей» – Британской империи. Эта тема раскрывается в романтических и исторических балладах, посвященных воспеванию создателей «Великой Англии», а также в стихотворениях, описывающих противопоставление Востока и Запада. Изображение человека, природы и современной технической мощи Европы передается у Киплинга, по мнению исследовательницы, в жанре хоровой поэмы-драмы, возрождающей средневековую народную мистерию с насыщенными ветхозаветными архаизмами и риторическими фигурами [21. С. 10–11, 12]. В целом же творчество Киплинга 1880–1890-х гг., как пишет исследовательница, «напоминает русский футуризм первых лет революции с его бунтом против упадочного искусства «конца века», с его тягой к «политической поэзии» и

стремлением растворить искусство в жизни» [21. С. 14–15]. Социологическое прочтение автором статьи творчества Кипплинга не отменяет ее тонких эстетических оценок отдельных произведений таких, например, как «Книга джунглей» (1894), которая вызывает ассоциации с древнейшим эпосом. «В ней, – пишет Миллер-Будницкая, – звучит голос первобытного человека, охотника и воина, научившегося понимать язык зверя раньше человеческого» [21. С. 21]. Особого внимания заслуживает анализ таких стихотворений, как «Песнь Банджо», «В неолитическом веке», «Еварра и его боги», в которых представлена философия искусства английского поэта. Главный герой их – первобытный художник, творец мифологий и космогоний, впервые открывающий мир и устанавливающий законы мироздания, дающий имена городам и землям, освобождающий из камня и руды образы вещей [21. С. 24]. Сознание этого художника оказывается органичным сознанию ребенка – героя и читателя «Сказок просто так».

Общая оценка творчества Кипплинга Миллер-Будницкой оказывается внутренне близка и К.Г. Паустовскому (1892–1968). Писатель также относит Кипплинга к «истинным британцам», писавшим свои книги «во славу Большой Англии, владычицы океанов, империи, где никогда не заходит солнце». Вместе с тем он отмечает у английского автора точность и богатство языка, правдоподобие, «поразительные знания, вырванные из подлинной жизни» [22. С. 4]. В это же время свое отношение к поэтическому наследию Кипплинга высказал и И.А. Бунин. В статье, посвященной памяти Куприна, он говорил о том, что Кипплинг велик как поэт и «возвышается в некоторых своих вещах до подлинной гениальности» [23. С. 394].

Если в 1930-е гг. произведения Кипплинга часто переводились на русский язык, переиздавались и воспринимались как значимый факт русского культурного сознания, то уже в 1940-е гг. ситуация начинает меняться. Книги писателя в это время издаются реже, а критических откликов на них почти нет. Одна из самых заметных публикаций этого периода под названием «Кипплинг – народный поэт» была напечатана в газете «Британский союзник», выходившей на русском языке в период с 1942 по 1949 г. Автором статьи являлся Т.С. Элиот (1888–1965). Особенность этого материала видится в том, что в нем рецепция творчества Кипплинга дается в «двойном» отражении: статья американского поэта о жизни и творчестве Кипплинга «адаптируется» для русского читателя через перевод ее отдельных фрагментов и краткой информацией об авторе статьи, а также через специальное предисловие от редактора и публикацией трех стихотворений английского поэта из книги «Сказки просто так» на английском и русском языках. Русский перевод стихотворений «Горб верблюжий», «Если в стеклах каюты», «Есть у меня шестерка слуг» принадлежит С.Я. Маршаку (1887–1964). Если в русской критике 1930-х гг. Кипплинг воспринимался как певец «владычицы морей» и «колониального империализма», то Элиот придерживается другой, «цивилизационной» точки зрения. Он пишет: «У Кипплинга была сильная вера в Британскую империю, которую он представлял себе в виде семьи народов, среди которых англичане несут наибольшую ответственность» [24. С. 6]. «Истинный британец», в восприятии Паустовского, Кипплинг лишен, как считает Элиот, выраженных национальных черт, в нем «трудно найти что-нибудь от

англичанина и вообще даже от европейца» [24. С. 6]. Лучшими произведениями Киплинга американский поэт и критик считает его роман «Ким», а также зрелые рассказы, которые обрамляются стихами в начале и в конце, как, например, «Лучший в мире рассказ» с включенной в него знаменитой «Песней гребцов с галер». Как верно отмечает в этой связи Элиот, «для полного выражения своих идеалов Киплингу нужны были и проза, и поэзия» [25. С. 9]. Также в этой публикации высоко оцениваются книги писателя для детей: «Пак с холмов», «Дары фей», «Книга джунглей», «Сказки просто так», которые не могут считаться исключительно детской литературой, поскольку в них открывается более глубокий смысл [25. С. 9].

В 1945–1958 гг. выходит в свет трехтомная «История английской литературы», подготовленная к печати Институтом мировой литературы АН СССР. Отдельная глава в третьем томе посвящена творчеству Киплинга. Ее автор, Т.Л. Мотылева, рассматривает художественное наследие писателя как выражение основных тенденций декадентского искусства конца XIX – начала XX в. Основу поэтики английского автора, по мнению Мотылевой, составляет его изображение человека как характерной «психологической антитезы». В нем показаны, с одной стороны, «хаос индивидуалистических чувств и страстей» и «механическое, беспрекословное подчинение дисциплине Империи» – с другой [26. С. 262]. Такое двойственное видение человека становится определяющим как для прозы, так и для поэзии Киплинга. Рассказы писателя, как пишет автор, обладают большей художественной ценностью, чем его романы, в особенности рассказы об Индии и рассказы о жизни английского солдата. Однако самыми совершенными произведениями Киплинга, по мнению Мотылевой, являются его «Книга джунглей» и сказки. Так, в «Книге джунглей» природа далеких стран становится не только предметом познания для европейского читателя, но и эмоционального постижения, вчувствования. В этом произведении увлекательная фантастика повествования сочетается с красочными описаниями первобытной природы и яркой романтикой человеческого мужества, соединенных с теплой лирической интонацией [26. С. 271, 272]. В сказках же основные мотивы «романтически сублимированы», в них нас «пленяет та любознательность ребенка, из которой исходит и к которой обращается Киплинг, давая шуточные ответы на бесчисленные детские «отчего» [26. С. 272]. Говоря о поэзии Киплинга, автор отмечает, что она мало лирична, сюжетна, повествовательна, описательна, в ней «поступки людей интересуют поэта несравненно больше, чем их душевный мир» [26. С. 274]. Несмотря на общую социологическую оценку творчества Киплинга как яркого представителя «империалистической литературы», Мотылева намечает этапы эволюции писателя, подробно описывает основные темы, мотивы, образы, жанры его прозы и поэзии, характеризует особенности рецепции его художественного наследия в дореволюционной и послереволюционной России.

Представленная в статье критическая рецепция поэзии и прозы Киплинга раскрывает процесс формирования его авторского образа и образа английской литературы в русском культурном сознании конца XIX – первой половины XX в. В отечественную словесность Киплинг впервые входит в 1890-е гг. прежде всего как автор прозаических, а затем уже и стихотворных

произведений. Формирование мифа о Киплинге как о «певце Востока» шло параллельно с переводами его рассказов и стихотворений на русский язык и с осмыслением важнейших особенностей его поэтики. Новаторство писателя виделось в особом эффекте «присутствия», делающего читателя «не сторонним наблюдателем, а как бы очевидцем событий, сопереживающим героям» [27. С. 16]. Взаимодействие публицистического и художественного стилей в прозе писателя, сближение новеллы и очерка, его «сюжетный стих» были отмечены почти всеми русскими критиками, писавшими о Киплинге. Отношение к Киплингу как к представителю «империалистической литературы», которое утверждается в отечественной критике в 1930–1950-е гг., оказалось тесно связанным не только с историей русского литературоведения, но и с практикой империо- и нацистроительства как в Великобритании, так и в России.

Литература

1. Хорольский В.В. Литературная критика как фактор межкультурной коммуникации (К вопросу о восприятии английской поэзии рубежа XIX–XX веков в России) // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2005. № 2.
2. Мир Божий. 1897. № 11.
3. Дудко А.Э. Первые переводы лирики Редьярда Киплинга в России // Вестн. Брян. гос. ун-та: История. Литературоведение. Право. Языкознание. 2012. № 2 (2).
4. Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки. 1899. Т. 4.
5. Студенская Е.М. Р. Киплинг и его солдатская эпопея // Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки. 1902. Т. 1, № 3.
6. Ольденбург С.Ф. Из современной литературы: (Впечатления читателя). Ч. 1: Через моря // Русское богатство. 1901. № 7.
7. Горенинцева В.Н. Рецепция английской и американской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009.
8. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты. 1956–1960. Т. 2.
9. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Сов. писатель, 1989.
10. Н.П.А. Предисловие // Киплинг Р. Избранные рассказы: Кн. 1. М., 1908.
11. Куприн А.И. Собрание сочинений: в 6 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 6.
12. Оношкович-Яцyna А.И. Дневник 1919–1927. / публ. Н.К. Телетовой // Минувшее: Исторический альманах. 13. М.; СПб., 1993.
13. Вельтман С.Л. Восток в художественной литературе. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.
14. Бабель И. Воспоминания современников. М.: Сов. писатель, 1972.
15. Шкловский В.Б. Жили-были: Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени: с конца XIX в. по 1964. М.: Сов. писатель, 1966.
16. Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930–1939. Т. 5.
17. Мирский Д.П. Статьи о литературе. М.: Худож. лит., 1987.
18. Мирский Д.П. Киплинг // Киплинг Р. Рассказы. М.; Л., 1936.
19. Лаццарин Ф. Паневропейские беседы. Эстетика «Современного Запада» (1922–1924) в контексте литературной журналистики Петрограда [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.ruthenia.ru/rus_fil/xxiv/Lazzarin.pdf](http://www.ruthenia.ru/rus_fil/xxiv/Lazzarin.pdf) (дата обращения: 14.08.2015).
20. Казаркин А.П. Русская критика XX века: учеб. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.
21. Миллер-Будницкая Р.З. Поэзия Редьярда Киплинга // Киплинг Р. Избранные стихи. Л., 1936.
22. Паустовский К.Г. Редьярд Киплинг (1865–1936) // Киплинг Р. Слоновий тумай. М.; Л., 1937.
23. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит., 1967. Т. 9.
24. Британский союзник. 1944. № 41 (113). 8 окт.
25. Британский союзник. 1944. № 42 (114). 15 окт.
26. История английской литературы: в 3 т. М.: Изд-во АН СССР, 1945–1958. Т. 3.

27. Проскурнин Б.М. Английская литература 1900–1914 годов (Дж. Р. Киплинг, Дж. Конрад, Д. Г. Лоуренс): текст лекций. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993.

WORKS OF J.R. KIPLING IN THE RECEPTION OF RUSSIAN WRITERS AND CRITICS OF THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 6 (38), 136–146.

DOI: 10.17223/19986645/38/10

Pichugina Veronika S., Poplavskaya Irina A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ver_sp@sibmail.com / poplavskaj@rambler.ru / lady-plvs@yandex.ru

Keywords: Kipling, poetry, prose, criticism, translation, Russian-Western literary connections.

The article considers the reception of J.R. Kipling's works in Russian literature of the 1890s–1950s. Critical and translatable reception of the poetry and prose of the English author proved to be in the centre of attention. The first Russian Kipling's translators: O.N. Chumina, E.M. Studenskaya, N.P. Azbelev, A.I. Onoshkovich-Yazytna, laid the foundation of comprehension of his life and creative work in the Russian cultural consciousness of the first half of the 20th century. Song intonation, "a poem with a plot" of the English poet, turn to Christian motifs and images, dialogic structure of poetic texts, their "suitability for the theatre", use of conversational speech, folk basis of poems, and use of ballad and song genres seemed to have inner harmony with Russian literature of the frontier of the centuries.

Critical publications and scientific research of S.F. Oldenburg, A.I. Kuprin, S.L. Vel'tman, D.P. Svyatopolk-Mirsky, R.Z. Miller-Budniztkaya, T.L. Motyleva formed the Russian myth about Kipling as "a singer of the exotic East", revealed connections of his creative work with the subject matter of multiculturalism and nation formation, with poetics of Romanticism. They described peculiarities of forming national world images through a synchronous "focus" of English and Indian vision.

The attitude to Kipling as a representative of "imperialistic literature" is confirmed in the Russian criticism of the 1930s–1950s. This attitude was closely linked with the history of Russian literary criticism and practice of the empire and nation formation both in Great Britain and in Russia. Kipling's works were also considered in comparison with the works by R.L. Stevenson, J. Conrad, E. Seton-Tompson, P. Mill and others.

In the article special attention is paid to Kipling's works for children: *The Jungle Book* and *Just So Stories*. In these works, the consciousness of the author is organic to the mind of a child: the hero and the reader of these works. Description of nature, fantastic narration, romance of human courage and deed are accompanied with a bright lyric intonation.

Critical reception of Kipling's poetry and prose exposes the process of forming his author's manner and the image of English literature in the Russian cultural consciousness of the end of the 19th and the first half of the 20th centuries.

References

1. Khorol'skiy, V.V. (2005) Literary criticism as a factor of crosscultural communication (the perception of English poetry XIX–XX c. in Russia). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika – Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2. pp. 198–207. (In Russian).
2. *Mir Bozhiy*. (1897) 11.
3. Dudko, A.E. (2012) Pervye perevody liriki Red'yarda Kiplinga v Rossii [The first translations of poetry by Rudyard Kipling in Russia]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta: Istoriya. Literaturovedenie. Pravo. Yazykoznanie*. 2 (2).
4. *Novyy zhurnal inostrannoy literatury, iskusstva i nauki*. (1899) IV.
5. Studenskaya, E.M. (1902) R. Kipling i ego soldatskaya epopeya [Rudyard Kipling and his soldier's saga]. *Novyy zhurnal inostrannoy literatury, iskusstva i nauki*. 1:3.
6. Ol'denburg, S.F. (1901) Iz sovremennoy literatury (Vpechatleniya chitatelya). Ch. 1. Cherez morya [From contemporary literature (Impressions of the reader). Part 1. Across the seas]. *Russkoe bogatstvo*. 7.
7. Gorenintseva, V.N. (2009) *Retseptsiya angliyskoy i amerikanskoy literatury v tomской periodike kontsa XIX – nachala XX vv.* [Reception of English and American literature in the Tomsk periodicals of late 19th and early 20th centuries]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

8. Masanov, I.F. (1956–1960) *Slovar' psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyateley: V 4 t.* [Dictionary of Russian writers, scientists and public figures: in 4 v.]. V. 2. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznoy knizhnoy palaty.
9. Muromtseva-Bunina, V.N. (1989) *Zhizn' Bunina. Besedy s pamyat'yu* [Bunin's life. Conversations with memory]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
10. N. P. A. (1908) Predislovie [Introduction]. In: Kipling, R. *Izbrannye rasskazy: Kn. 1* [Selected Stories: Book 1]. Moscow: Moskovskoe knigoizdatel'stvo.
11. Kuprin, A.I. (1957) *Sobranie sochineniy: V 6 t.* [Works: in 6 v.]. V. 6. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
12. Onoshkovich-Yatsyna, A.I. (1993) *Dnevnik 1919-1927.* [Diary of 1919–1927]. Published by N.K. Teletova. In: *Minuvshee: Istoricheskiy al'manakh* [The past: Historical Almanac]. Is. 13. Moscow; St. Petersburg: Atheneum: Feniks.
13. Vel'tman, S.L. (1928) *Vostok v khudozhestvennoy literature* [East in fiction]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izd-vo.
14. Pirozhkova, A.N. (ed.) (1972) *I. Babel'. Vospominaniya sovremennikov* [Babel. Memories of the contemporaries]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
15. Shklovskiy, V.B. (1966) *Zhili-byli. Vospominaniya. Memuarnye zapisi. Povesti o vremeni: s kontsa XIX v. po 1964* [Once upon a time. Memories. Memoir notes. Tales of the time: from the end of the 19th centur till 1964]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
16. Friche, V.M. (ed.) (c. 1935) *Literaturnaya entsiklopediya: V 11 t.* [Literary Encyclopedia: in 11 v.]. V. 5. Moscow: Izd-vo Kommunisticheskoy akademii.
17. Mirskiy, D.P. (1987) *Stat'i o literature* [Articles on literature]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
18. Mirskiy, D.P. (1936) Kipling. In: Kipling, R. *Rasskazy* [Stories]. Moscow; Leningrad: Academia.
19. Latstsin, F. (n.d.) *Pan-evropeyskie besedy. Estetika "Sovremennogo Zapada" (1922-1924) v kontekste literaturnoy zhurnalistiki Petrograda* [Pan-European discussions. The aesthetics of "modern West" (1922–1924) in the context of literary journalism of Petrograd]. [Online]. Available from: http://www.ruthenia.ru/rus_fil/xxiv/Lazzarin.pdf. (Accessed: 14 August 2015).
20. Kazarkin, A.P. (2004) *Russkaya kritika XX veka* [Russian criticism of the 20th century]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Miller-Budnitskaya, R.Z. (1936) Poeziya Rediarda Kiplinga [Kipling's Poetry]. In: Kipling, R. *Izbrannye stikhi* [Selected poems]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
22. Paustovskiy, K.G. (1937) Rudyard Kipling (1865-1936). In: Kipling R. *Slonovyy Tumay* [Elephant tumai]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Detskoy literatury.
23. Bunin, I.A. (1967) *Sobranie sochineniy: V 9 t.* [Collected Works: in 9 v.]. V. 9. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
24. *Britanskiy soyuznik.* (1944) 41 (113) of 8 October.
25. *Britanskiy soyuznik.* (1944) 42 (114) of 15 October.
26. Anisimov, I.I. (ed.) (1958) *Istoriya angliyskoy literatury: V 3 t.* [History of English Literature: in 3 v.]. V. 3. Moscow: USSR AS.
27. Proskurnin, B.M. (1993) *Angliyskaya literatura 1900-1914 godov (Dzh. R. Kipling, Dzh. Konrad, D. G. Lourens): Tekst lektsiy* [English Literature of 1900–1914 (J.R. Kipling, G. Conrad, D.H. Lawrence): lectures]. Perm: Perm State University.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/38/11

Т.Г. Прохорова, Р.Р. Фаттахова

ЭКФРАСТИЧНОСТЬ КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ МИРОВИДЕНИЯ ГЕРОЯ-ХУДОЖНИКА В РОМАНЕ ДИНЫ РУБИНОЙ «БЕЛАЯ ГОЛУБКА КОРДОВЫ»

В статье на материале романа Д. Рубиной «Белая голубка Кордовы» рассматривается экфрастичность как особенность мировидения, присущая художнику, предполагающая визуальность образов, соотнесение увиденного с теми или иными произведениями искусства, диалог словесного и изобразительного начал. При этом экфрасис трактуется как словесное описание не столько произведений искусства, сколько явлений действительности, которые воспринимаются как творения искусства, исследуются принципы создания воображаемых портретов и пейзажей.

Ключевые слова: Д. Рубина, экфрастичность мировидения, экфрастическая рама, текстуализация реальности.

Одной из характерных особенностей современного литературного процесса является взаимодействие и взаимопроникновение не только разных жанров, родов, но и разных видов искусства. Творчество Дины Рубиной в этом плане особенно показательно. Героями её произведений, как правило, становятся творческие личности: музыканты, художники, люди театра. Особенности их мировосприятия во многом определяют и специфику художественного мира, поэтики произведений писательницы.

Предметом анализа в данной статье является экфрастичность как черта мировидения художника, формы ее проявления в романе Д. Рубиной «Белая голубка Кордовы». Это произведение занимает центральное место в её романной трилогии о жизни и судьбе творческих личностей – «Люди воздуха». Как заметила литературовед Э. Шафранская, «Белая голубка Кордовы» представляет собой «своеобразное ретроспективное обобщение всего написанного» Рубиной до этого романа [1. С. 17]. Недаром свою монографию, в которой исследуются «главные темы, мотивы, пафос, интенции прозы Рубиной» [1. С. 5], Э. Шафранская назвала «Синдром голубки». Анализируя в ней роман «Белая голубка Кордовы», литературовед акцентирует внимание на проблеме «гений и злодейство», справедливо считая её наиболее характерной для творчества писательницы в целом.

В аспекте взаимосвязи живописи и литературы проза Д. Рубиной пока мало исследована. Исключение составляют две статьи пермских ученых Н.С. Бочкаревой и К.В. Загородневой «„Внесезонные“ книги Дины Рубиной: диалог писателя и художника» [2] и «Экфрасис и иллюстрация в книге „Окна“ Дины Рубиной и Бориса Карафелова» [3], в которых исследуется взаимодействие словесного и изобразительных искусств. Обе статьи написаны на материале так называемых «внесезонных» или «межроманных»

(авторские определения) книг Рубиной, т.е. написанных ею в перерыве между крупными произведениями. Авторы исследуют взаимоотношения между текстом и иллюстрациями, принадлежащими мужу Д. Рубиной – известному израильскому художнику Борису Карафелову. Наибольший интерес для нас представляет анализ книги «Окна» в аспекте взаимоотношений экфрасиса и иллюстраций, тем более что в романе о художнике «Белая голубка Кордовы» отражаются некоторые факты жизненной и творческой биографии Карафелова¹. Герою романа Захару Кордовину Рубина «передает» его творческие пристрастия, его восприятие живописи², поэтому в дальнейшем мы будем не раз обращаться к высказываниям Бориса Карафелова об искусстве.

Живописность свойственна творческой манере и самой Дины Рубиной. В программе «Действующие лица» на радио «Культура» (эфир от 08.05.2012) она призналась:

Я – дочь художника. Я выросла в атмосфере холстов, подрамников, кистей. Из мастерской отца я плавно переправилась в мастерскую мужа. Я всё время тщетно пытаюсь изобразить живопись в прозе [7].

Причем, по словам писательницы, живописность как черта поэтики проявляется, прежде всего, в её романах:

Если в рассказе я могу несколькими фразами дать судьбу героя, и этого абсолютно достаточно, потому что до известной степени рассказ – это графика, то роман – это живопись, это мазки с лессировкой, это подготовка, это грунт [8].

Понятия «живописность» и «экфрастичность» близки друг другу, хотя и не тождественны: второе является специфической формой живописного видения. Роман «Белая голубка Кордовы» содержит богатый материал для изучения разнообразных форм и функций экфрасиса. Это связано с тем, что его главный герой Захар Кордовин выступает в нескольких ипостасях: как талантливый художник, как искусствовед и как искусный фальсификатор, имитирующий чужие стили. В романе масса описаний шедевров мировой живописи (Рубенса, Эль Греко), целого ряда вымышленных полотен,

¹ Детство героя романа «Белая голубка Кордовы», как и Бориса Карафелова, прошло в Виннице. Старый еврейский квартал, где жил художник, назывался «Иерусалимка». На основе детских впечатлений Захар Кордовин, опять-таки, как и Карафелов, написал серию картин, которую так и назвал — «Иерусалимка». Они были отвергнуты чиновниками из Союза художников. Будучи не признан у себя на родине, Кордовин, как и Карафелов, переехал в Израиль (биографические факты из жизни Карафелова см.: [4]).

² Так, восприятие картин Эль Греко и оценка его творчества совпадают почти дословно:

Карафелов: «<...> Эль Греко настолько уплощает пространственные планы, так привержен скорее к двумерному, чем к трехмерному, изображению, что возле его картины зритель поневоле дыхание как бы затаивает. И освобождает при этом свои внутренние, духовные силы» [5].

Кордовин: «Странная дрожь вскипала по позвоночнику, когда он долго смотрел на поздние холсты Эль Греко. Гигантские витражные иконы: подле картины невозможно глубоко вдохнуть, происходит невольная задержка дыхания, пространство уплощено, физиология стиснута, а пленный дух рвется вовне» [6. С. 191].

созданных Кордовиным в манере разных живописцев, а также его собственных картин. В рамках одной статьи проанализировать весь этот материал не представляется возможным, поэтому мы ограничимся рассмотрением вопроса, без решения которого, на наш взгляд, невозможно говорить о роли экфрасиса в данном произведении, – эфразистичность как особенность мировидения художника, определяющая живописность поэтики романа «Белая голубка Кордовы» в целом.

По определению Л. Геллера, экфрасис содержит «образ не картины, а видения, постижения картины» [9. С. 10]. В статье «Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе» он полемизирует с польским литературоведом Е. Фарыно, считающим, что принципиальной разницы между экфрасисом существующей и придуманной картины нет. Л. Геллер не разделяет эту точку зрения, полагая, что коренное отличие заключается в необходимости придумывать несуществующие картины, поэтому изображение на таких полотнах подчиняется логике или нарративной, или топической, но отнюдь не живописной [9. С. 10]. Мы же будем трактовать экфрасис как словесное описание не только и не столько произведений искусства, сколько явлений реальности, которые воспринимаются художником как творения искусства, т.е. речь пойдет не просто о несуществующих, а о воображаемых картинах, их мысленных эскизах. При этом мы исходим из того, что эфразистическое видение художника следует живописной логике и выражает специфическое восприятие окружающего мира, при котором осуществляется «запись последовательности движения глаз и зрительных впечатлений» [9. С. 10], происходит перевод этих впечатлений на язык слов, включающий описание-интерпретацию воображаемых картин.

Борис Карафелов однажды сказал: «Искусство живописи... это моя потребность, способ проживать жизнь» [10]. Присущая герою романа «Белая голубка Кордовы» эфразистичность видения – это тоже «потребность» и «способ проживать жизнь». Отсюда определенная система видения, включающая визуализацию образов, активизацию культурной памяти, соотнесение увиденного с теми или иными явлениями искусства, особую организацию пространства, работу с цветом и светом. Захар Кордовин воспринимает явления окружающей действительности как фрагменты воображаемого живописного полотна либо как эскизы будущей картины. И если в гоголевском «Портрете» или в уальдовском «Портрете Дориана Грея» экфрасис размыкался в историю, изображение оживало и герой покидал полотно, выходил из рамы, то у Рубиной в «Белой голубке Кордовы» происходит обратный процесс – замыкания явлений жизни в эфразистическую раму. Остановленный взглядом художника и мысленно заключенный им в раму жизненный феномен, преобразованный в текст, превращается в микрохронотоп в хронотопе вымышленной реальности, т.е. в текст в тексте.

Талантливый художник, Захар Кордовин умеет в процессе воображаемого рисования быть максимально точным при выборе средств создания образа. Например, разговаривая со своей любимой теткой Жукой по телефону, он мысленно рисует ее «патрицианское горбоносое лицо в ореоле подсиненной дымки» [6. С. 11]. В данном случае «портрет» рождается благодаря рассчитанному на зрительное восприятие реминисцентному

античному образу и акцентировке колорита, усиливающего его эмоциональную выразительность. Или другой пример – словесная зарисовка внешности медбрата из приемного покоя в госпитале: «...очень черный парень, в очень белом халате, с очень красной клизмой на шее» [6. С. 74]. Здесь образ создается исключительно с помощью контрастного сочетания цветов при отказе от свето-теневой моделировки, а черты лица не прорисовываются даже эскизно. Эта зарисовка содержится в постскриптуме письма Кордовина детективу Люку, причем с его содержанием она никак не связана, поскольку в данном случае действует не столько нарративная, сколько живописная логика. Приведенные примеры, при всем их лаконизме, позволяют автору продемонстрировать творческий потенциал героя-художника, способного даже воображаемые зарисовки, напоминающие «заготовки впрок», мысленно «выполнять» в различной стилевой манере. Если в первом эскизе четкость линий рисунка смягчена, размыта «дымчатым» ореолом, что порождает импрессионистский цвето-световой эффект, то второй эскиз, словно выполненный в стиле фовизма, демонстрирует яркость, «открытость», чистоту и резкость цветовых доминант, усиленных контрастами. При этом первый эскиз представляет собой не просто образ-впечатление, но образ-понимание, выражающий отношение художника к воображаемой «модели». Захар знал, что за внешней властью, резкостью суждений, присущих его тетке, скрывается натура любящая, открытая добру. Он звонит, чтобы перед отъездом помириться с ней, «он всегда первым шел на примирение» [6. С. 7] и, представляя её «патрицианское» лицо «в ореоле голубоватой дымки», радовался возможности забыть о ссоре и уехать с легким сердцем. Вторая же воображаемая зарисовка свидетельствует именно о сформированной годами привычке художника фиксировать зрительные впечатления, искать в реальной жизни замыслы будущих произведений, продумывать технику их создания.

Работа по превращению жизненного материала в воображаемые картины или графические рисунки осуществляется героем непрерывно. Среди экфрасисов в романе «Белая голубка Кордовы» преобладает женский портрет. Это связано с присущей Кордовину способностью видеть и ценить красоту женщины:

Он действительно любил женщин... Он дружил с ними, считал... лучшими людьми. <...> Всегда умел согреть, и всегда находил – чем полюбоваться в каждой [6. С. 19–20].

Экфрастичность видения определяет и его стремление включать женский образ в определенный культурный ряд. Так, свою подругу Ирину он сравнивает с Диной Верни, натурщицей скульптора Аристиды Майоля, которая позировала ему при создании скульптуры «Воздух»:

Да: те же пропорции. При тонкой спине сильная выразительная линия бедер. И плечо сейчас так плавно восходит в шею...» [6. С. 18].

Особенно показателен комментарий к этой портретной характеристике:

...когда женщина чуток набирает весу, ее грудь становится благодней, щедрее... улыбчивей. И цвет кожи меняется. Нежный слой подкожного жира дает телу более благородный, перламутровый оттенок. Возникает такая... ммм... прозрачность лессировок... [6. С. 19].

Специфика метафорических определений, характер цветowych эпитетов здесь выражают не столько чувства любящего человека, сколько профессиональный, оценивающий взгляд живописца на модель. При этом граница между жизнью и искусством размывается. Тело женщины воспринимается как «текст». На имплицитном уровне этот комментарий содержит описание процесса творчества, нюансов живописной техники («Возникает <...> прозрачность лессировок»),

Или другой пример текстуализации реальности, когда во внешнем облике официантки Оксаны – очередном увлечении Кордовина, девушки, которая стала его моделью, – профессиональный взгляд художника позволяет увидеть не только то, что «была она удивительно некрасива лицом, с волчьим прикусом, низким выпуклым лбом» [6. С. 483], но, прежде всего, достойную восхищения фигуру Артемиды:

Столько ослепительной обнаженки <...> он сделал за все годы учебы, и потом всю жизнь при надобности сюжета <...> вставлял в картины и акварели ее крутые летящие бедра, широко расставленную классическую грудь и гибкую мускулистую спину богини-охотницы [6. С. 483].

Даже кратковременные романы Кордовина непременно оставляют в памяти художника визуальные детали, линии, игру цвета и света, – то, что впоследствии можно будет перенести на полотно, на что следует обратить внимание зрителя: мускулистые длинные ноги телеграфистки или «гибкая покорная шея с нежным желобком, опущенным золотистыми перышками волос», соседки [6. С. 385]. О том, какой след оставила та или иная женщина в душе Захара, можно судить по тому, в какой мере она отразилась в его творчестве.

Экфрастичность отличает и присутствующие в романе пейзажи. Их описание, как правило, сочетается с искусствоведческим анализом воображаемого живописного полотна, предполагающим присутствие зрителя. Одним из показательных примеров такого экфрасиса является описание картины, которую Кордовин наблюдал с балкона гостиницы в Толедо:

<...> с первыми признаками усталости небосвода он усаживался на балконе <...>, прослеживая все стадии перевоплощения города и неба за эти часы.

Перед ним на близких планах высились, еще освещенные солнцем, пеналы колоколен монастыря святой Исабель и церковей Сан Лукас и Сан Андрес. Справа рогато-кружевной, стрельчатой глыбой ожидал преображения кафедральный собор, пока еще глухой, серовато-песочный...

На дальнем холме краснела темным янтарем мощная цитадель Семинарии. Внизу и далеко вокруг на разных уровнях коробились розово-серые, пестрые, с ревматическими суставами на стыках, длинные макароны старых черепичных крыш... Ближайшие полчаса солнце еще будет держать город под прицелом, неохотно сдавая позиции. Еще будут мягко мерцать розоватые кирпичные стены домов с вмурованными в них булыжниками – ни дать ни взять панцири гигантских черепах в кирпичной кладке <...> классический образец стиля “мудехар”, мавританское наследие Испании.

Но по мере убывания пурпура и граната в бутылке “Фаустино VII” все больше солнца будет перетекать в нижние слои облаков, словно бы наполняя длинную глубокую рану заката в темно-лиловом теле небосвода» [6. С. 147].

На то, что пейзаж, наблюдаемый Кордовиным, выстраивается подобно живописному полотну, указывают его композиция с четко намеченными горизонталью и вертикалью, обозначением ближнего и дальнего планов, созданием линейно-воздушной перспективы, а также метафоры, позволяющие передать не только объем и фактуру предмета, но его образ («пеналы колоколен», «с ревматическими суставами на стыках, длинные макароны старых черепичных крыш», «рогато-кружевная» стрельчатая глыба кафедрального собора), эпитеты и сравнения, выражающие цвето-световые нюансы («серовато-песочный», «розово-серый», «розоватые», «краснела темным янтарем»). В одном интервью Д. Рубина заметила: «От того, как падает свет, – зависит жизнь красок на холсте...» [11]. Кордовин не просто созерцает красоту окружающего мира, он именно стремится передать «жизнь красок на холсте». Краткий искусствоведческий и исторический комментарий не нарушает целостности наблюдаемой и одновременно «рисуемой» картины, не мешает выразить внутреннюю драматургию происходящих в природе перемен. Драматизм концентрируется в заключительном образно-цветовом метафорическом «аккорде», аккумулирующем выразительные возможности всей «картины» – «длинная глубокая рана заката в темно-лиловом теле небосвода».

В этом пейзаже словно учитывается опыт одного из любимых художников Бориса Карафелова – Роберта Фалька, которого он считал своим учителем: целостность, обеспечиваемая «тремя системообразующими элементами: это цвет, ритм и образ» [12]. Карафелов, определяя чувство ритма как основу искусства, заметил:

Внутреннее чувство ритма у художника работает в унисон с окружающим миром, помогает установлению связей, закономерностей, возникновению внутренней математики искусства [10].

В приведенном фрагменте ритм задает смена освещения, происходящая в природе. Логика построения экфрастического текста следует этому ритму, выражая специфику видения художника, работающего «в унисон с окружающим миром». Особенностью этого словесного пейзажа является его динамичность, подчинение пространственных параметров временным, что достигается благодаря обилию местоимений, прилагательных, существительных, глаголов, обозначающих движение времени («еще

освещенные солнцем», «ожидал преображения», «пока еще», «ближайшие полчаса», «еще будут <...> мерцать»). Характер этой картины подтверждает мысль, высказанную в статье В.А. Миловидова, «о “нарративизации” объекта эфрasticского описания или, если посмотреть на эту проблему шире, о том, что экфрасис, будучи интермедийным образованием, существует как напряженный диалог словесного и изобразительного начал, причем в рамках этого диалога каждый из его участников диктует другому условия его существования [13].

Показательным примером «диалога словесного и изобразительного начал» в романе Рубиной является и описание вида, который отрывался с балкона дома в Альпах, где обычно останавливался Кордовин, когда гостил у своего приятеля:

<...> немыслимая картинная красота, противоположенная любому живописцу. Словно Всевышнему в этих краях изменило чувство меры и вместо нежнейшей растушевки, он <...> пошел в ярмарочный разнос, шлепая буйные краски на клеенчатый коврик: высокие пики изумрудно-зеленых гор, прямолинейная «сочная» синь высокого неба, отполированная гладь озера с крошечным островком торчащих вразнобой берез...

Но ранним утром здешние краски еще деликатны и бледны. Легкая прозрачная кисть... <...>

В эти утренние часы неподвижное озеро предьявляло все оттенки зеленого: малахит, бирюзу, лазурь, прозрачную цельность изумруда» [б. С. 282, 286].

Красота природы здесь недаром определяется эпитетом «картинная»: вид с балкона представлен именно как картина, которую сопровождает анализ фактуры красок. Герой словно продумывает необходимые приемы и цветовые решения, позволяющие перенести увиденное на холст. Одновременно профессиональный взгляд художника в этом «живом» пейзаже с долей легкой иронии фиксирует избыточность красок, чрезмерность красоты, «противопоказанную любому живописцу», т.е. искусство как будто диктует жизни границы прекрасного.

И вновь в этом экфрasticском описании значимы временные характеристики, позволяющие один и тот же вид представить последовательно, в зависимости от смены освещения, как два варианта пейзажа, каждый из которых требует своего способа изображения. И если в первом преобладает «ярмарочный разнос», интенсивное звучание открытых цветов, плоскостные контрасты, шлепки «буйных красок» на «клеенчатый коврик», заменяющий холст, то во втором – «легкая прозрачная кисть», импрессионистичность цветовых и световых переливов, выраженных через цепочку природных образов, передающих богатство оттенков зеленого.

В романе «Белая голубка Кордовы» большое место занимают описания видов из окон. Окно представляет собой готовую «экфрasticескую раму», позволяющую воспринимать все увиденное через неё именно как картину. В этом плане особого внимания заслуживает описание мастерской Захара

Кордовина. Это был арендуемый старый каменный дом с небольшим садом. Характер их описания позволяет выделить различные виды экфрастического изображения. При этом на границе слова и изображения возникает то, что Н.Е. Меднис определила как «эффект удвоения <...> представленный и на стадии творения, и на стадии восприятия произведения изобразительного искусства» [14. С. 59], с той лишь поправкой, что в данном случае речь идет о превращении в живописные объекты самой реальности. Так, описание оставшихся с осени на одном из деревьев сада плодов граната представлено как натюрморт: «...два пепельно-пурпурных, с вдавленными щеками, и один – цвета насыщенного краплака» [6. С. 56].

Описания интерьера дома и особенно видов из окон воспринимаются как выставленные на обозрение картины:

... раскинулась великолепная <...> зала с аркадой огромных <...> окон, глядевших в лесистое ущелье. И там, за вершиной ближайшей горы, акварельно-туманно проступали другие гребни, с рассыпанной по ним красной черепицей крыш окрестных кибуцев и поселков <...>

Перед окнами можно было стоять часами... [6. С. 59–61].

Последнее предложение усиливает ассоциацию вида из окна с шедевром живописного искусства, наслаждаться которым можно бесконечно. Не случайно фоном для последней работы Кордовина – портрета Пилар – станет именно окно его мастерской. Судя по описанию, приведенному в книге «Окна», мастерская Кордовина напоминает мастерскую Карафелова в Галилее, где были созданы многие его полотна [15. С. 6]. В предисловии к ней приводится реплика художника о том, что у него «чуть не в каждой картине – окно...», и реакция на неё Дины Рубиной, предвосхищающая идею и художественное решение их совместной книги:

<...> я смотрела на них [картины] новыми удивленными глазами: а ведь и правда – сколько их у него, этих картин, где в разных окнах сидят, стоят, выглядывают или проходят мимо разные люди. Да и сами картины были окнами, откуда глядели в мир множество персонажей, в том числе и сам художник, и мы, его домашние [15. С. 6].

В «Белой голубке Кордовы» благодаря тому, что главным героем является художник, читатель получает возможность не только представить персонажей, которые «глядят в мир» из рамы картины-окна, но и увидеть изображенное глазами создателя картины. Визуальное мышление, присущее художнику, проявляется и в жанре экфрастического «автопортрета». В романе он представлен в форме отражения героя в зеркале:

А ты слегка подсох, парень... <...> Нос как-то окостенел <...>

Только ежик густых черных волос <...> и такие же смоляные брови, прямые и почти сросшиеся над глубоко посаженными серыми глазами, были прежними. Да вот еще эти вертикальные черточки в углах рта... [6. С. 22].

Как известно, изображение человека через отражение в зеркале – сюжет, весьма распространенный в изобразительном искусстве. В приведенном примере впечатление эфрasticности усиливается именно благодаря плоскостному изображению, в котором обыгрывается метафора – картина как зеркало, отражающее того, кто в него смотрит. Присущее живописи пространственное изображение здесь, как и в кордовинских воображаемых пейзажах, сочетается с временным, живописная статика портрета взаимодействует со словесной динамикой. Комментарий, сопровождающий этот «автопортрет», носит фиксирующий характер и работает на визуализацию образа. Но вглядывание героя в свое отражение сопровождается его критической самооценкой, которая касается не только внешних изменений. Через отражение в зеркале вводится мотив двойничества, важный для понимания характера Захара Кордовина, подавляющего свой творческий дар, сознательно вытесняющего «свое» «чужим». Отмечая противоречивость образа героя романа, исследователь К.В. Загороднева утверждает, что Рубина помещает его в ряд трикстеров и пиратов. «Глубинные истоки его трагедии заключены в больших дарованиях, нарциссизме и подсознательной тяге к преступлениям, за которыми стоит смерть матери и гибель друга» [16]. Признавая справедливость этой характеристики, добавим, что в его образе взаимодействуют божественное (то, что связано с его творческим даром) и дьявольское (порожденное стихией обмана, в которой он живет). На это указывает и визуальный образ белой голубки в заглавии романа. С ним одновременно связан и мотив симуляции (белая голубка служит «тайным рабочим клеймом» [6. С. 52] Кордовина на подделываемых им картинах), и мотив Творца. Этот образ указывает на религиозный подтекст сюжета, недаром сам герой акцентирует внимание на том, что «в народе так называют образ Богородицы из городка Росио» [6. С. 51]. Хотя после гибели друга, косвенным виновником убийства которого Захар себя сознает, он дал зарок не писать больше своих картин, его творческий дар искал выхода.

Борис Карафелов, говоря о назначении картины, назвал её неким посланием «от художника к зрителю» и подчеркнул, что «это послание есть самая главная ее задача. Связь художника со зрителем – некий разговор о мироздании, о судьбе, о сущности человеческого бытия» [10]. Захар Кордовин насильственно лишил себя возможности вести такой разговор, тем не менее его дар не был загублен. Присущая герою эфрasticность видения стала формой его «послания», реализацией потребности извлекать прекрасное из самой жизни и воплощать на воображаемом полотне. Именно благодаря этой способности копиист не вытеснил в нем талантливого художника. Сохраненный дар позволил ему сберечь «душу живую», поэтому в итоге эгоизм и авантюризм побеждаются любовью к людям, готовностью к самопожертвованию.

Знаковой становится произошедшая незадолго до гибели Кордовина его встреча с девушкой Мануэлой (удивительно похожей на его давно умершую мать). В её доме он видит точно такой же серебряный наследный субботний кубок, который завещал беречь его дед, который вывезла из блокадного Ленинграда его тетка Жука и который Захар так легко продал, не ведая

ценности этой реликвии. Обретение (пусть кратковременное) утраченной семейной святыни, встреча с матерью через Мануэлу подводят черту под жизнью героя. Его смерть оставляет чувство светлой грусти, а не беспросветного трагизма:

И когда сзади <...> хлопнуло и ударило в спину, он <...> понял, что убит.

<...> и успел еще увидеть, как спланировало рядом перышко <...> грудное, пуховое, невесомое, как последний вздох; как само воркование голубиноного горла... [6. С. 697].

Итак, заявленный в заглавии образ белой голубки обрамляет картину жизни героя, сюжет которой завершается победой светлого начала над тьмой, восстановлением связи с миром, и сама картина благодаря этому обретает завершенность, целостность.

Литература

1. Шафранская Э.Ф. Синдром голубки. Мифопоэтика прозы Д. Рубиной. СПб.: Свое изд-во, 2012. 470 с.
2. Бочкарева Н.С., Загороднева К.В. «Внесезонные» книги Дины Рубиной: диалог писателя и художника // Литература в искусстве, искусство в литературе. Пермь, 2013. С. 36–46.
3. Бочкарева Н.С., Загороднева К.В. Экфрасис и иллюстрация в книге «Окна» Дины Рубиной и Бориса Карафелова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rfp.psu.ru/archive/3.2013/bochkareva.pdf> (дата обращения: 10.07.2015).
4. Вишневская С. Винницкий свет Бориса Карафелова [Электронный ресурс] // ua/2011/10/28/26817#1 (дата обращения 11.07.2015).
5. Светлова С. Пространство творчества. Разговор с художником Борисом Карафеловым. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dinarubina.com/interview/karafelov21041994.html> (дата обращения 12.07.2015).
6. Рубина Д. Белая голубка Кордовы: роман. М.: Эксмо, 2010. 704 с.
7. Рубина Д. Между земель, между времен [Электронный ресурс]. URL: http://www.dinarubina.com/interview/kultura_tv_2010.html (дата обращения: 14.07.2015).
8. Рубина Д. «Писатель, беспощадный к себе» [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/articles/2006/12/08/rubina> (дата обращения: 15.07.2015).
9. Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума. М., 2002. С. 5–22.
10. Осипов А. Палитра вечности. Разговор с художником Борисом Карафеловым. [Электронный ресурс]. URL: http://www.antho.net/interview/karafelov_osipov_2011.ht (дата обращения: 13.07.2015).
11. Рубина Д. Интервью // Городской калейдоскоп. 2012. 7 июля [Электронный ресурс]. URL: <http://spbcaleidoscope.ru/dina-rubina.html> (дата обращения: 29.06.2015).
12. Успенский А.М. Живописная система Роберта Фалька: формирование и эволюция: дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2002. 128 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/zhivopisnaya-sistema-roberta-falka-formirovanie-i-evolyutsiya>
13. Миловидов В.А. Нарратология экфрасиса [Электронный ресурс]. URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2027587> (дата обращения: 10.07.2015).
14. Меднис Н.Е. «Религиозный экфрасис» в русской литературе // Критика и семиотика. Вып. 10. Новосибирск, 2006. С. 58–67.
15. Рубина Д. Окна: роман. Живопись Б. Карафелова. М.: Эксмо, 2012. 276 с.
16. Загороднева К. В. Роман Д. Рубиной «Белая голубка Кордовы»: художественное новаторство и традиции [Электронный ресурс]. URL: [file:///C:/Users/user/Downloads/roman-d-rubinoi-belaya-golubka-kordovy-hudozhestvennoe-novatorstvo-i-traditsii % 20\(1\).pdf](file:///C:/Users/user/Downloads/roman-d-rubinoi-belaya-golubka-kordovy-hudozhestvennoe-novatorstvo-i-traditsii%20(1).pdf)

EKPHRASIS AS A REFLECTION OF THE WORLD OUTLOOK OF THE HERO-ARTIST IN THE NOVEL *THE WHITE DOVE OF CORDOBA* BY DINA RUBINA

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 6 (38), 147–158.

DOI: 10.17223/19986645/38/11

Prokhorova Tatiana G., Fattakhova Rozaliya R., Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: tatprohorova@yandex.ru / rozalushka@mail.ru

Keywords: ekphrasis, world outlook, hero-artist, Dina Rubina, ekphrastic frame, imaginary painting.

The essay addresses the novel *The White Dove of Cordoba* by Dina Rubina, which is dedicated to her husband, a well-known Israel painter Boris Karafelov. It reflects some facts of his biography. Rubina endows the main character, Zachary Kordovin, whose name echoes Karafelov with his artistic preferences, thoughts and perception of art.

On the basis of the novel about an artist, the authors of the article study ekphrasis as a peculiarity of the character's world outlook, which involves visualization of images, their correlation with different works of art, and is one of the devices of the poetics of picturesqueness. Ekphrasis is interpreted in a broad sense: as a verbal description of not only art, but also phenomena that are perceived by the hero-artist as works of art. Ekphrastic vision, including the description-interpretation of imaginary paintings, is subordinated to scenic logic and expresses a specific perception of reality by the artist. Kordovin perceives the phenomena of the surrounding reality as fragments of imaginary paintings or sketches for future paintings. If in Gogol's "The Portrait" or Wilde's "The Picture of Dorian Gray" ekphrasis intruded into the story: the image came alive and the hero left the canvas and came out of the frame, in Rubina's novel the process is reversed: life phenomena are enclosed in the ekphrastic frame. Kordovin continuously transforms life material into imaginary pictures or graphics, for him it is a necessity, a way of perceiving the world. Almost anything that catches his eye is mentally enclosed into a frame, and further, within its borders, the process of creation begins. Among the ekphrases of imaginary paintings in *The White Dove of Cordoba* prevail female portraits, which is due to the character's inherent ability to see and appreciate the beauty of women and nature. Their description, as a rule, is combined with a detailed artistic and historical analysis of the imaginary paintings, suggesting the presence of a viewer. The article explores the principles of creating these imaginary portraits and landscapes from the point of view of texture, color, play of color and light, composition, etc. Stopped by the artist's eye and mentally enclosed into a frame, a life phenomenon converted into text becomes a microchronotope within the chronotope of the author's fictional reality, that is, text in the text. Unlike a man-made pattern, the peculiarity of these verbal paintings is their dynamism, subordination of the spatial parameters to the temporal ones, which researcher V. A. Milovidov defined as "a dialogue of the verbal and the visual, and within this dialogue, each of its participants dictates the other conditions of its existence".

References

1. Shafranskaya, E.F. (2012) *Sindrom golubki. Mifopoetika prozy D.Rubinoy* [The Dove Syndrome. Mythopoetics of D. Rubina's prose]. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo.
2. Bochkareva, N.S. & Zagorodneva, K.V. (2013) "Vnesezonnye" knigi Diny Rubinoy: dialog pisatelya i khudozhnika ["Off-season" books by Dina Rubina: dialogue of writer and artist]. In: Moiseev, P.A. et al. (eds) *Literatura v iskusstve, iskusstvo v literature* [Literature in art, art in literature]. Perm: PGAIK.
3. Bochkareva, N.S. & Zagorodneva, K.V. (2013) Ekphrasis and illustration in the book *Windows* by Dina Rubina and Boris Karafelov. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 3. [Online]. Available from: <http://www.rfp.psu.ru/archive/3.2013/bochkareva.pdf>. (Accessed: 10 July 2015). (In Russian).
4. Vishnevskaya, S. (2011) *Vinnitskiy svet Borisa Karafelova* [Vinnitsa light of Boris Karafelov]. [Online]. Available from: <http://vinnitsaok.com.ua/2011/10/28/26817#!>. (Accessed: 11 July 2015).
5. Svetlova, S. (1994) *Prostranstvo tvorchestva. Razgovor s khudozhnikom Borisom Karafelovym* [The space of creativity. Conversation with artist Boris Karafelov]. [Online]. Available from: http://www.antho.net/interview/karafelov_21_04_1994.htm. (Accessed: 12 July 2015).
6. Rubina, D. (2010) *Belaya golubka Kordovy: roman* [The White Dove of Cordoba: a novel]. Moscow: Eksmo.

7. Rubina, D. (2010) *Mezhdru zemel', mezhdru vremen* [Between land, between times]. [Online]. Available from: http://www.dinarubina.com/interview/kultura_tv_2010.html. (Accessed: 14 July 2015).
8. Rubina, D. (2006) "*Pisatel', besposhchadnyy k sebe*" ["Writer, ruthless to oneself"]. [Online]. Available from: <http://lenta.ru/articles/2006/12/08/rubina>. (Accessed: 15 July 2015).
9. Geller, L. (2002) [Resurrection of the concept, or a word on ekphrasis]. *Ekfrasis v russkoy literature* [Ekphrasis in Russian literature]. Proceedings of Lausanne symposium. Moscow: MIK. pp. 5–22. (In Russian).
10. Osipov, A. (2011) *Palitra vechnosti. Razgovor s khudozhnikom Borisom Karafelovym* [A palette of eternity. Conversation with artist Boris Karafelov]. [Online]. Available from: http://www.antho.net/interview/karafelov_osipov_2011.ht. (Accessed: 13.07. 2015).
11. Rubina, D. (2012) *Interv'yu* [Interview]. [Online]. Available from: <http://spbcaelidoscope.ru/dina-rubina.html>. (Accessed: 29 June 2015).
12. Uspenskiy, A.M. (2002) *Zhivopisnaya sistema Roberta Fal'ka: formirovanie i evolyutsiya* [The painting system of Robert Falk: formation and evolution]. Art Criticism Cand. Diss. St. Petersburg. [Online]. Available from: <http://www.dissercat.com/content/zhivopisnaya-sistema-roberta-falka-formirovanie-i-evolyutsiya>.
13. Milovidov, V.A. (2011) Narratologiya ekfrasisa [Narratology of ekphrasis]. *Narratorium*. 1–2. [Online]. Available from: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2027587>. (Accessed: 10 July 2015).
14. Mednis, N.E. (2006) "Religioznyy ekfrasis" v russkoy literature ["Religious ekphrasis" in Russian literature]. *Kritika i semiotika*. 10. pp. 58–67.
15. Rubina, D. (2012) *Okna: roman. Zhivopis' B. Karafelova* [The Window: A Novel. Paintings of B. Karafelov]. Moscow: Eksmo.
16. Zagorodneva, K.V. (2012) "The White Dove of Cordoba" by D. Rubina: Artistic Innovations and Traditions. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. Seriya: Filologiya*. 3:1. [Online]. Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/roman-d-rubinoy-belaya-golubka-kordovy-hudozhestvennoe-novatorstvo-i-traditsii>. (Accessed: 19 July 2015). (In Russian).

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070.15

DOI: 10.17223/19986645/38/12

Д.А. Кунильский

ДИАЛОГ «ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО» И «ОТРИЦАТЕЛЬНОГО» НАПРАВЛЕНИЙ В РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ 1860-х гг.¹

В статье отечественная журналистика XIX в. рассматривается как диалог двух направлений – «положительного» и «отрицательного». Представлена история этих понятий, приведены случаи их использования в критических и публицистических статьях. Наиболее четко разделение на «положительную» и «отрицательную» части прослеживается в журналистике шестидесятых годов и показано на примере разнообразных откликов на роман И.С. Тургенева «Отцы и дети». Ключевые слова: журналистика, полемика, «положительное» и «отрицательное» направления, «Отцы и дети», нигилизм.

В публицистических и литературно-критических статьях, принадлежащих разным авторам XIX в., начиная с 1820-х гг. обращает на себя внимание намеренный повтор слов «положительное» и «отрицательное», причем смысл, который вкладывался в эти понятия, не был одинаковым. Многое, конечно, зависело от того, какую позицию в общественной жизни и журнальной полемике занимал литератор. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выяснить главные значения терминов «положительное» и «отрицательное», а также определить причину частого использования этой оппозиции именно в критике и публицистике². Ввиду обширности материала основное внимание будет уделено спорам по поводу романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», что позволяет локализовать проблему и в то же время показать в диалоге носителей различных идей.

Таким образом, объектом исследования являются статьи М.А. Антоновича, Д.И. Писарева и М.Н. Каткова, в которых обсуждался новый роман, а предметом – значение встречающегося в этих статьях термина «отрицательное направление», а также противоположного по отношению к нему понятия «положительное». Крайне важно рассмотреть историю слов «положительное» и «отрицательное», чтобы представлять, о чем дискутировали разные поколения мыслителей и публицистов.

Изучение мировоззренческого и философского контекста бытования названных понятий – отдельная большая тема; здесь имеет смысл охарактери-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Современные аспекты изучения истории и поэтики русской литературы» Программы стратегического развития на 2012–2016 годы «Университетский комплекс ПетрГУ в научно-образовательном пространстве Европейского Севера: стратегия инновационного развития».

² Из работ, исследующих использование этих терминов в русской критике и публицистике, могу назвать только диссертацию Т.А. Трофимовой [1].

зовать основные идеи в общих чертах, иначе это уведет нас совсем в другую область. Термины «отрицательное» («отрицание») и «положительное» активно использовались в немецкой философии, в частности Шеллингом, который выделял два типа философского познания – «отрицательное» (логическое, рациональное) и «положительное» (религиозное). Эти взгляды Шеллинга нашли сторонников и в числе русских литераторов. Так, например, будущий славянофил И.В. Киреевский, слушавший в 1830 г. в Мюнхенском университете лекции Шеллинга, в своей известной статье «Девятнадцатый век» (1832) использовал ту же лексику, соглашаясь с немецким философом в его предпочтении «положительной» философии [2. С. 68–69]¹. Необходимо отметить, что понятия «положительное» и «отрицательное» также связываются с диалектикой Гегеля и, по мнению некоторых исследователей, являются именно гегелевскими². Другим смыслом один из элементов оппозиции наполняется в трудах основоположника позитивизма О. Конта, там под «положительностью» имеется в виду выдвижение на первый план естественных наук (физики, химии, астрономии, физиологии), ориентация на практическое знание, опора на факты³.

В России слова «положительное» и «отрицательное» появляются, очевидно, в первой половине XIX в., в эпоху преобразования русского языка, связанную с именем Н.М. Карамзина⁴, и в большинстве случаев также имеют явную философскую окраску. Надо сказать, что идея «положительного» и «отрицательного» направлений на первых порах развивалась в сфере литературной критики и подразумевала разговор о художественной литературе⁵, а не о журналистике или текущей политической и общественной ситуации. Другое дело, кто вел этот разговор – литературные критики, игравшие ведущую роль в «толстых» журналах. Суть вопроса заключалась в том, как надо изображать современную русскую жизнь: обличая ее недостатки с целью их искоренения или все же показывая светлые стороны как главные ориентиры для дальнейшего развития. Обратимся к свидетельству современника. Ближе к концу столетия сподвижник Ф.М. Достоевского, публицист Д.В. Аверкиев, вспоминая период сороковых годов, писал: «Как известно, в русской словесности различалось два направления: положительное и отрицательное. В отрицательном полагалась вся ее сила и значение. <...> Все “отрицательное”

¹ См.: [3].

² «Отрицание, – писал Гегель, – непосредственно противостоит реальности... оно противопоставляется *положительному*, которое есть рефлектирующая в отрицание реальность, – реальность, в которой *светится* то отрицательное, которое еще скрыто в реальности, как таковой» [4. С. 175]. См.: [5. С. 206].

³ См.: [6].

⁴ В «Словаре Академии Российской» статей, посвященных этим словам, еще нет [7]. Интересующие нас понятия появляются позднее – в «Общем церковно-славяно-русском словаре» П.И. Соколова [8] и «Словаре церковно-славянского и русского языка» [9], подготовленном Академией наук в 1847 г. В этих двух словарях «отрицательный» трактуется как «содержащий в себе отрицание, отвержение, отказ», а «положительный» – как «утвердительный, решительный».

⁵ Еще в 1827 г. князь П.А. Вяземский с сожалением писал о том, что русская литература пошла по пути, указанному одами Ломоносова, а не сатирами Кантемира. Со страниц «Московского вестника» ему возражал С.П. Шевырев: «Не поэзии дело истреблять плевелы... она положительно действует на человека», «она растворит душу к приятию всего высокого и благородного – и невольно очистятся нравы» [10. С. 59].

удостаивалось сугубой внимательности и хвалы; оно усиленно отыскивалось всюду» [11. С. 188].

В этих словах Д.В. Аверкиева угадывается намек на В.Г. Белинского: именно в 1840-е гг. отношение известного критика к русской жизни заметно радикализировалось, соответственно поменялись и его представления о задачах современного искусства. В обновленном «Современнике» В.Г. Белинский пропагандировал «отрицательное направление» новой литературной школы, иронично названной Ф.В. Булгариным «натуральной» (Н.А. Некрасов, И.И. Панаев, И.С. Тургенев, Д.В. Григорович, Е.П. Гребенка и др.). Оппоненты, среди которых были и славянофилы, критиковали натуральную школу за слишком мрачное изображение жизни, чрезмерное преувеличение ее пороков, высокомерное отношение к простым людям¹. В ответ на обвинения В.Г. Белинский, считавшийся идейным вдохновителем натуральной школы, утверждал, что «привычка верно изображать отрицательные явления жизни даст возможность... когда придет время, верно изображать и положительные явления жизни, не становя их на ходули, не преувеличивая, словом, не идеализируя их реторически» [13. С. 191].

Итак, формула «отрицательное направление» в сороковые годы прочно закрепилась за натуральной школой и ее идеологом В.Г. Белинским. Закономерной реакцией на это со стороны славянофилов стало появление в их журнале «Русская беседа» (1856–1860) ряда критических статей, отстаивающих положительное воззрение на жизнь: «Семейная хроника и Воспоминания, С. Аксакова» (1856) Н.П. Гилярова-Платонова, «Детские годы Багрова внука, служащие продолжением Семейной хроники, С. Аксакова» (1858) С.П. Шевырева, «О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе» (1859) А.М. Иванцова-Платонова². Все названные работы убеждали писателей отказаться от «голового отрицания», обращать внимание на светлые стороны национального быта, а первые две в качестве образца называли произведения С.Т. Аксакова.

Очень важно, что разные по своим взглядам авторы часто вкладывали в понятия «положительное» и «отрицательное» неодинаковый смысл. Для того чтобы это показать, позволю себе повторить уже сказанное в других моих работах³. Западники и литераторы так называемого «демократического» лагеря во главу угла ставили «отрицание», которое рассматривалось ими как отвержение старого, надоевшего мироустройства, что в конечном счете могло завершиться открытой борьбой с властью. Славянофилы и консервативные публицисты, напротив, выделяли слово «положительное», подразумевая под ним следование христианским идеалам, патриотизм, изучение народной культуры в разнообразных ее проявлениях. Однако представители разных идейных течений вовсе не отказывались от понятий, противоположных тем, значимость которых они отстаивали. «Положительное» также было важно для западнически настроенных литераторов, только трактовалось ими в духе позитивизма – как своеобразный рационализм, жизненный практицизм, отказ

¹ См.: [12].

² Характерно, что в колонтитуле эта статья обозначена иначе – «О положит[ельном] и отрицат[ельном] направл[ениях] в рус[ской] литературе».

³ См.: [12, 14].

от религиозного мировосприятия. А те же славянофилы провозглашали особый, свойственный им вид отрицания современной действительности – отрицание заимствованных у Запада форм государственной и общественной жизни во имя русской народности и самобытности. В настоящей статье, главным образом, рассматривается значение слов «отрицание» и «отрицательное направление», которые вновь стали использоваться в журнальной полемике в начале 1860-х гг. Поводом к спору послужил роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» – первое большое произведение, где был представлен образ современного отрицателя.

Цензурные послабления, возможность высказываться о политических событиях активизировали дискуссии на разные темы. Как известно, уже со второй половины 1850-х гг. авторы рассуждали не только о литературе, но, разбирая литературных героев, художественные образы, старались говорить о настоящем и будущем страны. Статьи стали, так сказать, более публицистичны, злободневны. Разделение журналистики на «положительную» и «отрицательную» части оказалось более очевидным, в программных выступлениях заявлялась принадлежность к той или иной партии¹. По словам Н.Н. Страхова, «состояние умов в это время, в 1861 и 1862 гг., было в высшей степени возбужденное» [17. С. 234], и именно тогда вновь актуализировались слова «отрицательное направление», «отрицание», «нигилизм». Важную роль здесь сыграл роман Тургенева «Отцы и дети» (1862 г.), «в котором в первый раз появилось слово *нигилист*, с которого начались толки о *новых* людях и, словом, все дело получило определенность и общеизвестность» [13. С. 236]². Отзывы на новое произведение часто противоречили друг другу – возьмем только самые известные из них: статьи М.А. Антоновича «Асмодей нашего времени» (Современник. 1862. № 3), Д.И. Писарева «Базаров» (Русское слово. 1862. № 3) и написанные уже с учетом этих публикаций две работы М.Н. Каткова – «Роман Тургенева и его критики» (Русский вестник. 1862. Т. 39. Май) и «О нашем нигилизме. По поводу романа Тургенева» (Русский вестник. 1862. Т. 40. Июль). Для того чтобы не «утонуть» в материале и сфокусировать угол зрения, можно воспользоваться словами М.Н. Каткова, объяснявшими отказ публициста от чисто эстетического анализа романа: «...мы не имели намерения разбирать роман и изображенные в нем характеры; мы только касаемся некоторых пунктов, имеющих общее значение, и по поводу их стараемся уловить и обозначить типические черты летучего явления нашей современной общественной среды» [18. С. 522]. Нас тоже будут интересовать, главным образом, не сам роман, не его художественные особенности и оценки их критиками, подробно рассмотренные в литературоведческих ра-

¹ В объявлении об издании журнала «Искра»: «На нашу долю выпадает разработка общих вопросов путем отрицания всего ложного во всех его проявлениях в жизни и искусстве. (...) Средством достижения нашей цели... будет сатира в ее общем обширном смысле» (напечатано отдельной листовкой в 1858 г., цит. по: [15. С. 39]). Те же принципы были заявлены в объявлении о подписке на журнал «Гудок»: «Отрицание во имя честной идеи, сатира и юмор во всех их проявлениях, преследование грубого и узкого обскурантизма, произвола и неправды в нашей русской жизни – вот те начала, которыми будет руководствоваться редакция “Гудка”...» [16. С. 4 обл.].

² Однако слово «нигилист» еще в 1829 г. использовал Н.И. Надеждин, назвав одну из своих статей «Сонмище нигилистов» (Вестник Европы. 1829. № 1–2).

ботах¹; наиболее интересной представляется именно реакция М.А. Антоновича, Д.И. Писарева, М.Н. Каткова на прозвучавшие в тексте термины «отрицание» и «отрицательное направление»².

Все три автора часто используют термин «отрицательное направление» и говорят о явлении, обозначаемом так, как о чем-то хорошо известном и распространенном. Более того, по мнению Антоновича, «отрицательное направление» является главенствующим идеологическим течением, идеи которого «составляют принадлежность не молодого поколения только, а разделяются большинством и выражают общее современное направление и движение» [22. С. 77]. Что же обозначается этим выражением? В качестве синонимов можно подобрать несколько слов, встречающихся в названных статьях: «молодое поколение», «нигилизм» и «реалисты» – последнее только у Д.И. Писарева. Молодое поколение – понятно, а вот слово «нигилист» необходимо пояснить, от его определения зависит позиция того или иного автора в общественной борьбе. В статье М.А. Антоновича есть такая трактовка этого термина, скомпонованная из разных фрагментов романа «Отцы и дети»: «Нигилистом называется тот, который ничего не признает; который ничего не уважает; который ко всему относится с критической точки зрения; который не склоняется ни перед какими авторитетами; который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип. <...> Не признают искусства, не верят в науку и говорят даже, что наука вообще не существует. Теперь все отрицают, а строить не хотят; говорят, это не наше дело; сперва нужно место расчистить» [22. С. 77–78]. Сам М.А. Антонович не признает нигилизм в таком виде, как его представил И.С. Тургенев, – это, по словам критика, «карикатура, утрировка» – не более³. Д.И. Писарев, напротив, в общем принимает тургеневские формулировки, акцентируя связь «отрицательного направления» с естественными науками и медициной, и вводит еще один термин – «практическое направление». Получалось, что в отрицании была заложена своя положительная основа – отрицание «бесполезного». «Общий характер эпохи, – говорит Д.И. Писарев, – заключается в практическом направлении; мы все хотим жить и придерживаемся того правила, что соловья баснями не кормят» [23. С. 180]. Собственно, главные расхождения во взглядах радикальных критиков связаны с их отношением к образу Базарова, олицетворявшему собой «отрицательное направление» [22. С. 37].

М.А. Антонович недоволен Базаровым, потому что тот выведен слишком грубо («мелкий хвастунишка и пьянчужка» [22. С. 40]), да вдобавок еще проигрывает в карты, отрицает «все бессознательно, неразумно, вследствие ощущения, “нравится мне отрицать – и баста”» [22. С. 90]. Отрицать надо не

¹ См., напр.: [19], [20. С. 26–72].

² «...Я придерживаюсь отрицательного направления – в силу ощущения. Мне приятно отрицать, мой мозг так устроен и баста!», – говорит Базаров Аркадию [21. С. 121].

³ Такие суждения М. А. Антоновича дали возможность М.Н. Каткову представить дело в смешном, невыгодном для автора «Современника» виде: «Герой этот (Базаров/ – Д.К.) называет себя нигилистом; но г. Антонович ужасается при одном этом слове, ничего подобного не знает он в нашей литературе, и у него вянут уши, он краснеет от той дичи, которую гордит этот нелепый нигилист. Г. Антонович божится, что в нашей литературе не было и помину о каком-нибудь отрицательном направлении» [18. С. 469]. Хотя М.А. Антонович, как мы видели, вовсе не отказывался признавать существование отрицательного направления.

все, считает М.А. Антонович, а только такое искусство, как роман И.С. Тургенева, оказавшийся, в свою очередь, «беспощадной и... разрушительной критикой молодого поколения» [22. С. 45]. Да, «Базаров завирается – это, к сожалению, справедливо», – соглашается Д.И. Писарев. «Он сплеча отрицает вещи, которых не знает или не понимает...» [23. С. 179]. «Слишком неразборчивое отрицание» Базарова Д.И. Писарев объясняет тем, что юность героя прошла в труде (у Базарова просто не было времени изучать искусство и литературу), образованием и природной склонностью все поверять опытом. И себя, и Базарова Д.И. Писарев причисляет к «реалистам» («Мы смотрим холодно и трезво на все, что нас окружает...»), одобряя неидеальное изображение героя: «Отрицаемое нелепо, да и отрицатели тоже делают порою капитальные глупости; они все-таки стоят несоизмеримо выше отрицаемого, но тут еще честь больно невелика; стоять выше вопиющей нелепости не значит еще быть гениальным мыслителем» [23. С. 180].

После выступлений М.А. Антоновича и Д.И. Писарева выходят две статьи М.Н. Каткова в «Русском вестнике». Там тоже говорится, что нигилизм распространяется очень быстро и составляет «характеристическую черту умственной жизни в нашем отечестве за текущий момент» [18. С. 513]. М.Н. Катков отмечает крайне своевременное появление «Отцов и детей» и на примере романа подробно разбирает принципы «отрицательного направления», причины его успеха, характеризует образ Базарова. Истоки нигилизма М. Н. Катков видит не только в учениях европейских материалистов, но и в обстоятельствах русской истории, которая «сама вся основана на отрицаниях» [18. С. 515], имея в виду, очевидно, петровский переворот и последовавшие за ним «механические» изменения. Катков использует такое выражение, как «религия нигилизма», у этой религии есть свои учителя и фанатики. Популярность нигилизма заключается в его легкости и доступности («Все решено и все вздор» [18. С. 512]), а основной прием – «повальное отрицание»: «Чем решительнее отрицание, чем менее обнаруживает оно колебаний и сомнений, тем лучше, тем могущественнее авторитет, тем возвышеннее идол, тем непоколебимее вера» [18. С. 513].

В характеристике Базарова нас особенно интересует та связь, которую М.Н. Катков заметил между тургеневским героем и журналистами «Современника»: «...никто в этом журнале, – пишет М.Н. Катков, – не выражал так толково и умно, как тургеневский Базаров, всего того, что эти господа старались развивать на все лады...» [18. С. 470]. Схожее мнение высказал Н.Н. Страхов, логично указав и на второй журнал: «Система убеждений, круг мыслей, которых представителем является Базаров, более или менее ясно выражались в нашей литературе. Главными их выразителями были два журнала: “Современник” и “Русское слово”, недавно заявившее их с особенною резкостью» [24. С. 184–185]. Итак, рупорами «отрицательного направления» считались некрасовский «Современник» и «Русское слово» в период редакторства Г.Е. Благодетельского, а также примыкавшие к ним сатирические издания («Искра», «Гудок»)¹. Противоположных взглядов, как мы видим, придержи-

¹ «Для истории нашего нигилизма и определения его генеалогии, – писал И.С. Аксаков, – рекомендуем читателям обратиться к изучению русской журналистики с начала 60-х годов» [25. С. 5].

вались славянофилы¹, почвенники², сотрудники М.Н. Каткова³. В то время как публицисты, в завуалированной форме отстаивавшие необходимость революции, делали упор на слове «отрицание», т.е. отрицание существующего миропорядка и представлявшихся им закоснелыми традиций и верований, авторы, выступавшие на страницах славянофильских и консервативных изданий, во главу угла ставили понятие «положительное», свидетельствующее о готовности увидеть в русской жизни хорошие стороны. Диалог двух направлений нередко отличался резкими нападками на оппонентов с двусмысленными высказываниями в их адрес и больше напоминал информационную войну (как это было в полемике «Эпохи» М.М. и Ф.М. Достоевских и «Современника» в лице М.А. Антоновича и М.Е. Салтыкова-Щедрина). Другое дело, что не менее рьяно, чем с «отрицателями», сторонники «положительного» полемизировали друг с другом. «Нет ничего труднее, – размышлял М.Н. Катков, – как найти в нашей общественной среде что-нибудь положительное, на чем могли бы сойтись между собою люди. Вы не свяжете трех человек на каком-нибудь положительном интересе; во всяком случае, связь между ними не продержится долго и не окажется плодотворною. Но зато нет ничего легче, как соединить между собою людей в чем-нибудь отрицательном. На положительном все перессорятся, и дело не пойдет; на отрицательном все легко сдружатся, и дело закипит» [18. С. 515]. Может быть, поэтому авторы, боровшиеся с нигилизмом и отрицанием, не предлагали четкой трактовки «положительного» – определить его всегда трудно. М.Н. Катков противодействие нигилизму надеялся найти в развитии «положительных интересов общественной жизни»: «религиозных, умственных, политических, экономических» [14. С. 527]. Однако подробно об этих «положительных интересах» редактор «Русского вестника» в своих статьях о тургеневском романе не говорит, также предпочитая «отрицательную» работу – развенчивать идеалы противников.

Исследование в русской журналистике XIX в. «положительного» и «отрицательного» направлений позволяет лучше понять расстановку общественных сил: публицисты, расходившиеся друг с другом в частностях, могут быть объединены в рамках того или иного направления. Главное, что термины «положительное» и «отрицательное» не придуманы позднейшими исследователями, а регулярно встречаются на страницах журналов и газетных полосах того времени. Сама проблема положительного или критического отображения жизни в журналистике и художественной литературе не теряет актуальности. Недаром до сих пор обсуждается необходимость позитивного взгляда

¹ Характерно, что Ф.В. Чижов в письме к И.С. Аксакову от 25 апреля 1877 г. говорил о необходимости издавать именно «положительную» газету: «Вам следует обдумать все дело и искренно сказать самому себе можете ли и желаете ли Вы вести газету положительную; что под Вашею редакциею она будет честною, об этом нечего и заикаться. Отрицание, критика... теперь значительные и отъявленные враги истинного успеха и истинного развития. Анализ, разбор, так; но разбор тем отличается от критики, что в нем спокойно видится благотворная сторона каждого явления и сторона вредная...» [26].

² В журнале братьев Достоевских «Время», вспоминал К.Н. Леонтьев, «положительное направление было еще шире, чем у славянофилов» [27. С. 101].

³ См.: [1].

на явления окружающей действительности. В связи с этим важно обратиться к опыту предшественников, выслушать аргументы обеих сторон.

Литература

1. Трофимова Т.А. «Положительное начало» в русской литературе XIX века: «Русский вестник» М.Н. Каткова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 21 с.
2. Киреевский И.В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. 384 с.
3. Смирнова З.В. Философия раннего славянофильства и Шеллинг // Философия Шеллинга в России XIX века. СПб., 1998. С. 396–427.
4. Гегель Г.В. Ф. Наука логики: в 3 т. М., 1970. Т. 1. 504 с.
5. Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рольф, 2001. 416 с.
6. Шкуринов П.С. Позитивизм в России XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 416 с.
7. Словарь Академии Российской. СПб., 1793. Ч. 4.
8. Соколов П.И. Общий церковно-славяно-русский словарь. СПб., 1834. Ч. 2.
9. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук: [в 4 т.] СПб., 1847. Т. 3.
10. Шевырев С.П. Об отечественной словесности. М.: Высш. шк., 2004. 304 с.
11. Аверкиев Д. В. Средний человек сороковых годов. Статья третья // Дневник писателя, ежемесячное издание Д.В. Аверкиева. СПб., 1885. Вып. 6. Июнь. С. 179–197.
12. Кунильский Д.А. «Положительная» журналистика против «отрицательной» литературы (статья Ю.Ф. Самарина «О мнениях “Современника”, исторических и литературных») // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 72–75.
13. Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 8. 784 с.
14. Кунильский Д.А. Достоевский и братья Аксаковы: спор о русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ. 152 с.
15. Лемке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб.: Книгоиздательство М.В. Пирожкова, 1904. 427 с.
16. Об издании в 1862 году (год четвертый) политической и литературной еженедельной газеты «Русский мир» с сатирическим листком «Гудок» // Русский мир. 1861. № 102. С. 2–4 обл.
17. Страхов Н.Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Полн. собр. соч. Ф.М. Достоевского. Т. 1. СПб., 1883. С. 179–329 (первая пагинация).
18. Катков М.Н. Собрание сочинений: в 6 т. СПб.: Росток, 2010. Т. 1. 848 с.
19. Пустовойт П. Г. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» и идейная борьба 60-х годов XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1960. 328 с.
20. Троицкий В.Ю. Книга поколений: О романе И.С. Тургенева «Отцы и дети». М.: Книга, 1979. 112 с.
21. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1981. Т. 7. 560 с.
22. Антонович М.А. Литературно-критические статьи. М.; Л.: ГИХЛ, 1961. 516 с.
23. Писарев Д.И. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. М.: Наука, 2001. Т. 4. 395 с.
24. Страхов Н.Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. 432 с.
25. <Аксаков И.С.> Москва, 4 апреля // Русь. 1881. 4 апр. № 21. С. 2–5
26. Чижов Ф.В. Письмо к И.С. Аксакову от 25 апреля 1877 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 675. Л. 88.
27. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова, О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2005. Т. 7, кн. 1. 560 с.

THE DIALOGUE OF THE “POSITIVE” AND “NEGATIVE” DIRECTIONS IN RUSSIAN JOURNALISM IN THE 1860S

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 6 (38), 159–168.

DOI: 10.17223/19986645/38/12

Kunil'skiy Dmitry A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation).

E-mail: dkunilsky@mail.ru

Keywords: journalism, polemics, “positive” and “negative” directions, *Fathers and Children*, nihilism

The author of the article tries to consider Russian journalism of the 19th century as a dialogue of the “positive” and “negative” directions. The terms “positive” and “negative” are analyzed in this article and the examples of their use in critical and publicistic works are given.

It is essential that at first the idea of “positive” and “negative” directions was developed in the sphere of literary criticism, which was especially focused on literature. Journalism or modern political and social situation were not the main objects for such works. So the problem of assertion and negation was one of the main for criticism in the 1840s. This issue was actively discussed in connection with works of the Natural School. On the one hand, Belinsky defended the “negative” direction of the Natural School which pictured only the dark sides of reality. On the other hand, such Belinsky’s opponents as Slavophiles criticized the Natural School for exaggeration of faults and a supercilious attitude to common people. The social enthusiasm connected with the enthronement of Alexander II made these discussions more intensive. Special attention should be paid to the articles of Slavophiles’ periodical *Russkaya Beseda* (1856–1860), because these works called writers to portray the light and positive moments of Russian life. We can see distinctly “positive” and “negative” parts in Russian journalism in the 1860s. It can be showed by the study of the polemics on I.S. Turgenev’s novel *Fathers and Children* in such articles as M.A. Antonovich’s “Asmodeus of Our Time” (*Sovremennik*. 1862. No. 3), D.I. Pisarev’s “Bazarov” (*Russkoe Slovo*. 1862. No. 3) and two M.N. Katkov’s works, which appeared later, “Turgenev’s Novel and Its Critics” (*Russkiy Vestnik*. 1862. Vol. 39. May) and “About Our Nihilism. Apropos of Turgenev’s Novel” (*Russkiy Vestnik*. 1862. Vol. 40. July). Special attention is paid to critics’ reaction on the term “negative direction” which appeared in the text of the novel. Literary and aesthetic discussions transformed into real publicistic and political practice as intensive controversy on the present and the future of the country. The author of the article comes to a conclusion that the word “positive” means loyalty to the government and Church, adherence to national traditions. These ideas joined the periodicals of Slavophiles and Pochvenniks, M.N. Katkov’s *Moskovskie Vedomosti* and *Russkiy Vestnik*. The Westerners, revolutionists and nihilists were called “negationists”. They saw no ways for peaceful and consistent development in Russian life at that time. N.A. Nekrasov’s *Sovremennik* and G.E. Blagosvetlov’s *Russkoe Slovo* were the mouthpieces of the “negative” direction. The dialogue between the “positive” and “negative” directions was remarkable for harsh attacks on the opponents and resembled information warfare.

References

1. Trofimova, T.A. (2007) “Polozhitel’noe nachalo” v russkoy literature XIX veka: “Russkiy vestnik” M. N. Katkova [The “positive beginning” in Russian literature of the 19th century, *Russkiy vestnik* of M.N. Katkov]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
2. Kireevskiy, I.V. (1984) *Izbrannye stat’i* [Selected articles]. Moscow: Sovremennik, 1984.
3. Smirnova, Z.V. (1998) *Filosofiya rannego slavyanofil’sтва i Shelling* [The philosophy of early Slavophiles and Schelling]. In: Pustarnakov, V.F. (ed.) *Filosofiya Shellinga v Rossii XIX veka* [Philosophy of Schelling in Russia of the 19th century]. St. Petersburg: RKhGI.
4. Hegel, G.W.F. (1970) *Nauka logiki: v 3 t.* [Science of Logic: in 3 v.]. Translated from German. V. 1. Moscow: Mysl’.
5. Gulyga, A.V. (2001) *Nemetskaya klassicheskaya filosofiya* [German classical philosophy]. 2nd ed. Moscow: Rol’f.
6. Shkurinov, P.S. (1980) *Pozitivizm v Rossii XIX veka* [Positivism in the 19th-century Russia]. Moscow: Moscow State University.
7. Imperial Academy of Sciences. (1793) *Slovar’ Akademii Rossiyskoy* [Dictionary of the Russian Academy]. V. IV. St. Petersburg: pri Imperatorskoy Akademii Nauk.
8. Sokolov, P.I. (1834) *Obshchiy tserkovno-slavyano-rossiyskiy slovar’* [General Church-Slavonic-Russian dictionary]. V. II. St. Petersburg: v Tipografii Imperatorskoy Rossiyskoy Akademii.
9. Second branch of the Imperial Academy of Sciences. (1847) *Slovar’ tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennoy Vtorym Otdeleniem Imperatorskoy Akademii nauk. V 4 t.* [Dictionary of Church Slavonic and Russian, made up by the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences. In 4 v.] V. III. St. Petersburg: v Tipografii Imperatorskoy Akademii Nauk.
10. Shevyrev, S.P. (2004) *Ob otechestvennoy slovesnosti* [On Russian literature]. Moscow: Vysshaya shkola.
11. Averkiev, D.V. (1885) *Sredniy chelovek sorokovykh godov. Stat’ya tret’ya* [An average person of the forties. Article Three]. *Dnevnik pisatelya*. VI: June. pp. 179–197.

12. Kunil'skiy, D.A. (2012) "Polozhitel'naya" zhurnalistika protiv "otritsatel'noy" literatury (stat'ya Yu. F. Samarina "O mneniyakh "Sovremennika", istoricheskikh i literaturnykh") ["Positive" journalism against "negative" literature (Yuri Samarin's "On the Views of Sovremennik, historical and literary)]. *Zhurnalistitskiy ezhegodnik – Journalistic Yearbook*. 1. pp. 72–75.
13. Belinsky, V.G. (1982) *Sobr. soch.: v 9 t.* [Works: in 9 v.]. V. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
14. Kunil'skiy, D.A. (n.d.) *Dostoevskiy i brat'ya Aksakovy: spor o russkoy literature* [Dostoevsky and Aksakov brothers: a dispute about Russian literature]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
15. Lemke, M. (1904) *Ocherki po istorii russkoy tsenzury i zhurnalistiki XIX stoletiya* [Essays on the history of Russian journalism and censorship of the 19th century]. St. Petersburg: Knigoizdatel'stvo M. V. Pirozhkova.
16. Anon. (1861) Ob izdanii v 1862 godu (god chetvertyy) politicheskoy i literaturnoy ezhenedel'noy gazety "Russkiy mir" s satiricheskim listkom "Gudok" [On the publication in 1862 (the fourth year) of the political and literary weekly newspaper Russkiy mir with a satirical piece of Gudok]. *Russkiy mir*. 102. pp. 2–4.
17. Strakhov, N.N. (1883) Vospominaniya o Fedore Mikhayloviche Dostoevskom [Memories of Fyodor Dostoevsky]. In: *Polnoe sobranie sochineniy F.M. Dostoevskogo* [Complete Works of F.M. Dostoevsky]. V. 1. St. Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina.
18. Katkov, M.N. (2010) *Sobr. soch.: v 6 t.* [Works: in 6 v.]. V. 1. St. Petersburg: Rostok.
19. Pustovoyt, P.G. (1960) *Roman I.S. Turgeneva "Ottsy i deti" i ideynaya bor'ba 60-kh godov XIX veka* [Turgenev's novel Fathers and Sons, and ideological struggle of the 1860s]. Moscow: Moscow State University.
20. Troitskiy, V.Yu. (1979) *Kniga pokoleniy. O romane I. S. Turgeneva "Ottsy i deti"* [A book of generations. About Turgenev's novel Fathers and Sons]. Moscow: Kniga.
21. Turgenev, I.S. (1981) *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t.* [Complete works: in 30 v.]. V. 7. Moscow: Nauka.
22. Antonovich, M.A. (1961) *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary-critical articles]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
23. Pisarev, D.I. (2001) *Poln. sobr. soch. i pisem: v 12 t.* [Complete works and letters: in 12 v.]. V. 4. Moscow: Nauka.
24. Strakhov, N.N. (1984) *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Moscow: Sovremennik.
25. «Aksakov, I.S.» (1881) Moskva, 4 aprelya [Moscow, April 4]. *Rus'*. 4 April:21. pp. 2–5.
26. Chizhov, F.V. (1877) *Pis'mo k I. S. Aksakovu ot 25 aprelya 1877 g.* [Letter to I.S. Aksakov on April 25, 1877]. The Pushkin House. Fund 3. List 4. Unit 675. P. 88.
27. Leont'ev, K.N. (2005) *Poln. sobr. soch. i pisem: v 12 t.* [Complete works and letters: in 12 v.]. V. 7. Book 1. St. Petersburg: Vladimir Dal'.

УДК 82-822 (571.1/.5)

DOI: 10.17223/19986645/38/13

Е.А. Макарова

ЛИТЕРАТУРНЫЕ АЛЬМАНАХИ СИБИРИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТряСЕНИЙ (1914–1917)

В статье проанализированы литературные альманахи Сибири в предреволюционные годы. Установлена их специфика с точки зрения сборника регионального типа и адресно-целевой характеристики. Доказана их вовлеченность в общий историко-культурный контекст развития литературы Сибири и налаживания диалога региона и центра.

Ключевые слова: региональная литература, локальный подход, сборник-альманах, культурный трансфер.

Данная статья является продолжением ряда публикаций в различных изданиях за последний год по проблемам истории формирования, типологии и специфики бытования литературно-художественных сборников в книжном пространстве Сибири XIX–XX вв. Особенность данного исследования – системный анализ привлекаемых материалов: не монографическое изучение каждого отдельного этапа развития региональной литературы и издательских практик, а попытка выявить и систематизировать определенные типы и виды литературно-художественных сборников в контексте развивающейся литературно-издательской ситуации в Сибири. Отслеживание основных этапов их развития начиная с самого зарождения – конец XVIII в. – до первых десятилетий XX в. помогает понять, как произошла окончательная кристаллизация формы провинциальной книги и при каких условиях сложилось ее видовое и жанровое разнообразие. В этом, на наш взгляд, проявляется актуальность исследования.

Литературно-художественный сборник в филологической и книговедческой науке определяется как вид книжного издания, включающий в свой состав часть литературного наследия одного или нескольких авторов. С.А. Карайченцева определяет сборник как «наиболее гибкий вид литературно-художественного издания, обладающий большим числом разновидностей: в нем могут быть представлены произведения всех без исключения родов и жанров художественной литературы прошлого и современности, подобранные в составе, отвечающем потребностям любого круга читателей и покупателей» [1. С. 21]. В диссертационной работе В.В. Баженовой выражена крайне точная мысль о том, что в последние годы весьма плодотворно развивается книговедческое направление филологии, что связано «с повышенным вниманием к феномену текстуальности, практически ставшему символом искомого синтеза различных общекультурных начал: эстетических, коммуникативных, социальных и пр. <...> Острее это проявляется в литературных сборниках, таких как периодические журналы, альманахи, антологии, хрестоматии, серии/библиотеки и пр.» [2. С. 3].

Изучение региональных, в том числе сибирских, литературно-художественных сборников необходимо рассматривать на разных «срезах эпохи». Такой подход позволяет целостно осмыслить специфику контекста развития регионального книгоиздательства, литературной и общественной жизни Сибири, образа читателя на разных ее этапах. Наиболее перспективным в этом плане видится локальный подход, предложенный в современных исследованиях И.И. Фроловой [3] и Н.М. Дмитриенко [4], согласно которому провинциальная литература и культура изучаются внутри территорий определенных географических районов или исторических областей, вследствие чего исследователь, ограничиваясь той или иной географической областью, может вести более углубленное исследование. Наряду с этими проблемами чрезвычайно важным представляется вычленение категории читателя по отношению к региональной литературе и культуре, что отсылает к главной мысли Умберто Эко о том, что любой текст моделирует определенного читателя [5].

В процессе сбора материала в различных местных и столичных библиотеках нами был обнаружен целый ряд текстов, многие из которых были впервые атрибутированы и введены в научный оборот. Этому способствовали и источники регионального происхождения: сибирская периодика рубежа веков, различные справочники и «памятные книжки», архивы, мемуары современников и т.п., что помогло детализировать готовящуюся к публикации библиографическую опись и монографию. Все это вкупе определяет новизну исследования.

Материалом для данной статьи стали региональные литературные альманахи Сибири последних предреволюционных лет (1914–1917). В них отражены как общие черты по отношению к литературе центра, так и специфические особенности, характерные для книжного пространства Сибири в первые десятилетия XX в., что дает основание более четко выявить и современный характер развития региональных литературно-художественных сборников.

Закономерно, что история книгоиздания, развития типографского дела и формирующейся литературы Сибири напрямую связана с историей периодической печати и журналистики, со становлением сибирского общества, поэтому их сложно разграничить. В связи с этим нам близка концепция Ю.Б. Балашовой, подчеркивающей, что, «периоды культивирования альманаха, или литературного сборника, совпадают со становлением и утверждением новых общекультурных формаций, которые отличает значительная гибкость, вариативность востребованных форм» [6. С. 3].

Обозначенный нами дореволюционный период характеризуется бурным развитием журналистики, литературы Сибири, соответственно, и резким увеличением количества периодических изданий, а также сборников различного типа, нередко создававшихся в результате частных инициатив. Вместе с этим неуклонно развивается и читательский интерес к формирующейся сибирской литературе, которая появляется в разнообразных журналах, воплощается в авторских и коллективных сборниках. В них уже постоянно встречаются новые для читателя имена Г. Вяткина, И. Тачалова, Г. Гребенщикова, Вяч. Шишкова, Ис. Гольдберга и др. Молодая сибирская литература отличается по отношению к предыдущей, сформированной на идеях областниче-

ва, а потому несущей явную этнографическую и публицистическую нагрузку, большей суверенностью жанров собственно художественной прозы. В книжном пространстве Сибири с определенной регулярностью продолжают издаваться и распространяться различные коллективные сборники, в том числе и альманахи, бурное развитие которых особенно отчетливо наблюдается в первые переломные десятилетия XX в., что становится характерной чертой для общероссийской ситуации в целом и дает основание говорить о новой волне «альманашного бума» в России.

В самом творчестве молодых сибирских писателей, вошедших в авторский состав подобных коллективных сборников, уже отчетливо проявились новые особенности литературы реализма рубежа веков, связанных с принципами зарождающегося нового направления, получившего название «Молодая Сибирь». Несомненно, что в нем отразились главные достижения идей позднего областничества, в самой сути которых уже наблюдалась характерная ситуация фронта, пересечения границы, поиска идеального локуса для воплощения своей доктрины. Вследствие этого в последние десятилетия XIX в. произошла явная перефокусировка взгляда на Сибирь, которая воспринималась уже не извне, а изнутри. Окончательное же оформление идей областничества приводит к новому в русской культуре взгляду на Сибирь как на целостность. В итоге «идея Сибири» стала главной парадигмой творческого наследия старших областников. Осмысление ее пространственных границ, истории, природы, общих типологических моделей вело к формированию регионального самосознания и той литературы, которая неизбежно возникала в связке с процессами общелитературными. В самой же литературно-культурной ситуации формируется очередной локальный текст – «сибирский текст».

Такого рода тенденции проявились и в литературном направлении «Молодая Сибирь», но с несколько иной акцентировкой. Социальные симпатии и эстетические принципы писателей-сибиряков новой волны, стремящихся активнее влиться в общероссийский литературный поток, вели к явному преодолению некоторых областнических идей. Главным же в этом прорыве стало то, что фактографическая правда литературы Сибири устремилась к правде художественной.

Если обратиться к основным дискуссиям по данным вопросам в сибирской дореволюционной периодике, то значимой в этом плане представляется статья А. Лаптева «Альманах или журнал», напечатанная в томской газете «Сибирская жизнь» от 4 февраля 1914 г. и послужившая началом важной творческой полемики в региональных литературных кругах. В ней продолжилось обсуждение проблемы поиска наиболее адекватного вида издания регионального типа и выявление причин, связанных с неудачными попытками создания местного печатного органа.

Характерно, что в этом плане автор сразу выделяет особую роль альманахов, по различным причинам ставших наиболее востребованными читательской аудиторией: *Не удивительно ли, что Сибирь с ее богатым разнообразием природы, с ее историей до сих пор не имеет своего журнала? <...> Нужно, значит, искать какой-то другой путь. Издание "Алтайского альманаха" – первого альманаха в Сибири – наводит на мысль, нельзя ли воспользо-*

ваться этой формой издания. Первый сибирский альманах издан при газете "Жизнь Алтая", и это как раз тот именно путь, который следует признать наиболее удобным для развития журнального дела в Сибири. Важно, что наряду с творческими задачами автор выделяет и коммерческие, подчеркивая, что издание альманахов при газете представляет много удобств – связь с литературным миром, оборудованная типография и знакомство с издательским делом. Если помнить, что «альманашный бум» в России пришелся на 20–30-е гг. XIX в., а в 40-е гг. уже больше воплощался в виде сборников, проложив дорогу к так называемым «толстым» журналам, то в начале XX в., как мы уже подчеркнули, им на смену опять приходят альманахи. И причин здесь видится несколько. Во-первых, это связано с цензурными условиями, при которых альманахи проходили их легче, чем периодические издания. Во-вторых, по книгоиздательским и экономическим причинам сама организация альманаха была гораздо проще, чем организация журнала, что также подчеркивается в статье: *Альманахи не связывали себя обязательством своевременного выпуска, не требовали таких затрат, как большие ежемесячники, и представляли, следовательно, меньше риска. Сибирь могла бы воспользоваться этим опытом и тем же путем привить дело издания больших ежемесячных журналов* [7. Л. 1–2].

В итоге адекватным «ответом» вызовам времени стал *«Алтайский альманах»*, подготовленный и отредактированный Георгием Гребенщиковым в Барнауле, но отпечатанный в Петербурге в 1914 г. в издательстве газеты «Жизнь Алтая». Этот сборник стал, по сути, первым полноценным сибирским альманахом как по единству концепции, так и общности коллектива авторов, что уже позиционировалось во вступительной статье «От редактора»: *Приступая к первому опыту издания местного художественно-литературного сборника, мы желали: во-первых, дать нашим читателям и всем, кто интересуется "Алтайским альманахом", живое представление о малоизвестном Алтайском крае по возможности в художественных образах, и, во-вторых, – объединить местные литературные и художественные силы в форме книги, являющейся, по нашему мнению, наиболее прочным и ответственным выражением нашей внутренней связи* [8. Л. VII].

Сборник был напечатан при типографии Б.М. Вольфа, на хорошей бумаге, с прекрасно выполненными рисунками алтайских художников Г. Гуркина и И. Вандакурова, мотивами для которых послужили ландшафты и виды Алтая. Среди авторов числятся уже известные в местной литературной среде члены группы «Молодая Сибирь» Вяч. Шишков, Вл. Бахметьев, Г. Гребенщиков, С. Исаков, И. Тачалов, А. Пиотровский. Всех их объединяет общая цель и интонация – ослабление социальной составляющей в пользу художественной, идеализация сибирского быта, большей частью связанного со старообрядческой средой, единодушное восхищение своим краем.

Интересно и подробно представлен в альманахе рекламный раздел, размещенный на внутренней стороне нижней обложки сборника, где дается подробный анонс книг «Издательского Товарищества писателей». На внешней ее стороне сообщается о подписке на газету, а далее следует важное уточнение: *"Жизнь Алтая", стремясь к возможно полному ознакомлению читателей с явлениями русской и иностранной жизни, главной своей задачей ставит*

разработку и **освещение местных, алтайских и общероссийских вопросов и нужд**. Кроме того, газета уделяет значительное внимание **литературно-художественному отделу**, давая в нем стихотворения, очерки и рассказы из жизни Сибири и в особенности из жизни Алтая, а также дает место **маленькому фельетону** откликаясь в нем на злобы дня и уродливые явления местной жизни. Литературно-художественным отделом заведует Г.Д. Гребеничиков. Подписчики, внесшие дополнительно к подписной плате 1 руб., получают книгу, посвященную природе и быту Алтая. Издатель В.М. Вершинин. Ответственный редактор П.А. Казанский [8].

Таким образом, «Алтайский альманах» отличаются четкая композиционная продуманность, жанровое и тематическое разнообразие, что дает общее представление об истории, природе, жизни и быте Алтая, его литературном движении. Сборник знакомит и открывает для читателя многие имена, представляя своеобразную «выставку» произведений определенной «школы», и обладает несомненными литературными достоинствами. К сожалению, опыт подобного приложения к газете у барнаульских издателей оказался единичным, тем не менее в преддверии трагических событий Первой мировой войны в нем уже обозначились четкие перспективы по раскладу литературных сил в стране.

Главной особенностью сибирской литературной и издательской ситуации в дореволюционный период стала ее постепенная вовлеченность в общероссийский процесс. В «умственных центрах» (по выражению Ядринцева) начали объединяться литераторы, в осмысление этих явлений активно включается литературная критика, и не только областническая (пример Н.Ф. Насимовича-Чужака). Ее литературно-критическая функция, по утверждению В.И. Плюхина, «характеризовалась теоретическими и практическими исследованиями задач марксистской критики, полемикой с декадентским искусством, модернизмом, изучением особенностей “нового реализма”, формированием писательской критики пролетарского направления» [9. С. 26]. Показательно, что все это происходило на фоне развития и совершенствования авторитетной издательской базы, формирования культурного диалога между Сибирью и центром. Этот период в итоге отмечен реальными сдвигами в культурной жизни России: «Сменяя центристскую модель русской культуры, когда все лучшее устремлялось из провинций в столицу, молодые сибиряки начинали обратное движение, оповещая литературный Петербург о разнообразной творческой жизни далекой окраины» [10. С. 6].

Ярким явлением этого периода стала деятельность издательства «Факел», зародившегося изначально в Петербурге, а затем прочно утвердившегося в Томске. Главные его создатели – В.П. Микулин и М.Б. Барахович – познакомились в Томске во время учебы в Первом Сибирском среднем политехническом училище, поэтому важно, что изначально издательство было связано с молодежной, студенческой средой, но вскоре превратилось во вполне «взрослое» общественно-политическое и культурное явление.

Первым изданием «Факела» стал литературно-художественный сборник

«*Зимние радуги*» (1914) [11]¹. По содержанию он представляет брошюру смешанного содержания, в которой стихотворения перемежаются прозой и критическими статьями. По сути, это типично провинциальная любительская продукция альманашного типа крайне невысокого уровня. Из всех сочинений некоторую ценность представляют лишь стихи «Из мотивов “Гайаваты”» Михаила Плотникова – известного в дальнейшем сибирского этнографа, фольклориста и литератора. Прочие авторы, по предположению А.Л. Посадскова, скорее, являлись друзьями и одноклассниками В. Микулина [12]. Но при всем при этом сборник отражает явные тенденции эпохи модерна, в котором полемически манифестируются основные направления времени, в частности связанные с эстетикой футуризма. На последних его листах внизу привлекает внимание многообещающая заявка: *В феврале выйдет в свет второй сборник издательства “Факел”*.

Выхода второго сборника читатели не дождались, но следующей книгой издательства стал литературный сборник-альманах под названием «*Черные розы*» (1915) [13] с важным уточнением на титуле внизу – *Четвертое издание*, что означает, что между указанными сборниками вышло еще два, хотя до сих пор они не выявлены исследователями. Несмотря на достаточно амбициозную заявку, содержание этого сборника, как и предыдущего, отнюдь не отвечало притязаниям его создателей: большинство помещенных стихов и прозаических произведений были откровенно посредственными и нехудожественными.

С 1915 г. издательство «Факел» уже позиционировалось как столичное, сменив в выходных данных и свой адрес. Но вскоре его создатели вернулись из революционного Петрограда в Томск, привезя с собой незавершенные дела издательства, в частности рукопись третьего литературного альманаха под названием «*Свирель*», который был издан уже в Томске в 1917 г. [14]. Сборник этот отсутствует в фондах НБ ТГУ и просмотрен нами в РНБ. Важная информация присутствует на внутренней стороне обложки, где приводится таблица деятельности издательства. Важно, что здесь уже ощутимо явное усиление концепции издания в сторону качественной художественной составляющей, так как наряду с любительскими в сборнике представлены тексты таких известных авторов, как Г. Адамович, А. Гумилевский, С. Есенин, И. Северянин и др.

В итоге к этому периоду в региональной литературной и издательской ситуации отчетливо выявляется диалогическая ситуация культурного трансфера, способствующего процессу идентификации и самоидентификации и ставшего необычайно продуктивным для культурного диалога Сибири и центра. Если учесть, что культура провинции всегда являлась полнокровной сферой культуры общероссийской, не только воспринимавшей культуру столиц, но и постоянно обогащавшей и подпитывавшей ее, то, на наш взгляд, без глубокого проникновения в региональный аспект невозможно понять общероссийский историко-культурный процесс в целом.

На рубеже XIX–XX вв. еще один сибирский город – Омск – активно под-

¹ Эта тонкая книжечка, отпечатанная скоропечатней «Энергия», ныне сохранилась только в двух библиотеках – РНБ и НБ ТГУ.

ключается к этим значимым процессам. Этот город, возникший еще в начале XVIII в. и длительное время развивавшийся как сугубо военно-административный центр, к данному периоду приобретает качественно новые черты, связанные с быстрым экономическим развитием и оживлением в культурном плане, что объяснялось созвучностью требованиям эпохи модернизации. Становясь все больше центром сгущения культурных процессов и инноваций, Омск в этот период представлял своего рода «провинциальную столицу», имевшую определенное социокультурное влияние на весь Западно-Сибирский регион. А уже в годы правления Колчака он получит звание «белой столицы» Сибири.

По-настоящему полноценным литературно-художественным изданием означенного периода, созданным в формате альманаха, как в концептуальном, содержательном, так и оформительском плане станет сборник *«Жертвам войны» (1915)* [15], изданный в самый разгар Первой мировой войны сотрудицей омского журнала «Ленские волны» М. Шавыкиной.

Книга представляет собой типичный альманах благотворительного типа, что уточняется на его титуле: *Составлен исключительно из произведений писателей-сибиряков. Весь доход предназначается на нужды раненых и больных воинов.* В предисловии редакции адресно-целевое назначение издания проявляется еще отчетливее: *Издавая сборник, редакция надеется, что общество не откажет в поддержке начинания писателей-сибиряков, поместивших в сборник, предназначенным в пользу больных и раненых воинов, свои произведения – эту лучшую жертву ума и сердца. Настоящий сборник – один из ряда намеченных к выходу в свет* [15. Л. 3]. Важно помнить, что в период Первой мировой войны закономерным стал тот факт, что объектом благотворительности оставались все группы нуждающихся, но на первый план выходило попечение о больных и раненых воинах, воинах-инвалидах и членах их семей. Сам же жанр благотворительного сборника являет собой по историко-типологической модели уже специализированную разновидность альманаха.

Но не только этот аспект станет главным в определении концепции данного сборника. Издателей волновал и процесс формирования местных литературных сил, а также издательских, полиграфических возможностей, о чем сообщается далее: *Благотворительная цель издания не должна затушевать содержание книги. При расположении материала редакция руководствовалась временем поступления рукописей. Сборник печатался в Омске, и в нем, как и в каждом таком начинании, имеются технические погрешности, объясняемые исключительно условиями печатания сборника местными средствами. В заключение редакция выражает уверенность, что общество своим участием поможет редакции продолжать и развивать начатое ею дело, отвечающее запросам времени и нуждам края. Путем издания таких сборников сибирский литератор имеет возможность выступить перед судом серьезной критики, и пусть критик подходит к нему не со снисходительной улыбкой, а со всей строгостью и беспристрастностью своего авторитета»* [15. Л. 3].

В итоге сборник получился разнообразным как в жанровом, так и в тематическом плане. Главной его ценностью стало то, что в отличие от предыду-

щих он был уже крайне насыщен сибирским материалом. В него вошли стихи, очерки, рассказы, фольклорные стилизации и прозаические этюды наиболее ярких омских литераторов – А. Новоселова, А. Сорокина, Г. Вяткина. Среди других авторов – В.Д. Митрич (Соколов), А. Цвиркне, С. Байкалов, Г. Новоселова, А. Ершов, М. Плотников. Оформление издания также отличается явной концептуальностью и качеством исполнения. На обложке и титуле книги, оформленных киевским художником-графиком Владимиром Эттелем, проживавшим к этому времени в Омске, название набрано крупным кеглем и обведено контуром, изображающим колючую проволоку. В итоге выход в свет этого сборника действительно свидетельствовал об оживлении литературно-издательской жизни Омска в предреволюционную эпоху и стал серьезной творческой заявкой на будущее.

Таким образом, развитие книгоиздания в Омске демонстрировало его развитие в целом как в сибирском, так и в общероссийском пространстве. Но и внутри сибирского региона уже складывалась своеобразная диалогическая ситуация, связанная с закономерным выдвиганием в центр и поочередным уходом на периферию двух главных «культурных гнезд» (по терминологии Н.К. Пиксанова) – Иркутска и Томска, не перестававших на протяжении многих лет претендовать на право именоваться «книжной столицей Сибири».

Ярко заявив о себе еще в середине XIX в., книгоиздание в Иркутске не сдавало позиций, несмотря на то, что активная деятельность П.И. Макушина и открытие первого за Уралом Императорского университета в Томске сделало этот провинциальный город явным духовным лидером. В 1900-е гг. наряду с частными книжными магазинами в Иркутске открываются книжные склады, отделения крупных центральных издательств России («Просвещение», «Деятеля», имевшим представительство известных издателей Вольфа, Брокгауза – Ефрона, Девриена), книготорговых фирм (например, И. Сытина). Развивает активную деятельность иркутская типография штаба военного округа, типолитографии Синицына, Макушина и Посохина, Казанцева, газеты «Сибирь» и др.

Среди разнообразных местных литературно-художественных изданий интересным представляется сборник литературных произведений учеников Иркутской мужской гимназии *«Первый подснежник»* (1914) [16], отпечатанный в губернской типографии. Он является продолжением характерного жанра ученического сборника, если помнить, что одним из первых иркутских сборников такого плана были «Прозаические сочинения учеников Иркутской гимназии, писанные под руководством старшего учителя российской словесности Ивана Поликсенова» (СПб., 1836). Книга обнаружена нами в описи книг из библиотеки известного томского краеведа Вл. Домаевского, хранящейся в фонде русской книги историко-краеведческого отдела ТОУНБ им. А.С. Пушкина, и представляет собой еще один вид благотворительного издания альманашного типа с уточнением на задней обложке: *Продается в пользу недостаточных учеников.*

В предисловии от составителей, размещенном на первых нумерованных листах, подчеркивается роль подобного рода издания, появившегося в такое суровое время: *Как ранний подснежник, появляющийся после долгого, холодного зимнего покрова, служит предвестником наступающей весны и*

расцвета природы, так и наш сборник среди серой и томительно-однообразной жизни гимназиста является предвестником свободного расцвета молодых сил, пробуждением мысли и первых проблесков литературного творчества. И наш «подснежник» – **первый подснежник** (выделено составителем), ибо в нашей родной холодной Сибири он является первым гимназическим сборником литературных произведений. Эти стремления юношества вырваться из будничной грубо-обыденной жизни, эти первые подснежники нашей мысли – должны быть дороги для каждого сознательного человека, и мы надеемся, что этот сборник встретит то же сочувствие и внимание общества, **как и два предшествующих**¹ (выделено мною. – Е.М.) Иркутская мужская гимназия. 1 марта 1914 г.»

В содержательном плане книга привлекает внимание, конечно, не столько уровнем литературного мастерства, сколько разнообразием жанров, среди которых стихи, рассказы, легенда, набросок, сказка. Заканчивается сборник статьей Бельского «Певец Сибири», посвященной творчеству сибирского писателя И.В. Омудевского (псевдоним поэта и беллетриста И.В. Федорова). Еще более привлекательны качество и уровень оформления издания.

По уточнению Ю.Б. Балашовой, «в системе периодики альманах – как и следует изданию переходного типа – подвижен, неустойчив: он тождествен периодическому сборнику, взаимозаменяем с журналом и противопоставлен газете. При этом альманах, в отличие от своего главного конкурента, – «толстого» журнала – более мобильно реагирует на динамику литературного процесса» [6. С. 12]. В этом плане интересна история рождения еще одного иркутского литературно-художественного сборника.

С августа 1916 г. по март 1917-го в типографии Серебренникова в Иркутске выпускается литературно-общественный и сатирический журнал «Багульник». Его создателем стала известная на то время сибирская писательница, издательница русских народных сказок и книг по домоводству А.И. Миталь. Журнал выходил четыре раза в год большим форматом, с иллюстрациями уже упомянутого нами киевского художника-графика Вл. Эттеля. В итоге вышло всего пять номеров. Кроме прозаических и стихотворных текстов, в журнал входили такие рубрики, как Театральные заметки. Библиография. Беседы с авторами. Календарь науки и искусства и пр. Ведущую роль среди авторов играли участники литературного объединения «Иркутские вечера» – поэты Вл. Пруссак, Дм. Олерон (Глушков), В. Стасьева, Л. Повицкий, Н. Камова, К. Журавский и др. Активными сотрудниками журнала были литературные критики Е. Ярославский и Н. Насимович-Чужак.

Закономерным результатом подобного издательского проекта стал сборник-альманах **«Иркутские вечера»**, изданный в 1916 г. группой поэтов в Иркутске, инициатором и редактором которого являлся Константин Журавский [17]. Этот поэтический альманах стал, по сути, третьим коллективным сборником, после «Первого» и «Второго сборника сибиряков», изданных в Томске в 1905 и 1908 гг. В нем продолжают проявляться и типичные черты альманаха, так как сборник был создан группой единомышленников и отличался общей концепцией. Еще одним принципиальным аспектом стало то, что он

¹ На сегодняшний день информация по этим сборникам не обнаружена.

был сформирован на истинно сибирской почве, объединив литературную молодежь Иркутска, группировавшуюся вокруг талантливого поэта и политического ссыльного Вл. Пруссак.

Вся эстетика сборника как на уровне паратекста, так и собственно текста уже пронизана романтической пафосной эстетикой предреволюционной поры, характерной и для изданий первых лет советской власти. На первой нумерованной странице в статье «От редакции» читаем: *В стране непробужденных просторов и злых морозных туманов, где искусство живет вчерашним днем, где поэзия кажется тихой заводью, пугающейся свежего ветра, мы, немногие, случайно спянные временем и местом, дерзаем вступить на путь действенного и гласного творчества. Не примыкая ни к одной из существующих групп в поэзии, не замыкаясь в свою собственную, мы представляем каждому из нас выявлять себя в избранных им образах и мотивах. Общее между нами – наша любовь к поэзии и веротерпимость. Наши альманахи – стихи, которые каждый из нас считает для себя наиболее характерным в данное время. Мы рады будем, если к нашим голосам присоединятся новые. Мы ждем их. Иркутск. Июнь. 1916.*

На последней странице приводится оглавление с перечислением имен поэтов и названий их стихотворений. Среди них – Константин Журавский, Надежда Камова, Лев Повицкий, Вл. Пруссак, Варвара Статьева. Всех их отличают хорошая поэтическая техника и культура стиха, но на многих еще лежит печать подражательности и зависимости от модных поэтов модернистской направленности – Брюсова, Ахматовой, Блока. На этом фоне резко выделяются стихи Льва Повицкого и Владимира Пруссак.

На нахзаце справа внизу дается уточнение в рамке: *Следующий альманах предполагается к выходу в октябре с.г.* (выделено мною. – Е.М.) *За справками обращаться: Иркутск, 5-я Солдатская, 29, Константину Журавскому*». Но, судя по всему, продолжению этого проекта также не суждено было реализоваться, что становилось закономерностью для целого ряда сибирских сборников, заявлявших о себе достаточно ярко и амбициозно, но и быстро угасавших. Объясняется это логикой бытования альманаха как кружкового печатного органа, недостаточным владением их создателей профессиональным менеджерским опытом, наработанными издательскими тактиками и стратегиями, дефицитом сибирских авторов, невысоким уровнем их текстов, а отсюда – слабой востребованностью подобных изданий местной читательской средой.

Не случайно и данный сборник получил резкую критику в печати, а также стал объектом дружеских эпиграмм и пародий. Тем не менее его авторов объединял общий полемический запал, если помнить, что деятельность поэтов «Иркутских вечеров» была направлена против традиционного сибирского областничества и провинциальной ограниченности. В их творчестве уже зазвучали общерусские мотивы, вызвавшие нападки со стороны сибирских областников, столичная же критика их приветствовала.

Интересным, к примеру, с точки зрения восприятия столичными литераторами сибирской журналистско-литературной ситуации явился отзыв «мэтра» русской литературы Федора Сологуба (крайне модного на то время), выступившего с лекцией «Россия в мечтах и ожиданиях» в Иркутске в октябре

1916 г. в помещении Первого общественного собрания. Возвращаясь из поездки, он пишет с дороги своей жене следующее: «Познакомился с Чужаком. Молодой человек довольно жизнерадостного вида, по манерам нечто вроде смеси Минского и Луначарского. Заведует какою-то маленькою типографией. В сибирских газетах не участвует. Принят в «Летопись», но в Горьком разочарован: посылал ему критическую статью о Горьком без похвал и не получил даже ответа. Под руководством Чужака образовался кружок поэтов, выпустили сборник «Иркутские вечера», издают журнал «Багульник». Не очень талантливые, но милые молодые люди, все не сибиряки, один, В. Пруссак, ссыльный витмеровец» [18]¹.

В результате такого оживленного творческого диалога в 1916 г. в Москве силами иркутских литераторов был издан еще один значимый общесибирский литературно-публицистический сборник-альманах *«Северные зори»* [19], задуманный и осуществленный на общественных началах. В нем также преследовались благотворительные цели, что указано на обложке внизу: *Доход с издания поступает в фонд на постройку Учительского Дома в Иркутске*. Такого же рода уточнение есть и на обороте титула посередине: *Весь литературный материал для этого сборника предоставлен авторами совершенно безвозмездно. Товарищество И.Д. Сытина приняло на себя все расходы по изданию сборника*. Внизу указывается место печатания – *Типография Товарищества Сытина*. Если учесть то качество, которым отличалась книжная продукция знаменитого российского издателя, то неудивительно, что этот сборник представляет хорошо изданную книгу форматом 17х24, на перво-классной бумаге, с убористо набранным текстом.

В итоге сборник получился подчеркнуто сибирским. В содержательном плане большую его часть занимают публицистические статьи и материалы, посвященные проблемам образования и просвещения отдаленных российских окраин вообще и Сибири в частности. Но лицо альманаха все-таки больше определяет его литературно-художественный отдел, предоставивший читателю несколько превосходных произведений В. Шишкова, В. Бахметьева, Г. Гребенщикова, Ис. Гольдберга и др. Ценность этого сборника-альманаха выразилась также в том, что он, по сути, объединил все основные сибирские литературные силы предреволюционной поры, что говорило о наличии и активности местного литературного движения. Это было отмечено и столичной критикой. Альманах вышел в самый разгар Первой мировой войны, поэтому пронизан связанными с нею переживаниями. Тематически его содержание достаточно разнообразно и по-своему отражает грани противоречивой сибирской жизни данного периода.

Центральное место занимает повесть Ис. Гольдберга «Темное», посвященная судьбе сибирской деревни в переломное время и столкновению человека с суровой природой. Поэтический отдел альманаха явно уступает прозаическому, тем не менее в нем представлены стихи П. Второва, К. Журавского, Е. Бахарева, К. Дубровского. По уточнению В.П. Трушкина, позже эти

¹ Несколько учеников одной из питерских гимназий, в том числе и В. Пруссак, во главе с юношей по фамилии Витмер были арестованы по обвинению в принадлежности к партии эсеров. Их судили и выслали на поселение в Сибирь. В связи с этим сформировалось понятие «витмеровец».

литературные силы сгруппируются вокруг журнала «Будущая Сибирь», переименованного в журнал «Новая Сибирь» и ставшего затем альманахом [20]. В итоге больший акцент в «Северных зорях» был сделан на публицистике, что тоже становилось общей литературной тенденцией трагической для России поры.

По мнению Н.Г.О. Перейры, рубежные до- и послереволюционные этапы развития Сибири были наиболее яркими, прежде всего, с социально-культурологической точки зрения [21]. В итоге, несмотря на то, что в проанализированных нами сборниках нет особо выдающихся литературных произведений, они тем не менее стали значительным идейным и культурным документом своей эпохи, так как именно через такого рода издательские и литературные опыты проходил магистральный поток развития литературы Сибири, в которых конденсировались его результаты, происходило «вхождение» в большую литературу многих сибирских писателей, поэтов и критиков. Такая постановка проблемы во многом корректирует общепринятое представление о культурном взаимодействии центра и сибирского региона России, снимая, в частности, традиционную идею об отставании сибирской культуры в своем развитии от столичной, о прямом влиянии последней на сибирских авторов, о своего рода зависимости одного историко-культурного процесса от другого. Все это делает предлагаемую постановку проблемы, на наш взгляд, чрезвычайно перспективной.

Литература

1. *Карайценцева С.А.* Книговедение: литературно-художественная и детская книга. Издания по филологии и искусству. М., 2004.
2. *Баженова В.В.* Русский литературный сборник середины XX – начала XXI в. как целое: альманах, антология: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010.
3. *Фролова, И.И.* Проблемы провинциальной книги в контексте исследования общероссийской истории книжного дела: (На материале второй половины XIX – начала XX веков) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 71. М., 1995. С. 205–213.
4. *Дмитриченко Н.М.* Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.
5. *Eco U.* Lector in fabula. La cooperazione interpretativa nei testi narrativi. Milano: Bompiani, 1979.
6. *Балашова Ю.Б.* Эволюция и поэтика российского литературного альманаха как типа издания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2011.
7. *Лантев А.* Альманах или журнал // Сибирская жизнь. 1914. 4 февр. № 24.
8. *Алтайский альманах* / под ред. Г.Д. Гребенщикова. СПб.: Изд. газ. «Жизнь Алтая», 1914. 204 с.
9. *Плюхин В.И.* Писательская критика Сибири: рецептивно-функциональные аспекты регионально-исторического самосознания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Абакан, 2008.
10. *Черняева Т.Г.* Первый сибирский альманах и его создатели: вступ. ст. к сб. «Алтайский альманах». Барнаул, 2007.
11. *Зимние радуги: сб.* Томск: Факел. Январь 1914 г. 36 стб.
12. *Посадсков А.Л.* Издательство «Факел» и его сотрудники: страница из истории российской печати XX вв. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. техн. ун-та, 2013.
13. *Черные розы: лит. альм.* / под ред. В.П. Микулина. Томск: Факел, 1915. 32 стб.
14. *Свирель: Третий альманах молодой поэзии.* Пг.: Факел, 1917. 48 с.
15. *Жертвам войны. Первый Омский литературный сборник* / изд. М. Шавыкиной. Омск: Тв-во «Печатня С.П. Яковлева». 1915. [2], II, 230 с.
16. *Первый подснежник: сб. лит. произведений учеников Иркутской мужской гимназии.* Вып. 3. Иркутск, 1914. 208 с.

17. *Иркутские вечера*. Стихи. Альм. 1. / изд. группы поэтов в Иркутске. Иркутск, 1916. 84 с.
18. *Неизданный Федор Сологуб*. М.: Новое литературное обозрение, 1997. http://az.lib.ru/s/sologub_f/text_1916_pisma_k_chebotarevskoy.shtml (дата обращения: 30.08.2014).
19. *Северные зори*: лит.-публ. сб. М.: тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1916. 312 с.
20. *Трушкин В.П.* Пути и судьбы: Литературная жизнь Сибири 1900–1917 гг. Иркутск: Вост.-сиб. кн. изд-во, 1985.
21. *Pereira, N.G.O.* Regional Consciousness in Siberia before and after October 1917 // *Canadian Slavonic Papers*. 1988. Vol. 30, № 1. 112–133.

SIBERIAN LITERARY ALMANACS ON THE EVE OF THE REVOLUTIONARY UPHEAVALS (1914–1917)

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 6 (38), 168–182.

DOI: 10.17223/19986645/38/13

Makarova Yelena A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mak2004@mail.ru

Keywords: regional literature, local approach, almanac, cultural transfer.

The article is devoted to the Siberian literary collections on the eve of the revolutionary upheavals (1914–1917). It was the period when Siberia showed the rapid development of journalism and literature as well as the dramatic increase in periodicals and collections of various types (one- or multi-authored), many of which were the private initiative. These processes were accompanied by the steady growth of the reader's interest to the emerging Siberian literature of Siberia.

The almanac is a kind of serial literary or popular-science publications that can be classified by some feature (theme, genre, ideology, artistic concept, etc.) In term of its target, it can be defined as a kind of an “exhibition” of works related to some intellectual activities. During the First World War, the intellectual debate in the regional literature was triggered by A. Laptev's article “Almanac or Magazine” published in *Sibirskaya Zhizn'* (Tomsk) on February 4, 1914. The same year gave the first full-length Siberian almanac, *Altai Almanac*, edited by G. Grebenshchikov. The book was compiled in Barnaul and printed in St. Petersburg. Other regional collections of this period were various modifications of the almanac. Collections of Fakel Publishing House (Tomsk) were originally targeted at the youth and students and reflected the new trends of modernism. There were also benefit almanacs, like *To the Victims of War* (Omsk), a student collection *The First Snowdrops* in favor of “poor students” (Irkutsk), a poetic collection *Irkutsk in the Evening* compiled by Siberian youth, a Siberian literary and journalistic almanac *Northern Dawns* compiled in Irkutsk and printed in Ivan Sytin's Publishing House in Moscow.

The analysis shows that all Siberian almanacs of this period, in spite of their hard-driving ambitions, ceased to exist very quickly. However, it was the door for many Siberian writers, poets and critics to join the central Russian literature. These collections accumulated most talented and advanced literary works in the pre-revolutionary literary and publishing activities in Russia. In their works, the young Siberian authors, on the one hand, clearly demonstrated new features of realistic literature of the epoch. On the other hand, it was an attempt to overcome separatist tendencies of “oblastniki” and join the all-Russian literary stream.

References

1. Karaychentseva, S.A. (2004) *Knigovedenie: literaturno-khudozhestvennaya i detskaya kniga. Izdaniya po filologii i iskusstvu* [Bibliology: literary and art and children's books. Editions on Philology and Arts]. Moscow: MGUP.
2. Bazhenova, V.V. (2010) *Russkiy literaturnyy sbornik serediny XX – nachala XXI v. kak tseloe: al'manakh, antologiya* [Russian literary collection of the middle of 20th – beginning of 21st centuries as a whole: Almanac, Anthology]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
3. Frolova, I.I. (1995) Problemy provintsial'noy knigi v kontekste issledovaniya obshcherossiyskoy istorii knizhnogo dela: (Na materiale vtoroy poloviny XIX – nachala XX vekov) [Problems of provincial books in the context of research of nationwide book history: (On a material of the second half of 19th – early 20th centuries)]. In: *Kniga: Issledovaniya i materialy* [Book: Research and Materials]. Is. 71. Moscow: Terra.

4. Dmitrienko, N.M. (2000) *Sibirskiy gorod Tomsk v XIX – pervoy trety XX veka: upravlenie, ekonomika, naselenie* [A Siberian city of Tomsk in 19th – the first third of the 20th centuries: management, economy, population]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Eco, U. (1979) *Lector in fabula. La cooperazione interpretativa nei testi narrativi*. Milano: Bompiani.
6. Balashova, Yu.B. (2011) *Evolutsiya i poetika rossiyskogo literaturnogo al'manakh kak tipa izdaniya* [Evolution and the poetics of the Russian literary almanac as a type of publication]. Abstract of Philology Dr. Diss. St. Petersburg.
7. Laptev, A. (1914) *Al'manakh ili zhurnal* [Almanac or magazine]. *Sibirskaya zhizn'*. 24 (4 February).
8. Grebenshchikov, G.D. (ed.) (1914) *Altayskiy al'manakh* [Altai Almanac]. St. Petersburg: Izd. gaz. Zhizn' Altaya.
9. Plyukhin, V.I. (2008) *Pisatel'skaya kritika Sibiri: retseptivno-funktsional'nye aspekty regional'no-istoricheskogo samosoznaniya* [Literary criticism of Siberia: receptive-functional aspects of regional-historical consciousness]. Abstract of Philology Dr. Diss. Abakan.
10. Chernyaeva, T.G. (2007) *Pervyy sibirskiy al'manakh i ego sozdateli. Vst. st. k sborniku "Altayskiy al'manakh"* [The first Siberian almanac and its creators. Introduction to the collection Altai Almanac]. Barnaul.
11. Anon. (1914) *Zimnie radugi. Sbornik* [Winter rainbows. A collection]. Tomsk: Fakel.
12. Posadskov, A.L. (2013) *Izdatel'stvo "Fakel" i ego sotrudniki: stranitsa iz istorii rossiyskoy pechati XX vv.* [Publisher Fakel and its staff: a page from the history of the Russian press of the 20th century]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
13. Mikulin, V.P. (ed.) (1915) *Chernye rozy: literaturnyy al'manakh* [Black roses: a literary anthology]. Tomsk: Fakel.
14. Filippov, V. et al. (1917) *Svirel': Tretiy al'manakh molodoy poezii* [Svirel': The third Almanac of young poetry]. Petersburg: Fakel.
15. Shavykina, M. (ed.) (1915) *Zhertvam voyny. Pervyy Omskiy literaturnyy sbornik* [To victims of war. The first Omsk literary collection]. Omsk: T-vo "Pechatnya S.P. Yakovleva".
16. Students of the Irkutsk grammar school for boys. (1914) *Pervyy podsnezhnik: sbornik literaturnykh proizvedeniy uchениkov Irkutskoy muzhskoy gimnazii* [The First Snowdrop: a collection of literary works of students of the Irkutsk grammar school for boys]. Is. 3. Irkutsk: Gubernskaya tipografiya.
17. Irkutsk poets. (1916) *Irkutskie vechera. Stikhi. Al'manakh Pervyy* [Irkutsk Nights. Poems. Almanac One]. Irkutsk.
18. Sologub, F. (1997) *Neizdannyy Fedor Sologub* [Unpublished F. Sologub]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [Online]. Available from: http://az.lib.ru/s/sologub_f/text_1916_pisma_k_chebotarevskoy.shtml. (Accessed: 30 August 2014).
19. Irkutsk writers. (1916) *Severnye zori. Literaturno-publitsisticheskii sbornik* [Northern dawns. The literary-journalistic collection]. Moscow: tip. T-va I.D. Sytina.
20. Trushkin, V.P. (1985) *Puti i sud'by. Literaturnaya zhizn' Sibiri 1900–1917 gg.* [Ways and destinies. Literary life in Siberia in 1900–1917]. Irkutsk: Vostochnosibirskoe kn. izd-vo.
21. Pereira, N.G.O. (1988) Regional Consciousness in Siberia before and after October 1917. *Canadian Slavonic Papers*. XXX:1. pp. 112–133.

УДК 070

DOI: 10.17223/19986645/38/14

А.В. Мезенцева

ПРОВОКАЦИОННЫЙ ДИСКУРС КАК АЛЬТЕРНАТИВА СОЦИАЛЬНОМУ ДИАЛОГУ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ

В статье исследуется трансформация коммуникативной структуры публикаций «топовых» – по версии сайта «Медиалогия» – российских журналистов. В результате структурно-функционального и семиотического анализа текстов выявляется тенденция к минимизации текстовых структур диалогового взаимодействия с аудиторией. Доминирование конструкций монолога, базирующихся на презентации субъективных оценок и суждений авторов, демонстрирует дисфункцию роли журналистики в достижении общественного согласия.

Ключевые слова: диалоговая коммуникация, монолог, позиция аудитории, социокод, интертекстуальность, самопрезентация автора.

Социальный диалог является эффективным средством объединения различных точек зрения по вопросам повседневной жизни, придания динамики их обсуждению, активизации обратной связи между участниками публичной коммуникации. Социальная роль журналистики изначально предполагает наличие гибкой стратегии направленности ее участия в общественном диалоге.

Журналистами-практиками признается необходимость отклика со стороны аудитории, «...с тем, чтобы, используя полученные данные, корректировать "повестку дня", методы работы, формы подачи материала и, следовательно, полнее удовлетворять потребности и запросы аудитории» [1. С. 135]. Но, как верно заметил Е.П. Прохоров, «достаточно ли этого, чтобы признать, что СМИ живут в прокламируемом «Договором об общественном согласии»... «режиме диалога», суть которого в поиске точек соприкосновения и общих позиций?» [2].

Убежденность в том, что диалог СМИ и аудитории относится к числу важнейших задач российской журналистики, выражена в работах многих отечественных исследователей [3–7].

Современные информационные технологии создают новые перспективы для установления контакта между журналистом и аудиторией. Однако меняются условия диалоговой коммуникации, вызванные избыточностью информационных потоков и разнородностью аудитории. Озабоченность тем, что текстовые структуры диалогового взаимодействия с аудиторией заменяются доминированием в медийном пространстве личностных точек зрения, выражаемых в специфической форме, высказана многими теоретиками и практиками [8, 9]. Эти процессы дали повод профессору Тюменского государственного университета Н.Н. Белозеровой говорить о дискурсивной избыточности содержания информационных потоков, «поскольку на первый план выходит

речевое событие... при этом зачастую приносится в жертву качество представления информации» [10].

Один из возможных ответов на вопрос о степени такой «дискурсивной избыточности» получен в результате анализа 25 материалов современных отечественных журналистов, попавших в ТОП-20 самых цитируемых российских журналистов за 2014 – начало 2015 г. по версии информационно-аналитической системы «Медиалогия» [11]. Были отобраны материалы, получившие наибольшее количество откликов аудитории в форме «лайков», комментариев и «репостов» в социальные сети. Внимание журналистов обращено к событиям повседневной реальности: война на Украине, обвинение населения, ЕГЭ, поставка медикаментов, взаимоотношения церкви и общества, санкции, теракты и др. Раскрытие тем сопряжено с их актуальным звучанием в контексте современных экономических, социальных и политических процессов, безусловно, интересных не только авторам, но и потенциальной аудитории.

Жанровыми предпочтениями «топовых» журналистов в раскрытии социальных тем является активное обращение к информационно-аналитической колонке, экономическому обзору, информационному репортажу, которые предполагают большую выраженность авторского начала, что, очевидно, и легло в основу их «трендовости» как один из критериев попадания в число «топовых» публикаций. Какова же модальность обращения авторов к своей аудитории?

Исходным аргументом для ее выявления может служить концепция теории коммуникативистики, которая рассматривает диалог как информационную, дискуссионную, коммуникативную интеракцию, задачей которой является максимально полное раскрытие своих намерений и аргументов. Подлинный диалог должен соответствовать формальным требованиям, одним из которых следует назвать организацию отношения взаимодействия с читателем как равноправным и уважаемым субъектом. В творческом процессе журналиста средствами актуализации внимания публики становятся темы и проблемы, удовлетворяющие общественным запросам. Именно они приглашают аудиторию принять участие в диалоге. Авторским приемом активизации аудитории, как реальной или предполагаемой, выступают структуры текста: тезис – антитезис, вопрос – ответ, прием прямого обращения, ввод читателя как предмет изображения в материале. Если классическая публицистика к аудитории обращалась в словосочетаниях «мой проницаемый читатель», «милостивые государи», «любезный читатель», «человек», то в материалах «топовых» журналистов прослеживается четкая градация между ними и теми, кто явно уступает им по моральным качествам, интеллекту и эрудиции.

Итак, к кому обращаются авторы? Экономический обозреватель «Новой газеты» Юлия Латынина в материале «Осытенили» видит перед собой представителей **племени маринг Папуа-Новой Гвинеи**: *...значительное количество простых россиян – те самые 85% «Крымнаш» – живут на очень простом пищевом уровне, недалеко ушедшем от героев исландских саг и новогвинейских маринг* [12]. Олег Кашин в статье «За советы без большевиков: возможен ли сейчас антипутинский русский национализм?» предполагает, что читатель **реднек и сволочь**: *Русского реднека вывело государство, оно*

же попыталось вывести и пророссийского интеллигента, но тут что-то пошло не так... в любом случае выйдет сволочь какая-то [13].

По версии Андрея Колесникова, первого заместителя главного редактора журнала «The New Times», это **провластная аудитория**, которая *испытывает оргазм от неприличной военной риторики*» в материале «Бомба от председателя [14]. В репортаже Ивана Давыдова из олимпийского Сочи «Другая, другое, другие, другой: заметки из Сочи» – это **толпа**, которая ничем не отличается от оппозиционеров: *Улыбки, всеобщее счастье, ощущение причастности к событиям, которые сегодня кажутся невероятно важными, а завтра, возможно, станут бессмысленными... Где-то я уже видел такую толпу приятных и позитивных людей. Конечно, да. Первая Болотная* [15].

Нередко автор идентифицирует своё «Я» с образом читателя или той социальной группой, интересы которой он якобы представляет. Обозреватель делового интернет-издания «www.slon.ru» Олег Кашин в публикации «Обнаружить себя рядом с братьями Куаши» пытается занять позиции сразу двух поколений читателей: 21-летней давности *Мне 21 год, я, вероятно, типичен; сижу у телевизора с пивом*. Современный же россиянин представляется прототипом братьев Куаши – представителей радикальной исламистской группировки: *Россия, несмотря на командированного в Париж министра Лаврова, обнаруживает себя на стороне тех мужчин с автоматами... Это смутное чувство, что наше место по праву – в первых рядах парижского марша, а мы почему-то оказались рядом с братьями Куаши* [16].

Общение с аудиторией осуществляется и «напрямую», что, видимо, должно сократить коммуникативную дистанцию до степени интимной причастности. В публикации «Как не быть сексистом в России» на информационном сайте «Медуза» от 19 марта 2015 г. речь идет о проявлениях дискриминации по половому признаку в России. Это «пособие» вызвало оживленные дискуссии в медиапространстве, так как ссылка в Twitter на материал сопровождалась заголовком: *Мужики, тут инструкция, как не обижать телочек* [17].

Лишив свою аудиторию былой активности и ценности, наделив ее нелицеприятными характеристиками, журналисты выстраивают диалог на явном авторском доминировании, построенном на умышленном нарушении норм взаимодействия, что, по мнению отечественного специалиста в области психолингвистики и лингвopsихологии А.А. Романова, не ведет к результирующему эффекту совместной деятельности [18].

Уже не скрываемые намерения авторов публикаций выражены и в прямой модальности обращений к аудитории – в целевой установке речи и апелляции к эмоциональному восприятию информации. Это намеренная императивная форма подачи информации в обращении Ю. Сапрыкина в статье «Было времечко лихое: почему не надо бояться возвращения в 90-е»: *...не дайте себя обмануть: она (власть) родом из горящего Белого дома, из бомбежек Грозного, из залоговых аукционов и взорванных домов в Москве, ее корни именно там, все хорошее и все плохое, что она умеет, появилось именно тогда* [19]. Основатель газеты «Коммерсант» Владимир Яковлев на своей странице в Facebook прописывает рецепт поведения: *Уезжайте и, главное, увозите де-*

тей из России, где в скором времени, по его прогнозам, случится социальный кризис или смена власти [20].

То есть «провластная аудитория», ради которой расточают свои таланты журналисты, изначально поставлена ими в позицию, не предполагающую полноценного диалога. Такая своеобразная конвенциональная антиобразность, когда аудитория заранее поставлена в подчиненную позицию, обусловливает и специфическую аргументацию в конструкции самого текста, а нелестную для аудитории диспозицию в предлагаемом диалоге должен компенсировать тот «избыточный» дискурс в его логическом, эмоциональном насыщении.

Авторы произвольно расширяют область дискурсов, включая в ее структуру – помимо новостного – исторический, политический, религиозный, литературный и маргинальный. С одной стороны, это рассматривается как демонстрация фактического разнообразия, интеллектуальной широты взглядов авторов. С другой – рассчитана ли такая множественность дискурсов на упрощение проблемы и способствует ли уменьшению усилий аудитории для восприятия сообщения?

«Дискурсивная избыточность» воспроизводится на планктоне типичных, популярных, порой незамысловатых социокультурных конструктов, ориентированных на взаимопонимание с аудиторией. Одним из таких конструктов выступает социокод, введенный впервые М.К. Петровым для обозначения способа фиксирования программ социального поведения, общения и деятельности [21]. Коммуникативная функция социокода определена тем, что он представляет собой «основную знаковую реалию культуры, удерживающую в целостности и различии фрагментированный массив знания, расчлененный на интерьеры мир деятельности и обеспечивающий институты общения» [21. С. 39]. То есть, выступая в качестве «знака» объединения смысловых полей коммуникантов, социокод выполняет функцию социокультурной навигации в системе публично выражаемой рефлексии авторов. При анализе 25 материалов «топовых» журналистов был выявлен ряд типичных инвариантов социокода, которыми оперировали журналисты: прецедентные феномены со сферой-источником – политика («пятая колонна», ватник, КГБ, Наполеон Бонапарт), субкультурные дискурсы (пацанские прелести, мочили штаны), стереотипные ситуации («вождь» в отношении современного лидера страны), концепты (продразверстка, георгиевская ленточка). Эти инварианты известных социокодов являются специфической семиосферой аргументации, нагруженной негативной коннотацией.

Для журналистов характерно широкое и вольное употребление интертекстуальных элементов с целью более выразительного экспрессивного выражения индивидуализированной позиции. Представляя собой автономные смысловые блоки, интертекстуальные вкрапления апеллируют к интеллекту, памяти и культуре читателя. В процессе интерпретации актуального события авторами привносятся известные аудитории культурные, социокультурные знаки и когнитивные элементы. Именно они придают социальную значимость материалу. В зависимости от контекста, в который погружены интертекстуальные включения, возможны два варианта прочтения смысла текста: когнитивное взаимодействие или коммуникативное столкновение. В творче-

стве современных журналистов зачастую когнитивное взаимодействие используется для достижения обратного эффекта – коммуникативного столкновения со стереотипной позицией аудитории.

Наиболее часто журналистами актуализируются прецедентные феномены, непосредственно связанные с недавней отечественной или мировой историей. По мнению культуролога М.А. Араповой, такие культурологические элементы, «реминисцирующие с «идеальным» именем, ситуацией», как правило, выступают приемами создания имплицитного смысла [22]. В номинации явлений реальной действительности, в освещении вопросов внешней политики Российского государства, его позиции современными журналистами уделяется большое внимание художественным приемам в интертекстуальной структуре журналистского произведения. В качестве одного из примеров в репертуаре этих средств рассматриваются прецедентные имена и названия городов, восходящие к субсфере войны и используемые в метафорическом значении. Например, коннотативное употребление имени Виктора Талалихина – советского военного летчика, впервые применившего таран в воздушном бою, использует в явном негативном значении политический журналист Михаил Зыгарь в материале «Выбор Виктора Талалихина. Чего на самом деле добивается Владимир Путин» в деловом интернет-издании «slon.ru» [23]. Во-первых, прием апелляции к недавнему историческому прошлому позволяет представить президента как героя: *Путин сейчас, очевидно, как летчик Талалихин – его тактика все время идти на обострение, до тех пор, пока враг не испугается и в панике не свернет штурвал*. Во-вторых, имплицитный смысл становится понятен, когда автор приводит историческую справку, обесценивающую такой героизм первого лица государства: *В реальной истории настоящий Виктор Талалихин действительно совершил один воздушный таран. И погиб в очередном бою, когда ему было 23 года*.

Смыслообразующее взаимодействие информационного и исторического дискурсов прослеживается и при обсуждении нестабильной ситуации последних лет на Украине, но делается это для сенсации. Осуждение частью российского общества деятелей культуры, выразивших поддержку новому политическому режиму на Украине, позволило М. Зыгарю представить общую атмосферу недовольства, используя образ конкретной личности. К примеру, в статье «Ген травли. Как обличают творческих людей в России» это деятельность А.А. Жданова, причастного к репрессиям многих представителей советской творческой интеллигенции: *Все вокруг рассуждают о Сталине и напрасно забыли о Жданове, нашем вечном коллективном Жданове. Вот кто на самом деле всегда живой – и никуда от нас не денется* [24].

Исторический дискурс функционирует на аллюзии, когда автор апеллирует к культурологическим и историческим познаниям аудитории. На страницах «Новой газеты» в материале Ю. Латыниной «Украинская буржуазная» прецедентные имена европейского происхождения как знаки революции помещаются в новый контекст и выполняют функциональное назначение проекции готовой ситуации на реальную: *...в Украине случилась буржуазная революция, точнее, она началась, потому что настоящие буржуазные революции обычно имеют несколько итераций: и за взятием Бастилии следует поход в Тюильри, сентябрьские убийства, Термидор и так далее. В Украине*

вот уже своя Вандея наметилась – в виде полуострова Крым, и с изрядной помощью восточного соседа [25]. В экономическом обозрении этого же автора под заголовком «Навстречу продрозверстке» регулирование цен на продукты обосновывается концептом «продрозверстка», закрепившем за собой негативные представления об определенном периоде отечественной истории. Авторская оценка строится на избирательном показе явлений, маркированных такими характеристиками, как страх и жестокость: *С точки зрения экономики обвинения в том, что «враги народа» куда-то подевали продукты, является следствием регулирования цен. Но с точки зрения власти, помешанной на сохранении контроля над обществом любой ценой, борьба с целым новым классом врагов, прячущих от народа продукты, может стать целью, для которой цены и регулируются»* [26].

При освещении темы вхождения острова Крым в состав России «топовые» журналисты заменяют факты личностными суждениями, которые выражены в метафорах «аннексия» и «аншлюс», и это придает событию неоднозначную оценку. Например, на основе трансформации известного выражения В.К. Плеве, произнесенного перед началом русско-японской войны, как это сделала Ю. Латынина: *Владимир Путин в ходе маленькой победоносной аннексии показал, что он мастерски умеет эксплуатировать все слабые места противника и все темные инстинкты народа* [27]. Методом сравнения действий современной России и Германии 1918 года «аншлюс» трактуется И. Давыдовым как изменение мирового порядка: *Сейчас, конечно, все ушли на Крымскую войну, и нет для россиянина дел, важнее наметившегося аншлюса* [28].

Семантическая экспликация образа-символа централизованной политической власти и ее иерархии – Московский Кремль – рассматривается журналистами без учета «подлинных» архетипических в общепризнанных значениях терминов. Такой комплекс знаков, связанный с социокodem «Кремль», как президент, его окружение, указы и законы, политический режим, по-новому встраиваются в идеологические и политические контексты. Погружение в иной коннотативный ряд осуществляется с целью осмеяния, развенчания политики и идеологии. Так, прослеживается градация в характеристиках президентской администрации в работах Ю. Латыниной. Представители Кремля изображены автором как безликая масса, которая лишь обитает – *сытые обитатели Кремля* [12], затем ставится знак равенства между Кремлем и исламистами: *Кремль решил подражать исламистам, которых, как известно, со всех сторон атакует растленный Запад*, и в завершение вводится емкая метафора болезни, симптомами которой являются психическая и физиологическая зависимость: *Как наркоману требуются все большие дозы наркотика, так Кремлю, чтобы удержать рейтинг, потребуются все большие дозы «борьбы»* [26]. Ю. Сапрыкин использует презрительный в кругах патриотов и сторонников политики Кремля стереотип «вашингтонский обком», что вызывает сомнение о самостоятельности российской политики: *Сегодняшний страх возвращения в 90-е – это не только страх перед голодом и обнищанием, перед тем, что все растащат и разворуют, а в Кремле засядут эмиссары вашингтонского обкома* [19].

Когда речь идет о политической жизни, контакт с аудиторией выстраивается с помощью незатейливых приемов: употребление концептов и стереотипов с исходными понятийными сферами «игра» и «спорт». В смешение политического и спортивного дискурсов в соответствии с коммуникативным намерением автора отчетливо прослеживается снижение темы. Так, например, М. Зыгарь для оценки деятельности президентской команды вводит метафору салонной игры «испорченный телефон». Как следствие создается новая характеристика вертикали власти с противоположной аксиологической маркировкой: *При этом обитатели Кремля и их окружение за долгие годы научились угадывать ход мыслей шефа и даже реконструировать его логику. Иногда, правда, они добавляют много отсебятины, но отличить, где угадано верно, а где возник испорченный телефон, уже невозможно* [23]. Известный футбольный прецедент «игра без зрителей» позволяет подчеркнуть наличие каких-то тайных сценариев в поведении президента России в статье главного редактора телеканала «Дождь» М. Зыгаря «Мюнхенский смех. Почему Путин больше не поедет на Запад»: *В былые годы он не ходил на футбольные матчи, где победа российской сборной не была гарантирована. Теперь он сам себе игрок и играет только дома и только при пустых трибунах* [29].

Политические тайны, сфера частной жизни членов администрации президента, смена лидирующих позиций, подковерные интриги и иные знаменитости, актуализирующие социокод «Кремль», становятся сферами мишенями в руках журналистов. Вникая в тонкости политической жизни, «топовые» авторы, пытаясь узреть интриги, помещают события в метафорический интертекстуальный слой «тайны кремлевского двора». Погружение текста в стихию дискурса беллетризации существенно осложняет диалогическое взаимодействие. Так, для политического журналиста Олега Кашина закрытие молодежного форума «Селигер» и судьба курирующего его федерального ведомства имеет ореол «государственной тайны» [30]. Опираясь не на факты, а на собственные суждения, автор пытается развернуть интригу вокруг концепта «кремлевская тайна» на основе следующей коннотации: «массовка», «перевербовка», «законспирированная нацистская сеть внутри оппозиции». По законам жанра Кремль предстает перед читателями как злодей, запутывающий улики: *То есть шесть лет Кремль на важнейшем для себя направлении крайне легкомысленно вкладывался непонятно во что... Просто не было никакого провала, нам показалось... Форума «Селигер» больше нет, но он не упразднен и не ликвидирован – он просто перешел на подпольное положение. Возможно, только для этого он и был придуман.*

Ивана Давыдова [31] интересует тайная переписка «кремлевского чиновника Тимура Прокопенко», опубликованная в сети: *Выложенная в сеть переписка как раз и позволяет понять, какой смысл вкладывают в Кремле в красивый латинский глагол — «курировать».* Интрига подводится под индексный знак «курировать», а в собственных выводах автора приводятся составляющие знака: «обсуждает фабрикацию уголовных дел против оппозиционеров, дает полезные советы журналистам», «помогает написать идеологически верный пост», дает «советы полицейским в регионах – кого и как из приехавших московских оппозиционеров правильно арестовывать» и т.д. Чтобы у внимательного читателя предположения автора не вызвали сомнения,

И. Давыдов в качестве главного доказательства апеллирует к авторитету – генеральному директору холдинга РБК Николаю Молибogu, который «прямо подтвердил подлинность переписки».

Приписывание автором себе более высокого мнимого статуса сопряжено с апелляцией к вещам, которые не всегда могут быть четко интерпретированы аудиторией. Например, в целях осмеяния и развенчания образа России как успешно развивающегося государства журналисты обращаются к ресурсам мифологии и литературы. Объектом иронического осмысления, например, в репортаже Ивана Давыдова становятся Олимпийские игры в Сочи. Автор дискредитирует положительный имидж России, используя прецедентный феномен восточнославянского мифологического знания для описания особенностей олимпийского меню на борту самолета: *В меню – севрюга, лосось, тарталетка с икрой. Это в эконо-м-классе. В бизнесе, наверное, печень птицы Гамаюн. Хотя в бизнесе никого нет*. Образ «Гамаюн» используется для обличения необоснованного расточительства и создания мифического благосостояния, щедрости и дружелюбия России [15].

Определив, что для целевой аудитории главное лишь «нажраться» [10], «топовые» журналисты освобождают себя и от логически выверенной аргументации. Не случайно в экономическом обзоре «Осытнели» Ю. Латынина апеллирует к фантастической повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», что позволяет указать на истинные цели уничтожения санкционных продуктов – управление населением: *Это когда кадавр профессора Выбегалло наелся, у него появляются высокие духовные потребности – например, часы за 620 тысяч долларов. А когда кадавр голоден, его интересуют только свежие парные трубы* [12].

Вместо последовательного представления фактов острейших политических потрясений на Украине авторы преподносят аудитории прецедентные феномены, которые восходят к религиозным текстам. Центральные фигуры тоталитарного режима, заведомо носящие негативную коннотацию, помещаются в библейские контексты и наделяются сакральными смыслами. Формирование такого аддитивного материала с новыми смыслами есть не что иное, как игра, построенная на оскорблениях чувств верующих. К примеру, Иван Давыдов использует прием лексической трансформации фразы «Христос Воскрес!» символизирующую благую весть – *«Гитлер Воскрес»* в статье «Мои пять копеек: осквернение и воскресение», или *«Не Гитлером, как говорится, единым жива Россия»* – фраза Моисея в Ветхом Завете «Не хлебом единым жив человек» [32]. Этот же автор, рассуждая о политическом строе, обращается к библейским аллюзиям: *Это не каждому дано: увидеть, как слово становится вещью. «Полицейское государство». Два незначащих слова из учебника, которые у нас на глазах обростали плотью, опраляли шлемы и под бодрый рокот мегафона – «освободите проезжую часть» – ломились на тротуар, хватать людей, волоочь и упаковывать* [33].

В ироническом ключе преподносятся скептически оцененные реанимированные архетипы, входящие в социокультурный код российской нации. Не представляя, что означает словосочетание «духовные скрепы», журналисты предлагают свои инварианты этих скреп. По версии Ю. Латыниной, ей стал санкционный продукт: *Это распоряжение явно было отдано потому, что*

*Кремль, взбешенный тем, что вражеский пармезан, как крот, проник-таки за наши духовные скрепы, приказал сжигать его [12]. Ю. Сапрыкин предлагает несколько вариантов: Олимпиада с необоснованными расходами: *Наверняка мы будем вспоминать Олимпиаду как гигантскую скрепу – точку, в которой сосредоточились все усилия, карту, на которую было поставлено все* [34]; ядерное оружие: *Неприятная правда заключается в том, что ракета и есть окончательная скрепа, обеспечивающая, выражаясь на языке власти, суверенитет России* [35].*

Не брезгают журналисты и подменой фактов своими вымыслами: используют символичные модели «цветных революций» для характеристики противостояния оппозиции и законной власти в мирное время. Семiosфера «оранжевой революции», актуализирующая недавний социальный опыт, используется как провокационный маркер несуществующей революции в материале «Мои пять копеек: чудо воплощения, лозунги текущего момента и ценность молчания» И. Давыдова. Заранее предупреждая лишь о собрании двух десятков людей по случаю несогласия с вынесением приговора оппозиционеру, автор погружает читателя в цветовую гамму рабочей формы дворника: *Еще двое сидели на заборе: смуглый дворник в революционном оранжевом комбинезоне и странный бородач в вязаной шапочке* [36]. Акцент на колористике используется и в материале «Мои пять копеек: осквернение и воскресение». Сочетание черного и красного цветов на флаге Украины становится опознавательным знаком поддержания фашистского режима. Диссонанс представлений возникает, когда автор сознательно называет людей, ратующих за возвращение фашизма братьями: *Не без помощи наших украинских друзей в черно-красных нарядах мы это слово нашли. Теперь все, что Россия делает и в собственных границах, и вне их пределов, делается ради борьбы с фашизмом* [32].

Логически выверенная аргументация, приемы литературно-художественного выражения негативной оценки, присущие русской журналистике, уступают нелегитимным в культурном менталитете формам оценочных суждений. Журналисты осознанно обращаются к табуированным общественными нормами и моралью темам и ресурсам «красноречия», например, для обозначения бессилия европейских государств перед Россией. Ю. Латынина употребляет политические клише «политическая импотенция» и «партия жуликов и воров»: *Все кончилось в один миг — в прошлую пятницу, когда Евросоюз, несмотря на всю свою импотенцию, ввел санкции, и оказалось, что ни один человек — даже из собственной Януковича партии жуликов и воров — не согласен рисковать награбленным и хранящимся в западных банках добром ради Януковича* [25].

Маргинализируя устоявшиеся в общественном сознании и представлении социальные явления, авторы нашумевших публикаций провоцируют «нормальность» дискурсов облыжного отрицания и умаления социальных ценностей. Развитие технологических средств коммуникации инкорпорировало в массовое общественное пространство субкультурные дискурсы, до этого остававшиеся прерогативой лишь посвященных. Информационное пространство отныне формируют новые социокоды — социокоды саморепрезентационной культуры. И это обстоятельство тоже усложняет диалоговые формы.

Журналисты часто используют провокационную форму аргументации, которая, как правило, содержит негативную оценку ситуации. При этом авторы позиционируют погружение аудитории в социокоды криминальной субкультуры. В материале Евгении Альбац «Борьба за Путина» в интернет-издании «Новое время» окружение президента сравнивается с организованной преступной группой: *...пришло время оставить эти пацанские прелести вроде «своих не сдадут» и вспомнить, что на кону вещи поважнее – страна. И что от этого выбора зависит и его, Путина, будущее. Потому что пацаны ему его мягкотелости и прогиба, как они считают, перед Западом, все равно не простят и рано или поздно вцепятся ему в глотку* [37]. Те или иные субкультурные коды требуют обличения в определенные лексические структуры, которыми являются жаргонизмы и арг. Но для журналистов становится мало лишь прочтения материалов, необходимо, чтобы читатель заметил маркеры субкультур. Поэтому активно используется графикация – такой способ словообразования, при котором в качестве словообразовательного оператора выступают графические и орфографические средства: использование знаков препинания (многоточия), замена букв в слове звездочками или полная замена слова звездочками, слеш (косая черта); ненормативная лексика. Как правило, такие формы отступления от норм литературного языка находят свое место в репортажах о народных акциях, памятных событиях отечественной истории. Осознавая административную ответственность за использование ненормативной лексики, журналисты помещают ее в формы комментария от самого участника празднеств с целью придания экспрессии. Наиболее яркий пример – репортаж специального корреспондента «Медузы» Ильи Азара с митинга в честь первой годовщины присоединения Крыма и Севастополя [38]. На вопрос корреспондента о негативных последствиях присоединения Крыма *один из мужиков распахнул куртку, из-под которой показалась майка с двумя человечками, занимающимися сексом в позе «сзади», и текстом «Я **** ваши санкции»*; другой ответил *«А нам насрать!»*, а при уточнении, что крутого в России, респондент предложил версию *«Что всех нах*й посылает!»*. Конечно, такая форма предоставления информации направлена на изначальное согласие определенной группы читателей, возможных носителей этой культуры, с мнением автора. Кроме того, такие материалы привлекают внимание широким использованием маргинального культурного кода, а демонстрация своего «эталона» культуры вряд ли может восприниматься образованной аудиторией как знак объединения. Следовательно, выбор такой конфигурации – это проявление позиции автора в виде эпатажа. Исследователем Е.А. Рогалевой такой эпатаж объясняется как явление постмодернизма, суть которого – «столкновение культурных норм» и рождение нового мировосприятия [39. С. 32].

Таким образом, анализ наиболее заметных материалов «топовых» журналистов дает основание полагать, что погружение аудитории в дискурсивную избыточность не способствует установлению диалога. Демонстрация личностных позиций и субъективных оценок журналистов построена на умалении интеллектуальных качеств аудитории. Ситуация усугубляется и тем, что отдельные материалы «топовых» журналистов одновременно являются лакмусовой бумагой информационных потоков современного медиaprостранства.

К тому же эти журналисты представляют крупнейшие независимые общественно-политические издания, рассчитанные на широкую читательскую аудиторию [40, 41, 42]. Это дает основание полагать, что основной целью журналистских выступлений является не диалог, направленный на взаимодействие, а монолог с провокационной формой самопрезентации. Выступления, очевидно, рассчитаны на понимание, но бесконечная провокация и нарушение норм приводят к коммуникативному рассогласованию, следовательно, это может спровоцировать отказ от «трендовых» авторов. Подобные материалы – типичная ситуация и показатель отступления от канонов диалогового взаимодействия ради достижения общественного согласия.

Литература

1. Платонова Д.В. Информационное участие и формы его реализации в СМИ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2011. № 1. С. 131–141.
2. Прохоров Е.П. Диалог как основа участия журналистики в формировании толерантного общества [Электронный ресурс] // Толерантность – гармония в многообразии [Офиц. сайт]. URL: <http://www.tolerance.ru/Dialog-kak-osnova.php?PrPage=SMI> (дата обращения: 10.06.2015).
3. Кудинова Л.В. Автор – текст – аудитория: проблемы диалога в публицистике: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 156 с.
4. Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / под ред. М.Н. Кожин. 2-е изд., доп., испр. СПб., 2012. 274 с.
5. Мансурова В.Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. Барнаул, 2002. 237 с.
6. Олешко В.Ф. Моделирование в журналистике: теория, практика, опыт: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 196 с.
7. Калмыков А.А. Интернет-журналистика в системе СМИ: становление, развитие, профессионализация: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 362 с.
8. Проблематика периодической печати: учеб. пособие / под ред. Г.С. Вычуба, Т.И. Фроловой. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2008. 112 с.
9. Джазоян А. Монолог прессы или диалог нации [Электронный ресурс] // Союз журналистов России. 2012. 27 дек. URL: http://www.ruj.ru/_ruk_articles/ashot_dzhazoyan/monolog_pressy_ili_dialog_natsii/ (дата обращения: 15.09.2015).
10. Ученые обеспокоены дискурсивной избыточностью в СМИ // Тюменский государственный университет. 2015. 3 сент. URL: <http://www.utmn.ru/presse/novosti/nauka-segodnya/106538/> (дата обращения: 01.09.15).
11. Информационно-аналитическая система Медialogия [Офиц. сайт]. URL: <http://www.mlg.ru/ratings/journalists/3316/1/0/0/> (дата обращения: 05.06.2015).
12. Осытенели // Новая газета. 10.08.2015. <http://www.novayagazeta.ru/columns/69457.html>
13. За советы без большевиков: возможен ли сейчас антипутинский русский национализм? / 16.06.2014 // slon.ru. https://slon.ru/russia/za_sovety_bez_bolshevikov_vozmozen_li_seychas_antiputinskiy_russkiy_natsionalizm-1113455.xhtml
14. Бомба от председателя / 23.03.2015 // The new times. <http://newtimes.ru/articles/detail/96080/>
15. Другая, другое, другие, другой: заметки из Сочи / 19.02.2014 // slon.ru. https://slon.ru/russia/davydov_sochi-1059007.xhtml
16. Обнаружить себя рядом с братьями Куаши / 12.01.2015 // slon.ru. https://slon.ru/russia/obnaruzhit_sebya_gyadom_s_bratyami_kuashi-1203244.xhtml
17. Как не быть сексистом в России? / 19.03.2015 // Медуза. <https://meduza.io/cards/kak-ne-byt-seksistom-v-rossii>
18. Романов А.А. Коммуникативное рассогласование как разновидность прагматического непонимания в диалоге // Понимание и рефлексия: Материалы 1-й и 2-й Тверских герменевтических конференций, 1992. С. 44–48.

19. *Было времечко лихое: почему не надо бояться возвращения в 90-е* / 8.04.2015 // slon.ru. <https://slon.ru/posts/50263>
20. *Главред «Коммерсанта» призывает россиян срочно забирать детей и уезжать из России* / 18.08.2015 // Российский диалог. http://www.rusdialog.ru/news/37337_1439896262
21. *Петров М.К.* Язык. Знак. Культура. М.: УРСС, 2004. 328 с.
22. *Арапова М.А., Кононова А.О.* Особенности актуализации прецедентных ситуаций в русских и американских СМИ [Электронный ресурс] // Сибак. URL: <http://sibac.info/15001> (дата обращения: 04.09.2015).
23. *Выбор Виктора Талалихина: Чего на самом деле добивается Владимир Путин* / 16.02.2015 // slon.ru. <https://slon.ru/posts/1592>
24. *Ген травли: Как обличают творческих людей в России* / 06.07.2015 // slon.ru. <https://slon.ru/posts/53705>
25. *Украинская буржуазная* / 28.02.2014 // Новая газета. <http://www.novayagazeta.ru/columns/62458.html?p=3>
26. *Навстречу prodrazverstke* / 27.02.2015 // <http://www.novayagazeta.ru/columns/67429.html>
27. *То, что начинал Петр Великий, закончилось российским аятоллой* / 10.04.2014 // Новая газета. <http://www.novayagazeta.ru/columns/63195.html>
28. *Мои пять копеек: чудо воплощения, лозунги текущего момента и ценность молчания* / 28.02.2014 // slon.ru. https://slon.ru/russia/moi_pyat_kopeek_chudo_voploshcheniya_lozungi_tekushchego_momenta_i_tsennost_molchaniya-1064029.xhtml
29. *Мюнхенский смех. Почему Путин больше не поедет на Запад* / 09.02.2015 // slon.ru. <https://slon.ru/posts/1578>
30. *«Селигер» не упразднен – он перешел на подпольное положение* / 23.03.2015 // slon.ru. <https://slon.ru/posts/49596>
31. *Отравление внутренней политики* / 06.04.2015 // The new times. <http://newtimes.ru/articles/detail/96738/>
32. *Мои пять копеек: осквернение и воскресение* / 11.04.2014 // slon.ru. https://slon.ru/russia/moi_pyat_kopeek_oscvernenie_i_voskresenie-1083082.xhtml
33. *Мои пять копеек: чудо воплощения, лозунги текущего момента и ценность молчания* / 28.02.2014 // slon.ru. https://slon.ru/russia/moi_pyat_kopeek_chudo_voploshcheniya_lozungi_tekushchego_momenta_i_tsennost_molchaniya-1064029.xhtml
34. *Олимпийское звонкое эхо: что осталось от Игр в Сочи* / 04.02.2015 // slon.ru. <https://slon.ru/posts/1569>
35. *Как мы перестали бояться и полюбили бомбу* / 28.01.2015 // slon.ru. <https://slon.ru/posts/1552>
36. *Мои пять копеек: чудо воплощения, лозунги текущего момента и ценность молчания* / 28.02.2014 // slon.ru. https://slon.ru/russia/moi_pyat_kopeek_chudo_voploshcheniya_lozungi_tekushchego_momenta_i_tsennost_molchaniya-1064029.xhtml
37. *Борьба за Путина* / 22.07.2014 // The new times. <http://newtimes.ru/articles/detail/84874/>
38. *Крым, Россия, Христос воскрес. В Москве отметили годовщину присоединения полуострова* / 18.03.2015 // Медуза. <https://meduza.io/feature/2015/03/18/krym-rossiya-hristos-voskres>
39. *Рогалева Е.А.* Эпатаж в XX веке: теория игры в анализе эпатажа // Вестн. Самар. гос. ун-та. Социология. 2001. № 3. С. 37–39.
40. *Что такое Slon* [Электронный ресурс]. URL: <http://slon.ru/about/> (дата обращения: 29.09.2015).
41. *Дмитрий Муратов: аудитория нашей газеты – интеллигенция* [Электронный ресурс] // Информационный канал Александра Лебедева. 2013. 26 февр. URL: <http://www.alebedev.ru/media/9135.html> (дата обращения: 29.09.2015).
42. *Независимое* коммуникационное агентство Media Impact [Офиц. сайт]. URL: <http://www.mediaimpact.ru/press/the-new-times/793-the-new-times> (дата обращения: 29.09.2015).

PROVOCATIVE DISCOURSE AS AN ALTERNATIVE TO SOCIAL DIALOGUE IN THE FORMATION OF PUBLIC CONSENT

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 6 (38), 183–197.

DOI: 10.17223/19986645/38/14

Mezentseva Alena V., Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kpp@hq.tsc.ru / mezentseva-a@inbox.ru

Keywords: interactive communication, monologue, attitude of audience, social code, intertextuality, self-presentation of author.

The article analyses the transformation of the communicative structure of the publications of modern Russian journalists. As a result of structural-functional and semiotic analysis of texts of top journalists, according to Medialogy website, a tendency to minimize the text structure of dialogue interaction with evident or supposed audience is identified.

Modern information technologies create new prospects for establishing contact between the journalist and the audience. However, the conditions of dialogue communication caused by information streams redundancy and audience diversity change. These processes give a reason to talk about discursive redundancy of the content of the information space. The research of modality of the address of authors to the assumed or potential audience showed that the audience is put in the subordinate position in advance: these are people who do not correspond to journalists' representation by their moral qualities, people with less intelligence and erudition. Thus, the redundant discourse in its logical and emotional saturation should compensate for the unfavorable disposition of the audience in a proposed dialogue.

The authors randomly expand the area of discourses, including historical, political, religious, literary and marginal discourses, besides news, in its structure. On the one hand, it is considered as a demonstration of the actual variety, intellectual breadth of views of the authors. On the other hand, is such plurality of discourses to simplify the problem and to promote the reduction of efforts of the audience to perceive the message?

"Discourse redundancy" is reproduced by typical, popular, sometimes plain social and cultural constructs which are focused on mutual understanding with the audience. One of such constructs is the social code, which was introduced by M.K. Petrov for the indication of the method of fixing the programs of social behavior, communication and activity. The communicative function of the social code is determined by the fact that, being a sign of communicants' semantic fields unification, it performs the function of socio-cultural navigation in the system of publicly expressed authors' reflection.

However, the immersion of audience in discourse redundancy does not assist in the establishment of a progressive dialogue. The constructions of monologue, which are based on the presentation of subjective assessments and opinions of the author, start to dominate.

Quite often personal position comes into conflict with the conventional cultural and moral standards, or provokes their obvious neglect. Such a provocation of public discourse demonstrates the dysfunction of the role of journalism in the achievement of public consent.

References

1. Platonova, D.V. (2011) Informatsionnoe uchastie i formy ego realizatsii v SMI [Information participation and forms of its implementation in the media]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistskaya*. 1. pp. 131–141.
2. Prokhorov, E.P. (n.d.) *Dialog kak osnova uchastiya zhurnalistski v formirovanii tolerantnogo obshchestva* [Dialogue as a basis for the participation of journalism in the formation of a tolerant society]. [Online]. Available from: <http://www.tolerance.ru/Dialog-kak-osnova.php?PrPage=SMI>. (Accessed: 10 June 2015).
3. Kudinova, L.V. (2009) *Avtor – tekst – auditoriya: problemy dialoga v publitsistike* [Author – text – audience: the problem of dialogue in journalism]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
4. Duskaeva, L.R. (2012) *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [The dialogic nature of newspaper speech genres]. 2nd ed. St. Petersburg: St. Petersburg State University: Faculty of Philology.
5. Mansurova, V.D. (2002) *Zhurnalistskaya kartina mira kak faktor sotsial'noy determinatsii* [Journalistic picture of the world as a factor of social determination]. Barnaul: Altai State University.
6. Oleshko, V.F. (2000) *Modelirovanie v zhurnalistike: teoriya, praktika, opyt* [Modeling in Journalism: Theory, Practice, Experience]. Ekaterinburg: Ural State University.

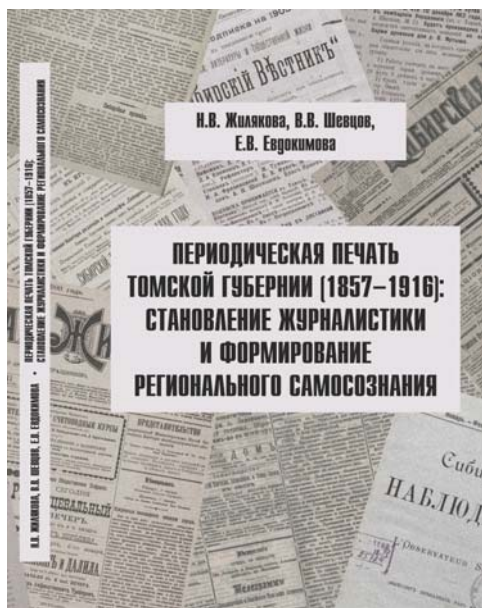
7. Kalmykov, A.A. (2009) *Internet-zhurnalistsika v sisteme SMI: stanovlenie, razvitie, professionalizatsiya* [Internet journalism in the media: formation, development, professionalization]. Philology Dr. Diss. Moscow.
8. Vychub, G.S. & Frolova, T.I. (eds) (2008) *Problematika periodicheskoy pechati* [The issues of the periodical press]. Moscow: IMPE im. A.S. Griboedova.
9. Dzhazoyan, A. (2012) *Monolog pressy ili dialog natsii* [Monologue of the press or dialogue of the nation]. [Online]. Available from: http://www.ru.ru/_ruk_articles/ashot_dzhazoyan/monolog_pressy_ili_dialog_natsii/. (Accessed: 15 September 2015).
10. Tyumen State University. (2015) *Uchenye obespekoyeny diskursivnoy izbytochnost'yu v SMI* [Scientists are concerned about the discursive redundancy in the media]. [Online]. Available from: <http://www.utmn.ru/presse/novosti/nauka-segodnya/106538/>. (Accessed: 01 September 2015).
11. Medialogy. The information-analytical system. [Online]. Available from: <http://www.mlg.ru/ratings/journalists/3316/1/0/0/>. (Accessed: 05 June 2015). (In Russian).
12. Novaya gazeta. (2015) *Osyteneli* [Overfed]. [Online]. Available from: <http://www.novayagazeta.ru/columns/69457.html>.
13. slon.ru. (2014) *Za soveti bez bol'shevikov: vozmozhen li seychas antiputinskiy russkiy natsionalizm?* [For the Soviets without Bolsheviks: is currently an anti-Putin Russian nationalism possible?]. [Online]. Available from: https://slon.ru/russia/za_sovety_bez_bolshevikov_vozmozhen_li_seychas_antiputinskiy_russkiy_natsionalizm-1113455.xhtml.
14. The new times. (2015) *Bomba ot predsedatelya* [A bomb from the chairman]. [Online]. Available from: <http://newtimes.ru/articles/detail/96080/>.
15. slon.ru. (2014) *Drugaya, drugoe, drugie, drugoy: zametki iz Sochi* [Others: Notes from Sochi]. [Online]. Available from: https://slon.ru/russia/davydov_sochi-1059007.xhtml.
16. slon.ru. (2015) *Obnaruzhit' sebya ryadom s brat'yami Kuashi* [To find oneself next to the brothers Kuashi]. [Online]. Available from: https://slon.ru/russia/obnaruzhit_sebya_ryadom_s_bratyami_kuashi-1203244.xhtml.
17. Meduza. (2015) *Kak ne byt' seksistom v Rossii?* [How not to be sexist in Russia?]. [Online]. Available from: <https://meduza.io/cards/kak-ne-byt-seksistom-v-rossii>.
18. Romanov, A.A. (1992) [Communicative discrepancy as a kind of pragmatic misunderstanding in dialogue]. *Ponimanie i refleksiya* [Understanding and reflection]. Proceedings of the Tver hermeneutic conferences, 1 and 2. Tver: Tver State University. pp. 44–48.
19. slon.ru. (2015) *Bylo vremekhko likhoe: pochemu ne nado boyat'sya vozvrashcheniya v 90-e* [It was hard time: why not to be afraid to return to the 90s]. [Online]. Available from: <https://slon.ru/posts/50263>.
20. Rossiyskiy dialog. (2015) *Glavred "Kommersanta" prizyvaet rossiyan srochno zabirat' detey i uezhat' iz Rossii* [Chief Editor of Kommersant urgently calls on Russians to take the children and leave Russia]. [Online]. Available from: http://www.rusdialog.ru/news/37337_1439896262.
21. Petrov, M.K. (2004) *Yazyk. Znak. Kul'tura* [Language. Sign. Culture]. Moscow: URSS.
22. Arapova, M.A. & Kononova, A.O. (c. 2103) *Osobennosti aktualizatsii pretsedentnykh situatsiy v russkikh i amerikanskikh SMI* [Features of precedent cases actualization in Russian and American media]. [Online]. Available from: <http://sibac.info/15001>. (Accessed: 04 September 2015).
23. slon.ru. (2015) *Vybor Viktora Talalikhina. Chego na samom dele dobivaetsya Vladimir Putin* [The choice of Victor Talalikhin. What Putin actually wants]. [Online]. Available from: <https://slon.ru/posts/1592>.
24. slon.ru. (2015) *Gen travli. Kak oblichayut tvorcheskikh lyudey v Rossii* [The gene of bullying. How creative people are denounced in Russia]. [Online]. Available from: <https://slon.ru/posts/53705>.
25. Novaya gazeta. (2014) *Ukrainskaya burzhuaznaya* [Ukrainian bourgeois]. [Online]. Available from: <http://www.novayagazeta.ru/columns/62458.html?p=3>.
26. Novaya gazeta. (2015) *Navstrechu prodrazverstke* [Towards the surplus-appropriation system]. [Online]. Available from: <http://www.novayagazeta.ru/columns/67429.html>.
27. Novaya gazeta. (2014) *To, chto nachinal Petr Velikiy, zakonchilos' rossiyskim ayatolloy* [What Peter the Great started, ended with Russian Ayatollah]. [Online]. Available from: <http://www.novayagazeta.ru/columns/63195.html>.
28. slon.ru. (2014) *Moi pyat' kopeek: chudo voploshcheniya, lozungi tekushchego momenta i tsennost' molchaniya* [My two cents: the miracle of the incarnation, the slogans of the moment, and the value of silence]. [Online]. Available from: https://slon.ru/russia/moi_pyat_kopeek_chudo_voploshcheniya_lozungi_tekushchego_momenta_i_tsennost_molchaniya-1064029.xhtml.

29. slon.ru. (2015) *Myunkhenskiy smekh. Pochemu Putin bol'she ne poedet na Zapad* [Munich laughter. Why Putin will no longer go to the West]. [Online]. Available from: [https:// slon.ru/ posts/1578](https://slon.ru/posts/1578).
30. slon.ru. (2015) "*Seliger*" *ne uprazhnen – on pereshel na podpol'noe polozhenie* ["Seliger" is not abolished – it went underground]. [Online]. Available from: <https://slon.ru/posts/49596>.
31. The new times. (2015) *Otravlenie vnutrenney politiki* [Poisoning of internal policy]. [Online]. Available from: <http://newtimes.ru/articles/detail/96738/>.
32. slon.ru. (2014) *Moi pyat' kopeek: oskvernenie i voskresenie* [My two cents: desecration and resurrection]. [Online]. Available from: https://slon.ru/russia/moi_pyat_kopeek_oskvernenie_i_voskresenie-1083082.xhtml.
33. slon.ru. (2014) *Moi pyat' kopeek: chudo voploshcheniya, lozungi tekushchego momenta i tsennost' molchaniya* [My two cents: the miracle of the incarnation, the slogans of the moment, and the value of silence]. [Online]. Available from: [https://slon.ru/russia/ moi_pyat_kopeek_ chudo_voploshcheniya_lozungi_tekushchego_momenta_i_tsennost_molchaniya-1064029.xhtml](https://slon.ru/russia/moi_pyat_kopeek_chudo_voploshcheniya_lozungi_tekushchego_momenta_i_tsennost_molchaniya-1064029.xhtml)
34. slon.ru. (2015) *Olimpiyskoe zvonkoe ekho: chto ostalos' ot Igr v Sochi* [The Olympic sonorous echo: what is left of the Games in Sochi]. [Online]. Available from: [https:// slon.ru/posts/1569](https://slon.ru/posts/1569).
35. slon.ru. (2015) *Kak my perestali boyat'sya i polyubili bombu* [How we stopped worrying and loved the bomb]. [Online]. Available from: <https://slon.ru/posts/1552>
36. slon.ru. (2014) *Moi pyat' kopeek: chudo voploshcheniya, lozungi tekushchego momenta i tsennost' molchaniya* [My two cents: the miracle of the incarnation, the slogans of the moment, and the value of silence]. [Online]. Available from: https://slon.ru/russia/moi_pyat_kopeek_chudo_voploshcheniya_lozungi_tekushchego_momenta_i_tsennost_molchaniya-1064029.xhtml
37. The new times. (2014) *Bor'ba za Putina* [The struggle for Putin]. [Online]. Available from: <http://newtimes.ru/articles/detail/84874/>.
38. Meduza. (2015) *Krym, Rossiya, Khristos voskres. V Moskve otmetili godovshchinu prisoeдинeniya poluostrova* [Crimea, Russia, Christ is risen. Moscow celebrated the anniversary of joining the peninsula]. [Online]. Available from: <https://meduza.io/feature/2015/03/18/krym-rossiya-hristos-voskres>.
39. Rogaleva, E.A. (2001) *Epatazh v XX veke: teoriya igry v analize epatazha* [Epatage in the twentieth century: the theory of games to analyze epatage]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya*. 3. pp. 37–39.
40. slon.ru. (n.d.) *Chto takoe Slon* [What Slon is]. [Online]. Available from: <http://slon.ru/about/>. (Accessed: 29 September 2015).
41. News channel of Alexander Lebedev. (2013) *Dmitriy Muratov: auditoriya nashey gazety – intelligentsiya* [Dmitry Muratov: the audience of our newspaper is the intelligentsia]. [Online]. Available from: <http://www.alebedev.ru/media/9135.html>. (Accessed: 29 September 2015).
42. An independent communications agency Media Impact [official site]. [Online]. Available from: <http://www.mediaimpact.ru/press/the-new-times/793-the-new-times>. (Accessed: 29 September 2015). (In Russian).

РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

DOI 10.17223/19986645/38/15

НОВОЕ ПОСОБИЕ ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Жилиякова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В. Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания: в 2 т. Т. 1: учеб. пособие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – 292 с.; Т. 2: Антология. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – 524 с.

Раскрываются условия формирования, становления и развития периодической печати Томской губернии в дореволюционный период. Дается характеристика официальных изданий, частных газет и журналов, анализируется их роль в формировании регионального самосознания. Подробно рассматриваются содержание, редакторский и авторский состав, жанровое своеобразие периодики трех крупнейших городов Томской губернии – Томска Барнаула и Но-

вониколаевска (современный Новосибирск). Антология текстов из газет и журналов, издаваемых в Томской губернии дореволюционного периода, позволяет непосредственно познакомиться с наиболее значимыми публикациями сибирских авторов, оценить методы их журналистской работы и уровень публицистического мастерства, определить типологическую специфику органа печати, его значение в процессах самоидентификации сибирского общества.

Для студентов, обучающихся по магистерской программе «Сибирские исследования» по направлению подготовки 03.06.00 – История; магистерской программе «Социальная антропология и этнология» по направлению подготовки 46.04.03 – Антропология и этнология; бакалаврской программе по направлению подготовки 42.03.02 – Журналистика.

Децентрализация подготовки журналистов в стране, появление в ее масштабах целого ряда новых центров подготовки специалистов для средств массовой информации активизировали и стимулировали исследование истории региональной (провинциальной, местной) журналистики, прежде всего на уровне учебного процесса, через создание лекционных и специальных курсов, семинаров. В это время, в конце XX – начале XXI в., шло обобщение проведенного изучения местной периодики в научных докладах, получила развитие так называемая «тезисомания» (первичное изучение исторической фактографии).

На современном этапе процесс накопления знаний сменился научным, обстоятельным анализом провинциальной журналистики России, что сопровождается выходом в свет значительного числа монографий и докторских диссертаций, и уже на их основе стали создаваться качественно нового уровня учебные пособия.

Рецензируемое двухтомное пособие «Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания» относится к трудам такого рода. Во-первых, что существенно для закрепления полученного знания студентами и магистрантами в ходе учебного процесса, оно отличается богатой и разнообразной источниковой базой. Это позволяет учащимся увидеть реальную и полнокровную картину развития и становления провинциальной печати. Авторы пособия в своих обобщениях и выводах опираются на официальные документы, периодические издания, архивные материалы, мемуарную и научную литературу.

В пособии читателю представлена система провинциальной печати, ее основные газеты и журналы, их материальная база; раскрыты особенности местных типов изданий, их контента и формы; цели и задачи издателей, взявших на себя риск их выпуска; особенности состава редакций и авторов местной периодики.

Во-вторых, со значительной частью периодических источников студенты смогут познакомиться во втором томе пособия – объемистой, добросовестно составленной авторами хрестоматии (524 страницы).

В-третьих, пособие томских ученых отличается высоким уровнем обобщения исторических явлений журналистики и вообще культуры. Процесс становления провинциальной печати в России, несмотря на централизацию руководства ею и контроль за ее функционированием со стороны столичной власти, имел свои содержательные особенности. Они проистекали из целого ряда существенных факторов – географического (близость или удаленность от центра, протяженность территории региона, его местоположение), экономического, духовного, политического и др. В пособии акцентируется внимание на формировании регионального самосознания, выразившегося в первую очередь в «сибирском областничестве». Таким образом, проблемно-тематический комплекс региональной журналистики представлен через основную, сквозную идею-мысль, помогающую студенту сконцентрировать внимание при освоении исторического материала, понять просветительскую роль журналистики, роль в развитии провинции и русской культуры. При этом важным является то обстоятельство, что авторы пособия обращаются к лучшим образцам творчества местных публицистов: Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, А.В. Адрианова и др. Творчество этих сибирских литераторов отражено и в хрестоматии.

Высоко оценивая рецензируемое пособие, я хотел бы высказать и ряд пожеланий по его совершенствованию при возможном переиздании. Как мне кажется, авторы проявили недостаточно внимания к существовавшей тогда развернутой сети религиозных, конфессиональных изданий, в основном епархиальных ведомостей. Духовная сторона жизни провинции во многом определялась деятельностью Русской православной церкви, ее проповедью и ее духовным словом. Кроме того, в пособии надо было, хотя бы эскизно, в

предисловии, вписать томскую периодику в общую систему журналистики России, что дало бы возможность студенту более точно определить и ее особенности. Наконец, в научный аппарат второго тома требуется включить хотя бы краткие комментарии об изданиях, авторах, некоторых событиях и помещенных публикациях.

Пособие «Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания» представляет собой новый шаг в создании такого рода работ. Без сомнения, оно будет полезно как для журналистов и специалистов по издательскому делу, для студентов, изучающих историю Отечества, так и для преподавателей разных вузов страны в качестве модели довольно сложного учебного жанра.

Г.В. Жирков

REGIONAL JOURNALISM TEXTBOOK OF A NEW TYPE. BOOK REVIEW: Zhilyakova, N.V., Shevtsov, V.V. & Evdokimova, E.V. (2015) *Periodicheskaja pechat' Tomskoj gubernii (1857-1916): stanovlenie zhurnalistiki i formirovanie regional'nogo samosoznaniya* [Periodicals of Tomsk Province (1857–1916): Development of Journalism and Formation of Regional Identity]. Vol. 1.

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 6 (38), 198–200.

DOI: 10.17223/19986645/38/15

Zhirkov Gennady V., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation).
E-mail: history@if.pu.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ДРОНОВ Павел Сергеевич – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания Российской академии наук (г. Москва).
E-mail: nord.dronov@gmail.com

ЖАТКИН Дмитрий Николаевич – д-р филол. наук, зав. кафедрой перевода и переводоведения Пензенского государственного технологического университета.
E-mail: ivb40@yandex.ru

ЖИРКОВ Геннадий Васильевич – д-р филол. наук, профессор кафедры истории журналистики Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: history@if.ru

КАЗАРИНА Валентина Ивановна – д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и документоведения Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.
E-mail: kazarina39@mail.ru

КИСЕЛЬНИКОВ Александр Сергеевич – преподаватель кафедры иностранных языков Казанского государственного архитектурно-строительного университета.
E-mail: kalejandr@gmail.com

КОЛМОГорова Анастасия Владимировна – д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск).
E-mail: nastiakol@mail.ru

КОЛЫШКИНА Татьяна Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.
E-mail: ktb-10@mail.ru

КОСТАРЕВА Елена Вячеславовна – канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: lekosta@rambler.ru

КУНИЛЬСКИЙ Дмитрий Андреевич – канд. филол. наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета.
E-mail: dkunilsky@mail.ru

МАКАРОВА Елена Антониновна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета.
E-mail: mak2004@mail.ru

МЕЗЕНЦЕВА Алена Владимировна – аспирант кафедры теории и практики журналистики Алтайского государственного университета (г. Барнаул).
E-mail: kpp@hq.tsc.ru / mezentseva-a@inbox.ru

МОЛОДЫЧЕНКО Евгений Николаевич – канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).
E-mail: e.molodychenko@gmail.com

ПИЧУГИНА Вероника Станиславовна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.
E-mail: ver_sp@sibmail.com

ПОЛЯН Александра Леонидовна – аспирант отдела теоретического языкознания Института языкознания Российской академии наук (г. Москва).
E-mail: alexandra.polyan@gmail.com

ПОПЛАВСКАЯ Ирина Анатольевна – д-р филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.
E-mail: poplavskaj@rambler.ru / lady-plvs@yandex.ru

ПРОХОРОВА Татьяна Геннадьевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: tatprohorova@yandex.ru

ПУШКАРЕВА Ирина Алексеевна – канд. филол. наук, докторант кафедры современного русского языка и стилистики Томского государственного педагогического университета; доцент кафедры русского языка и литературы Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета.
E-mail: pia11@yandex.ru

СОЛНЫШКИНА Марина Ивановна – д-р филол. наук, профессор кафедры германской филологии Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: mesoln@yandex.ru

УТКИНА Татьяна Игоревна – канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: utkinatat30@gmail.com

ФАТТАХОВА Розалия Рафисовна – магистрант кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: rozalushka@mail.ru

ШУСТИНА Ирина Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.
E-mail: shustina-irina@rambler.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединённом каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2015. № 6(38)

Редактор *Т.В. Зелева*
Редактор-переводчик *В.В. Капустур*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 22.12. 2015 г. Формат 70х100 ¹/₁₆.

Печ. л. 13,0; усл. печ. л. 18,0; уч.-изд. л. 17,8.

Тираж 500 экз. Заказ 1519.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru